

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ЕВРАЗИИ

Выходит на русском и английском языках

Номер 2 (30) 2007

СОДЕРЖАНИЕ

К 50-ЛЕТИЮ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

- Деревянко А.П., Молодин В.И., Шуньков М.В. Институт археологии и этнографии СО РАН: основные результаты научной деятельности в области археологии 2

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

- Зыкин В.С., Зыкина В.С., Зажигин В.С. Проблемы расчленения и корреляции плиоценовых и четвертичных отложений юга Западной Сибири 24

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Соколова Л.А. Окуневская культурная традиция в стратиграфическом аспекте	41
Бородовский А.П., Телегин А.Н. Роговые украшения седла скифского времени с Приобского плато	52
Гордиенко А.В. Радужниковский “клад”	63
Гуцалов С.Ю. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н.э.	75
Асеев И.В. Обряды погребения шаманов в Прибайкалье (Ольхонский район Иркутской области) по археолого-этнографическим данным	93
Додэ З.В. Бестиарий на “монгольских” шелках. Стиль и семантика дизайна	100
Журбин И.В., Бобачев А.А., Зверев В.П. Комплексные геофизические исследования культурного слоя археологических памятников (городище Иднакар, IX–XIII века)	114
Маточкин Е.П. Петроглифы Комдош-Боома	125

ДИСКУССИЯ
Проблемы изучения первобытного искусства

- Ласкин А.Р. Перспективы дальнейшего изучения и сохранения петроглифов Сикачи-Аляна 136

ЭТНОГРАФИЯ

Волжанина Е.А. Лесные ненцы: расселение и динамика численности в XX веке, современная демографическая ситуация	143
Зуев А.С. “Аманатов дать по их вере грех”: отношение чукчей к русской практике заложничества (XVII–XVIII)	155

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

160

К 50-ЛЕТИЮ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

А.П. Деревянко, В.И. Молодин, М.В. Шуньков

Институт археологии и этнографии СО РАН

пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: shunkov@archaeology.nsc.ru

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН: ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЛАСТИ АРХЕОЛОГИИ

В 2007 г. Сибирское отделение Российской академии наук отмечает свой юбилей. Пятьдесят лет назад академик Михаил Алексеевич Лаврентьев и приехавшие с ним в Сибирь “отцы основатели” – группа выдающихся отечественных ученых – создали уникальную структуру содружества наук. Практически с нуля в тайге под Новосибирском был построен научный центр мирового класса. Уже через несколько лет после того, как были заложены фундаменты первых научно-исследовательских институтов, блестящие открытия сибирских ученых получили широкую известность в мировом научном сообществе. Вскоре заработал уникальный “треугольник Лаврентьева”, где во главу угла были поставлены мультидисциплинарный подход в научных исследованиях, интеграция науки и образования, оперативное внедрение научных достижений в производство.

В содружество наук, развивавшееся в Новосибирском академгородке, вошла и археология. У ее истоков в Сибирском отделении стоял выдающийся ученый и организатор науки Алексей Павлович Окладников, приехавший по просьбе М.А. Лаврентьева из Ленинграда. За прошедшие годы коллектив археологов Сибирского отделения зарекомендовал себя в качестве одного из ведущих в стране и в мировом научном сообществе как по значению выдающихся открытий, так и по уровню организации научных исследований.

Становление Института археологии и этнографии в системе Сибирского отделения РАН (до 1991 г. –

Академия наук (АН) СССР) тесным образом связано с историей развития академической гуманитарной науки в Сибири. Первым шагом в этом направлении явилось создание в конце 1958 г. Постоянной комиссии при Президиуме Сибирского отделения АН СССР, формально закрепившей за гуманитариями ведомственный академический статус. Позднее Постоянная комиссия была преобразована в сектор истории промышленности при Институте экономики и организации промышленного производства СО АН СССР, а в 1965 г. эта временная структурная единица выросла в самостоятельное научное подразделение – Отдел гуманитарных исследований, объединивший специалистов по археологии, истории, филологии и философии. В 1966 г. в Новосибирском научном центре был создан Институт истории, филологии и философии (ИИФиФ) СО АН СССР, вскоре ставший головным учреждением гуманитарного профиля в структуре сибирской академической науки.

Крупные научные достижения института во многом были связаны с организаторским талантом его первого директора, выдающегося археолога и историка академика А.П. Окладникова, сыгравшего решающую роль в становлении и развитии академической гуманитарной науки на востоке страны, а также в изучении азиатских древностей. В организованном им институте археология была представлена наиболее крупным отделом, состоявшим из молодых тогда специалистов – учеников Алексея Павловича –

Рис. 1. Академик А.П. Окладников в экспедиции в Забайкалье. Полевой сезон 1977 г.

Р.С. Васильевского, А.П. Деревянко, Е.И. Деревянко, В.Е. Ларичева. Постепенно отдел пополнялся молодыми специалистами, выпускниками гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета (НГУ) и других вузов Сибири. К их числу относятся И.В. Асеев, В.В. Бурилов, С.В. Глинский, А.К. Конопацкий, В.Д. Кубарев, А.И. Мазин, В.Е. Медведев, В.И. Молодин, Ю.С. Худяков и др. Недостаток кадров компенсировался напряженной продолжительной работой в экспедициях.

А.П. Окладников обладал яркими чертами лидера и исключительно высоким научным авторитетом. В нем сочетались страсть к научному изучению делом и сила личного обаяния, широчайший научный кругозор и необыкновенная исследовательская интуиция, оригинальность мышления и неординарная манера изложения, острый научный полемизм и мудрая толерантность, безгранична щедрость в распространении научных идей и четко продуманный рационализм в вопросах организации науки.

В круг научных интересов А.П. Окладникова входило изучение практически всех периодов развития человеческого общества – от ранней стадии каменного века до поздних этапов средневековья и нового времени (см.: [Окладников Алексей Павлович, 1981]). Он плодотворно работал над различными фундаментальными проблемами культурно-исторического процесса: первоначального расселения человека и распространения палеолитических традиций на территории Азиат-

ского материка, древнейших культурных связей Азии и Америки и определения путей исхода первых американцев, происхождения искусства и развития древнего художественного творчества, этногенеза и ранней истории коренных сибирских и дальневосточных народов, их вхождения в состав Российской государства, становления русской культуры в Сибири и др.

Неотъемлемой частью научной деятельности А.П. Окладникова являлись широкомасштабные полевые исследования. В различных регионах Северной и Центральной Азии им открыты и изучены уникальные пещерные стоянки и первобытные поселения, древние захоронения и наскальные изображения. Многие исследования А.П. Окладникова относятся к выдающимся достижениям российской и мировой археологии. В основе его блестящих открытий лежала интуиция талантливого ученого и богатейший экспедиционный опыт исследователя-полевика. В десятках книг и сотнях статей А.П. Окладниковым представлены оригинальные материалы, полученные им в многочисленных экспедициях на огромной территории от восточного побережья Каспия до северо-западной окраины Америки. География его сибирских экспедиций охватывает бассейны Оби, Ангары и Лены, Алтай, Забайкалье, Якутию, Колыму и острова Северного Ледовитого океана. На Дальнем Востоке полевые работы были развернуты в большинстве районов Приамурья и Приморья, на побережье Охотского моря и Курильских островах.

Рис. 2. Академик А.П. Окладников с учениками А.П. Деревянко и Б.С. Сапуновым осматривают раннепалеолитические находки из местонахождения Филимошки на р. Зея.

В западном секторе Центральной Азии он вел археологические изыскания на территории практически всех бывших среднеазиатских республик, многие годы возглавлял комплексную историко-культурную экспедицию в Монголии, руководил первыми в истории отечественной археологии совместными российско-американскими исследованиями на Аляске и Алеутских островах, а также на Кубе.

Благодаря энтузиазму и самоотверженной работе сотрудников института и их лидера, уже в 1970–1980-е гг. были достигнуты серьезные успехи в изучении древней и средневековой истории Северной, Центральной и Восточной Азии. Важным достижением было издание первого, “археологического”, тома пятитомной “Истории Сибири” [1968], удостоенной в 1973 г. Государственной премии СССР. За эти годы сотрудники института ликвидировали ряд белых пятен на археологической карте Сибири и Дальнего Востока. Так, для территории Приамурья и Приморья реконструированы историко-культурные процессы в начале голоцен, разработаны их периодизация и хронология ([Деревянко А.П., 1970], эта работа в 1972 г. удостоена премии Ленинского комсомола), а также в эпохи железа [Деревянко А.П., 1973, 1976] и средневековья [Деревянко Е.И., 1975; Медведев, 1977]. Закрыты существенные лакуны в историческом прошлом крайнего северо-востока Азии

[Васильевский, 1971] и Сахалина [Васильевский, Голубев, 1976], Прибайкалья и Забайкалья [Асеев, 1980; Конопацкий, 1982]. Разработана хроностратиграфия для ранее почти не известной в историческом плане лесостепной части Обь-Иртышского междуречья – Барабинской лесостепи [Молодин, 1977, 1985; Молодин, Соболев, Соловьев, 1990; Полосьмак, 1987; Елагин, Молодин, 1991; Бараба..., 1988]. На юге Горного Алтая открыт и исследован комплекс погребальных памятников пазырыкской культуры, содержащих уникальные высокохудожественные предметы из органических материалов [Кубарев В.Д., 1987]. Серьезные результаты достигнуты в области изучения древнего вооружения, во многом основополагающей для реконструкций социальной организации общества и решения вопросов хронологии [Худяков, 1986; Деревянко Е.И., 1987; Соловьев, 1987]. Сформировавшиеся в институте специалисты по этой тематике занимают ведущие позиции в отечественном оружеведении.

Особое внимание А.П. Окладников уделял изучению каменного века, прежде всего проблемам древнейшей археологии (см.: [Окладников, 2003]). Для исследования начальных этапов освоения человеком Азии и развития здесь палеолитической культуры наиболее значимыми он считал обоснование критериев разделения первобытной ойкумены в эпоху раннего палеолита на западную и восточную

культурные зоны, поиск истоков среднепалеолитических традиций и определение границ их распространения в восточном направлении, выяснение характера культурно-типологической дифференциации и трансформации сибирских верхнепалеолитических индустрий, выявление путей и темпов проникновения человека на Американский континент с северо-востока Азии.

Другим научным направлением, вызывавшим наибольший интерес А.П. Окладникова, было изучение первобытного искусства. Открытия ученого в этой области внесли значительные корректизы в представления о распространении наскальных изображений, памятников древнего монументального искусства и образцов мелкой пластики в центральных, северных и восточных районах Азии. В работах, посвященных происхождению и развитию ранней изобразительной деятельности, А.П. Окладников всесторонне обосновал хронологию и периодизацию древних изображений, детально проанализировал особенности стилей, семантику образов, оценил значение первобытного искусства для понимания древних культурно-исторических процессов, его место в истории культуры. А.П. Окладников и его коллеги провели грандиозную по своим масштабам работу по отысканию, фиксации и изучению памятников наскального искусства на Алтае [Окладников и др., 1979], в Монголии [Окладников, 1981], в Забайкалье [Окладников, Запорожская, 1969, 1970], долинах сибирских рек – Томи [Окладников, Мартынов, 1972], Ангары [Окладников, 1966], Лены [Окладников, 1977], Амура [Окладников, 1971], а также на Байкале [Окладников, 1974]. Немалый вклад в развитие этого направления внесли его ученики и последователи: А.И. Мазин исследовал святилища, семантически связанные с писаницами, в труднодоступных районах Восточной Сибири [1986, 1994]; В.Т. Петрин сделал блестящее открытие палеолитической живописи в Игнатиевской пещере на Урале [1992, 1997]; В.Д. Кубарев изучал монументальную скульптуру раннескифского и древнетюркского времени на территории Алтая [1979, 1984].

Особым направлением, зародившимся в институте и получившим дальнейшее развитие под руководством В.Е. Ларичева, стало археологическое востоковедение. По этому направлению были подготовлены фундаментальные труды, посвященные историографии палеолита Северной Азии [Ларичев, 1969, 1972], проблемам изучения археологии Китая [Кашина, 1977; Комиссаров, 1988], исследованию письменных источников по средневековой истории Китая [Малявкин, 1974]. С 1972 г. выпускается серия “История и культура народов Азии”, которая на сегодняшний день насчитывает более 30 томов – монографий и сборников статей по проблемам археологии Северной, Центральной и Восточной Азии.

А.П. Окладников проявлял постоянную заботу о развитии всех гуманитарных направлений сибирской науки и воспитании новых поколений научных кадров. Он стоял у истоков создания гуманитарного факультета НГУ, длительное время возглавлял кафедру всеобщей истории. Десятки его учеников, кандидаты и доктора наук, работают в академических учреждениях, высших учебных заведениях, краеведческих музеях и органах охраны культурного наследия. Благодаря их полевым исследованиям и фундаментальным научным разработкам формируется современное представление о древнейших, древних и средневековых культурах Сибири, Дальнего Востока и сопредельных регионов Азии.

В 1983 г., после смерти А.П. Окладникова, институт возглавил в то время член-корреспондент АН СССР, впоследствии академик, А.П. Деревянко. По его инициативе в 1990 г. ИИФИФ был реорганизован в Объединенный Институт истории, филологии и философии. Это была своеобразная научная конфедерация институтов гуманитарного профиля, объединившая Институт археологии и этнографии, Институт истории, Институт филологии и Институт философии и права СО РАН. В 2001 г. Институт археологии и этнографии СО РАН стал самостоятельным научным учреждением. Сегодня это один из ведущих научно-исследовательских институтов гуманитарного профиля в стране, широко известный своими научными достижениями в России и за рубежом. Его научно-исследовательская структура включает пять отделов: археологии каменного века, палеометалла, этнографии, музееведения и научно-образовательный, в которых работают 132 научных сотрудника (из них 33 совместителя) – 3 члена Российской академии наук, 34 доктора наук (включая десять совместителей) и 71 кандидат наук (из них 12 совместителей). На постоянной и контрактной основе в институте трудятся археологи, этнографы, антропологи, геологи, геофизики, палеоботаники, палеозоологи, математики, химики и др., что позволяет проводить комплексные исследования в тесном взаимодействии специалистов гуманитарных, естественных и точных дисциплин.

Деятельность специалистов института связана с многопрофильным изучением фундаментальных проблем культурно-исторических процессов от раннего палеолита до средневековья на территории Северной и Центральной Азии. Для исследований характерны междисциплинарный подход, использование современных технологий обработки материалов, участие зарубежных специалистов.

Разработка фундаментальных проблем археологии Северной и Центральной Азии осуществляется по двум основным направлениям. В рамках первого – “Антропогенез и механизмы социального развития

Рис. 3. Академик А.П. Деревянко на раскопках палеолитической стоянки Цаган-Агуй в Монголии.

Рис. 4. Российские, монгольские и американские археологи во время совместной экспедиции в Гобийском Алтае.

человечества. Пространственно-временное освоение человеком Евразии” – работы координирует академик А.П. Деревянко. Археологические исследования по этой тематике охватывают территорию Северной и Центральной Азии от Южного Прикаспия до Дальнего Востока. Ежегодно экспедиционные отряды института исследуют десятки палеолитических стоянок, преимущественно новых для науки. Комплексный анализ полученных материалов позволяет определить время, пути и этапы заселения этой территории, эволюцию культуры, хозяйственной деятельности и среди обитания первобытного человека.

Одним из приоритетов является изучение палеолитических памятников в аридной зоне Евразии. Хронология археологических объектов основана на материалах, залегающих в четких стратиграфических условиях, а также подкрепленных данными абсолютного и относительного датирования. На территории Дагестана найдены ашельские индустрии с рубилами и доашельские галечные комплексы, обнаружена раннепалеолитическая микроиндустрия возрастом ок. 1 млн лет [Деревянко А.П., 2005, 2006]. Эти находки позволяют по-новому оценить роль Прикаспийского региона в процессе первоначального расселения *Homo erectus* из Африки в глубинные районы Центральной Азии. На юге Казахстана в травертиновых отложениях, вскрытых на стоянках Кошкурган и Шоктас, выявлен ашельский микроиндустриальный комплекс, датированный ок. 500 тыс. л.н. [Раннепалеолитические микроиндустриальные комплексы..., 2000]. В Узбекистане в гроте Оби-Рахмат в мощной толще верхнеплейстоценовых отложений выделена непрерывная последовательность уровней обитания человека, отражающая эволюцию культуры на финальном этапе среднего и начальной стадии верхнего палеолита – от 90 до 45 тыс. л.н. В культурном слое возрастом ок. 50 тыс. л.н. обнаружены останки человека, характеризующие период становления *Homo sapiens* [Грот..., 2004]. В Монголии наиболее продолжительная культурно-хронологическая колонка получена для отложений пещеры Цаган-Агуй, в палеолитических горизонтах которой обнаружены каменные индустрии, датируемые в интервале 500–30 тыс. л.н. [Деревянко А.П. и др., 2000]. По материалам технокомплекса многослойной стоянки Толбор установлено, что формирование верхнего палеолита на территории Северной Монголии происходило на основе местного среднего палеолита и синхронно с аналогичными процессами в Южной Сибири [Деревянко А.П. и др., 2006].

В западной и восточной частях Центральной Азии исследованы также сотни местонахождений с поверхностным залеганием палеолитического материала [Ашельские комплексы..., 2001; Каменный век..., 1990, 2000; Палеолит..., 2001; Палеолитичес-

кие комплексы..., 2002]. Специально разработанная методика всестороннего анализа подъемных материалов с учетом морфологии артефактов, степени дефляции их поверхности, геоморфологической позиции в рельфе и сопоставление с данными стратифицированных стоянок позволили успешно решать вопросы периодизации и относительной хронологии экспонированных палеолитических комплексов.

На территории Сибири наиболее интересные палеолитические материалы получены при изучении многослойных стоянок Алтая. Здесь раскопана серия хорошо датированных комплексов, сформированных последовательным наложением уровней обитания первобытного человека от эпохи раннего до заключительной стадии верхнего палеолита [Деревянко А.П. и др., 1998; Деревянко А.П., Маркин, 1992; Palaeolithic..., 2001]. На многослойной стоянке Карама обнаружены древнейшие в Северной Азии орудия раннепалеолитического человека, характерные для галечных индустрий доашельского облика. Архаичные орудия залегали в отложениях нижнего плейстоцена, датированных 800–600 тыс. л.н. [Стоянка..., 2005]. В Денисовой пещере в нижних слоях начальной стадии среднего палеолита вместе с многочисленными каменными орудиями найдены самые древние на этой территории останки раннего *Homo sapiens* [Шпакова, Деревянко, 2000; Шпакова, 2001]. В культурном слое начальной поры верхнего палеолита возрастом ок. 50 тыс. лет собрана одна из древнейших в мире коллекций украшений из кости и поделочного камня [Деревянко А.П., Шуньков, 2004]. В целом алтайские многослойные комплексы свидетельствуют о преемственности и непрерывности культурных традиций на протяжении последних как минимум 280 тыс. лет [Деревянко А.П., 2001; Деревянко А.П., Шуньков, 2002].

Материалы многослойных памятников палеолита Алтая стали основой для изучения критериев отбора каменного сырья для палеолитических индустрий [Постнов, Анойкин, Кулик, 2000; Кулик, Шуньков, 2001], технологий расщепления и приемов вторичной обработки камня [Деревянко А.П., Волков, 2004; Колобова, 2006], проявления символической деятельности палеолитического человека [Деревянко А.П., Рыбин, 2003; Деревянко А.П., Шуньков, 2004], палеолитических поселенческих систем и характера мобильности первобытного населения [Рыбин, 2002; Рыбин, Колобова, 2004].

Междисциплинарное изучение древнейших археологических стоянок и природного комплекса плейстоцена на территории Алтая позволило проследить закономерности развития палеолитических культурных традиций, эволюции растительного и животного мира, условий формирования палеоландшафтов и динамики палеоклиматов, определить

Рис. 5. В красноцветных слоях нижнего плейстоцена стоянки Карама на Алтае, датированных 800–600 тыс. л.н., найдены древнейшие в Северной Азии галечные орудия.

Рис. 6. В Денисовой пещере на Алтае обнаружены следы обитания человека за последние 280 тыс. лет.

характер основных палеогеографических событий, разработать принципиальную схему палеоклиматических ритмов и ландшафтных изменений [Природная среда..., 2003; Агаджанян, Деревянко, Шуньков, 2006; Bolikhovskaya, Derevianko, Shunkov, 2006]. Совместно с геологами, палеозоологами, почвоведами, палеоклиматологами и представителями других естественных наук создается концепция влияния природных условий на адаптацию человека к окружающей среде, реконструируются его поведенческие стратегии в связи с изменениями экологической ситуации на протяжении четвертичного периода.

На соседней с Алтаем территории Кузнецкого Алатау исследованы археологические объекты раннего палеолита (МК-I), начальной поры (Мохово-2) и средней стадии (Шестаково) верхнего палеолита [Деревянко А.П., Маркин, 1998; Позднепалеолитическое местонахождение..., 2003].

Изучение каменного века на российском Дальнем Востоке связано с проблемами определения верхней хронологической границы палеолита, возникновения и развития неолитических культур в Приморье и Приамурье, выявления особенностей приморской адаптации, выяснения культурных контактов в северном секторе Пасифики [Archaeology..., 2006]. По материалам позднепалеолитических комплексов в бассейне р. Селемджи [Деревянко А.П., Зенин, 1995; Деревянко А.П., Волков, Ли Хонджон, 1998], многослойной стоянки Гася [Деревянко А.П., Медведев, 1992] и других объектов прослежено развитие первобытной культуры на заключительных этапах палеолита и в период перехода к неолиту. На рубеже 13–12 тыс. л.н. на нижнем Амуре появились шлифованные орудия, наконечники стрел, производство керамики – одно из древнейших в мире. Эти материалы свидетельствуют о формировании новых способов адаптации человека к изменениям природно-климатических условий на рубеже плейстоцена – голоцене: переход на оседлый образ жизни, более интенсивное освоение человеком природных ресурсов, изобретение нового компонента человеческой культуры – керамики.

Наиболее информативным и значимым по обилию находок археологическим объектом в регионе является неолитическое поселение на амурском о-ве Сучу. В ходе долгосрочных широкомасштабных раскопок в одном из жилищ поселения обнаружена древнейшая в мире отопительная система типа канала, найдены разнообразные артефакты, целые керамические сосуды, предметы культа и произведения искусства [Медведев, 2005].

Второе основное направление научной деятельности института – “Северная Азия в эпоху палеометалла: этногенез и культурогенез” – возглавляет академик В.И. Молодин. В рамках этого направления разрабатываются проблемы этногенеза, палеоантропологии,

реконструкции этносоциальных процессов в эпохи бронзы и железа, истории первых классовых образований на территории Сибири и Дальнего Востока, связи древних и средневековых культур Северной Азии и сопредельных территорий.

При изучении древней истории Западно-Сибирской равнины исследовались поселения, городища, могильники лесостепного и таежного Обь-Иртышья, среди которых особое место занимает уникальный комплекс Сопка-2. Полученные в ходе раскопок материалы позволили разработать целостную концепцию развития культур лесостепной Барабы от эпохи палеометалла до позднего средневековья [Молодин, 2001; Молодин, Соловьев, 2004]; всестороннее осмысливание этого уникального комплекса продолжается.

Характер и специфика культурно-исторических процессов переходной эпохи от бронзового к раннему железному веку представлены материалами городища Чича в Барабинской лесостепи [Чича..., 2001, 2004; Molodin et al., 2002]. Планиграфия городища с обособленными специализированными зонами свидетельствует о социально-производственной дифференциации его населения. Анализ технологии производства, морфологии и орнаментации глиняной посуды указывает на одновременное развитие на поселении различных керамических традиций, что дает основание предположить дуальную систему организации общества. Найденные образцы мелкой глиняной пластики отражают, возможно, наличие культа плодородия, связанного со скотоводством и тотемистическими представлениями.

В южной части Горного Алтая на плато Укок открыты и исследованы погребальные комплексы с мерзлотой, содержащие высокохудожественные изделия из дерева, войлока и ткани [Полосыма, 2001; Археологические памятники..., 2004]. В числе особенно значимых находок – две прекрасно сохранившиеся в гробницах мумии – знатной женщины и воина скифского времени (пазырыкская культура, IV–III вв. до н.э.). Их анализ дал возможность выйти на историко-культурные и социальные реконструкции, которые высоко оценены мировой археологической наукой. В 2004 г. исследователи пазырыкских древностей Укока были удостоены Государственной премии РФ.

Изучение археологических объектов палеометалла ведется на междисциплинарном уровне с привлечением представителей разных научных дисциплин (см.: [Феномен..., 2000]). Участие в анализе археологических источников специалистов по палеогенетике, биологии, антропологии, геологии, геофизике, физике, химии, дендрохронологии позволяет получить огромный массив уникальной информации, которая открывает новые возможности для реконструкции древних историко-культурных и

Рис. 7. Расчистка древнейшей в мире отопительной системы типа канала в неолитическом жилище на амурском о-ве Сучу.

Рис. 8. Раскопки неолитического жилища II тыс. до н.э. на амурском о-ве Сучу.

этносоциальных процессов. Сотрудничество с академическими институтами Новосибирска, Москвы, а также ведущими научными центрами Швейцарии, Германии, Англии и Японии в изучении памятников скифского времени внесло значительный вклад в решение проблемы происхождения и развития культур эпохи раннего железа.

Активно развиваются дендрохронологические исследования памятников эпохи бронзы и раннего железного века [Слюсаренко, 2000]. Совместно с коллегами из Швейцарии, Германии и США создаются относительная и абсолютная временные шкалы для уже изученных и вновь открытых археологических памятников Северной Азии.

Особую категорию археологических источников составляют памятники древнего наскального искусства. В ходе многолетних исследований на территории Российского и Монгольского Алтая зафиксированы петроглифы начиная с каменного века и до этнографической современности [Молодин, Черемисин, 1999; Молодин, 2004]. Особого успеха добились участники Российско-Американско-Монгольской экспедиции. На северо-западе Монголии они открыли уникальные скопления разновременных наскальных изображений, отдельные образцы которых являются подлинными шедеврами первобытного искусства [Jacobson, Kubarev, Tseevendorj, 2001]. Стилистический анализ огромного массива изображений позволил выделить древнейший пласт, восходящий к каменному веку, петроглифы эпохи ранней бронзы, изображения в стиле оленных камней рубежа бронзового и железного веков, рисунки скифского времени. В технике граффити запечатлены древнетюркские образы вооруженных воинов. Важную информацию о тюркоязычном населении раннего средневековья содержат памятники runической письменности на камне. В результате всестороннего изучения алтайских петроглифов разработана схема развития и смены стилей наскального искусства, отражающая основные этапы этнокультурной истории региона [Кубарев В.Д., Цэвэндорж, Якобсон, 2005].

Большое внимание традиционно уделяется изучению памятников гунно-сарматского и древнетюркского времени в южных районах Сибири [Археологические памятники..., 2004; Худяков, 2004; Кубарев Г.В., 2005]. Благодаря обобщению накопленных данных удалось определить этнический состав древнего населения региона и проследить основные направления его миграций, выявить характерные виды боевых средств и особенности военного дела, разработать концепцию формирования и развития социальной структуры и военной организации кочевников в эпоху Великого переселения народов.

Крупномасштабные раскопки поселений и могильников на юге российского Дальнего Востока от-

крыли возможность изучить различные аспекты раннего перехода к оседлости некоторых групп древнего населения региона, создать археолого-этнографические реконструкции их хозяйственной деятельности [Древности..., 2000; Нестеров, 1998]. Основу палеосоциологических и палеоэкономических реконструкций составили археологические материалы и этнографические сведения, относящиеся к коренным амурским народам, характеризующие топографию и типы поселений, особенности домостроительства и архитектуры жилищ, способы рыболовства.

При изучении ранних классовых обществ Амурского региона эпохи средневековья на первом плане стоит история племенного союза мохэ и государства чжурчжэней [Деревянко Е.И., 1981; Медведев, 1986]. Большой интерес представляет раскопанный у с. Борисовка на юге Приморья буддийский храм (кумирня) – самое раннее культовое сооружение бохайской культуры на этой территории. Памятник относится к первой половине VIII в., периоду расцвета Бохай – “страны просвещения и ученых”, согласно письменным источникам, – первого государственного объединения на территории российского Дальнего Востока [Медведев, 1998а, б]. Другой важный блок исследований связан с изучением социально-экономической, культурной и политической истории тунгусоязычных чжурчжэней, создавших в XII–XIII вв. Великую Золотую империю (Цзинь), а также их взаимоотношений с народами Северной, Восточной и Центральной Азии.

Важное значение для исследовательской работы института имеет изучение древних производств, в частности, способов обработки дерева [Мыльников, 2002; Самашев, Мыльников, 2004]. В процессе археологических раскопок в погребальных сооружениях зафиксированы особенности конструкций десятков срубов, устройство и детали колод и ложа, приемы и способы изготовления разнообразных деревянных предметов из захоронений эпохи бронзы на территории Западной Сибири, из скифских курганов с мерзлотой на Алтае и в Восточном Казахстане, из элитных погребений Тувы. Анализ большого по объему фактического материала позволил определить истоки традиций и локальную специфику деревообработки носителей различных культур.

Не менее важным является изучение технологии производства древней керамики – одного из основных признаков культурной принадлежности археологических памятников. Наряду с описанием форм и орнаментации древней посуды особое внимание уделяется исследованию технологии керамического производства, состава формовочной массы, характеристики обжига и др. Проведен углубленный анализ керамики эпохи неолита Приамурья [Мыльникова, 1999], эпохи бронзы и переходного от бронзы к железу

Рис. 9. Расчистка захоронений бронзового века на могильнике Преображенка-6 в Обь-Иртышском междуречье.

Рис. 10. Раскопки на одном из участков городища Чича – поселения переходной эпохи от бронзового к железному веку на юге Западной Сибири.

времени Западной Сибири [Мыльникова, Чемякина, 2002]. Вопросы реконструкции древнего гончарного производства эффективно решаются с помощью методов естественных наук, в частности, сканирующей электронной микроскопии, термогравиметрии и рентгенофазового анализа [Физико-химическое исследование..., 2006; Ламина, Лотова, Добрецов, 1995].

Интересные данные получены в результате изучения древнего косторезного производства. Кость и рог были весьма популярным сырьем; его широко использовало древнее население Сибири в период голоцен [Бородовский, 1997].

Поиск и идентификация археологических объектов, не выраженных в рельефе, в последнее время успешно ведутся с привлечением методов археолого-геофизических исследований [Молодин др., 2001]. Для этих целей активно разрабатывается комплексная археогеофизическая методика изучения памятников средствами электромагнитного частотного зондирования и высокочастотной магнитной градиентной съемки на участках запланированных раскопок для выявления археологических объектов и обеспечения их точной пространственной привязки, обнаружения структурного нарушения грунта и фиксации остатков древних конструкций. Использование аппаратурно-программного комплекса сверхчувствительных приборов с высокой скоростью сканирования и соответствующим программным обеспечением позволяет оперативно получать магнито- и радарограммы, а также карты распределения удельного электрического сопротивления археологических объектов. Благодаря этому археологи еще до начала раскопок имеют представление о характере памятника, его границах и определяют стратегию дальнейших исследований объекта. Геофизический метод широко применяется при раскопках поселенческих комплексов, грунтовых могильников, а также в поисках замерзших захоронений в горах Алтая, где особенно эффективно проявила себя методика, разработанная под руководством академика М.А. Эпова [Эпов и др., 2006].

Важную роль в изучении сибирских древностей играют вопросы этнической антропологии населения Северной Азии [Чикишева, 2000, 2002; Поздняков, 2006]. Для исследований в этой области характерны широкий хронологический охват (от первобытности до средневековья) и комплексный (канинологический, остеологический, одонтологический и палеопатологический) анализ практически всего палеоантропологического материала, получаемого в результате археологических раскопок. Эти работы ведутся по унифицированным методикам и программам с использованием последних достижений современной антропологической науки. Применение современных методов статистического анализа дает возможность использовать весь накопленный в нашей стране и за

рубежом палеоантропологический материал для реконструкций расогенетических связей древнего населения Евразии.

Комплексные исследования отдельных антропологических серий позволяют реконструировать антропологический состав древних популяций и физический облик их конкретных представителей. В настоящее время возможности решения этих проблем существенно расширились благодаря интеграционным исследованиям, в которых наряду с традиционным антропологическим используется молекулярно-генетический анализ образцов ископаемой ДНК. Антропологические характеристики древних популяций, составленные сотрудниками института, стали основой для разработки эволюционных аспектов трансформации одонтологических признаков, изучения общих закономерностей и региональных тенденций процессов расообразования, оценки влияния природных факторов на формирование антропологических особенностей древнего и современного населения Сибири.

Особое место в научной деятельности института занимают работы, проводимые в рамках мультидисциплинарных программ фундаментальных исследований СО РАН. Эти работы предполагают комплексное изучение наиболее значимых научных проблем, находящихся в русле мировых приоритетов или в новых областях знаний. Ежегодно сотрудники института принимают участие в реализации нескольких интеграционных программ, в т.ч. получивших высокую оценку в научном сообществе.

Наиболее крупный проект “Изменение климата и природной среды в голоцене и плейстоцене Сибири в контексте глобальных изменений” (руководитель со стороны ИАЭт СО РАН академик А.П. Деревянко) объединил усилия специалистов из более чем 15 институтов СО РАН (см.: [Проблемы реконструкции..., 1998, 2000; Основные закономерности..., 2002]). В ходе его реализации проведены реконструкции пространственно-временных изменений климатической системы Сибири по геологическим, лимнологическим, археологическим, геотермическим, дендрохронологическим и другим данным. Получены высокоразрешающие летописи эволюции природной среды и климата в Сибири за последние 500 тыс. лет, выявлены и сопоставлены основные закономерности глобальных и региональных изменений, изучены особенности внутриконтинентальных палеоклиматов и установлены взаимосвязи в развитии климата, природной среды и древней истории человека.

В процессе исследований по проекту “Палеогенетический анализ генофонда древнего населения Сибири” (руководитель со стороны ИАЭт СО РАН академик В.И. Молодин) на основе молекулярно-генетического и антропологического анализов биоло-

Рис. 11. Академик В.И. Молодин на раскопках пазырыкского кургана Ак-Алаха-3 на плато Укок в Российском Алтае.

Рис. 12. Пазырыкский курган погребального комплекса Ак-Алаха на плато Укок после разборки надмогильного сооружения.

Рис. 13. Профессор Н.В. Полосьмак на раскопках хуннского кургана Ноин-ула в Северной Монголии.

Рис. 14. Раскопки кургана хуннского времени Ноин-ула в Северной Монголии.

гических объектов и остеологического материала разработана этнокультурная концепция происхождения, развития и исторической судьбы носителей пазырыкской культуры, населявших территорию Горного Алтая в эпоху раннего железного века [Население..., 2003]. Впервые получены цепочки мтДНК пазырыкцев. Сравнительный эволюционно-генетический анализ особенностей структуры митохондриального генофонда выявил наибольшую генетическую близость пазырыкцев с современными самодийскими народностями Западной Сибири, а также с казахами и уйгурами. На основе матрицы генетических дистанций построено филогенетическое дерево мтДНК этнических групп Северной Евразии. Разработаны методические приемы высокоеффективного выделения мтДНК для последующего молекулярно-генетического анализа костных остатков человека. Их использование в дальнейших исследованиях открывает перспективы расширения базы источников для воссоздания этнической истории древнего и современного населения Северной и Центральной Азии.

В ходе реализации программы “Физико-химическое исследование уникальных археологических находок пазырыкской культуры Горного Алтая (VI–II вв. до н.э.), реконструкции древних технологий и мировоззренческих представлений” (руководитель со стороны ИАЭт СО РАН доктор исторических наук Н.В. Полосымарак) использован максимально широкий комплекс взаимодополняющих аналитических методов изучения органических материалов, керамической посуды, металлических изделий, а также мумифицированных человеческих останков [Полосымарак, Баркова, 2005, Текстиль..., 2006]. Комплексное изучение пазырыкских материалов позволило реконструировать способ бальзамирования тел умерших. Удалось установить, что пазырыкцы создавали мази на жировой основе с применением многосоставных красящих веществ для защиты кожи в экстремальных условиях высокогорья, а также для нанесения татуировки и раскраски лиц. Данные о химическом составе, структуре и физических свойствах находок явились основой для формирования нового знания о древних технологиях изготовления различных вещей, существенно дополнили представления о хозяйственной деятельности и мировоззрении носителей пазырыкской культуры.

В рамках интеграционных исследовательских проектов институт наиболее плодотворно сотрудничает со специалистами многих подразделений СО РАН – Института цитологии и генетики, Института геологии и минералогии, Института нефтегазовой геологии и геофизики, Института почвоведения и агрономии, Института катализа, Института органической химии, Института ядерной физики и др., а также Новосибирского, Московского и Санкт-Петербург-

ского государственных университетов, Палеонтологического, Зоологического и Геологического институтов РАН, Государственного Эрмитажа.

Работы по интеграционным программам показали, что перспективы развития сибирской археологии во многом зависят от взаимодействия с естественными и точными дисциплинами [Деревянко А.П., Молодин, Шуньков, 2005], развитию которого способствует общая стратегия организации междисциплинарных исследований в СО РАН. С момента его создания идея интеграции наук была провозглашена академиком М.А. Лаврентьевым как основополагающая и с тех пор активно претворяется в жизнь.

Одним из важных структурных подразделений института является Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока. Его собрания пополняются в ходе широкомасштабных экспедиционных изысканий сотрудников института от Прикаспия до Тихого океана уникальными археологическими и этнографическими находками. В настоящее время музеиные фонды насчитывают несколько десятков тысяч предметов. В постоянной музейной экспозиции представлено развитие культурных традиций от первобытной древности до этнографической современности. Среди главных экспонатов – древнейшие галечные орудия, украшения из камня и кости, антропологические остатки с палеолитических стоянок Алтая, мумии плейстоценовых животных, предметы искусства палеолитических обитателей долины Енисея и Приангарья, наиболее ранняя дальневосточная керамика, мелкая художественная пластика и камни с неолитическими рисунками из Приамурья. Особое место занимают уникальные находки из пазырыкских погребений раннего железного века на высокогорном плато Укок на Алтае – мумии молодой женщины и воина с татуировками, комплекты одежды, цветные войлоки, изделия из ткани, кожи, меха, предметы конского снаряжения и украшения с высококлассивной резьбой по дереву. Обширные собрания музея активно используются в выставочной работе внутри страны и за рубежом. В последнее время были проведены тематические выставки по сибирской археологии, этнографии, палеонтологии в Японии, Австралии и Республике Корея.

С музеино-выставочной деятельностью института связан широкий спектр работ по консервации, реставрации и сохранению уникальных образцов археологического и этнографического наследия Сибири и Дальнего Востока. На территории Историко-архитектурного музея ИАЭт СО РАН собраны памятники деревянного зодчества эпохи освоения Сибири русским населением, образцы древнего монументального искусства из Саяно-Алтая и Забайкалья. Главный экспонат музея под открытым небом – шедевр сибирской деревянной архитектуры – Спасо-Преоб-

Рис. 15. Геофизический мониторинг – один из методов междисциплинарных археологических исследований.

Рис. 16. Фотофиксация наскальных изображений в Монгольском Алтае.

Рис. 17. Профессор В.Л. Козельцев исследует кожный покров мумии из пазырыкского могильника Верх-Кальдин-2 в Российском Алтае.

Рис. 18. Консервация бревен сруба погребальной камеры пазырыкского кургана.

раженская церковь со звонницей, построенная в Зашиверском остроге на р. Индигирке в 1700 г. (перевезена в музей и восстановлена в 1979–1986 гг.). Еще одним спасенным памятником деревянной архитектуры являются башни Казымского острога – одного из форпостов освоения Сибири русским населением, который существовал в Нижнем Приобье в начале XVII в. Основные историко-культурные ландшафты юга Сибири в экспозиции музея представлены антропоморфными окуневскими стелами эпохи бронзы, оленными камнями рубежа бронзового и железного веков, погребально-поминальными комплексами эпохи палеометалла, древнетюркскими скульптурными изваяниями раннего средневековья.

Одна из актуальных задач развития отечественной науки – подготовка высококвалифицированных кадров, способных разрабатывать фундаментальные научные проблемы на современном уровне. Для интеграции академической науки и высшего образования в структуре института действует 11 региональных научно-исследовательских подразделений, созданных совместно с профильными кафедрами государственных университетов. На гуманитарном факультете НГУ открыто отделение археологии, которое готовит специалистов в области археологии, этнографии и культурной антропологии. Студенты получают базовую подготовку по основным историческим дисциплинам и специальные знания по древней и средневековой истории, этнографии Северной, Центральной и Восточной Азии. Программа предусматривает прохождение производственной практики и обучение в летних полевых школах, что позволяет освоить приемы экспедиционных работ и новейшие методы полевых лабораторных исследований.

Следующий уровень подготовки – учеба в аспирантуре института, ежегодно ее проходят ок. 40 аспирантов. Институт готовит специалистов – кандидатов и докторов наук – для научно-исследовательских учреждений, учебных заведений, музеев практически всей азиатской части России, а также для археологических центров Казахстана, Монголии, Республики Кореи и других стран.

Результаты научной деятельности института только за последние пять лет отражены в 152 монографиях и 60 сборниках, а также более чем в 1 500 статьях в реферируемых отечественных и зарубежных изданиях (обширная библиография изданий археологов Сибирского отделения представлена в ряде специальных изданий (см.: [Труды..., 1974; Библиография..., 2002; Проблемы археологии..., 2007])). Институт на собственной полиграфической базе издает международный научный журнал “Археология, этнография и антропология Евразии”. Издание носит междисциплинарный характер. В нем публикуются статьи по проблемам палеоэкологии человека в

плейстоцене и голоцене, методологии и методики археологических, антропологических и этнографических исследований, становления и развития культурных традиций в эпохи камня, палеометалла и средневековья, развития физического типа человека, палеосоциологических и палеоэкономических реконструкций, первобытного искусства, динамики культур и этнокультурных процессов у народов Евразии. Важно, что журнал выходит на русском и английском языках – это единственное профильное издание подобного формата в России.

За последние десять лет сотрудники института получили значительное количество грантов региональных, общероссийских и международных фондов. Особенно большое значение для расширения научных исследований в институте имеют финансовая поддержка по программам фундаментальных исследований Президиума РАН, по междисциплинарным интеграционным проектам СО РАН, гранты Российского гуманитарного научного фонда и Российского фонда фундаментальных исследований.

Международные связи института традиционно обширны и многообразны. Совместные полевые и лабораторные исследования ведутся с научными центрами Англии, Франции, Бельгии, Швейцарии, Германии, Венгрии, Финляндии, Ирана, Китая, Монголии, Республики Кореи, Японии, США, Канады и других стран. Последнее десятилетие стало временем расцвета международного научного сотрудничества и органичного вхождения института в мировое научное сообщество. Широкую известность получили российско-японская программа “Пазырык”, двухсторонние проекты с археологами Казахстана, Киргызстана и Узбекистана по изучению каменного века этих стран, работы Российской-Монгольско-Американской археологической экспедиции по изучению памятников каменного века и наскального искусства, Российско-Германская программа исследования городища Чича и могильника Тартас-1 на юге Западной Сибири, совместные с учеными Республики Кореи проекты по изучению неолита Приамурья, Российско-Германско-Монгольская экспедиция по изучению погребальных комплексов пазырыкской культуры с мерзлотой в юго-западной части Алтая. Ежегодно сотрудники института выступают с докладами на десятках международных конгрессов, конференций и симпозиумов по различным направлениям археологической науки.

Зародившись как гуманитарная ячейка с горсткой энтузиастов-исследователей далекого исторического прошлого Сибири, Институт археологии и этнографии СО РАН из регионального превратился в один из общепризнанных центров российской и мировой археологии, который обладает огромным творческим потенциалом и тесно сотрудничает с крупнейшими

научными центрами Европы, Азии и Америки. Сфера его научных интересов – кардинальные проблемы археологии, связанные с древнейшей историей Северной и Центральной Азии и сопредельных территорий, развитием древних культур в эпоху палеометалла и средневековья, этносоциальными и этнополитическими процессами в современном обществе.

Институт прочно занимает одну из лидирующих позиций в отечественной археологии, что наглядно подтвердил недавно прошедший в Новосибирском академгородке Всероссийский археологический съезд, организованный по инициативе сибирских ученых [Современные проблемы..., 2006].

Один из важнейших принципов, определяющих стратегию развития института на долгую перспективу, – широкая интеграция археологических исследований с естественными и точными науками, разработка на основе этого взаимодействия новых приемов и методов реконструкции исторического прошлого, палеоклимата и природной среды, в которой происходило становление и развитие древнего человека и его культуры.

Тесное сотрудничество с академической и вузовской наукой, крупномасштабные исследования на территории Сибири и Дальнего Востока, Монголии, Казахстана, Киргизстана, Узбекистана, Южного Прикаспия, накопленный огромный материал, современные методы анализа и интерпретации археологических источников позволяют выйти на качественно новый уровень осмыслиения узловых моментов древней и средневековой истории Евразии, крайне важных для понимания этносоциальных и культурно-исторических процессов в современном мире.

Список литературы

Агаджанян А.К., Деревянко А.П., Шуньков М.В. Проблемы взаимоотношений первобытного человека и природной среды на примере Северо-Западного Алтая // Эволюция биосфера и биоразнообразия. – М.: Тов-во науч. изданий КМК, 2006. – С. 439–459.

Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай) / В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, А.В. Новиков, Е.С. Богданов, И.Ю. Слюсаренко, Д.В. Черемисин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2004. – 256 с.

Асеев И.В. Прибайкалье в средние века. – Новосибирск: Наука, 1980. – 150 с.

Ашельские комплексы Мугоджарских гор (Северо-Западная Азия) / А.П. Деревянко, В.Т. Петрин, С.А. Гладышев, А.Н. Зенин, Ж.К. Таймагамбетов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2001. – 136 с.

Барaba в тюркское время / В.И. Молодин, Д.Г. Савинов, В.С. Елагин, В.И. Соболев, Н.В. Полосьмак, Е.А. Сидоров, А.И. Соловьев, А.П. Бородовский, А.В. Новиков, А.Р. Ким, Т.А. Чикишева, П.И. Беланов. – Новосибирск: Наука, 1988. – 176 с.

Библиография трудов Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (1990–2001). – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2002. – 400 с.

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1997. – 223 с.

Васильевский Р.С. Происхождение и древняя культура коряков. – Новосибирск: Наука, 1971. – 251 с.

Васильевский Р.С., Голубев В.А. Древние поселения на Сахалине (Сусуманская стоянка). – Новосибирск: Наука, 1976. – 271 с.

Грот Оби-Рахмат. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2004. – 208 с.

Деревянко А.П. Новопетровская культура Среднего Амура. – Новосибирск: Наука, 1970. – 204 с.

Деревянко А.П. Ранний железный век Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1973. – 352 с.

Деревянко А.П. Приамурье (I тысячелетие до нашей эры). – Новосибирск: Наука, 1976. – 383 с.

Деревянко А.П. Переход от среднего к позднему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 70–103.

Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии и проблема формирования верхнего палеолита // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 2. – С. 22–36.

Деревянко А.П. Раннепалеолитическая микролитическая индустрия в Евразии: миграция или конвергенция? // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 1. – С. 2–32.

Деревянко А.П., Волков П.В. Эволюция расщепления камня в переходный период от среднего к верхнему палеолиту на территории Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 2. – С. 21–35.

Деревянко А.П., Волков П.В., Ли Хонджон. Селемджинская позднепалеолитическая культура. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1998. – 336 с.

Деревянко А.П., Зенин А.Н., Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Цыбанков А.А. Развитие каменных индустрий верхнего палеолита Северной Монголии (по данным стоянки Толбор) // Человек и пространство в культурах каменного века. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2006. – С. 17–42.

Деревянко А.П., Зенин В.Н. Палеолит Селемджи (по материалам стоянок Усть-Ульма I – III). – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1995. – 160 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Мустье Горного Алтая. – Новосибирск: Наука, 1992. – 225 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Палеолит северо-запада Алтая-Саян // РА. – 1998. – № 4. – С. 17–34.

Деревянко А.П., Медведев В.Е. Исследование поселения Гася (Общие сведения, предварительные результаты 1975 г.). – Препринт. – Новосибирск: [Б.и.], 1992. – 15 с.

Деревянко А.П., Молодин В.И., Шуньков М.В. Междисциплинарные исследования Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН за последнее десятилетие // РА. – 2005. – № 2. – С. 5–19.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвээндорж Д., Кривошапкин А.И., Петрин В.Т., Брантингхэм П.Д. Многослойная пещерная стоянка Цаган Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 23–36.

- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М.** Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом (мустье – верхний палеолит). – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1998. – 280 с.
- Деревянко А.П., Рыбин Е.П.** Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3. – С. 27–50.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В.** Индустриси с листо-видными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1. – С. 16–41.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В.** Становление верхне-палеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3. – С. 12–40.
- Деревянко Е.И.** Мохеские памятники Среднего Амура. – Новосибирск: Наука, 1975. – 250 с.
- Деревянко Е.И.** Племена Приамурья: I тысячелетие нашей эры. Очерки этнической истории и культуры. – Новосибирск: Наука, 1981. – 333 с.
- Деревянко Е.И.** Очерки военного дела племен Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1987. – 225 с.
- Древности Буреи / С.П. Нестеров, А.В. Гребенщиков, С.В. Алкин, Д.П. Болотин, П.В. Волков, Н.А. Кононенко, Я.В. Кузьмин, Л.Н. Мыльникова, А.В. Табарев, А.В. Чернюк.** – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2000. – 352 с.
- Елагин В.С., Молодин В.И.** Бараба в начале I тысячелетия н. э. – Новосибирск: Наука, 1991. – 125 с.
- История Сибири.** – Л.: Наука, 1968. – Т. 1. – 454 с.
- Каменный век Монголии: Палеолит и неолит Монгольского Алтая / А.П. Деревянко, Д. Дорж, Р.С. Васильевский, В.Е. Ларичев, В.Т. Петрин, Е.В. Девяткин, Е.М. Малаева.** – Новосибирск: Наука, 1990. – 646 с.
- Каменный век Монголии: Палеолит и неолит северного побережья Долины Озер / А.П. Деревянко, В.Т. Петрин, Д. Цэвэндорж, Е.В. Девяткин, В.Е. Ларичев, Р.С. Васильевский, А.Н. Зенин, С.А. Гладышев.** – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2000. – 440 с.
- Кашина Т.И.** Керамика культуры яншао. – Новосибирск: Наука, 1977. – 165 с.
- Колобова К.А.** Приемы оформления каменных орудий в палеолитических индустриях Горного Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2006. – 136 с.
- Комиссаров С.А.** Комплекс вооружения Древнего Китая: Эпоха поздней бронзы. – Новосибирск: Наука, 1988. – 120 с.
- Конопацкий А.К.** Древние культуры Байкала. – Новосибирск: Наука, 1982. – 176 с.
- Кубарев В.Д.** Древние изваяния Алтая. Оленные камни. – Новосибирск: Наука, 1979. – 120 с.
- Кубарев В.Д.** Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.
- Кубарев В.Д.** Курганы Уланdryка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 301 с.
- Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Э.** Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгуря (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2005. – 640 с.
- Кубарев Г.В.** Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2005. – 400 с.
- Кулик Н.А., Шуньков М.В.** Результаты петрографического изучения каменных изделий палеолитического местонахождения Карама // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2001. – Т. 7. – С. 151–155.
- Ламина Е.В., Лотова Э.В., Добрецов Н.Н.** Минералогия древней керамики Барабы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1995. – 128 с.
- Ларичев В.Е.** Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Азия и проблема родины человечества. – Новосибирск: Наука, 1969. – Ч. 1. – 390 с.; 1972. – Ч. 2. – 415 с.
- Мазин А.И.** Таежные писаницы Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1986. – 260 с.
- Мазин А.И.** Древние святилища Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 241 с.
- Маявкин А.Г.** Материалы по истории уйголов в IX–XII вв. – Новосибирск: Наука, 1974. – 210 с.
- Медведев В.Е.** Культура амурских чжурчжэней. Конец X – XI век (по материалам грунтовых могильников). – Новосибирск: Наука, 1977. – 224 с.
- Медведев В.Е.** Приамурье в конце I – начале II тысячелетия. Чжурчжэнская эпоха. – Новосибирск: Наука, 1986. – 205 с.
- Медведев В.Е.** Бохайская кумирня в Приморье. – Сеул; Новосибирск: Ин-т Когурё; ИАЭт СО РАН, 1998а. – 476 с. (на кор. и рус. яз.).
- Медведев В.Е.** Курганы Приамурья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1998б. – 144 с.
- Медведев В.Е.** Неолитические культовые центры в долине Амура // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 4. – С. 40–69.
- Молодин В.И.** Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 173 с.
- Молодин В.И.** Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.
- Молодин В.И.** Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2001. – Т. 1: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла. – 127 с.
- Молодин В.И.** Наскальное искусство Северной Азии: проблемы изучения // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3. – С. 51–64.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеговайс Й., Беккер Х., Фассбиндер Й., Чемякина М.А., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Васильев С.К., Мыльникова Л.Н., Балков Е.В.** Археолого-геофизические исследования городища переходного от бронзы к железу времени Чича-1 в Барабинской лесостепи. Первые результаты Российско-Германской экспедиции // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 104–127.
- Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.** Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 260 с.
- Молодин В.И., Соловьев А.И.** Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2004. – Т. 2: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья. – 184 с.

- Молодин В.И., Черемисин Д.В.** Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Уок. – Новосибирск: Наука, 1999. – 160 с.
- Мыльников В.П.** Особенности изучения древней деревообработки // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 4. – С. 106–121.
- Мыльникова Л.Н.** Гончарство неолитических племен нижнего Амура. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1999. – 158 с.
- Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А.** Традиции и новации в гончарстве древних племен Барабы (по материалам поселенческого комплекса Омь-1). – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2002. – 198 с.
- Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики)** / В.И. Молодин, М.И. Воевода, Т.А. Чикишева, А.Г. Ромашенко, Н.В. Полосьмак, Е.О. Шульгина, М.В. Нефедова, И.В. Куликов, Л.Д. Дамба, М.А. Губина, В.Ф. Кобзев. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – 286 с.
- Несторов С.П.** Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. – 183 с.
- Окладников А.П.** Петроглифы Ангары. – М.; Л.: Наука, 1966. – 322 с.
- Окладников А.П.** Петроглифы Нижнего Амура. – Л.: Наука, 1971. – 334 с.
- Окладников А.П.** Петроглифы Байкала – памятники древней культуры народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1974. – 124 с.
- Окладников А.П.** Петроглифы верхней Лены. – Л.: Наука, 1977. – 323 с.
- Окладников А.П.** Петроглифы Монголии. – Л.: Наука, 1981. – 228 с.
- Окладников Алексей Павлович.** – М.: Наука, 1981. – 183 с.
- Окладников А.П.** Археология Северной, Центральной и Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 2003. – 664 с.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.** Петроглифы Забайкалья. – Л.: Наука, 1969. – Ч. 1 – 217 с.; 1970. – Ч. 2. – 262 с.
- Окладников А.П., Мартынов А.И.** Сокровища Томских писаниц. – М.: Искусство, 1972. – 257 с.
- Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А.** Петроглифы долины реки Елангаш (юг Горного Алтая). – Новосибирск: Наука, 1979. – 136 с.
- Основные закономерности глобальных и региональных изменений климата и природной среды в позднем кайнозое Сибири.** – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2002. – Вып. 1. – 408 с.
- Палеолит восточных предгорий Арц-Богдо (Южная Гоби)** / А.П. Деревянко, А.И. Кривошапкин, В.Е. Ларичев, В.Т. Петрин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2001. – 152 с.
- Палеолитические комплексы Кремневой долины** / А.П. Деревянко, А.Н. Зенин, Д. Олсен, В.Т. Петрин, Д. Цэвээндорж. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2002. – 288 с.
- Петрин В.Т.** Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. – Новосибирск: Наука, 1992. – 206 с.
- Позднепалеолитическое местонахождение Шестаково** / А.П. Деревянко, В.И. Молодин, В.Н. Зенин, С.В. Лещинский, Е.Н. Машенко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2003. – 168 с.
- Поздняков Д.В.** Палеоантропология населения юга Западной Сибири эпохи средневековья (вторая половина I – первая половина II тыс. н.э.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2006. – 136 с.
- Полосьмак Н.В.** Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 144 с.
- Полосьмак Н.В.** Всадники Укока. – Новосибирск: ИнфоЛи-пресс, 2001. – 336 с.
- Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л.** Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. – 232 с.
- Постнов А.В., Анойкин А.А., Кулик Н.А.** Критерии отбора каменного сырья для индустрий палеолитических памятников бассейна реки Ануй (Горный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3. – С. 18–30.
- Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая** / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2003. – 448 с.
- Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Указатель статей, опубликованных в 1995–2006 годах.** – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2007. – 124 с.
- Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцен и плейстоцена Сибири.** – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1998. – 304 с.; 2000. – Вып. 2. – 472 с.
- Раннепалеолитические микроиндустриальные комплексы в трапертинах Южного Казахстана** / А.П. Деревянко, В.Т. Петрин, Ж.К. Таймагамбетов, З.К. Исабеков, А.Г. Рыбалко, М. Отт. – Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2000. – 300 с.
- Российский Дальний Восток** в древности и средневековые: открытия, проблемы, гипотезы. – Владивосток: Дальнанаука, 2005. – 696 с.
- Рыбин Е.П.** Поведенческие стратегии и системы мобильности древнего человека на рубеже среднего и верхнего палеолита Горного Алтая (стоянка Кара-Бом) // Проблемы каменного века Средней и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2002. – С. 183–188.
- Рыбин Е.П., Колобова К.А.** Структура каменных индустрий и функциональные особенности палеолитических памятников Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 4. – С. 20–34.
- Самашев З.С., Мыльников В.П.** Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая. – Алматы: ОФ “Берел”, 2004. – 312 с.
- Слюсаренко И.Ю.** Дендрохронологический анализ дерева из памятников пазырыкской культуры Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 4. – С. 122–130.
- Современные проблемы археологии России.** – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2006. – Т. 1. – 491 с.; Т. 2. – 523 с.
- Соловьев А.И.** Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха средневековья. – Новосибирск: Наука, 1987. – 193 с.

Стоянка раннего палеолита Карама на Алтае / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, Н.С. Болиховская, В.С. Зыкин, В.С. Зыкина, Н.А. Кулик, В.А. Ульянов, К.А. Чиркин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2005. – 86 с.

Текстиль из “замерзших” могил Горного Алтая IV–III вв. до н. э. (опыт междисциплинарного исследования) / Н.В. Полосьмак, Л.П. Кундо, Г.Г. Балакина, В.И. Маматюк, В.Г. Васильев, Е.В. Карпова, В.В. Малахов, А.А. Власов, И.Л. Краевская, Л.С. Довлитова, Е.А. Королюк, Е.Г. Царева. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. – 267 с.

Труды сотрудников Института истории, филологии и философии СО АН СССР: Библиография за 1961–1973 гг. – Новосибирск: Изд-во ИИФиФ СО АН СССР, 1974. – 370 с.

Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2000. – 320 с.

Физико-химическое исследование керамики (на примере изделий переходного времени от бронзового к железному веку) / В.А. Дребущак, Л.Н. Мыльникова, Т.Н. Дребущак, В.В. Болдырев, В.И. Молодин, Е.И. Деревянко, В.П. Мыльников, А.В. Нартова. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. – 98 с.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 268 с.

Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2004. – 152 с.

Чикишева Т.А. К вопросу о формировании антропологического состава населения Западной Сибири в эпоху поздней бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2. – С. 131–147.

Чикишева Т.А. Особенности зубной системы ранних кочевников Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1. – С. 149–159.

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи / В.И. Молодин, Г. Парцингер, Ю.Н. Гаркуша, Й. Шнеевайсс, А.Е. Гришин, О.И. Но-никова, М.А. Чемякина, Н.С. Ефремова, Ж.В. Марченко, А.П. Овчаренко, Е.В. Рыбина, Л.Н. Мыльникова, С.К. Васильев, Н. Бенеке, А.К. Манштейн, П.Г. Дядьков, Н.А. Кулик. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2001. – 240 с.; 2004. – Т. 2. – 336 с.

Шпакова Е.Г. Одонтологические материалы периода палеолита на территории Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4. – С. 64–76.

Шпакова Е.Г., Деревянко А.П. Интерпретация одонтологических особенностей плейстоценовых находок

из пещер Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 125–138.

Эпов М.И., Манштейн А.К., Манштейн Ю.А., Чемякина М.А., Балков Е.В., Молодин В.И., Слюсаренко И.Ю. Электроразведочное картирование “замерзших” пазырыкских курганов Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2006. – Т. 12, ч. 1. – С. 510–515.

Archaeology of the Russian Far East: Essays in Stone Age Prehistory / R.L. Bland, A.P. Derevianko, Y.V. Kuzmin, V.E. Medvedev, S.M. Nelson, I.Y. Shewkomud, O.A. Shubina, A.V. Tabarev, A.A. Vasilevsky, V.N. Zenin, I.S. Zhushchikhovskaya. – Oxford: Archaeopress, 2006. – 191 p. – (BAR International Ser.; 1540).

Bolikhovskaya N.S., Derevianko A.P., Shunkov M.V. The fossil palynoflora, geological age, and dimatostratigraphy of the earliest deposits of the Karama site (Early Paleolithic, Altai Mountains) // Paleontological Journal. – 2006. – Vol. 40. – P. 558–566.

Jacobson E., Kubarev V., Tseevendorj D. Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa / Baga Oigor. – P: De Boccard, 2001. – Vol. 2. – 481 p., 15 map., 399 pl. – (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale / Eds. J.A. Sher and H.-P. Francfort; t. 6. – Répertoire des pétroglyphes d’Asie Centrale; N 6).

Molodin V.I., Parzinger H., Schneeweiß J., Garkuša J.N., Grišin A.E., Novikova O.I., Efremova N.S., Marčenko Ž.V., Čemjakina M.A., Myl'nikova L.N., Becker H., Faßbinder J. Čiča – eine befestigte Ansiedlung der Übergangsperiode von der Spätbronze – zur Früheisenzeit in der Barabinsker Waldsteppe. Vorbericht der Kampagnen 1999–2001 // Eurasia Antiqua: Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. – Mainz: Philipp von Zabern, 2002. – Bd. 8. – S. 185–236.

Palaeolithic of the Altai / A.P. Derevianko, S.V. Markin, M.V. Shunkov, V.T. Petrin, M. Otte, A. Sekiya. – Brusseles: Richard Liu Foundation, European Institute of Chinese Studies, 2001. – 311 p.

Petrine V. Le Sanctuaire paléolithique de la Grotte Ignatievskaïa à l’Oural du Sud. – Liège: Univ. de Liège, 1997. – 270 p. – (ERAUL; 81).

Материал поступил в редакцию 09.04.07 г.

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

УДК 551.782.2+551.79(571.1)

В.С. Зыкин¹, В.С. Зыкина¹, В.С. Зажигин²

¹Институт геологии и минералогии СО РАН
пр. Академика Коптюга, 3, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: zykin@uiggm.nsc.ru

²Геологический институт РАН
Пыжевский пер., 7, Москва, 119017, Россия
E-mail: zazhigin@geo.tv-sign.ru

ПРОБЛЕМЫ РАСЧЛЕНЕНИЯ И КОРРЕЛЯЦИИ ПЛИОЦЕНОВЫХ И ЧЕТВЕРТИЧНЫХ ОТЛОЖЕНИЙ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ*

Введение

Поздний кайнозой – время появления и эволюции человека и человеческого общества. Развитие древнего человека тесно связано с изменениями природной среды и климата: они существенно влияли на условия обитания и образ жизни, выбор им мест существования, возможности и пути расселения, выработку адаптаций к окружающей среде, биологическую эволюцию. Достоверность информации о закономерностях изменений природной среды и климата, последовательности этапов развития человека и человеческого общества, возможных путях его расселения определяется состоянием изученности стратиграфии и хронологии верхнего кайнозоя. Установление точного стратиграфического положения и определение геологического возраста палеолитических памятников зависят от возможности проведения детальных стратиграфических исследований вмещающих его отложений. Необходимость разработки детальной стратиграфии верхнего кайнозоя Западной Сибири для археологии обусловлена получением в последнее время данных, позволяющих значительно удлинить время появления на этой территории человека [Деревянко, 2005]. Юг Западной Сибири – один

из немногих регионов мира, где континентальный верхний кайнозой представлен наиболее полно, имеет богатую палеонтологическую характеристику и представительный материал для датирования, которые обеспечивают надежную регистрацию изменений природной среды и климата. Геологические разрезы кайнозоя на этой территории являются уникальными архивами, содержащими огромную информацию об истории становления современного климата и природной среды этой территории. Верхний миоцен и плиоцен равнины сложены озерными, речными и субаэральными отложениями. На юго-востоке равнины распространены уникальные лессово-почвенные разрезы, отчетливо отражающие климатические изменения четвертичного периода. Запись климатических событий, установленная в лессово-почвенной толще Западной Сибири, сопоставима с изотопно-кислородной шкалой океанических осадков.

Стратиграфия верхнего кайнозоя юга Западной Сибири изучена недостаточно. Поэтому в статье рассматриваются только некоторые основные проблемы стратиграфии этого региона и намечены пути их решения на основании данных, полученных в последнее время. Новые материалы позволяют внести существенные корректировки в стратиграфию рассматриваемого интервала. Они касаются проведения границ миоцена и плиоцена, плиоцена и четвертичной системы в регионе, а также стратиграфии эоплейстоцена и субаэрального неоплейстоцена.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (гранты 01-05-65085, 02-05-64126, 04-05-64486, 06-05-64049, 07-05-01109).

Границы общих стратиграфических подразделений в континентальных регионах

Одна из основных проблем, возникающих при разработке шкалы любого стратиграфического интервала, – проведение и корреляция границ общих стратиграфических подразделений. Точное проведение этих границ в конкретных регионах, удаленных от стратотипов границ на различное расстояние, а тем более во внутриконтинентальных районах представляет собой сложную задачу. Чем более сложное геологическое строение имеет регион, тем труднее реконструировать входящие в него частные геосистемы и свести их изменения и перестройки в единую хронологическую последовательность. Характер смены признаков на стратиграфических границах меняется по простирации как в масштабе Земли, так и в каждом конкретном регионе. Границы общих стратиграфических подразделений, установленные по рубежам в развитии морских групп фауны, трудно соотнести с рубежами изменения континентальных фаун и флор. Поэтому большинство границ общих стратиграфических подразделений в кайнозойских отложениях внутриконтинентальных регионов проводятся достаточно условно. Тем не менее комплексное использование литологических, палеонтологических, палеомагнитных и геохронологических данных позволяет наметить в некоторых разрезах определенные уровни, приближенные к границам общих подразделений кайнозоя. Для обеспечения лучшего распознавания границ общих стратиграфических подразделений в других фациях или в других палеобиогеографических областях “Дополнениями к Стратиграфическому кодексу России” предусмотрено использование вспомогательных стратиграфических уровней – вспомогательных стратотипических точек, являющихся подчиненными по отношению к точкам глобальных стратотипов границ. Выделение таких разрезов позволяет обеспечить стабильность границ и объемов общих стратиграфических подразделений в конкретных регионах. Прослеживание изохронных уровней, являющихся границами стандартных подразделений Общей стратиграфической шкалы, в континентальных отложениях возможно только на основе принципа хронологической взаимозаменяемости признаков С.В. Мейена [1989]. Разрезы, где, используя этот принцип, можно провести достаточно точно рубежи между основными подразделениями Общей шкалы и где имеются стратиграфические признаки, обладающие наибольшим корреляционным потенциалом и дающие возможность проследивать эти рубежи на значительные расстояния в регионе, следует принимать за региональные стратотипы границ общих стратиграфических подразделений.

Полученные в последнее время комплексные данные по детальному строению разрезов кайнозоя Западной Сибири, их биостратиграфическая и палеомагнитная характеристики позволили наметить конкретные разрезы, где на основе принципа хронологической взаимозаменяемости признаков достаточно точно проведены границы между миоценом и плиоценом, плиоценом и плейстоценом. Эти разрезы содержат стратиграфические признаки, которые, обладая значительным корреляционным потенциалом, дают возможность проследить указанные рубежи на значительные расстояния в регионе.

Граница между миоценом и плиоценом

Отсутствие полной последовательности осадконакопления на рубеже миоцена и плиоцена в Северной и Центральной Азии, а также точных критериев проведения границы между миоценом и плиоценом долгое время затрудняло ее идентификацию. Пограничные отложения в различных регионах мира также часто относились или к миоценовому, или к плиоценовому отделу неогеновой системы. После проведения глубоководного бурения донных осадков океанов, создания континентальной шкалы неогена Западной Европы, а также ратификации в 2000 г. Международным союзом геологических наук точки глобального стратотипа границы занклайского яруса и, соответственно, нижней границы плиоцена в основании формации Труби в разрезе Эраклеа Миноа [Van Couvering et al., 2000] точность проведения этой границы в различных регионах значительно возросла. Согласно магнито- и биостратиграфическим исследованиям [Zijderveld et al., 1986; Hilgen, Langereis, 1988; Hilgen, 1991а, б; Channell, Rio, Thunell, 1988; Van Couvering et al., 2000], граница между миоценом и плиоценом, проведенная в основании занклия в Средиземноморье, лежит в нижней обратной части хона Гильберт, несколько ниже субхона Твера (субхон C3n4n). Она соответствует восстановлению открытых морских условий в Средиземноморье после мессинского кризиса солености. Это позволяет рассматривать границу в большей мере событийной, чем биостратиграфической. Начало плиоцена в основании занклия в разрезе Эраклеа Миноа (астрономический возраст 5,33 млн лет) отвечает 510-му инсолиационному циклу, отсчитанному от современности [Lourens et al., 1996; Van Couvering et al., 2000].

Наиболее точная корреляция этой границы во внутриконтинентальные регионы Северной и Центральной Азии возможна при комплексном применении палеонтологических, палеоклиматических и палеомагнитных данных. По мнению многих исследователей, восстановление морских условий на границе

миоцена и плиоцена в Средиземном море связано с “мгновенной” гляциоэвстатической трансгрессией, вызванной потеплением климата [Зубаков, 1990; Чумаков, 2000; Kastens, 1992; Kastens, Masle, 1990; McKenzie, Sprovieri, 1990; Müller, Hodell, Ciesielski, 1991]. В Антарктиде, на Антарктическом полуострове, конгломераты *Pecten*, отражающие более теплые условия, чем ныне, по изотопам стронция датированы в интервале 3,5–5,3 млн лет [Dingle, McArthur, Vroon, 1997]. Подробная запись изменений климата для терминального миоцена и плиоцена получена по изотопам кислорода в глубоководной колонке 846 в экваториальной части Тихого океана у восточного побережья Центральной Америки [Shackleton, Hall, Pate, 1995]. Граница между миоценом и плиоценом, по мнению Н.Д. Шеклтона и его соавторов, на уровне 5,33 млн лет соответствует событию высокого стояния уровня океана.

В шкале млекопитающих неогена Западной Европы, сопоставленной с магнитохронологической шкалой [Agustí et al., 2001], граница между миоценом и плиоценом проходит в верхней части зоны млекопитающих MN 13, несколько ниже основания зоны MN 14. Рубеж этих зон млекопитающих неогена совмещен с верхней границей субхона C3n4n (Твера), возраст которой 4,9 млн лет. Основным критерием проведения нижней границы зоны MN 14 является первое появление в Западной Европе рода *Promiomys* [Agustí et al., 2001]. К сожалению, детальная последовательность видов единой филогенетической линии рода *Promiomys* в Европе, привязанная к магнитохронологической шкале, не разработана. Это сильно затрудняет определение положения местонахождений фауны в магнитостратиграфической шкале и корреляцию европейских и азиатских разрезов.

Наиболее подходящим регионом для точного проведения границы между миоценом и плиоценом в Северной и Центральной Азии является юг Западно-Сибирской равнины. Здесь выявлена одна из наиболее детальных континентальных последовательностей осадконакопления верхнего миоцена и плиоцена, имеющая хорошую палеонтологическую характеристику (остатки крупных и мелких млекопитающих, пресноводных и наземных моллюсков, остракод, растений) и достаточно полно отражающая геологические, палеобиологические и палеоклиматические события этого интервала [Зажигин, Зыкин, 1983, 1984; Зыкин, Зажигин, 2004; Зыкин, Зажигин, Присяжнюк, 1987, 1989а, б; Зыкин, Зажигин, Казанский, 1991, 1994]. Высокий уровень разработки стратиграфии терминального миоцена и плиоцена данного региона позволил В.А. Зубакову [1990] предложить эту последовательность в качестве стратотипа указанного интервала для всей Центральной Азии. После обнаружения вида мелких млекопитающих *Promiomys*

insuliferus (Kowalski) в бывшем стратотипе бещеульского горизонта у пос. Исаковка в Омском Прииртышье, выделения соответствующего биостратиграфического уровня и уточнения последовательности осадконакопления, фаун мелких млекопитающих и пресноводных моллюсков верхнего миоцена и плиоцена [Зыкин, Зажигин, 2004] стала возможной более детальная корреляция данного интервала с хорошо палеонтологически охарактеризованными разрезами этого интервала Западной Европы. К сожалению, преимущественная латеральная стратификация верхнего миоцена и плиоцена названного района не позволяет получить полную стратиграфическую последовательность в одном сечении. В связи с этим стратиграфическая последовательность терминального миоцена и нижнего плиоцена Омского Прииртышья предлагается в качестве площадного регионального стратотипа границы между миоценом и плиоценом.

В интервале верхнего миоцена и нижнего плиоцена в Омском Прииртышье выделяются новостаничная, рытовская, исаковская, пешневская, крутогорская, битекейская и ливенская свиты, имеющие отчетливую палеонтологическую и палеомагнитную характеристики (табл. 1). Среди мелких млекопитающих в осадках этих свит фоновыми видами являются представители подсемейства полевок, отдельные формы которых образуют отчетливую филогенетическую последовательность и характеризуют разновозрастные стратиграфические подразделения. Для исаковской свиты характерен *P. insuliferus* (Kowalski), для пешневской – *P. peshniovensis* Zazhigin и *P. antiquus* Zazhigin, в крутогорской свите встречается *P. cf. dawakosi* Weerd, битекейская и ливенская свиты содержат остатки *P. gracilis* (Kretzoi).

Самый древний вид рода *Promiomys* – *P. insuliferus* – был широко распространен в Евразии. Его остатки известны на территории Франции [Michaux, 1971], Греции [Weerd, 1979], Польши [Agadzhanyan, Kowalski, 1978], Русской равнины [Агаджанян, Ербабеева, 1983; Вангенгейм, Певзнер, Тесаков, 1995; Верхний плиоцен..., 1985; Топачевский В.А., Несин, Топачевский И.В., 1998; Agadzhanyan, Kowalski, 1978] и в Сибири до о-ва Ольхон на Байкале [Зыкин, Зажигин, 2004; Покатилов, 1985]. Этот вид наиболее надежно определяет низы плиоцена и многими исследователями ставится в основание зоны MN 14.

Сообщения о более древнем геологическом возрасте рода *Promiomys*, чем *P. insuliferus*, требуют ревизии. Наличие остатков представителей рода *Promiomys* в отложениях новостаничной и рытовской свит [Зажигин, Зыкин, 1984] не подтвердилось новыми богатыми сборами остатков грызунов. Местонахождения фауны из этих свит содержат остатки рода *Prosomys* Shotwell, описанного по находкам из хемфильских отложений Северной Америки

Таблица 1. Стратиграфическая схема плиоцена юга Западно-Сибирской равнины

прямая намагниченность

обратная намагниченность

[Shotwell, 1956; Repenning, 1968]. По мнению Ч. Репенниг, названия *Prosomys* и *Promimomys* синонимичны. В настоящее время род *Prosomys* в Старом Свете обнаружен только в Западной Сибири.

Наличие представителей рода *Promimomys* в понте Украины [Присяжнюк, Шевченко, 1987; Присяжнюк и др., 1994; Fejfar et al., 1997] опровергнуто В.А. Несиным [1996], выделившим здесь новый род *Baranarviomys*, который по строению последнего нижнего моляра не может быть предком рода *Promimomys*. *Promimomys* sp. из местонахождения Мугурены [Вангенгейм, Певзнер, Тесаков, 1995], представленный единственным первым нижним моляром, не имеет характерных родовых признаков и не может быть точно идентифицирован.

Неполнота палеонтологического материала по мелким млекопитающим не позволяет достаточно определенно провести корреляцию пограничных континентальных отложений миоцена и плиоцена в Восточной Европе, а также трассировать ее во внутристранконтинентальные районы Северной Азии. Учитывая, что известные представители рода *Promimomys* в Западной Европе, где возможна наиболее детальная и точная корреляция континентальной шкалы с эталонной средиземноморской последовательностью неогена, появляются значительно выше границы между миоценом и плиоценом, этот рубеж следует проводить в интервале ниже исаковской свиты Омского Прииртышья, относимой к MN 14 шкалы млекопитающих неогена [Зыкин, Зажигин, 2004]. Сузив интервал стратиграфической шкалы, рассмотрим палеоклиматические и палеомагнитные данные новостаничной и рытовской свит.

Новостаничная свита в наиболее полном ее разрезе у г. Омска (пос. Новая Станица) на р. Иртыше, являющаяся стратотипом, представляет законченный цикл озерного осадконакопления, сложенный сероцветными отложениями мощностью 17 м. Нижняя часть цикла формировалась в гумидных условиях, верхняя – по-видимому, в semiаридных условиях при зарастании и заполнении озерной котловины. Свита имеет отчетливую палеонтологическую характеристику. Фауна мелких млекопитающих из базального горизонта новостаничной свиты первоначально была отнесена к наиболее ранней стадии русциния [Зажигин, Зыкин, 1984; Зыкин, Зажигин, Присяжнюк, 1989б]. В настоящее время эта фауна помещается В.С. Зажигиным в верхнюю часть туролия (верхняя часть зоны MN 13), главным образом по присутствию рода *Prosomys*, а также *Lophocricetus* (*Paralophocricetus*) *afanasievi* Savinov [Зажигин и др., 2002]. Наличие среди теплолюбивых сино-индийских и западно-сибирских видов пресноводных моллюсков (55 %) большого количества палеарктических представителей (до 45 %) и гидрофильных элементов

среди наземных моллюсков свидетельствует о более холодном и влажном климате в новостаничное время, чем в последующее рытовское время. Палеомагнитные исследования стратотипа новостаничной свиты [Вангенгейм, Певзнер, Тесаков, 1995; Гнибиденко, 1989, 1990] показали, что ее нижняя часть, представленная светло-серым мелкозернистым песком и алевритом, намагничена прямо, верхняя, сложенная темными зеленовато-серыми глинами с карбонатными конкрециями, имеет обратную намагниченность.

Рытовская свита, представляющая также законченный цикл осадконакопления мощностью до 12 м, формировалась в значительно более теплых климатических условиях. Нижняя ее часть, сложенная как речными (разрезы у поселков Черлак и Лежанка, у г. Павlodара на Иртыше), так и озерными отложениями (разрез у пос. Борки на Ишиме), обычно окрашена в коричневато-красные и светло-коричневые тона. Ранее [Зажигин, Зыкин, 1984] в разрезе у пос. Черлак, как и в разрезе у пос. Новая Станица, указывалось присутствие рода *Promimomys*, что заставляло принять русцинский возраст рытовской свиты. Ревизия полевок черлакского местонахождения выявила наличие здесь рода *Prosomys*. Это вынуждает исключить русцинский возраст черлакской фауны и отнести ее к заключительной стадии зоны MN 13 туролия. Малакофауна сохраняет преемственность от новостаничной. В ней также развиты виды преимущественно сино-индийских родов. Появляются эндемичные для плиоцена Западной Сибири роды *Tuberunio*, *Sibirunio*. Наличие в малакофауне рода *Ptychorhynchus*, обитающего ныне на юге КНР, и рода *Oxypata*, приуроченного сейчас к Индокитаю, наряду с теплолюбивыми западно-сибирскими элементами, а также незначительное присутствие палеарктических элементов (31 %) свидетельствуют о значительном потеплении климата в рытовское время.

Рытовская свита черлакского разреза, по данным В.К. Шкатовой и ее соавторов [1987], а также З.Н. Гнибиденко [1989, 1990], в целом намагничена обратно с маломощными субзонами, расположенными на разных уровнях свиты в указанных публикациях. Очень интересна субзона прямой полярности, выявленная В.К. Шкатовой и ее соавторами [1987]; она завершает палеомагнитный разрез рытовской свиты.

С учетом принадлежности фауны млекопитающих новостаничной и рытовской свит к заключительной стадии туролия (верхние зоны MN 13), наличия в новостаничной и черлакской фаунах двух близких видов рода *Prosomys*, рода более архаичного, чем *Promimomys*, а также геологического взаимоотношения рассматриваемых свит [Зыкин, 1979] возможен единственный вариант корреляции магнитостратиграфической последовательности новостаничной и рытовской свит с магнитохронологической шкалой

[Berggren et al., 1995b; Cande, Kent, 1992] – нижняя прямая зона разреза у пос. Новая Станица сопоставляется с верхней частью субхона C3An.1n нормальной полярности, верхняя обратная зона новостаничного разреза соответствует нижней части обратного хона C3г. Большая часть обратно намагниченной рытовской свиты с наибольшей вероятностью относится к верхам хона обратной полярности C3г. Завершающая магнитостратиграфический разрез рытовской свиты субзоны прямой полярности может трактоваться как нижняя часть хона C3n4n (Твера). В этом случае фауна млекопитающих рытовской свиты должна помещаться в верхи 13-й зоны млекопитающих неогена в интерпретации Х. Агусти и его соавторов [Agustí et al., 2001]. Наличие близких форм рода *Prosomys* (с более примитивной формой в новостаничном комплексе) не позволяет допустить значительного перерыва между накоплениями новостаничной и рытовской свит.

Соглашаясь с вышеизложенной интерпретацией палеомагнитных данных, существенное потепление климата вблизи нижней границы рытовской свиты следует принимать, вероятнее всего, за глобальное потепление климата на границе миоцена–плиоцена и, следовательно, проводить эту границу в Западной Сибири между новостаничной и рытовской свитами и, соответственно, между новостаничным и черлакским фаунистическими комплексами. По мнению В.С. Зажигина, с учетом истории развития и палеонтологической летописи мелких млекопитающих в неогене Евразии границу между миоценом и плиоценом удобнее проводить по смене рода *Prosomys* на *Promimomys*, т.е. между черлакским и исаковским комплексами млекопитающих и, соответственно, между рытовской и исаковской свитами. Последнему варианту противоречат данные о первом появлении в Западной Европе рода *Promimomys* у верхней границы субхона C3n4n (Твера) и помещение этой границы в верхнюю часть зоны млекопитающих MN 13, несколько ниже границы с зоной MN 14 у нижней границы субхона C3n4n (Твера) с возрастом 4,9 млн лет [Ibid].

Граница между плиоценом и четвертичной системой

Одна из наиболее дискуссионных проблем стратиграфии кайнозоя связана с проведением границы между неогеновой и четвертичной системами. Решениями Комиссии по стратиграфии Международного союза по изучению четвертичного периода и Комиссии по стратиграфии Международного союза геологических наук в 1984 г. эта граница формально проведена в разрезе морских отложений Врика в Южной Италии под

отложениями калабрийского яруса со стратотипом точки глобальной границы, непосредственно ниже мест первого появления вида остракод *Cytheropteron testudo* у вершины субзоны прямой полярности Олдувой. После уточнения астрономической хронологией возраст данного уровня оценивается в 1,81 млн лет [Berggren et al., 1995a]. В России эта граница принята МСК в 1991 г. Результатом указанных решений стали существенное изменение Общей стратиграфической шкалы четвертичной системы и включение в нее значительной части верхнего плиоцена. В связи с принятymi решениями возникли значительные трудности при точной идентификации принятой границы в различных районах мира, особенно во внутренних континентальных районах, где отсутствуют многие корреляционные признаки проведения границы, пригодные для морских отложений. Одним из основных критериев ее проведения здесь являются палеомагнитные и палеоклиматические данные. Использование палеомагнитных критериев позволяет обнаружить палеомагнитную субзону Олдувой. Приблизительно близ этой границы происходит смена фауны млекопитающих среднего и верхнего виллафранка.

В Западной Сибири граница между неогеновой и четвертичной системами условно проведена внутри кочковского горизонта по смене подпук-лебяжинского комплекса млекопитающих кизихинским, над слоями с флорами барнаульского типа, под отложениями с кочковским комплексом остракод [Мартынов и др., 1987]. Единственным хорошо охарактеризованным палеонтологически разрезом в Сибири, где удалось обнаружить субзону Олдувой, является разрез на р. Битеke (правый приток Ишима) [Зыкин, Зажигин, Казанский, 1991; Зыкин и др., 2003; Казанский, Зыкин, 1991]. Он предлагается в качестве регионального стратотипа границы между неогеновой и четвертичной системами для Северной и Центральной Азии. Дополнительное изучение разреза позволило уточнить детали его строения, распределение палеонтологических остатков и палеомагнитную характеристику.

Геологическая последовательность плиоцена и эоплейстоцена, вскрытая Битеke, известна как один из основных опорных разрезов для верхнего кайнозоя Северной Азии [Зыкин, Зажигин, Присяжнюк, 1987]. Разновозрастные отложения разреза содержат многочисленные остатки крупных и мелких млекопитающих, пресноводных и наземных моллюсков, остракод и растений. В обнажении на правом берегу Битеke в 1,5 км выше устья Кызыл-Айгира вскрывается одна из наиболее полных и богатых палеонтологическим материалом последовательностей верхнего плиоцена и эоплейстоцена, представленных муккурской и карагашской свитами. Фрагменты этих свит накапливались с неравномерной скоро-

стью и латеральной стратификацией, что в значительной степени осложняет интерпретацию записи палеомагнитного сигнала и прослеживание в разрезе магнитозон как горизонтальных уровней.

Муккурская свита охарактеризована средневиллафранкской фауной млекопитающих, наземными и пресноводными моллюсками и остракодами муккурского комплекса [Там же; Казьмина, 1989]. Нижняя часть карагашской свиты с прямой полярностью содержит своеобразную фауну мелких млекопитающих, среди полевок которой имеются только корнезубые формы. Она представлена *Desmana* sp., *Plioscirtopoda* sp., *Allactaga* sp., *Citellus* sp., *Mimomys* cf. *pliocaenicus*, *M. ex gr. coelodus – pusillus*, *Cromeromys newtoni*, *Villanyia ex. gr. prologuroides*, *Prosiphneus* sp. Эта фауна не имеет аналогов в Сибири и Европе. По морфологической характеристике зубов карагашские *Mimomys* и *Villanyia*, по мнению В.С. Зажигина [Зыкин и др., 2003], более архаичны, чем виды этих родов в стратотипическом местонахождении раздольинского комплекса. Сравнение с формами кизихинского комплекса не имеет смысла, т.к. ранее описанная фауна типового и единственного местонахождения этого комплекса перенесена из нескольких стратиграфических уровней и не может считаться единой. Фауна мелких млекопитающих низов карагашской свиты по эволюционному уровню развития микротин занимает промежуточное положение между лебяжинским и раздольинским комплексами. В самой верхней, обратно намагниченной части карагашской свиты обнаружены остатки *Mimomys pusillus*, *Villanyia prologuroides*, *Allophaiomys pliocaenicus*, *Prolagurus pannonicus*, принадлежащие к эоплейстоценовому раздольинскому комплексу. Пресноводные моллюски карагашской свиты относятся к современным палеарктическим видам, обитающим и ныне на юге Западной Сибири. Среди наземных моллюсков в прямо намагниченной части карагашской свиты присутствует род *Parmacella*, живущий в настоящее время в Средней Азии, и вымерший вид *Gastrocopta (Sinalbinula) serotina*, близкий к современному индийскому виду *G. huttoniana*.

Палеомагнитное опробование муккурской и карагашской свит проведено в нескольких сечениях А.Ю. Казанским, а привязка палеомагнитных образцов к разрезу и местонахождениям фауны осуществлена В.С. Зыкиным. Установленная палеомагнитная зональность в сечениях карагашской и муккурской свит в целом отвечает таковой для интервала границы неогена – квартера [Там же, 2003]. В сводном магнитостратиграфическом разрезе выделено три монополярных интервала. Средняя часть муккурской свиты намагниченна обратно (R1); верхняя часть муккурской свиты и нижняя часть карагашской свиты слагают зону прямой полярности (N1); вся вышеупомянутая толща карагашской свиты намагниченна об-

ратно (R3). Интервалы обратной полярности R1-R2 являются фрагментами зоны Матуяма. Согласно приведенным выше палеонтологическим данным, интервал прямой полярности N1 должен соответствовать субхрону Олдувей. Таким образом, граница неогеновой и четвертичной систем прослеживается в средней части карагашской свиты и определяется изменениями в фауне мелких млекопитающих, а также в фаунах пресноводных, наземных моллюсков и остракод: фиксируется их отчетливое обеднение на этой границе в связи с похолоданием климата. Основным биостратиграфическим критерием проведения границы между неогеном и четвертичной системой на юге Западной Сибири является появление непосредственно выше этой границы вида мелких млекопитающих *Allophaiomys pliocaenicus*.

Стратиграфия эоплейстоцена

Наименее детально для юга Западно-Сибирской равнины разработана стратиграфия эоплейстоцена. На этой территории эоплейстоцен местами залегает на верхнеплиоценовых иртышской и муккурской свитах, относящихся к континентальным аналогам выделенного недавно гелазского яруса [Rio et al., 1998], и образует почти непрерывную последовательность отложений плиоцена и эоплейстоцена. На юге равнины к эоплейстоцену относится кочковский горизонт, опирающийся на одноименную свиту и включающий разновозрастные песчано-глинистые свиты, подсвиты, пачки и слои [Волкова и др., 2002; Мартынов, 1980]. Они формировались в речных, озерных и субаэральных обстановках и локализованы в различных районах Западной Сибири. Стратиграфические подразделения нижней части кочковского горизонта в объеме, предложенном при его выделении [Архипов, 1971; Мартынов, 1968, 1980], выведены из его состава и отнесены к различным стратиграфическим интервалам плиоцена [Зыкин, Зажигин, Присяжнюк, 1989а]. Они накапливались в обстановках осадкоаккумуляции, отражающих более ранние, самостоятельные этапы геологического развития территории, чем отложения, отнесенные к его верхней части. К сожалению, стратотип горизонта и одноименной свиты в скважине 15 в пос. Кочки Алтайского края не охарактеризован биостратиграфически, палеонтологическая характеристика подстилающих и перекрывающих его отложений также отсутствует. Только самая верхняя часть свиты в страторегионе охарактеризована кочковским (убинским) комплексом остракод [Казьмина, 1980]. Неудачной является попытка сузить объем кочковского горизонта до объема эоплейстоцена, т.к. кочковский комплекс остракод содержится в верхнеплиоценовых аккорских слоях у пос. Лебяжье (оп-

ределения Т.А. Казьминой по сборам В.С. Зыкина) и, следовательно, интервал распространения комплекса и нижняя граница горизонта в стратотипе могут опускаться почти до нижней границы верхнего плиоцена. Неопределенность объема стратотипа кочковской свиты и горизонта, а также его низкое корреляционное значение препятствуют дальнейшему расчленению эоплейстоцена Западной Сибири как на литостратиграфической, так и на био- и климатостратиграфической основах. В связи с этим необходимо отказаться от кочковского горизонта, опирающегося на стратотип кочковской свиты, и заменить его на более полно палеонтологически охарактеризованное подразделение, которое имеет четкое стратиграфическое положение в эоплейстоцене Западной Сибири.

Из стратиграфических подразделений кочковского горизонта к эоплейстоцену относились только стратоны, соответствующие времени существования кизихинского и раздольинского комплексов млекопитающих [Зажигин, 1980] и сопоставляющиеся с нижним и верхним эоплейстоценом. Наиболее четкую стратиграфическую позицию в верхнем плиоцене и низах эоплейстоцена занимает карагашская свита, распространенная в Приишимье Северного Казахстана в древних речных долинах и содержащая остатки мелких млекопитающих, которые по уровню развития видов *Miomys* и *Villamia* древнее раздольинских, одноименные комплексы пресноводных и наземных моллюсков и кочковский комплекс остракод [Зыкин, Зажигин, Присяжнюк, 1987]. В нижней части свиты установлена субзона прямой полярности Олдувой [Зыкин и др., 2003; Казанский, Зыкин, 1991], выше которой проходит нижняя граница эоплейстоцена.

Широкое распространение эоплейстоценовые отложения получили на Предалтайской равнине, где выделены троицкие, кизихинские и раздольинские слои [Адаменко, 1974; Зажигин, 1980]. К сожалению, стратотипы троицких и кизихинских слоев не принадлежат к эоплейстоценовым отложениям региона и содержат переотложенные остатки эоплейстоценовой фауны. Стратотип раздольинских слоев у пос. Раздолье на р. Алей является типовым местонахождением позднеэоплейстоценовой раздольинской (таманской) фауны мелких млекопитающих [Зажигин, 1980]. В Барабе к эоплейстоцену, по мнению большинства исследователей, относятся слабо охарактеризованные палеонтологически каргатская и убинская свиты.

На Приобской увалистой равнине эоплейстоцен представлен вдоль береговых разрезов р. Оби и в скважинах. Согласно принятой в настоящее время стратиграфической схеме МСК, нижней части эоплейстоцена соответствует барнаульская свита, охарактеризованная кизихинско-раздольинской фауной мелких млекопитающих [Там же], а верхней – ерестнинская свита, содержащая раздольинский (таман-

ский) комплекс млекопитающих. Из барнаульской свиты известны барнаульская семенная флора [Никитин, 1965; История..., 1970] с термофильными элементами и комплекс пресноводных моллюсков с *Corbicula* и *Borysthenia*. Палеомагнитные исследования плиоцен-четвертичных отложений [Поспелова, Ларионова, 1973] по скважинам 2-Е (пос. Елунино) и 3-Х (пос. Харьково) показали, что барнаульская свита и перекрывающая ее ерестнинская свита намагниченны преимущественно обратно. Эта магнито-зона сопоставлена с ортоzonой обратной полярности Матуяма. В верхней части барнаульских отложений, на глубине 139–152 м от поверхности, в скважине 2-Е в обратно намагниченной зоне выявлена достаточно мощная субзона прямой полярности. Корреляция барнаульской свиты с муккурской свитой Северного Казахстана по фауне пресноводных моллюсков позволяет сопоставлять положительно намагниченную субзону в ее верхней части с субхроном Олдувой или субхроном C2n по шкале У.А. Бергрена и др. [Berggren et al., 1995a] и относить ее к верхнему плиоцену. Возрастной интервал субхрона C2n по этой шкале оценивается в 1,77–1,95 млн лет.

К ерестнинской свите приурочены тишинская и ерестнинская семенные флоры [Пономарева, 1982, 1986] и комплекс пресноводных моллюсков, представленный видами, обитающими и ныне на этой территории. В составе тишинской флоры отмечается первое появление холодолюбивых видов растений. Тишинская семенная флора и палинологические данные [История..., 1970] позволяют реконструировать в раннеерестнинское время лесостепные и степные ландшафты. Увеличение количества растений субальпийской и тундровой зон в ерестнинской семенной флоре и спорово-пыльцевых спектрах [Там же] свидетельствует о прогрессивном похолодании. Ерестнинская свита завершается малиновским педокомплексом, состоящим из трех почв гидроморфного типа, горизонтом лесса и нижней частью евсинского педокомплекса. В верхней почве малиновского педокомплекса обнаружена микротериофауна, занимающая по эволюционному уровню промежуточное положение между раздольинским и вяткинским комплексами мелких млекопитающих. По стратиграфическому положению она может быть отнесена к концу хrona Матуяма, между субхроном Харамильо и границей Брюнес–Матуяма [Архипов и др., 1997]. Таким образом, в настоящее время наиболее полным и хорошо охарактеризованным палеонтологически разрезом терминального плиоцена и эоплейстоцена следует считать, кроме битекейского, разрез Приобской увалистой равнине. В стратиграфической схеме Западно-Сибирской равнины вместо кочковского горизонта необходимо выделять ерестнинский горизонт, опирающийся на одноименную свиту.

Стратиграфия неоплейстоцена

Наиболее важной проблемой для стратиграфии неоплейстоцена Западной Сибири является разработка стратиграфической последовательности, сопоставимой с изотопно-кислородной шкалой глубоководных отложений океана [Bassinot et al., 1994] и полно отражающей глобальные климатические события, которые связаны с изменениями орбитальных параметров планеты. Среди континентальных образований Сибири к отложениям, содержащим адекватную запись этих событий, относятся лессово-почвенная последовательность [Kukla, 1977] и осадки длительно существующих озер [Prokopenko et al., 2001].

Среди континентальных отложений неоплейстоцена Западной Сибири глобальные изменения климата в масштабе времени орбитальных параметров наиболее полно отражает лессово-почвенная последовательность. Ее стратиграфические горизонты отчетливо соответствуют стадиям изотопно-кислородной шкалы океанических осадков и других глобальных записей климата [Добрецов, Зыкин, Зыкина, 2003]; следовательно, она является единственной эталонной шкалой для внутрирегиональных корреляций. Лессовая толща широко распространена на юге Западной Сибири. Здесь ее мощность достигает 120 м. Она имеет отчетливое циклическое строение – закономерное чередование лессовых, почвенных и криогенных горизонтов [Волков, Зыкина, 1991; Zykina, 1999]. В последние годы накоплен значительный новый материал о структуре лессовой толщи юга Западной Сибири. К настоящему времени изучено более 100 лессово-почвенных разрезов и проведена ревизия всех ранее опубликованных материалов. В 2003 г. буровой скважиной в карьере Ложок вскрыта непрерывная лессово-почвенная последовательность вплоть до аналогов 11-й изотопно-кислородной стадии. Детальная корреляция разрезов на основании прослеживания почвенных горизонтов и педокомплексов, имеющих одинаковые морфотипические признаки на большой территории, позволила уточнить ранее разработанную стратиграфическую схему субаэральной толщи [Волков, Зыкина, 1991] и установить полную лессово-почвенную последовательность юга Западной Сибири [Добрецов, Зыкин, Зыкина, 2003] (табл. 2). Хроностратиграфия лессово-почвенной толщи базируется на палеopedологических, палеомагнитных и палеонтологических исследованиях, данных радиоуглеродного и термолюминесцентного датирования [Архипов и др., 1997; Волков, Зыкина, 1991; Добрецов, Зыкин, Зыкина, 2003; Зыкина, Волков, Дергачева, 1981; Зыкина, Волков, Семенов, 2000; Зыкина, Круковер, 1988; Зыкина, Ким, 1989; Zander et al., 2003; Zykina, 1999; и др.].

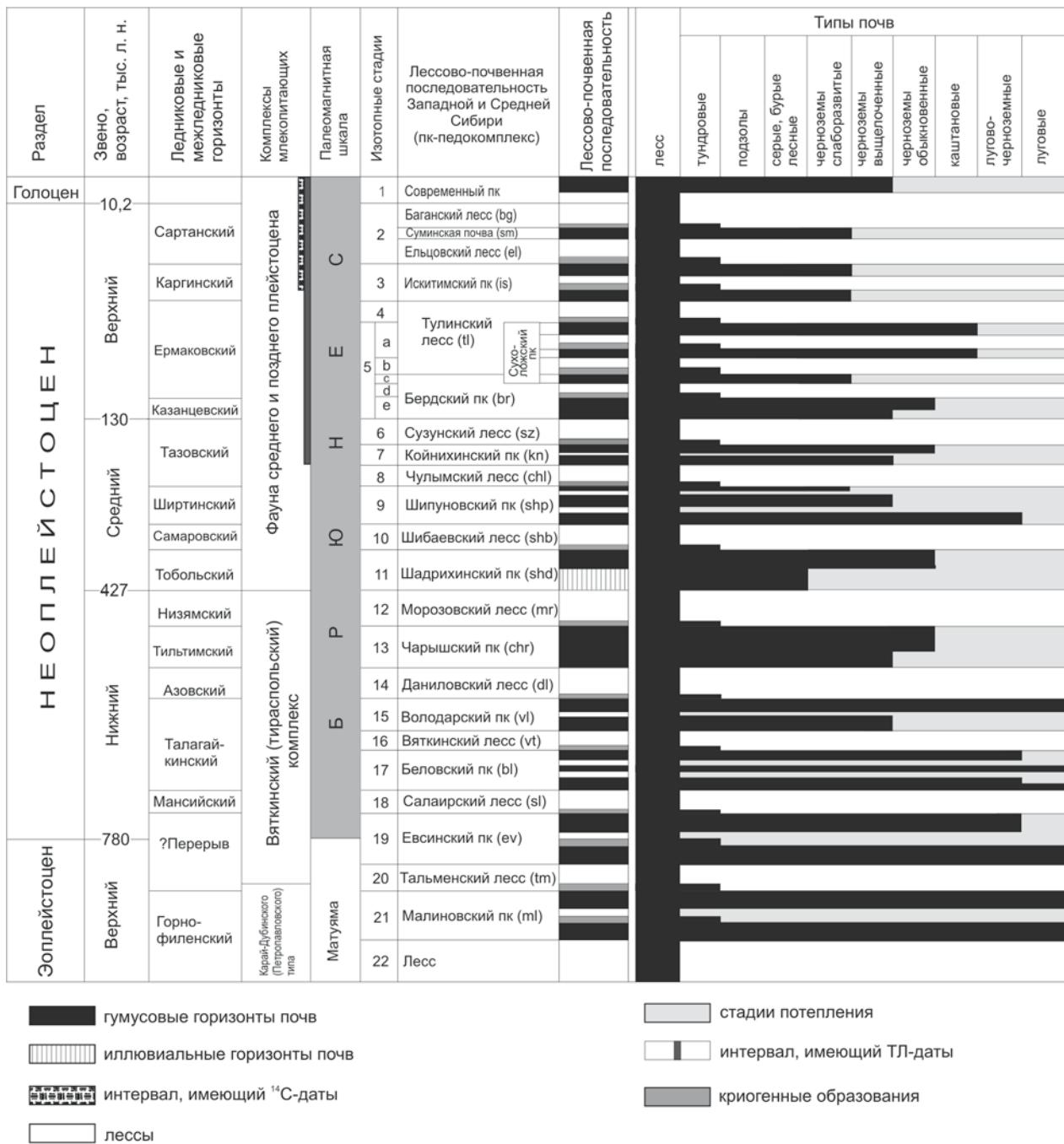
Особое значение для корреляции и расчленения разрезов имеют ископаемые почвы. К основным осо-

бенностям строения лессовой толщи Западной Сибири относится чередование мощных лессовых горизонтов с педокомплексами, состоящими из почв, разделенных маломощными прослойками лессов. В полной лессово-почвенной последовательности Западной Сибири выделяется десять педокомплексов (с учетом современной почвы), разделенных мощными слоями лессов. Граница палеомагнитной инверсии Брюнес–Матуяма проходит внутри десятого евсинского педокомплекса [Зыкин, Зыкина, Орлова, 2000а; Zykina, 1999].

Ископаемые почвы, входящие в состав педокомплексов, формировались в периоды потеплений плейстоцена, о чем свидетельствуют возрастной диапазон аккумуляции современной почвы, морфотипические признаки плейстоценовых почв и интервалы их формирования, датированные различными методами. Общий уровень потепления и увлажнения, а также продолжительность теплых эпох отразились на интенсивности педогенеза, строении и мощности ископаемых почв. Оценку и сравнения интенсивности педогенеза в различные эпохи почвообразования предлагается проводить на основе полукаличественной характеристики по пятибалльной шкале [Добрецов, Зыкин, Зыкина, 2003]. При этом следует учитывать сложность организации и степень зрелости профиля конкретного типа почвы: а) дифференциацию профиля на генетические горизонты; б) мощность профиля и диагностирующих горизонтов; в) степень интенсивности проявления элементарных почвообразовательных процессов (гумусонакопление, оподзоливание, лессиваж, карбонатная аккумуляция и т.д.); г) микростроение основных горизонтов конкретного типа почвы; д) степень оглиненности горизонтов почв.

Состав и строение лессовой толщи отражают общую интенсивность атмосферной циркуляции. В эпохи слабой активности атмосферной циркуляции преобладало биогенное осадконакопление и формировались почвы; в эпохи активизации атмосферной циркуляции атмосфера была насыщена пылью, которая, осаждаясь, образовывала лессовые покровы. Каждый теплый интервал, запечатленный в субаэральной плейстоценовой толще в виде педокомплексов, отличается от предыдущего и последующего глубиной потепления и внутренней структурой. Две-три сближенные почвы одного типа, но разных подтипов либо разных типов почв, объединенных в педокомплексы, отражают структуру каждого потепления. Во всех педокомплексах лессово-почвенной последовательности нижняя почва, как правило, сохраняет признаки наиболее интенсивного проявления педогенеза и всегда имеет наибольшую мощность и, следовательно, наибольшую продолжительность и более высокий термический режим формирования почвенного профиля. Верхние почвы педокомплекса характеризуются обычно меньшей мощностью и

Таблица 2. Стратиграфическая схема лессово-почвенной последовательности плеистоцена юга Западной Сибири

проработкой почвенного профиля; они развивались более короткое время в более прохладных климатических условиях. Хорошая сохранность педокомплексов в субаэральных разрезах свидетельствует об отсутствии перерыва в осадконакоплении между лесами и педокомплексами.

Детальное последовательное сопоставление строения лессово-почвенной толщи плеистоцена Запад-

ной Сибири и особенно строения педокомплексов со структурой теплых нечетных стадий изотопно-кислородной шкалы [Bassinot et al., 1994], теплых стадий байкальской летописи [Кузьмин и др., 2001; Goldberg et al., 2000; Prokopenko et al., 2001], записей температуры и пыли из ледяных кернов станции “Восток” в Антарктиде [Котляков, Лориус, 2000; Petit et al., 1999] и магнитной восприимчивости лессово-поч-

венной последовательности Китая [Kukla et al., 1990] позволило установить, что строение ископаемых педокомплексов в лесовой записи Западной Сибири отчетливо отражает структуру теплых нечетных стадий непрерывных глобальных последовательностей (см. *рисунок*), состоящих из сближенных теплых событий, разделенных относительно короткими холодными событиями [Добрецов, Зыкин, Зыкина, 2003]. Эта особенность позволяет использовать строение педокомплексов как для внутрирегиональных, так и для межрегиональных и глобальных корреляций.

Отчетливое совпадение времени формирования мощных лесовых горизонтов с холодными стадиями этих записей, а также обогащение пылью холодных интервалов антарктического и гренландских кернов [Котляков, Лориус, 2000; Biscaye et al., 1997; Petit et al., 1999] свидетельствуют о формировании лесов в периоды похолодания и аридизации климата (см. *рисунок*). Во время максимумов оледенений содержание пыли в атмосфере было в 30 раз выше, чем в течение максимумов межледниковых [Broecker, 2000].

Во время формирования лесовых покровов в Западной Сибири существовали холодные пустыни. В западной части Западно-Сибирской равнины формировались обширные дефляционные поверхности и замкнутые дефляционные котловины. Последние широко распространены на юге Западной Сибири; в них часто располагаются бессточные озера. Об их эоловом происхождении в аридном климате свидетельствуют пустынная мостовая, ветрогранники, карбонатная кора и пустынный загар на обломках и гальках коренных пород, растрескавшиеся крупные гальки и мелкие валуны на дне дефляционной котловины оз. Аксор в Павлодарском Прииртышье, которая образовалась в ермаковское оледенение, соответствующее 4-й морской изотопно-кислородной стадии [Зыкин и др., 2003], а также клинья усыхания на дне современной котловины оз. Чаны, выработанной во время сартанского оледенения во 2-ю морскую изотопно-кислородную стадию [Пульсирующее озеро Чаны, 1982]. Более древними образованиями являются, по-видимому, бессточные дефляционные котловины озер Кызыл-Как, Теке, Киши-Карой, Улькен-Карой. Глубина дефляционных котловин превышает 70 м. Эоловый вынос материала из дефляционных котловин происходил неоднократно во время эпох похолоданий и аридизаций климата.

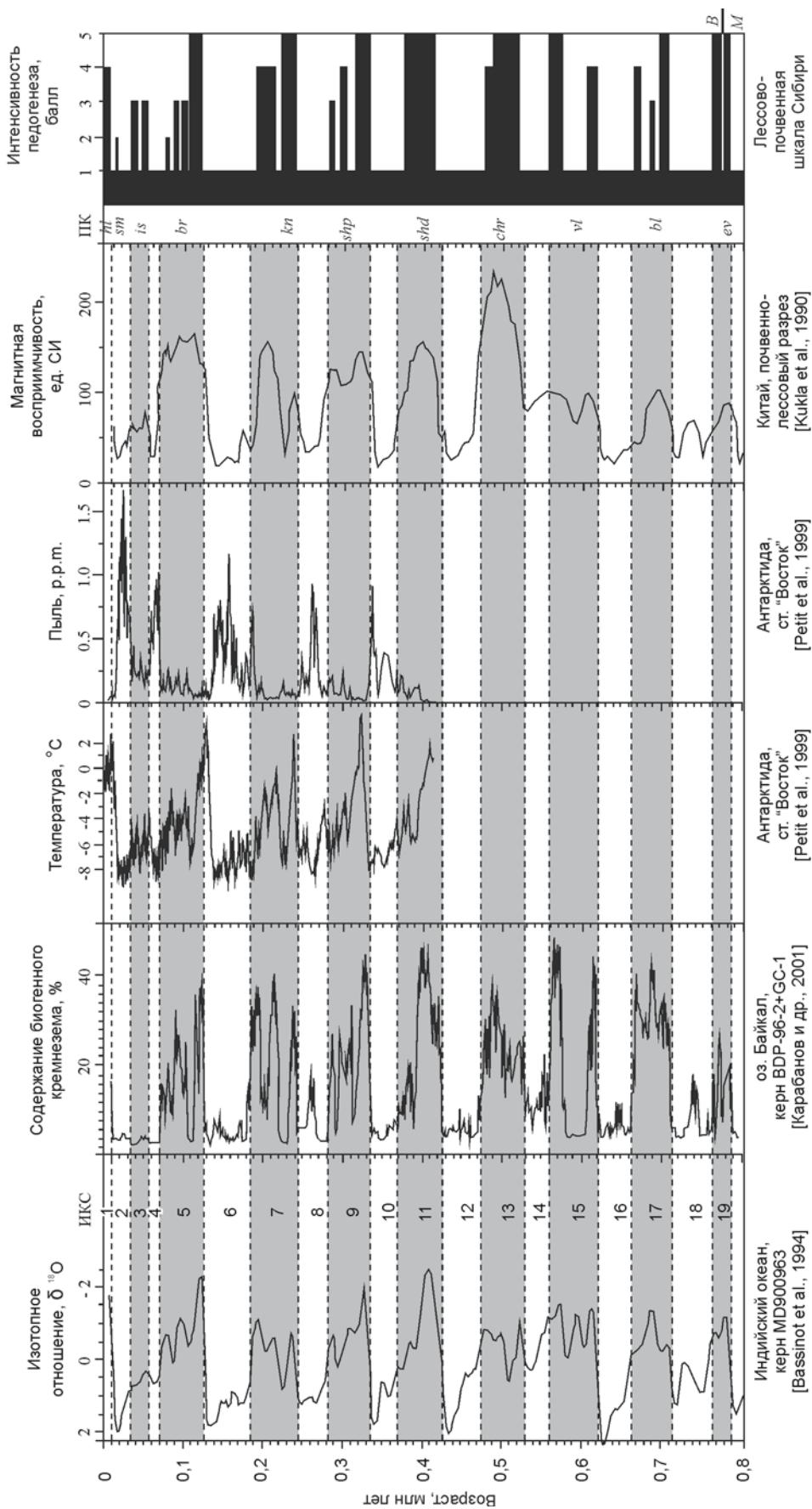
Кроме скульптурных форм эолового рельефа, в умеренной зоне Внутренней Азии широко распространены аккумулятивные формы рельефа, также генетически связанные с накоплением лесовых покровов. Так, в Западной Сибири к ним относятся хорошо сохранившийся гривный рельеф, образовавшийся во время последнего оледенения, и длительно формировавшиеся крупные увалы восточной части Кулунды [Волков, 1976]. Особенности распростране-

ния и ориентировка эолового рельефа, созданного во время оледенений, свидетельствуют, что его образование происходило при преобладающем воздействии воздушных масс западного переноса.

В последнее время существенное значение для корреляции четвертичных отложений приобрела непрерывная байкальская палеоклиматическая запись. Донные осадки озера вскрыты многочисленными короткими скважинами и четырьмя кустами глубоких скважин (BDP-93-1, BDP-93-2; BDP-96-1, BDP-96-2; BDP-98; BDP-99) в процессе выполнения международного проекта “Байкал бурение” [Карabanov и др., 2001; Кузьмин и др., 2001]. Осадочная толща имеет отчетливое циклическое строение, обусловленное чередованием слоев ила, обогащенного остатками диатомовых водорослей, и слоев, сложенных алевритовыми глинами с очень низким содержанием или полным отсутствием диатомей. Непрерывная запись изменений палеоклимата в осадках оз. Байкал продолжительностью более 10 млн лет основана на колебании содержания диатомовых водорослей и обусловленной этими флюктуациями динамике содержания биогенного кремнезема, а также на колебании геохимических индикаторов климата. Биогенный кремнезем, отражающий биологическую продуктивность озера, является чувствительным индикатором изменений климата: диатомовые илы и глины отлагались в течение межледниковых периодов, бездиатомовые алевритовые глины соответствовали холодным ледниковым интервалам [Безрукова и др., 1991].

Байкальская палеоклиматическая запись за последние 800 тыс. лет, представленная кривой изменения содержания биогенного кремнезема в осадках озера, хорошо совпадает с морской изотопно-кислородной кривой [Colman et al., 1995; Prokopenko et al., 2001; Williams et al., 1997]. Она включает 19 стадий. Пики биогенного кремнезема в байкальской записи, соответствующие теплым периодам, отождествляются с теплыми нечетными изотопно-кислородными стадиями. Минимумы сопоставляются с холодными ледниковыми этапами и относятся к четным изотопно-кислородным стадиям морской кривой.

Элементный анализ с использованием синхротронного излучения (РФФ-СИ) позволил получить высокоразрешающие геохимические записи сигналов палеоклимата в осадках озера и выявить несколько типов терригенных палеомаркеров, характеризующих похолодания и потепления климата [Goldberg et al., 2000]. Отношения Sr/Ba (Rb, Cs, Ti), U/Th, Zn/Nb, а также повышенное содержание U, Mo, Br, Eu, Tb, Yb, Lu положительно коррелируются с биогенным кремнеземом и маркируют теплые интервалы. Холодные периоды отличаются повышенным содержанием Th, Ba, Rb, Cs, La, Ce, Nd и высокими отношениями La(Ce, Ba)/Yb(Y, Zr).

Спектральный анализ байкальских записей биогенного кремнезема [Colman et al., 1995; Williams et al., 1997] и геохимических индикаторов изменений климата [Goldberg et al., 2000] за последние 800 тыс. лет показал наличие в них основных орбитальных частот 100, 42 и 23–19 тыс. лет. Сходство байкальских записей изменения климата по количеству, амплитуде и форме пиков, а также проявлению орбитальных частот с морской изотопно-кислородной шкалой [Bassinot et al., 1994] позволяет утверждать, что климатические изменения в Сибири были обусловлены вариациями орбитальных параметров Земли и синхронно следовали глобальным климатическим флюктуациям [Кузьмин и др., 2001].

Несмотря на то, что главным индикатором климата в осадках Байкала является содержание створок диатомовых водорослей, обуславливающих чередование диатомовых илов и алевритовых глин, причина корреляции этого параметра с изменениями глобального климата остается дискуссионной. Поскольку температурный режим не является решающим в биологической продуктивности диатомовых водорослей, изменения их содержания в различные интервалы плейстоцена [Грачев и др., 2002] предлагаются рассматривать как результат действия нескольких факторов. Одним из основных факторов считается изменение мутности воды: резкое снижение мутности вод Байкала после окончания таяния горных ледников приводило к глубокой перестройке экосистемы озера и увеличению биологической продуктивности диатомовых водорослей [Безрукова и др., 1991]. Существенное значение для развития диатомовой флоры имеет присутствие в воде питательных веществ – растворенного кремнезема и фосфора [Гавшин, Бобров, Хлыстов, 2001; Лисицын, 1966]. Изменение скорости поступления биогенных элементов Si, P связывается с резким уменьшением скорости химического выветривания при снижении среднегодовой температуры на 6 °C [Грачев и др., 2002]. Другой причиной отсутствия поступления растворенного кремнезема в озеро и периодического исчезновения диатомовых водорослей является прекращение стока равнинных рек в озеро вследствие снижения интенсивности выпадения атмосферной влаги при аридизации климата во время максимума ледниковой [Гольдберг и др., 2005]. К перечисленным факторам, влиявшим на уменьшение содержания диатомовых в озере, следует добавить еще один [Dobretsov et al., 2006]. Он связан со значительным увеличением пыли в атмосфере во время ледниковых эпох [Broecker, 2000], которая, оседая на поверхность земли, формировала лессовые покровы. Пыль, в значительных количествах содержащаяся в атмосфере, снижала ее прозрачность, при попадании в воду увеличивала ее мутность и существенно влияя на осадконакопление. При выпадении на лед, продолжительность существования которого во время оледе-

нений могла увеличиться на два месяца [Шимараев, Гранин, Куимова, 1995] или значительно больше, пыль создавала экран для проникновения света. В настоящее время массовое цветение диатомовых водорослей в Байкале происходит весной подо льдом [Verkhozina, Kozhova, Kusner, 1997], поэтому увеличение пыли в атмосфере приводит к ослаблению фотосинтеза и значительному сокращению диатомовых водорослей во время аридизации и похолодания климата. Об аридизации климата во время оледенений в водосборном бассейне озера свидетельствуют наличие лессовых покровов в Байкальском регионе и присутствие ветрогранников в террасах Селенги [Базаров, 1986], указывающих на активную золовую деятельность и временное прекращение стока в этой долине. Таким образом, байкальская климатическая летопись отражает не только глобальные изменения термического режима, но и существенные изменения аридизации климата, коррелирующиеся с температурой.

Сопоставление лессово-почвенной последовательности Западной Сибири с непрерывной байкальской записью биогенного кремния из осадков скважины BDP-96-2 (см. *рисунок*), охватывающей возрастной интервал хrona Брюнес (0–780 тыс. лет) [Кузьмин и др., 2001; Prokopenko et al., 2001], показывает, что количество главных пиков и минимумов байкальской записи совпадает с количеством основных эпох почвообразования и лессонакопления. Педокомплексы соответствуют сгруппированным пикам BiSi, синхронизированным с нечетными стадиями изотопно-кислородной шкалы. Это свидетельствует о том, что обе последовательности отражают одинаковое количество крупных похолоданий и потеплений и что в средних широтах Сибири климатические изменения происходили синхронно. Вместе с тем, сравнение байкальской записи с лессово-почвенной последовательностью выявило, что в лесовой записи более полно представлены изменения климата в позднем плейстоцене. В лессово-почвенной последовательности Сибири отчетливо прослеживаются две искитимские почвы, менее развитые по сравнению с современной и соответствующие 3-й изотопно-кислородной стадии. В байкальской записи BiSi это время представлено одним очень слабым пиком [Кузьмин и др., 2001; Prokopenko et al., 2001].

Особенно хорошо совпадают лессовая запись Западной Сибири и запись температуры в ледяном керне на станции “Восток” в Антарктиде [Petit et al., 1999]. В Западной Сибири, как и в Антарктиде, наиболее сильные и продолжительные потепления соответствуют начальным подстадиям нечетных стадий; более поздние теплые события нечетных стадий выражены более слабо в обеих записях.

Совпадение лессово-почвенной последовательности Западной Сибири с непрерывными записями

климата [Кузьмин и др., 2001; Bassinot et al., 1994; Goldberg et al., 2000; Kukla et al., 1990; Petit et al., 1999], в которых спектральным анализом выявлены циклы ок. 20-, 40- и 100-тысячелетней периодичности, обусловленные изменениями орбитальных параметров планеты, указывает на наличие аналогичной периодичности и в лесовой толще [Добрецов, Зыкин, Зыкина, 2003]. В хроне Брюнес здесь отчетливо доминирует 100-тысячелетний цикл, обусловливающий чередование мощных слоев лесса, которые соответствуют четным стадиям изотопно-кислородной кривой и педокомплексов, отвечающих нечетным стадиям. В течение большинства теплых эпох, относящихся к нечетным морским изотопным стадиям, осадконакопление контролировалось 20-тысячелетним орбитальным циклом. Оно выражено в педокомплексах в чередовании ископаемых почв и маломощных прослоев лесса. Орбитальный цикл продолжительностью 20 тыс. лет не нашел отражения в холодных эпохах среднего плейстоцена, во время которых в Западной Сибири формировались мощные толщи лесса, но в позднеплейстоценовой лесовой записи он проявился отчетливо, обусловливая чередование шести слаборазвитых почв. В предыдущее время этот цикл, по-видимому, имел меньшую амплитуду и не отражался в лесовой записи средних широт Сибири.

Заключение

Таким образом, комплексное использование лито-генетического, палеогеографического, палеоклиматического, палеомагнитного и различного рода биостратиграфических методов при достаточно полном и детальном изучении конкретных разрезов и строгой обоснованности выделения местных стратонов позволило внести значительные корректиры в представления о строении осадочной толщи юга Западной Сибири, существенно уточнить стратиграфическую последовательность осадконакопления этого обширного региона и выявить многие геологические, биотические и климатические события глобального и регионального характера. Полученные данные показывают отчетливую синхронность и общий ход изменений климата и природной среды в позднем кайнозое Западной Сибири с глобальными климатическими событиями и свидетельствуют о едином механизме климатических изменений на планете.

Список литературы

Агаджанян А.К., Ербаева М.А. Позднекайнозойские грызуны и зайцеобразные территории СССР. – М.: Наука, 1983. – 190 с.

Адаменко О.М. Мезозой и кайнозой Степного Алтая. – Новосибирск: Наука, 1974. – 168 с.

Архипов С.А. Четвертичный период в Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1971. – 329 с.

Архипов С.А., Зыкина В.С., Круковер А.А., Гнибиденко З.Н., Шелкопляс В.Н. Стратиграфия и палеомагнетизм ледниковых и лессово-почвенных отложений Западно-Сибирской равнины // Геология и геофизика. – 1997. – № 6. – С. 1027–1048.

Базаров Д.-Д.Б. Кайнозой Прибайкалья и Западного Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1986. – 182 с.

Безрукова Е.В., Богданов Ю.А., Вильямс Д.Ф., Гранина Л.З., Грачев М.А., Игнатова Н.В., Карабанов Е.Б., Купцов В.М., Курылев А.В., Летунова П.П., Лихошвай Е.В., Черняева Г.П., Шимараева М.К., Якушин А.О. Глубокие изменения экосистемы Северного Байкала в голоцене // Докл. АН СССР. – 1991. – Т. 321, № 5. – С. 1032–1037.

Вангенгейм Э.А., Зажигин В.С., Певзнер М.А., Хоревина О.В. Граница миоцен – плиоцен в Западной Сибири и Центральной Азии (по палеомагнитным и биостратиграфическим данным) // Среда и жизнь на рубежах эпох кайнозоя в Сибири и на Дальнем Востоке. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 167–171.

Вангенгейм Э.А., Певзнер М.А., Тесаков А.С. Возрастные соотношения отложений плиоценовых аллювиальных равнин междуречья Прут – Южный Буг // Стратиграфия. Геологическая корреляция. – 1995. – Т. 3, № 1. – С. 61–72.

Верхний плиоцен бассейна Верхнего Дона. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1985. – 144 с.

Волков И.А. Роль эолового фактора в эволюции рельефа // Проблемы экзогенного рельефообразования. – М.: Наука, 1976. – Кн. 1. – С. 264–269.

Волков И.А., Зыкина В.С. Цикличность субаэральной толщи Западной Сибири и история климата в плейстоцене // Эволюция климата, биоты и среды обитания человека в позднем кайнозое Сибири. – Новосибирск: Изд-во Объединен. ин-та геологии, геофизики и минерал. сырья СО АН СССР, 1991. – С. 40–51.

Волкова В.С., Архипов С.А., Бабушкин А.Е., Кулькова И.А., Гуськов С.А., Кузьмина О.Б., Левчук Л.К., Михайлова И.В., Сухорукова С.С. Стратиграфия нефтегазоносных бассейнов Сибири. Кайнозой Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал “ГЕО”, 2002. – 246 с.

Гавшин В.М., Бобров В.А., Хлыстов О.М. Периодичность диатомовой седиментации и геохимия диатомовых илов озера Байкал в глобальном аспекте // Геология и геофизика. – 2001. – Т. 42, № 1/2. – С. 329–338.

Гнибиденко З.Н. Магнитобиостратиграфический разрез и палеомагнитная характеристика плиоценовых отложений юга Западно-Сибирской равнины // Кайнозой Сибири и Северо-Востока СССР. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 18–26.

Гнибиденко З.Н. Палеомагнетизм и магнитостратиграфия неогеновых отложений Прииртышья // Геология и геофизика. – 1990. – № 1. – С. 85–94.

Гольдберг Е.Л., Чебыкин Е.П., Воробьева С.С., Грачев М.А. Урановый сигнал влажности палеоклиматов в осадках озера Байкал // Докл. АН. Сер. геол. – 2005. – Т. 400, № 1. – С. 72–77.

- Грачев М.А., Горшков А.Г., Азарова И.Н., Гольдберг Е.Л., Воробьева С.С., Железнякова Т.О., Безрукова Е.В., Крапивина С.М., Летунова П.П., Хлыстов О.М., Левина О.В., Чебыкин Е.П.** Регулярные осцилляции климата в масштабе тысячелетий и видеообразование в озере Байкал. Основные закономерности глобальных и региональных изменений климата и природной среды в позднем кайнозое Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2002. – С. 107–121.
- Деревянко А.П.** Древнейшие миграции человека в Евразии и проблемы формирования верхнего палеолита // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 2. – С. 22–36.
- Добрецов Н.Л., Зыкин В.С., Зыкина В.С.** Структура лессово-почвенной последовательности плейстоцена Западной Сибири и ее сопоставление с байкальской и глобальными летописями изменения климата // Докл. РАН. Сер. геол. – 2003. – Т. 391, № 6. – С. 821–824.
- Зажигин В.С.** Грызуны позднего плиоцена и антропогена юга Западной Сибири. – М.: Наука, 1980. – 156 с.
- Зажигин В.С., Зыкин В.С.** К стратиграфии плиоцена юга Западно-Сибирской равнины (Омское Прииртышье) // Геология и геофизика. – 1983. – № 10. – С. 42–48.
- Зажигин В.С., Зыкин В.С.** Новые данные по стратиграфии плиоцена юга Западно-Сибирской равнины // Стратиграфия пограничных отложений неогена и антропогена Сибири. – Новосибирск: Ин-т геологии и геофизики СО АН СССР, 1984. – С. 29–53.
- Зажигин В.С., Лопатин А.В., Покатилов А.Г.** История Dipodoidea (Rodentia, Mammalia) в миоцене Азии. 5: Lophocricethus (Lophocricetinae) // Палеонтол. журн. – 2002. – № 2. – С. 62–75.
- Зубаков В.А.** Глобальные климатические события неогена. – Л.: Гидрометеоиздат, 1990. – 223 с.
- Зыкин В.С.** Стратиграфия и униониды плиоцена юга Западно-Сибирской равнины. – Новосибирск: Наука, 1979. – 135 с.
- Зыкин В.С., Зажигин В.С.** Новый биостратиграфический уровень плиоцена Западной Сибири и возраст стратотипа нижне-среднемиоценового бещеульского горизонта // Докл. РАН. Сер. геол. – 2004. – Т. 398, № 2. – С. 214–217.
- Зыкин В.С., Зажигин В.С., Зыкина В.С., Чиркин К.А.** О выделении регионального стратотипа границы неогеновой и четвертичной систем для Северной и Центральной Азии // Вест. Том. гос. ун-та. Сер. Науки о земле (геология, география, метеорология, геодезия). – 2003. – № 3(2). – С. 77–80.
- Зыкин В.С., Зажигин В.С., Казанский А.Ю.** Поздний неоген юга Западно-Сибирской равнины: стратиграфия, палеомагнетизм, основные климатические события // Геология и геофизика. – 1991. – № 1. – С. 78–86.
- Зыкин В.С., Зажигин В.С., Казанский А.Ю.** К стратиграфии плиоцена и нижнего плейстоцена Омского Прииртышья // Тез. докл. Всерос. совещ. по изуч. четвертич. периода. – М., 1994. – С. 99.
- Зыкин В.С., Зажигин В.С., Присяжнюк В.А.** Стратиграфия плиоценовых и эоплейстоценовых отложений в долине р. Битеke (Северный Казахстан) // Геология и геофизика. – 1987. – № 3. – С. 12–19.
- Зыкин В.С., Зажигин В.С., Присяжнюк В.А.** Стратиграфия плиоцена юга Западно-Сибирской равнины // Кайнозой Сибири и Северо-Востока СССР. – Новосибирск: Наука, 1989а. – С. 9–18.
- Зыкин В.С., Зажигин В.С., Присяжнюк В.А.** Статус новостаничной свиты и нижняя граница плиоцена на юге Западно-Сибирской равнины // Геология и геофизика. – 1989б. – № 8. – С. 18–24.
- Зыкин В.С., Зыкина В.С., Орлова Л.А.** Природная среда и климат теплых эпох четвертичного периода юга Западной Сибири // Геология и геофизика. – 2000а. – Т. 41, № 3. – С. 297–317.
- Зыкин В.С., Зыкина В.С., Орлова Л.А.** Основные закономерности изменения природной среды и климата в плейстоцене и голоцене Западной Сибири // Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2000б. – Вып. 2. – С. 208–228.
- Зыкин В.С., Зыкина В.С., Орлова Л.А.** Реконструкция изменений природной среды и климата позднего плейстоцена на юге Западной Сибири по отложениям котловины озера Аксор // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 4. – С. 2–16.
- Зыкина В.С., Волков И.А., Дергачева М.И.** Верхнечетвертичные отложения и ископаемые почвы Новосибирского Приобья. – М.: Наука, 1981. – 203 с.
- Зыкина В.С., Волков И.А., Семенов В.В.** Реконструкция климата неоплейстоцена Западной Сибири по данным изучения опорного разреза Белово // Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2000. – Вып. 2. – С. 229–249.
- Зыкина В.С., Ким Ю.В.** Почвообразование и лессонакопление в плейстоцене юго-восточной части Западной Сибири // Плейстоцен Сибири. Стратиграфия и межрегиональные корреляции. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 81–86.
- Зыкина В.С., Круковер А.А.** Новые данные по расчленению и корреляции четвертичных отложений Предалтайской равнины // Перспективы развития минерально-сырьевой базы Алтая. – Барнаул: Б.и., 1988. – Ч. 1. – С. 47–49.
- История** развития растительности внеднепринниковской зоны Западно-Сибирской низменности в позднеплиоценовое и четвертичное время. – М.: Наука, 1970. – 363 с.
- Казанский А.Ю., Зыкин В.С.** Магнитостратиграфия опорного разреза плиоцена и эоплейстоцена в долине р. Битеke (Северный Казахстан) // Тез. докл. 4-го Всесоюз. съезда по геомагнетизму. – Владимир; Сузdal, 1991. – С. 76.
- Казьмина Т.А.** Остракоды кочковской свиты и ее аналогов // Кочковский горизонт Западной Сибири и его возрастные аналоги в смежных районах. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 31–36.
- Казьмина Т.А.** Неогеновые и четвертичные комплексы остракод юга Западной Сибири // Кайнозой Сибири и Северо-Востока СССР. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 66–71.
- Карабанов Е.Б., Прокопенко А.А., Кузьмин М.И., Вильямс Д.Ф., Гвоздков А.Н., Кербер Е.В.** Оледенения и межледниковые Сибири – палеоклиматическая запись из озера Байкал и его корреляция с Западно-Сибирской стратиграфией (эпоха полярности Брюнес) // Геология и геофизика. – 2001. – Т. 42, № 1/2. – С. 48–63.
- Котляков В.М., Лориус К.** Четыре климатических цикла по данным ледяного керна из глубокой скважины

на станции “Восток” в Антарктиде // Изв. Академии наук. Сер. геогр. – 2000. – № 1. – С. 7–19.

Кузьмин М.И., Карабанов Е.Б., Каваи Т., Вильямс Д., Бычинский В.А., Кербер Е.В., Кравчинский В.А., Безрукова Е.В., Прокопенко А.А., Гелетий В.Ф., Калмычков Г.В., Горегляд Г.К., Антипин В.С., Хомутова М.Ю., Сошина Н.М., Иванов Е.В., Хуревич Г.К., Ткаченко Л.Л., Солотчина Э.П., Йошида Н., Гвоздков А.Н. Глубоководное бурение на Байкале – основные результаты // Геология и геофизика. – 2001. – Т. 42, № 1/2. – С. 8–34.

Лисицын А.П. Основные закономерности распределения современных кремнистых осадков и их связь с климатической зональностью // Геохимия кремнезема. – М.: Наука, 1966. – С. 37–89.

Мартынов В.А. Поздненеогеновые (раннеантропогенные?) отложения юга Западной Сибири // Неогеновые и четвертичные отложения Западной Сибири. – М.: Наука, 1968. – С. 5–14.

Мартынов В.А. Кочковский региональный горизонт // Кочковский региональный горизонт Западной Сибири и его возрастные аналоги в смежных районах. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 6–15.

Мартынов В.А., Волкова В.С., Гнибиденко З.Н., Казьмина Т.А., Никитин В.П., Петрова В.П., Поспелова Г.А., Сердюк З.Я. Поиски неоген-четвертичной системы на юге Западно-Сибирской равнины // Граница между неогеновой и четвертичной системами в СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 137–146.

Мейен С.В. Введение в теорию стратиграфии. – М.: Наука, 1989. – 216 с.

Несин В.А. Древнейшая ископаемая полевка (Rodentia, Cricetidae) из нижнего конца юга Украины // Вест. зоологии. – 1996. – № 3. – С. 74–75.

Никитин В.П. Семенные флоры четвертичных отложений Западно-Сибирской низменности // Основные проблемы изучения четвертичного периода. – М.: Наука, 1965. – С. 328–342.

Покатилов А.Г. Геология и фауна позднекайнозойских отложений в Прибайкалье // Изв. АН СССР. Сер. геол. – 1985. – № 9. – С. 52–64.

Пономарева Е.А. Тишинская флора позднего плиоцена юга Западно-Сибирской равнины // Проблемы стратиграфии и палеогеографии плейстоцена Сибири. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 107–116.

Пономарева Е.А. Ерестинская флора из пограничных слоев позднего плиоцена и раннего плейстоцена Предалтайской равнины // Биостратиграфия и палеоклиматы плейстоцена Сибири. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 55–66.

Поспелова Г.А., Ларионова Г.Я. О возрасте отложений кочковской и краснодубровской свит по палеомагнитным данным (скважины Елунино и Харьково) // Методы и результаты палеомагнитного изучения осадочных формаций кайнозоя Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1973. – С. 42–59.

Присяжнюк В.А., Люльева С.А., Сливинская Г.В., Сябрай С.В. Палеонтолого-геофизическая характеристика понтических отложений в эталонном разрезе с. Виноградовки (Северо-Причерноморье) // Докл. АН Украины. – 1994. – № 7. – С. 99–103.

Присяжнюк В.А., Шевченко А.И. Точка прямой корреляции морских и континентальных нижнепонтических

образований // Докл. АН УССР. Сер. Б. Геол., хим. и биол. науки. – 1987. – № 6. – С. 23–25.

Пульсирующее озеро Чаны. – Л.: Наука, 1982. – 304 с.

Топачевский В.А., Несин В.А., Топачевский И.В. Биозональная микротериологическая схема (стратиграфическое распределение мелких млекопитающих – Insectivora, Lagomorpha, Rodentia) неогена северной части Восточного Паратетиса // Vest. Zool. – 1998. – Vol. 32, № 1/2. – P. 76–87.

Чумаков И.С. К проблеме границы миоцена – плиоцена в Эвксине // Стратиграфия. Геологическая корреляция. – 2000. – Т. 8, № 4. – С. 84–92.

Шимараев М.Н., Гранин Н.Г., Куимова Л.Н. Опыт реконструкции гидрофизических условий в Байкале в позднем плейстоцене и голоцене // Геология и геофизика. – 1995. – Т. 36, № 8. – С. 97–102.

Шкатова В.К., Линькова Т.И., Минюк П.С. Опорный палеомагнитный разрез плиоцен-четвертичных отложений Омского Прииртышья (юг Западной Сибири) // Палеомагнетизм в геологии. – Магадан: Изд-во Северо-Вост. комплекс. науч.-исслед. ин-та ДВО АН СССР, 1987. – С. 30–43.

Agadzhanyan A.K., Kowalski K. *Prosomys insuliferus* (Kowalskii, 1958) (Rodentia, Mammalia) from the Pliocene of Poland and of the European part of the U.S.S.R. // Acta Zool. Cracov. – 1978. – Vol. 23, N 3. – P. 29–54.

Agustí J., Cabrera L., Garcés M., Krijgsman W., Oms O., Parés J.M. A calibrated mammal scale for the Neogene of Western Europe. State of the art // Earth-Science Reviews. – 2001. – Vol. 52. – P. 247–260.

Bassinot F.C., Labeyrie L.D., Vincent E., Quidelleur X., Shackleton N.J., Lancelot Y. The astronomical theory of climate and the age of the Brunhes-Matuyama magnetic reversal // Earth and Planetary Science Letters. – 1994. – Vol. 126. – P. 91–108.

Berggren W.A., Hilgen F.J., Langereis C.G., Kent D.V., Obradovich J.D., Raffi I., Raymo M.E. Late Neogene chronology: New perspectives in high-resolution stratigraphy // GSA Bulletin. – 1995a. – Vol. 107, N 11. – P. 1272–1287.

Berggren W.A., Kent D.V., Swisher III C.C., Aubry M.-P. A Revised Cenozoic Geochronology and Chronostratigraphy // Geochronology, Time Scales and Global Stratigraphic Correlations: A Unified Temporal Framework for an Historical Geology. SEPM, Special Publications. – 1995b. – N 54. – P. 129–212.

Biscaye P.I., Crouset F.E., Revel M., Van der Gaast S., Zielinski G.A., Vaars A., Kukla G. Asian provenance of glacial dust (stage 2) in the Greenland Ice Sheet Project 2 Ice Core, Summit, Greenland // J. Geophys. Res. – 1997. – Vol. 102. – P. 26765–26781.

Broecker W.S. Abrupt climate change: causal constraints provided by the paleoclimate record // Earth-Science Reviews. – 2000. – Vol. 51. – P. 137–154.

Cande S.C., Kent D. A new geomagnetic polarity time scale for the Late Cretaceous and Cenozoic // J. of Geophysical Research. – 1992. – Vol. 97, B 10. – P. 13917–13951.

Channel J.E.T., Rio D., Thunell R.C. Miocene/Pliocene boundary magnetostratigraphy at Capo Spartivento, Calabria, Italy // Geology. – 1988. – Vol. 16. – P. 1096–1099.

Colman S.M., Peck J.A., Karabanov E.B., Carter S.J., Bradbury J.P., King J.W., Williams D.F. Continental climate

- response to orbital forcing from biogenic silica records in Lake Baikal // *Nature*. – 1995. – Vol. 378. – P. 769–771.
- Dingle R.V., McArthur J.M., Vroon P.** Oligocene and Pliocene interglacial events in the Antarctic Peninsula dated using strontium isotope stratigraphy // *J. of the Geological Society London*. – 1997. – Vol. 154. – P. 257–264.
- Dobretsov N.L., Zykin V.S., Zykina V.S.** Desertification of mid-latitude Northern Asia and global change periodicity in the Quaternary // *Environmental Security and Sustainable Land Use of Mountain and Steppe Territories of Mongolia and Altai. NATO science series 2, Environmental security*. – Dordrecht; Boston; L.: Springer, 2006. – P. 3–18.
- Fejfar O., Heinrich W.-D., Pevzner M.A., Vangengeim E.A.** Late Cenozoic sequences mammalian sites in Eurasia: an updated correlation // *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*. – 1997. – Vol. 133. – P. 259–288.
- Goldberg E.L., Phedorin M.A., Grachev M.A., Bobrov V.A., Dolbnja I.P., Khlystov O.M., Levina O.V., Ziborova G.A.** Geochemical signals of orbital forcing in the records of paleoclimates found in the sediments of Lake Baikal // *Nucl. Instr. and Meth. in Phys. Res. A*. – 2000. – Vol. 448, N 1/2. – P. 384–393.
- Hilgen F.J.** Extension of the astronomically calibrated (polarity) time scale to the Miocene/Pliocene boundary // *Earth and Planetary Science Letters*. – 1991a. – Vol. 107. – P. 349–368.
- Hilgen F.J.** Astronomical forcing and geochronological application of sedimentary cycles in the Mediterranean Pliocene-Pleistocene // *Geologica Ultraiectina*. – 1991b. – N 93. – 139 p.
- Hilgen F.J., Langereis C.G.** The age of the Miocene-Pliocene boundary in the Capo Rosello area // *Earth and Planetary Science Letters*. – 1988. – Vol. 91. – P. 214–222.
- Kastens K.A.** Did glacio-eustatic sea level drop trigger the Messinian salinity crisis? New evidence from Ocean Drilling Program Site 654 in the Tyrrhenian Sea // *Paleoceanography*. – 1992. – Vol. 7. – P. 333–356.
- Kastens K., Masele J.** The geological evolution of the Tyrrhenian sea: an introduction to the scientific results of ODP Leg 107 // *Proceeding of the Ocean Drilling Program, Scientific results*. – 1990. – Vol. 107. – P. 3–26.
- Kukla G.J.** Pleistocene Land–Sea Correlations. 1. Europe// *Earth-Sci. Rev.* – 1977. – Vol. 13, N 4. – P. 307–374.
- Kukla G., An Z.S., Melice J.L., Gavin J., Xiao J.L.** Magnetic susceptibility record of Chinese Loess // *Transactions of the Royal Society of Edinburg. Earth Sci.* – 1990. – Vol. 81. – P. 263–288.
- Lourens L.J., Antonarakou A., Hilgen F.J., Van Hoof A.A.M., Vergnaud-Grazzini C., Zachariasse W.J.** Evaluation of the Plio-Pleistocene astronomical time scale // *Paleoceanography*. – 1996. – Vol. 11. – P. 391–413.
- McKenzie J.A., Sprovieri R.** Paleoceanographic conditions following the Earliest Pliocene flooding of the Tyrrhenian sea // *Proceeding of the Ocean Drilling Program, Scientific results*. – 1990. – Vol. 107. – P. 405–414.
- Michaux J.** Arvicoline (Rodentia) du Pliocene terminal et du Quaternaire ancien de France et d'Espagne // *Palaeovertebrata*. – 1971. – Vol. 4, fasc. 5. – P. 137–214.
- Müller D.W., Hodell D.A., Ciesielski P.F.** Late Miocene to earliest Pliocene (9.8–4.5 Ma) of the paleoceanography of the subantarctic southeast Atlantic: stable isotopic, sedimentologic, and microfossil evidence // *Proceeding of the Ocean Drilling Program, Scientific results*. – 1991. – Vol. 114. – P. 459–474.
- Petit J. R., Jouzel J., Raynaud D., Barkov N.I., Barnola J.-M., Basile I., Bender M., Chappellaz J., Davis M., Delaygue G., Delmotte M., Kotlyakov V.M., Legrand M., Lipenkov V.Y., Lorius C., Pépin L., Ritz C., Saltzman E., Steinenard M.** Climate and atmospheric history of the past 420,000 years from the Vostok ice core, Antarctica // *Nature*. – 1999. – Vol. 399. – P. 429–436.
- Prokopenko A.A., Karabanov E.B., Williams D.F., Kuzmin M.I., Shackleton N.J., Crowhurst S.J., Peck J.A., Gvozdikov A.N., King J.W.** Biogenic Silica Record of the Lake Baikal Response to Climatic Forcing during the Brunhes // *Quaternary Research*. – 2001. – Vol. 55. – P. 123–132.
- Repennig Ch.A.** Mandibular Musculature and Origin of the Subfamily Arvicolinae (Rodentia) // *Acta Zool. Cracov.* – 1968. – T. 13, N 3. – P. 1–72.
- Rio D., Sprovieri R., Castradori D., Di Stefano E.** The Gelasian Stage (Upper Pliocene): A new unit of the global standard chronostratigraphic scale // *Episodes*. – 1998. – Vol. 21, N 2. – P. 82–87.
- Shackleton N.J., Hall M.A., Pate D.** Pliocene stable isotope stratigraphy of Site 846 // *Proceeding of the Ocean Drilling Program, Scientific results*. – 1995. – Vol. 138. – P. 337–355.
- Shotwell J.A.** Hemphillian mammalian assemblage from northeastern Oregon // *Bull. Geol. Soc. America*. – 1956. – Vol. 67, N 6. – P. 717–738.
- Van Couvering J.A., Castradori D., Cita M.B., Hilgen F.J., Rio D.** The base of the Zanclean Stage and of the Pliocene Series // *Episodes*. – 2000. – Vol. 23, N 3. – P. 179–187.
- Verkhozina V.A., Kozhova J.M., Kusner Y.S.** Hydrodynamics as a limiting factor in Lake Baikal ecosystem // *Ecovision*. – 1997. – Vol. 6. – P. 73–83.
- Weerd van de A.** Early Ruscinian rodents and lagomorphs (Mammalia) from the lignites near Ptolemais (Macedonia, Greece), Proc. Kon. ned. akad. wetensch. – 1979. – Vol. B 82, N 2. – P. 127–170.
- Williams D.F., Peck J., Karabanov E.B., Prokopenko A.A., Kravchinsky V., King J., Kuzmin M.I.** Lake Baikal Record of Continental Climate Response to Orbital Insolation During the Past 5 Million Years // *Science*. – 1997. – Vol. 278. – P. 1114–1117.
- Zander A., Frechen M., Zytkina V., Boenigk W.** Luminescence chronology of the Upper Pleistocene loess record at Kurtak in Middle Siberia // *Quaternary Science Reviews*. – 2003. – Vol. 22. – P. 999–1010.
- Zijderveld J.D.A., Zachariasse W.J., Verhallen P.J.J.M., Hilgen F.J.** The age of the Miocene-Pliocene boundary // *Newsletters on Stratigraphy*. – 1986. – Vol. 16. – P. 169–181.
- Zytkina V.S.** Pedogenesis and climate change history during Pleistocene in Western Siberia // *Anthropozoikum*. – 1999. – N 23: Quaternary of Siberia. Quaternary Geology, Palaeoecology and Palaeolithic Archeology. – P. 49–54.

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

УДК 903.5

Л.А. Соколова

Институт истории материальной культуры РАН
Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: lasokol@hotmail.com

ОКУНЕВСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ В СТРАТИГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Введение

В масштабе Северной Евразии окуневский комплекс представляется культурным феноменом, демонстрирующим богатый внутренний мир древнего народа. Задача данного исследования – продемонстрировать логику развития этого комплекса. Выявленная сравнительная стратиграфия окуневских погребений позволила осуществить общую корреляцию признаков погребальных сооружений с типами керамики, инвентаря (ножей, украшений) и изображений. В результате проделанной работы удалось выделить четыре этапа формирования данной культурной традиции и определить основные компоненты, принимавшие участие в ее сложении. Данная статья ограничивается наиболее важной темой – выявлением хронологических соответствий типов керамики и погребальных комплексов.

В настоящее время окуневская культурная традиция представлена 75 погребальными комплексами (под комплексом подразумевается любой отдельный объект, будь то одиночная могила или курган в составе могильника). В общей сложности раскопано ок. 440 могил, в т.ч. ок. 330 погребений в каменных ящиках и 110 – в грунтовых ямах. В них обнаружены останки 750 чел., треть из которых принадлежит детям до 5 лет. Более половины (41) комплексов (в каждом от 1 до 39 погребений) – это могилы с квадратной оградой из каменных блоков или плит песчаника, врытых в материк. Из них 37 содержали окуневский инвентарь, четыре – как окуневский, так и афанасьевский (Тас-Хаза, мог. 2, 4; Карасук VIII).

В материалах 15 комплексов с круглыми оградами афанасьевского типа обнаружены признаки как

окуневской, так и афанасьевской традиции (Афанасьева Гора, мог. 6, 26; Камышта; Бельтыры огр. 6; Моисеиха-5, -24; Летник VI, огр. 3, 37). В пяти памятниках с такими оградами в основных захоронениях был только окуневский инвентарь (Красный Яр II, огр. 2–4; Бельтыры, огр. 6; Уйбат-Хулган, кург. 2). Четырнадцать комплексов представлены одиночными каменными ящиками или грунтовыми могилами. Пять памятников были разрушены и известны только по собранному на их месте инвентарю (Ярки) или не ясны в деталях (Абаканская управа).

В ходе многолетних исследований окуневских памятников был составлен их каталог, созданы типологии погребальных сооружений, керамики и другого инвентаря. В процессе изучения сибирского неолита и ранней бронзы нами реконструировано и зарисовано порядка 2 тыс. фрагментов неолитических сосудов с поселений Улан-Хада, Усть-Белая, Нижнее Середкино, Унюк, Ниша; созданы каталоги коллекций с подробным описанием фактуры теста, морфологии, орнаментальных приемов. Также изучены окуневские керамические комплексы с могильников на р. Уйбат, Верх-Аскиз, Черновая VIII, Сыда V. Выводы, сделанные при визуальном осмотре, были проверены и подтверждены при исследовании серии окуневской керамики в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН с использованием микроскопа МБС-9 ($\times 28$)*. Полученные результаты лежат в основе исследования технологических особенностей данного комплекса.

*Выражаю благодарность канд. ист. наук Г.Н. Поплевко за неоценимую помощь в работе.

Парадоксы окуневской историографии

В историографии окуневская проблематика представлена довольно противоречиво – точки зрения исследователей относительно места в общей периодизации культур среднего Енисея на первый взгляд кажутся несовместимыми.

По мнению М.Н. Комаровой, погребения Окунева улуса относятся к раннему этапу андроновской культуры [1947], который она датирует доафанасьевским временем, энеолитом [1981]. Л.Р. Кызласов считал, что окуневские памятники представляют поздний этап афанасьевской культуры [1986]. Г.А. Максименков настаивал на их самостоятельном статусе (в формате “эталонного памятника” Черновая VIII) как археологической культуры, занимающей место в стратиграфической колонке между афанасьевской и андроновской [1975, с. 14].

Проанализировав доказательную базу высказанных гипотез, пришлось признать, что правы все исследователи, т.к., несмотря на противоречивость, их точки зрения основаны на анализе реальных комплексов и их признаков, выявленных в ходе изучения. Каждый автор на основе материалов раскопанных им памятников выделял один из периодов существования окуневского феномена, имевшего место с этапа постнеолитической трансформации до эпохи средней бронзы. Вывод закономерен – само явление оказалось значительно сложнее, чем представлялось ранее.

Понятие “окуневская культура” было введено в научный оборот Г.А. Максименковым с жестким набором признаков [Там же]. Сейчас они соответствуют только III хронологической группе и не отражают всего разнообразия форм и конструкций, формировавшихся в ходе поступательного развития окуневского комплекса. Важно учесть, что Г.А. Максименков настаивал на разрыве преемственности между ранними (постнеолитическими) формами окуневского комплекса и развитыми, представленными на “эталонном памятнике – Черновая VIII”. По логике автора, окуневцы были вытеснены пришедшими в Минусинскую котловину афанасьевскими племенами, развивались за ее пределами и осуществили “реконкисту”, изгнав афанасьевцев [Там же].

Раскопанные курганы в долине Уйбата [Лазаретов, 1997] в значительной степени дополнили свод ранних памятников и позволили доказать преемственность между разными хронологическими группами. Современный уровень знаний заставляет пересмотреть упрощенный подход к окуневской культуре как к стабильному образованию с заданными параметрами, который выражался уже в самой подаче могильника Черновая VIII в качестве эталонного [Шер, 2006, с. 248–249]. Данное обстоятельство позволяет ставить вопрос о необходимости применения новой

дефиниции, отражающей процессы формирования определяющих признаков во времени, – окуневской культурной традиции.

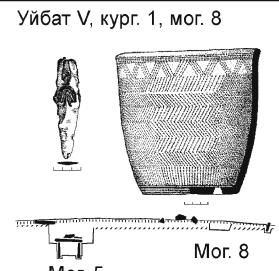
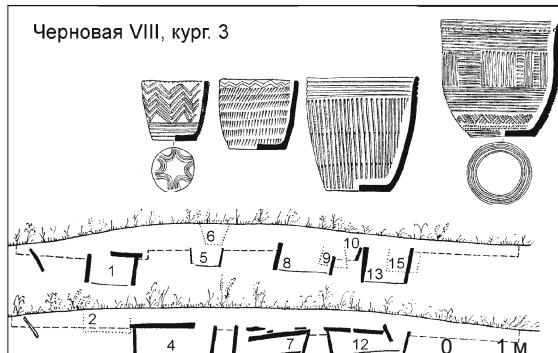
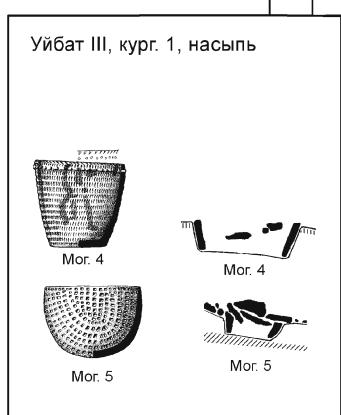
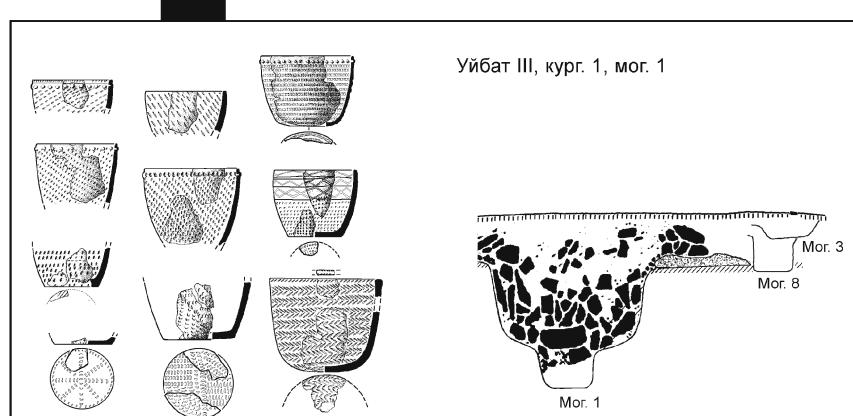
Этапы развития окуневской погребальной традиции

Окуневская погребальная традиция не являетсяфиксированной совокупностью признаков, но демонстрирует развитие во времени. Благодаря обычаю заполнения ограды многочисленными захоронениями, впущенными в насыпь на разных уровнях, практически каждый окуневский курган представляет собой стратиграфическую колонку. К сожалению, далеко не все погребения репрезентативны, т.к. в могилах, относящихся к поздним хронологическим группам, часто нет керамики, которая является наиболее надежным критерием принадлежности к той или иной хроногруппе.

Тщательный анализ прямых перекрываний погребений более поздними захоронениями позволил построить стратиграфическую колонку, отражающую четыре этапа развития окуневской культурной традиции (табл. 1). Древнейшим на сегодняшний день окуневским комплексом является кург. I могильника Уйбат III. В центральной грунтовой могиле этого кургана было одиночное разграбленное погребение, перекрытое коллективным захоронением, также по-тревоженным, но содержащим большое количество керамики [Лазаретов, 1997]. Последняя отличается явной архаичностью и по сумме признаков близка неолитическим сосудам с поселения Унюк и керамике с поселения Усть-Белая. Данный комплекс маркирует I хронологическую группу погребений окуневской культурной традиции, характеризующуюся одномогильной планиграфией, глубокими грунтовыми ямами, архаичной керамикой с большим процентом круглодонных сосудов.

В насыпь, перекрывавшую центральную могилу, было впущено восемь погребений II хронологической группы, содержащих технологически и типологически более развитую керамику преимущественно с плоским дном, четко акцентированным орнаментом, плотным керамическим тестом с небольшим количеством отощителя в виде песка. Сосуды аналогичного типа найдены в кург. I могильника Уйбат V [Там же] и в могильнике Лебяжье [Максименков, 1981]. Погребальные сооружения этой хронологической группы отличаются от более ранних и планиграфически, и конструктивно. В центре и параллельно стенкам ограды расположено несколько могил. Захоронения в основном уже не в грунтовых могилах, а в массивных каменных ящиках, сооруженных в глубоких ямах. Первичный

Таблица 1. Этапы развития окуневской культурной традиции

IV хронологическая группа	 Уйбат V, кург. 1, мог. 8
III хронологическая группа	 Черновая VIII, кург. 3
II хронологическая группа	 Уйбат III, кург. 1, насыпь
I хронологическая группа	 Уйбат III, кург. 1, мог. 1

уровень погребений перекрыт насыпью, в которой расположены впускные захоронения более поздних хронологических групп.

Аналогичная стратиграфическая ситуация наблюдается и в кургане Мохов-6. Здесь зафиксировано прямое перекрывание древней грунтовой могилы более поздним погребением в каменном ящике. К сожалению, в ранней могиле керамики не оказалось, однако круглодонный сосуд со сложной орнаментацией был найден под плитами каменной выкладки, являющейся первичным конструктивным элементом данного кургана. Таким образом, этот сосуд по времени соответствует раннему погребению [Киргинеков, 1997].

Та же стратиграфическая последовательность погребений I и II хронологических групп отмечена и в кургане Усть-Бюрь [Кызласов, 1986, с. 269–278]. Здесь центральная глубокая грунтовая яма была, к сожалению, совершенно разрушена грабителями. Всю площадку внутри ограды перекрывала каменная платформа, в северной части которой обнаружено впускное погребение в каменном ящике. В нем найдена керамика, соответствующая II хронологической группе; изображение на плите перекрытия стилистически наиболее близко личинам из могильника Лебяжье [Вадецкая, 2005].

III хронологическая группа в системе прямой стратиграфии представлена недостаточно репрезентативно, т.к. довольно многочисленные случаи перекрывания могил редко сопровождаются наличием инвентаря, свидетельствующего о принадлежности захоронения к той или иной хроногруппе. Скудность инвентаря и особенно керамики в поздних погребениях – явление, по всей видимости, закономерное. Кроме того, впускные захоронения в верхнем слое насыпи чаще всего разграблены или разрушены.

В качестве примера рассмотрим стратиграфию кург. 3 могильника Лебяжье. Здесь погребения II хронологической группы (мог. 1, 5, 7–9) были совершены в массивных каменных ящиках, вкопанных в дно глубоких могильных ям, и перекрыты грунтовой насыпью. В ее верхнем слое обнаружены впускные захоронения III хроногруппы (мог. 2, 4), не содержащие инвентаря [Максименков, 1981].

В кург. 1 могильника Уйбат V мог. 13 с каменным ящиком находилась в насыпи точно над мог. 3, относящейся к группе глубоких могил, вырытых в материке с уровня древнего горизонта. Каменный ящик был почти полностью разрушен грабителями и не содержал инвентаря. Однако конструктивно он соответствует большинству окуневских погребальных сооружений, отмеченных Г.А. Максименковым на могильнике Черновая VIII [1980]. Это каменные ящики или неглубокие грунтовые могилы, перекрытие которых лежит на уровне погребенной почвы или задернованной части насыпи кургана.

IV хронологическая группа замыкает стратиграфическую колонку; она представлена мелкой грунтовой мог. 8, расположенной в верхнем слое насыпи кург. 1 могильника Уйбат V. Сосуд из этого погребения имеет характерную форму с отогнутым венчиком и орнаментацию, свойственную больше предандроновской керамике: елочная композиция выполнена мелкозубчатым штампом, венчиковая и придонная части выделены параллельными гребенчатыми и резными линиями.

Хронотипология окуневского комплекса

На основе полученной стратиграфической колонки и анализа соответствующих признаков погребальных сооружений и инвентаря была составлена общая корреляционная таблица признаков окуневской культурной традиции. В табл. 2 приведена та ее часть, которая касается погребальных сооружений и керамики. Выделение типов погребальных сооружений основано на существенных различиях в планиграфии курганов и конструкциях могил. Керамика классифицирована на основе морфологии с учетом орнаментальных схем, характерных для каждого типа сосудов.

I хронологическая группа памятников окуневской культурной традиции соответствует выделенному М.Н. Комаровой энеолитическому доафансаевскому этапу [1981, с. 90]. Конструктивно эти памятники отличает одномогильная планиграфия внутри квадратной ограды, зачастую с дополнительными элементами: крепидами, диагональными выкладками и каменными платформами (тип I: а, б, в). Яркой особенностью погребальной обрядности является значительная глубина преобладающих грунтовых могил – до 1,7 м.

Согласно общей стратиграфии окуневских памятников была составлена хронотипология погребальных сооружений [Соколова, 2006, табл. 4]. Тип I представляет самую раннюю их генерацию – курганы с одной глубокой могилой в центре ограды. Он весьма редок – семь объектов (Уйбат III, Карасук II, Карасук VIII, Пристань, Мохов-6, Усть-Бюрь-5, Черновая VIII, кург. 2), что составляет 10,7 % от общего количества окуневских памятников с зафиксированной планиграфией. Тем не менее следует отметить особое значение данной группы в хронологическом аспекте. Круглодонная керамика типа А [Соколова, 2002, рис. 3] в 52 % случаев встречается в этих курганах. Поскольку она в наибольшей степени близка неолитическим образцам с поселений Красноярско-Канского района и поселения Унюк на среднем Енисее, то выделенный нами тип I погребальных сооружений действительно соответствует самому раннему на данном уровне изученности этапу.

Таблица 2. Корреляция типов погребальных сооружений и типов керамики

Комплексы	Типы курганных сооружений	Типы окуневской керамики				Афанасьевская керамика
		A	Б	В	Г	
Карасук II						
Карасук VIII						
Мохов-6						
Пристань						
Уйбат III, кург. 1						
Усть-Бюрь, орг. 5						
Черновая VIII						
Афанасьева Гора, мог. 6						
» мог. 24						
» мог. 26						
Белтыры, орг. 6						
Камышта						
Красный Яр II, орг. 1						
» орг. 2						
» орг. 3						
Летник VI, орг. 37						
» орг. 29, мог. 14						
» орг. 3						
Моисеиха-5						
Моисеиха-24						
Пистах, кург. 3						
Уйбат-Хулган, кург. 2						
Лебяжье, кург. 1						
» кург. 2						
» кург. 3						
Тас-Хаза						
Уйбат V, кург. 1						
Уйбат-Тибик						
Абакан-Церковь						
Верх-Аскиз, кург. 1						
» кург. 2						
Ербинский-5						
Малые Колёны-3, кург. 41						
Минусинск						
Разлив X						
Сыда V, кург. 2						
» кург. 3						
» кург. 4						
Уйбат V, кург. 2						
» кург. 4						
Черемушный Лог						
Черновая IV						
Черновая VIII, кург. 1						
» кург. 3						
» кург. 4						
» кург. 5						
» кург. 8						
» кург. 9						
» кург. 10						
» кург. 11						
» кург. 12						
» кург. 13						
» кург. 14						
Аскиз						
Есин-4						
Есинская МТС						
Парная						
Под Горой						
Синючиха						
Тепсей VIII						
Узунтул-37						
Уйбат V, кург. 3						
Усчуль						
Черемушный Лог III						
Черновая VIII, кург. 6						
» кург. 7						

II хронологическая группа отражает дальнейшее развитие окуневского комплекса в условиях существования с афанасьевской культурой и представлена двумя типами памятников, различающихся формой ограды.

Тип II – погребения с окуневским инвентарем в круглых оградах, характерных для афанасьевских погребальных комплексов (Афанасьева Гора, мог. 6, 24, 26; Камышта БК; Красный Яр II, огруп. 1–3). В кургане Пистах представлен гибридный вариант – внутри квадратной ограды из вкопанных плит выложен круг из плит песчаника.

Погребения II типа составляют 24 % от общего числа репрезентативных окуневских памятников и большей частью находятся на территории афанасьевских могильников. Керамика представлена типами Б, В, Г, а также афанасьевскими сосудами, найденными вместе с окуневскими. Погребения этого типа, как и керамика типов В и Г, имеют признаки как афанасьевской, так и окуневской традиции. Именно в данной хронологической группе появляются сосуды на поддонах (тип В) и посуда (тип Г), отличающаяся несвойственной окуневской керамике профицированностью и общим сходством с афанасьевской [Там же]. В этих погребениях отсутствуют сосуды с округлым дном типа А. Характеристика плоскодонной керамики, вопреки ожиданиям, не позволяет отнести данные памятники к ранней хронологической группе. Эта керамика (тип Б) находит убедительные аналоги в “классических” курганах типа IV.

Тип III – погребения в квадратных оградах с центральной могилой (грнтовая или в виде каменного ящика, вкопанного в глубокую яму), ориентированной по линии З – В, и периферийными со свободной ориентировкой. Эти погребальные комплексы образуют переходную группу: еще сохраняется традиция захоронения в глубоких грнтовых ямах, однако планиграфически они уже соответствуют памятникам IV типа, где доминирует идея заполнения могилами большей части кургана. Данная группа самая малочисленная – всего шесть объектов (Лебяжье, кург. 1–3; Тас-Хаза; Уйбат V, кург. 1; Уйбат-Тибик), что составляет 9 % от общего количества окуневских памятников. Керамика из этих погребений представлена типом Б-1–3. На сосудах данной группы присутствуют элементы ранней орнаментики: “жемчужник”, насечки по венчику, орнамент на днище. Преобладают горизонтальные и диагональные наколы. Эта группа керамики является переходной к более поздним по времени типам.

III хронологическая группа представлена погребальными комплексами IV типа, которые имеют ту же планиграфическую схему, что и памятники III типа, но отличаются конструкцией могил, представляющих

собой каменные ящики с перекрытием, лежащим на погребенной почве или на дневной поверхности.

Тип IV подразделяется на два подтипа, различающиеся схемами размещения могил: тип IV-а – погребения западного сектора ориентированы по линии С – Ю (расположены параллельно западной стенке ограды), остальные – З – В (Черновая XI; Черновая VIII, кург. 1, 3, 4, 8, 9, 12, 14; Сыда V, кург. 1, 2, 4); тип IV-б – большинство могил ориентированы по линии З – В и образуют параллельные ряды внутри ограды (Верх-Аскиз, кург. 1, 2; Сыда V, кург. 3; Уйбат V, кург. 4; Черновая VIII, кург. 5, 10, 11).

Самый многочисленный тип составляет 38 % от общего количества памятников. Входящие в него 25 комплексов представляют собой практически единый тип с разными вариантами ориентировок скелетов относительно сторон света.

В кург. 3 могильника Сыда V, в кург. 1, 2, 4 могильника Уйбат V и в кургане Черновая XI фиксируется традиция выделения углов курганных оград вертикально вкопанными массивными камнями, от которых остались округлые ямы. За оградой кургана Черновая XI с западной стороны была установлена стела, сохранились обломок ее основания и глубокая яма с забутовкой. Возможно, именно с этим типом погребальных сооружений связано появление менгирообразных стел с антропоморфными изображениями.

Данному типу памятников соответствует керамика типа Б-3, -4 [Там же]. Орнаментальная схема этих сосудов в отличие от ранних унифицирована и хорошо узнаваема. Эта керамика знаменует развитый этап окуневского гончарства. Для нее характерны тяготение к стандартным формам и способам орнаментирования, огрубление технологических приемов формовки сосудов. Типовые орнаментальные схемы представлены параллельными рядами оттисков отступающего, прямо или косо поставленного гребенчатого штампа (табл. 3). Венчиковая и придонная зоны выделяются тремя-четырьмя параллельными, в большинстве случаев прорезными линиями; иногда они выполнены гребенчатым штампом, поставленным горизонтально. На данном этапе практически исчезает орнамент по срезу и внутреннему краю венчика, редко орнаментируется днище сосуда.

IV хронологическая группа – немногочисленные памятники V типа. Это отдельные могилы и каменные ящики, содержащие сосуды типа Б-4 с прямым или отогнутым венчиком [Там же]. На заключительном этапе курганская традиция деградирует и сводится к одиночным каменным ящикам [Савинов, 1981]. Однако нельзя исключать, что одиночные захоронения могли совершаться на всех этапах развития окуневской культуры. Например, на памятнике Уйбат V одно погребение находилось под выклад-

Таблица 3. Хронотипология окуневской керамической традиции

Хронологическая группа				Aх/Албогорская культура
I	II	III	IV	Yctp-Генпакская культура Таганкин

кой из бутового камня вне курганной конструкции кург. 3 и не содержало инвентаря, но подросток в нем был захоронен в характерной для окуневского обряда позе: в скорченном положении на спине. Здесь поза погребенного – единственный критерий культурной принадлежности погребения.

На данном этапе в керамике появляется гребенчатая орнаментация. Судя по четким, резким отпечаткам здесь использовался металлический орнаментир. В коллекции из разрушенного могильника Ярки есть целая серия керамики с декором на верхней трети сосудов. Формовка и орнамент выполнены весьма небрежно. Эта керамика уже практически не отличается от андроновской баночной посуды.

Характеризуя окуневскую керамику, Г.А. Максименков описывает ее типологическую схему так: «Посуда представлена четырьмя видами: горшками – сосудами с изогнутым профилем, банками – сосудами в виде усеченного конуса, поставленного на меньшее основание, индивидуальными формами и ритуальными “курильницами” – чашами на поддонах с перегородкой внутри. Орнамент на большинстве сосудов индивидуален, он делится на зоны: по венчику, по тулову, у дна и на дне» [1975]. Очевидно, что все разнообразие окуневской керамики не может быть отражено в такой формальной типологической схеме. Она свидетельствует о подходе к окуневскому комплексу, как к единовременному образованию, и не отражает признаков, характеризующих внутреннюю хронологию культуры.

Ретроспективный анализ окуневского керамического комплекса

Анализ морфологии и принципов орнаментирования сосудов выявляет черты сходства между усть-бельской и раннеокуневской керамикой. Прежде всего это округлое дно. Такие сосуды, относящиеся к I хронологической группе, составляют в окуневском комплексе 52 %. Отмечаются следующие сходные орнаментальные схемы: 1) орнамент покрывает все тело сосуда, включая дно; 2) насечки по венчику и его внутреннему краю; 3) под венчиком – ряд ямок (усть-бельская керамика) или “жемчужин” (раннеокуневская). В обоих комплексах предпочтительная орнаментальная схема – параллельные ряды наколов. Практически идентичны и применявшиеся орнаменты: с рабочим краем каплевидной, полуулунной, квадратной формы или короткая гребенка (табл. 4).

При анализе технологических особенностей ранней окуневской керамики было выявлено, что гончары в своей работе придерживались системы знаний и навыков, выработанных в позднеолитической усть-бельской традиции [Виноградов, 1984, с. 13],

представленной на поселениях Усть-Белая, Горелый Лес (на р. Белой в районе нижней Ангары), Казачка, Няша (на р. Кан в районе г. Канска), Унюк, Усть-Собакино, Ладейки, Базаиха (на среднем Енисее), Усть-Бирюса. Таким образом, районы среднего Енисея, Ангары и Белой в неолите представляли собой единую культурную провинцию [Крижевская, 1978].

Раннеокуневские сосуды существенно отличаются от неолитических по размерам: вместимость первых от 0,05 до 1,5 л, вторых – до 3–5 л. Возможно, это различие носит стадиальный характер, поскольку в энеолите повсеместно отмечается появление посуды индивидуального пользования. Однако необходимо учитывать и то, что неолитические памятники – это в основном поселения, а энеолитические – погребальные комплексы.

В материалах указанных неолитических поселений авторы отмечают небольшое количество сосудов с плоским дном, что всеми исследователями трактуется как поздняя инновация. В раннеокуневской керамической традиции наблюдается резкое увеличение удельного веса плоскодонных сосудов, хотя округлое и уплощенно-округлое дно встречается и в поздних комплексах. В развитой окуневской культуре плоскодонная керамика становится доминирующей (см. табл. 3). Вряд ли этот факт можно рассматривать, как пример спонтанной трансформации. Изменение формы дна большинства сосудов означает смену очажного устройства, тип которого, наряду с типом жилища, служит культуроопределяющим признаком и свидетельствует о миграции, которая началась в район среднего Енисея еще в финале неолита. Под влиянием мигрантов и сформировалась классическая окуневская культура (в интерпретации Г.А. Максименкова).

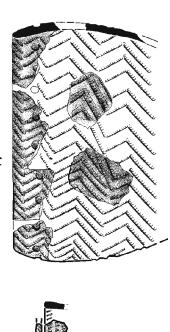
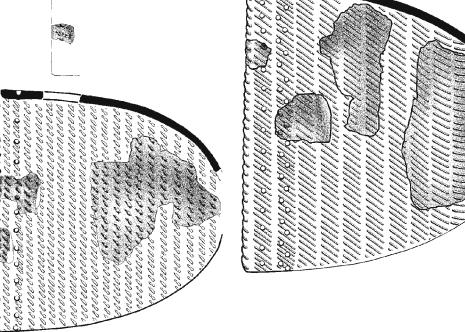
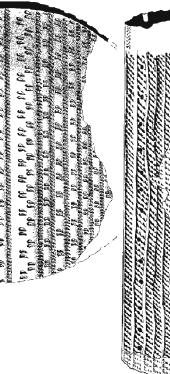
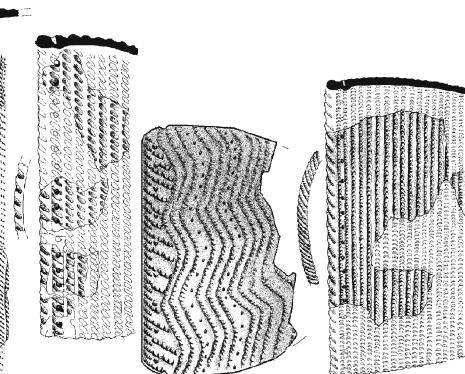
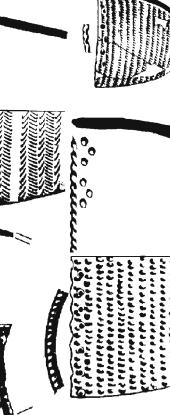
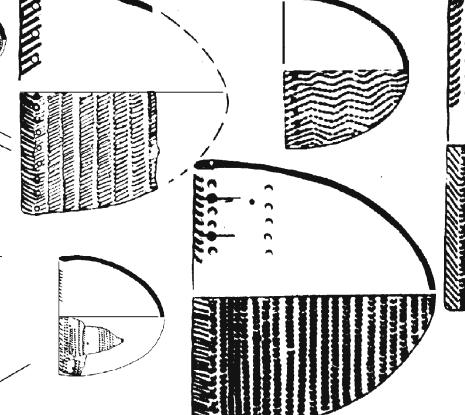
Технологические особенности окуневской керамики

Керамика имеет самостоятельное значение как культурный индикатор, поскольку обладает комплексом независимых признаков, таких как состав формовочных масс, способ формовки, обработка поверхности, обжиг, морфология сосудов, основной прием нанесения орнамента, доминирующие орнаментальные композиции. Так как все эти компоненты глубоко традиционны и передаются только “из рук в руки”, то устойчивые комбинации признаков являются определителем соответствующей этнической группы.

По технологическим особенностям окуневскую керамику можно условно разделить на три группы – раннюю, развитую и позднюю.

Ранняя керамика (Уйбат III, мог. 1; Карасук II, VIII, Пристань) характеризуется плохо промешанным рыхлым тестом, ленточной формовкой сосуда

Таблица 4. Сравнительная таблица раннеокуневской и усть-бельской керамики

Хронологическая группа окуневской культурной традиции	Поселение Унок	Поселение Усть-Белая	Поселение Казанка
			
			
			

и орнаментальными схемами, представляющими собой своего рода “кальку” с неолитических усть-бельских сосудов.

Развитая керамика интересна тем, что здесь ярко проявились технологические инновации, которые, на наш взгляд, связаны с миграционной волной и, по всей видимости, являются составной частью комплекса признаков плоскодонной керамики. Поскольку этот способ изготовления посуды в окуневском контексте ранее не описывался, следует остановиться на нем подробнее.

Сосуды формовались методом выколачивания. Для такой керамики характерны плотное гомогенное тесто, четкая параллельная ориентация частиц пластического материала. Ровные по толщине стени сосудов, отсутствие отпечатков пальцев и ногтей на внутренней поверхности, система вертикальных трещин при деструкции изделий свидетельствуют о формировке на жестком шаблоне [Глушков, Глушкова, 1992, с. 71], в качестве которого могла использоватьсь специально сделанная глиняная или деревянная заготовка. Следы выколачивания на внешней поверхности сосудов не фиксируются, возможно, из-за плотного накольччатого орнамента, покрывающего все тулово. Выбивка могла производиться каким-то инструментом с гладкой поверхностью, например, дощечкой, обтянутой кожей, или костяной лопаткой [Жущиховская, 2002, с. 133].

Каждый технологический прием имеет свои плюсы и минусы. Выбивка значительно улучшает эксплуатационные качества сосудов, т.к. в процессе механического воздействия на формовочную массу из теста

удаляется лишняя влага, поры в керамике сужаются параллельно направлению удара, повышается сцепляемость всех фракций глинистой массы. В результате, при обжиге сосуда значительно снижается вероятность деформации при усушке керамического теста, изделие становится более легким и прочным. О высоком качестве выбивки свидетельствуют негативные отпечатки орнамента на внутренней поверхности сосудов – это возможно только при очень плотном, сухом, гомогенном тесте. К примеру, не менее плотный, акцентированный орнамент на афанасьевской керамике “тонет” в рыхлом тесте, не выделяясь на внутренней поверхности.

Среди недостатков метода выбивки на твердом шаблоне надо отметить жесткую зависимость морфологии сосудов от формы шаблона, с которого изделие должно легко сниматься, что возможно только, если максимальный диаметр сосуда соответствует верхней кромке шаблона. Данному условию отвечают усеченно-коническая или параболоидная форма. Эта технологическая детерминированность морфологии керамики наблюдается повсеместно в Северо-Восточной Азии, где применение метода выбивки на твердом шаблоне зафиксировано с древнейших времен (поселение Гася – 12 980 ± 120 л.н.) до этнографической современности [Там же, с. 118].

Поздняя керамика по сумме признаков близка к баночным андроновским сосудам. Этим объясняется тот факт, что первоначально окуневские комплексы были определены, как раннеандроновские [Комарова, 1947]. Поздняя керамика характеризуется общим ухудшением качества формовки, небрежной орна-

По Г.А. Максименкову

По Л.Р. Кызласову

Позиционирование археологических культур раннего бронзового века Минусинской котловины.

ментацией, появлением сосудов с отогнутым венчиком. Эти тенденции проявляются уже в III хронологической группе, в частности в материалах поздних курганов могильника Черновая VIII.

Заключение

Данное исследование продемонстрировало непрерывное поступательное развитие окуневской культурной традиции с раннего постнеолитического времени до периода средней бронзы. Полученные результаты внесли корректиры в схему позиционирования культур Минусинской котловины (см. схему). Предлагаемый нами вариант является компромиссным, учитывающим как высказанные точки зрения, так и результаты самостоятельного исследования. Согласно схеме, окуневская культурная традиция формировалась на основе среднеенисейского варианта неолитической усть-бельской, представленного на поселении Унюк. Далее она вступила в контакт с афанасьевской культурой. По всей видимости, афанасьевцы были частично ассимилированы, после чего окуневская традиция переживала период расцвета. Финальный этап ее развития представлен наиболее неопределенной группой памятников. Судя по морфологическим изменениям в керамике и появлению андроновских черт в орнаментике сосудов, произошло подчинение окуневцев андроновцам, расширившим в первой трети II тыс. свои территории вплоть до Минусинской котловины.

Список литературы

Вадецкая Э.Б. Рисунки на плитах окуневского могильника у с. Лебяжье на правом берегу Енисея // Вестн. САИПИ. – Кемерово, 2005. – № 6/7. – С. 8–17.

Виноградов А.В. Керамика новоселовского типа в неолите среднего Енисея. // Проблемы исследования каменного века Евразии. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ин-т, 1984. – С. 153–147.

Глушков И.Г., Глушкова Т.Н. Текстильная керамика как исторический источник. – Тобольск: Тобол. гос. ун-т, 1992. – 130 с.

Жущиховская И.С. Ранняя керамика Дальнего Востока и Восточной Азии // Тр. Ин-та истории, этнографии народов Дальнего Востока. – Владивосток, 2002. – Т. 11: Актуальные проблемы дальневосточной археологии. – С. 109–150.

Киргинеков Э.Н. Окуневский курган около у. Мохов // Окуневский сборник. – СПб.: ИИМК РАН: СПб. гос. ун-т, 1997. – С. 128–133.

Комарова М.Н. Погребения Окунева улуса: К вопросу о хронологическом разделении памятников андроновской культуры Минусинского края // СА. – 1947. – № 9. – С. 47–60.

Комарова М.Н. С своеобразная группа энеолитических памятников на Енисее // Проблемы западно-сибирской археологии: Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 76–90.

Крижевская Л.Я. Неолитические поселения в устье реки Белой // Древние культуры Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 69–96.

Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1986. – 295 с.

Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. – СПб.: ИИМК РАН: СПб. гос. ун-т, 1997. – С. 19–64.

Максименков Г.А. Окуневская культура: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1975. – 39 с.

Максименков Г.А. Могильник Черновая VIII – эталонный памятник окуневской культуры // Памятники окуневской культуры. – Л.: Наука, 1980. – С. 3–34.

Максименков Г.А. Могильник окуневской культуры у села Лебяжье // Проблемы западно-сибирской археологии: Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 91–110.

Савинов Д.Г. Окуневские могилы на севере Хакасии // Проблемы западно-сибирской археологии: Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 111–117.

Соколова Л.А. Характеристика и типология окуневского керамического комплекса // Степи Евразии в древности и средневековье: К 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. – С. 230–236.

Соколова Л.А. Типология погребальных памятников окуневской культуры // Окуневский сборник-2. – СПб.: СПб. гос. ун-т, 2006. – С. 251–259.

Шер Я.А. Была ли окуневская культура? // Окуневский сборник-2. – СПб.: СПб. гос. ун-т, 2006. – С. 248–250.

УДК 903

А.П. Бородовский¹, А.Н. Телегин²¹*Институт археологии и этнографии СО РАН**пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия**E-mail: 32S@mail.ru*²*Барнаульский государственный педагогический университет**ул. Молодежная, 55, Барнаул, 656031, Россия**E-mail: hist-arch@-altai.ru*

РОГОВЫЕ УКРАШЕНИЯ СЕДЛА СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ С ПРИОБСКОГО ПЛАТО*

Введение

Эпоха древних кочевников является периодом наивысшего расцвета косторезного искусства Евразии. Основным сырьем для этого художественного промысла был цельный рог [Бородовский, 1999б]. Полные наборы украшений узды и упряжи из рога найдены в пазырыкских курганах (Восточный Алтай) [Руденко, 1953, с. 150–160], Чендеке-ба [Киреев, Шульга, 2006, с. 90–99], в Берели (Юго-Западный Алтай) [Самашев, Бородовский, 2004], Сибирячихе-1 (Северо-Западный Алтай) [Бородовский, 1988]; в Майме и Красном Яру (Северный Алтай) [Сергеев, 1946], Новом Шарапе-2 [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 93, 155], Рогозихе-1 (Верхнее Приобье) [Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 140–141]. Единичные роговые украшения узды встречаются в погребениях Горного Алтая (Чултуков Лог-1, Талда-1), в Верхнем Приобье (Вяткино-1), Барабинской лесостепи (Старые Карабчи-3) [Бородовский, Галымова, 2001]. Достаточно представительный комплект роговых деталей конской упряжи обнаружен А.Н. Телегиным в 2000 г. на Приобском плато (рис. 1) в курганный группе Объездное-1 (кург. 1, погр. 4) [2005]. Особенности погребального обряда и характер сопроводительного инвентаря (керамика, бронзовый котел, украшения, предметы вооружения и конского снаряжения) позволяют датировать кург. 1 Объездного-1 скифским временем (V–IV вв. до н.э.) [Телегин, Бородовский, 2005].

Состав предметного комплекса

Остатки седла находились в северо-восточном углу центральной, разгребленной, мог. 4 кург. 1 Объездного-1 (рис. 2). Роговые предметы конской упряжи представлены пятью фрагментами седельных накладок (рис. 3, 4), пятью подвесками (рис. 5), двумя пронизями для ремня (рис. 6, 1), подпружной пряжкой (рис. 6, 2) и фрагментами верхней декоративной пластины луки седла (рис. 7, 1). Седельные роговые дужки из Объездного-1 соответствуют деталям пазырыкских седел, определяемым VI–V вв. до н.э. К датирующим предметам относится роговая подпружная пряжка [Киреев, Шульга, 2006, с. 93] со шпеньком (см. рис. 6, 2). Аналогичные предметы известны в Башадаре-2, Туекте-2 [Руденко, 1960, с. 68, 70, 124], Берели [Samasev, Bazarbaeva, Zutambekova, 2002, S. 243, Abb. 4, 2], Быстровке-1 [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 83, рис. 15]. Эти пряжки бытовали начиная с середины I тыс. до н.э. Еще одна седельная роговая накладка (см. рис. 7, 2) обнаружена в погр. 8 того же кургана, расположенному во внешнем кольце могил напротив погр. 4. Весь комплект роговых деталей конского снаряжения из погр. 4 кург. 1 Объездного-1 состоит из 13 предметов. Максимальный набор роговых резных деталей седел из пазырыкских курганов включает до 17 предметов [Руденко, 1953, с. 150–160].

Размеры накладок с изображением лошади, украшавших седельные луки, составляли 20,5 × 9,5 × 0,6 см; пряжек-подвесок с изображением фантастического существа (грифослона) – 7,5 × 5,5 × 0,8 см; подпружной

*Работа выполнена по проекту № НШ-6568.2006.6.

пряжки – $8,5 \times 6,5 \times 1,5$ см; парных пронизей для подпружного ремня – $6,5 \times 1,9 \times 1$ см. Обломки седельных роговых дужек имели длину до 14 см, ширину 2,8, толщину 0,2–0,3 см. Все детали седла из Объездного-1 изготовлены из одинарных роговых пластин [Бородовский, 1997, с. 212, табл. 51, I], вырезанных из различных участков цельного рога: для седельных накладок и пряжек – из разветвлений, для дужек и пронизей – из ствола. Такое разнообразие заготовок не случайно, поскольку полные комплекты украшений конской упряжи скифского времени достаточно последовательно отражают раскрой цельного рога [Бородовский, 2005, с. 58, 59].

Рис. 1. Расположение курганной группы Объездное-1.

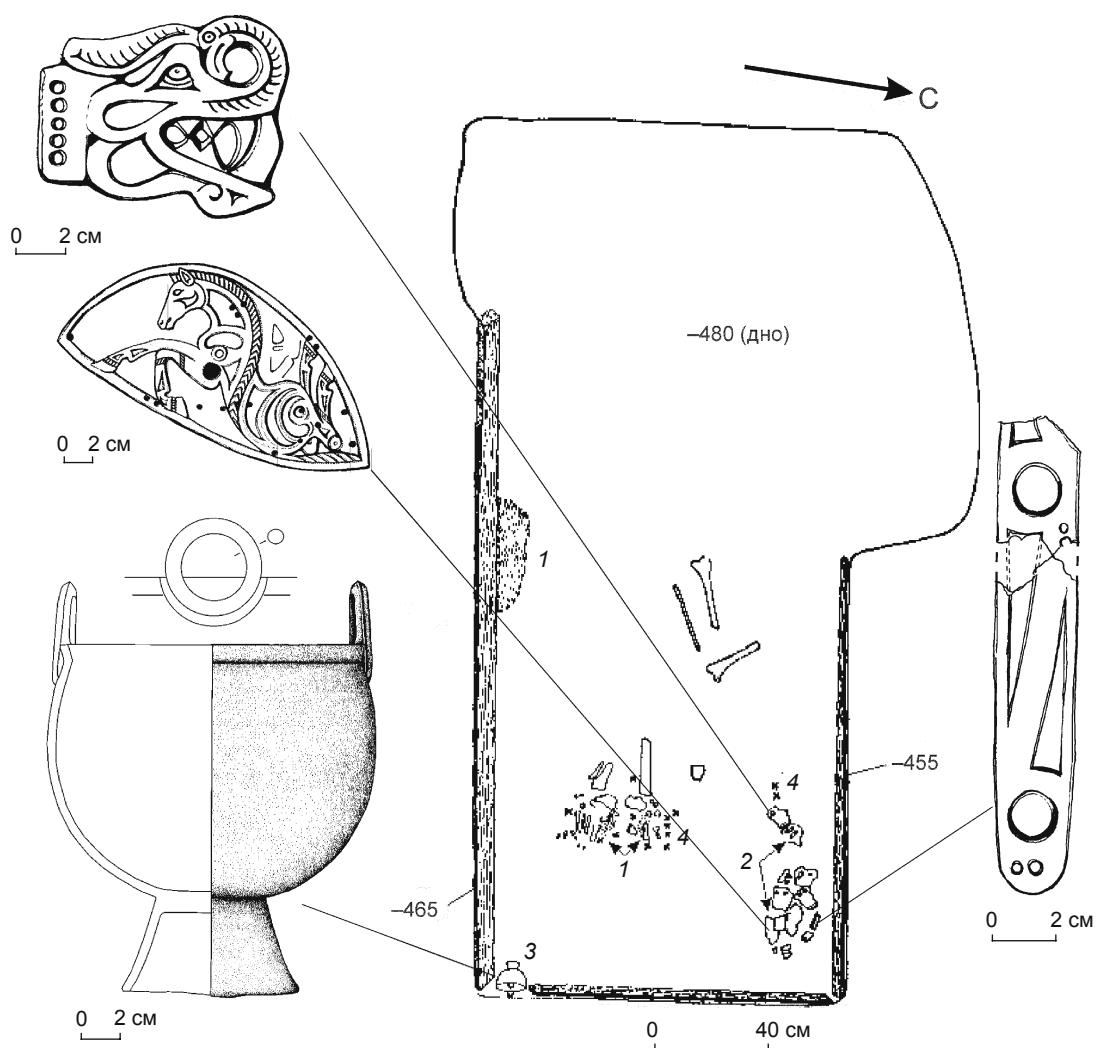

Рис. 2. План погр. 4 кург. 1 Объездного-1.
1 – скопление бус; 2 – роговые детали седла; 3 – бронзовый котел; 4 – фрагменты золотой фольги.

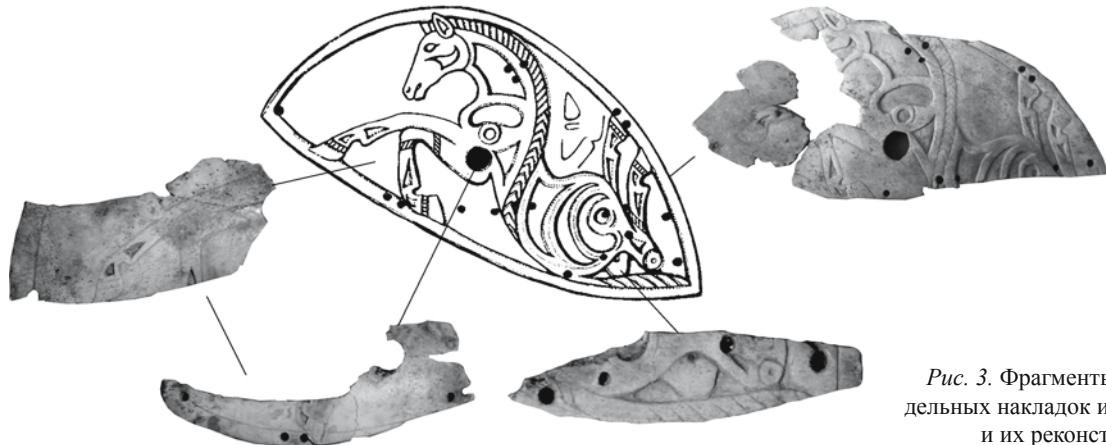

Рис. 3. Фрагменты роговых седельных накладок из Объездного-1 и их реконструкция.

Рис. 4. Фрагмент роговой седельной накладки из Объездного-1.
1 – общий вид; 2 – изображение ног лошади.

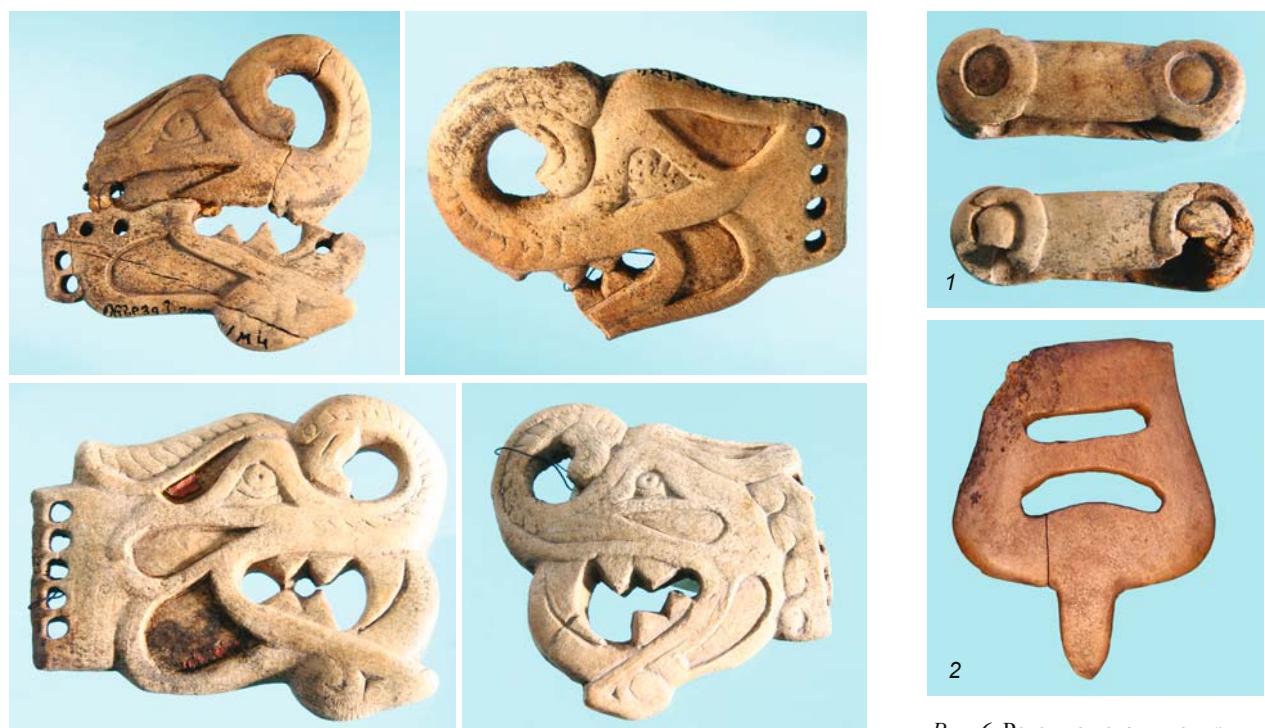

Рис. 5. Роговые пряжки-подвески с изображением грифослона из Объездного-1.

Рис. 6. Роговые детали подпружного ремня из Объездного-1.
1 – ременные пронизи;
2 – подпружная пряжка.

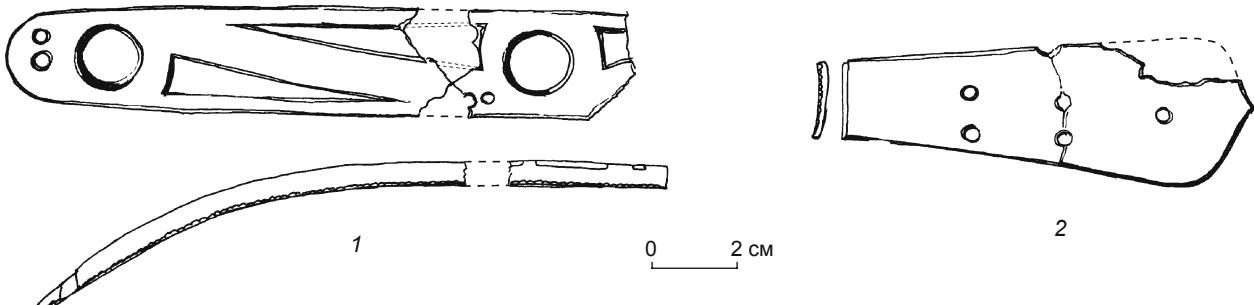

Рис. 7. Прорисовка роговых деталей седла из Объездного-1.
1 – накладка луки седла из погр. 4; 2 – седельная накладка из погр. 8.

Седельные роговые дужки позволяют отнести седло из Объездного-1 к разновидности мягких, характерных для пазырыкской культуры [Руденко, 1960, с. 227, 228]. За пределами Горного Алтая, в Верхнем Приобье роговые неорнаментированные седельные дужки найдены в Рогозихе-1 (кург. 7, мог. 8) [Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 141, рис. 20, 1–3]. В пазырыкских погребениях Горного Алтая известно несколько роговых резных, орнаментированных седельных накладок (коллекции Погодина, Уварова, Третьего Пазырыкского кургана) [Руденко, 1953, табл. XLVIII, LXXXI, LXXXII, LXXXV]. Седельные дужки из Объездного-1 (см. рис. 7, 1) орнаментированы выпуклостями и подтреугольными вырезами. Такой декор встречается на роговых деталях конской сбруи из Пазырыка (кург. 3, 4), Чендека-ба [Киреев, Шульга, 2006, с. 105, рис. 5], захоронений скифского времени Синьцзяна [Цзяохэ..., 1998, с. 54].

Роговые седельные дужки крайне редки в равнинных степных комплексах [Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 47]. Значительно чаще они встречаются в элитных пазырыкских курганах Горного Алтая (Пазырык-3, -4, Шибе, Каракол, коллекция Уварова) [Руденко, 1953, табл. XLVIII, LXXXI, LXXXII, LXXXV]. Диаметр этих курганов колеблется от 18,5 до 68 м. Размеры кург. 1 Объездного-1 (диаметр 30 м) вполне соответствуют данным параметрам.

Достаточно оригинально выглядят роговые пронизи (см. рис. 6, 1) для широких кожаных ремней, украшенные по краям круглостями и выступами.

Декор предметов

На седельных накладках изображены лошадь (см. рис. 3, 4) и грифослон (см. рис. 5). В резьбе по цельному рогу образ лошади встречается в декоре украшений седла из Старых Карабей-3 [Бородовский, Галимина, 2001], поясных блях из Саглы-Бажи II [Грач, 1980, с. 178, 179, рис. 40, 41], Аймырлыга и памятников Горного Алтая [Бородовский, 1999а]. Особое внимание следует обратить на то, что на седельных пластинах из Объездно-

го-1 лошадь изображена с перекрученным туловищем (см. рис. 3). Такой образ известен на золотых изделиях – бляхах Сибирской коллекции Петра Великого (рис. 8, 8); на пластинке из Новотроицкого II (рис. 8, 5) [Могильников, 1997, с. 171, рис. 41, 5]; украшении меча из кургана Иссык (рис. 8, 6) [Акишев, 1978, с. 106, рис. 25]; татуировках правой руки мужчины, погребенного в Пятом Пазырыкском кургане (рис. 8, 2, 3) [Баркова, Панкова, 2005, с. 52, рис. 5, 6]; роговых предметах из Аймырлыга (рис. 8, 1) и Саглы-Бажи II (рис. 8, 7). Животные с перекрученным туловищем характерны для скифо-сибирской изобразительной традиции V–IV вв. до н.э. [Баркова, 1995, с. 76]. В этот хронологический период укладываются и изображения деталей головы (глаза, уши, рот) лошади, рельефного “ремешка”, проходящего вдоль хребта и подчеркивающего изгиб тела [Там же, с. 72, 74], на роговых седельных накладках из Объездного-1. Образ лошади с перекрученным туловищем имеет в археологической литературе неоднозначную интерпретацию. По мнению одних исследователей, его следует рассматривать в единстве с образом хищника в аналогичной позе [Руденко, 1960, с. 300–301; Баркова, 1984, с. 86]. Другие специалисты считают, что это изображение древнего жертвоприношения [Русакова, 2003; Советова, 2005, с. 43, 45]. Существует точка зрения, согласно которой такая поза лошади соответствует ее изображению в различных ракурсах [Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 65]. Объемность изображений действительно присуща скифо-сибирской художественной традиции [Бородовский, 1994]. Предлагаем еще одну интерпретацию образа лошади с перекрученным туловищем. Учитывая динамизм, характерный для изображений скифо-сибирской художественной традиции, исключительную наблюдательность их создателей, можно предположить, что запечатлен момент переворачивания животного. В случае расположения рассматриваемых роговых накладок из Объездного-1 на луках седла зеркально друг к другу эффект объемности только усиливался. Симметричные композиции скифо-сибирской художественной традиции вполне обоснованно можно трактовать как плоскостную развертку трехмерных образов [Фурсикова, 1998, с. 179].

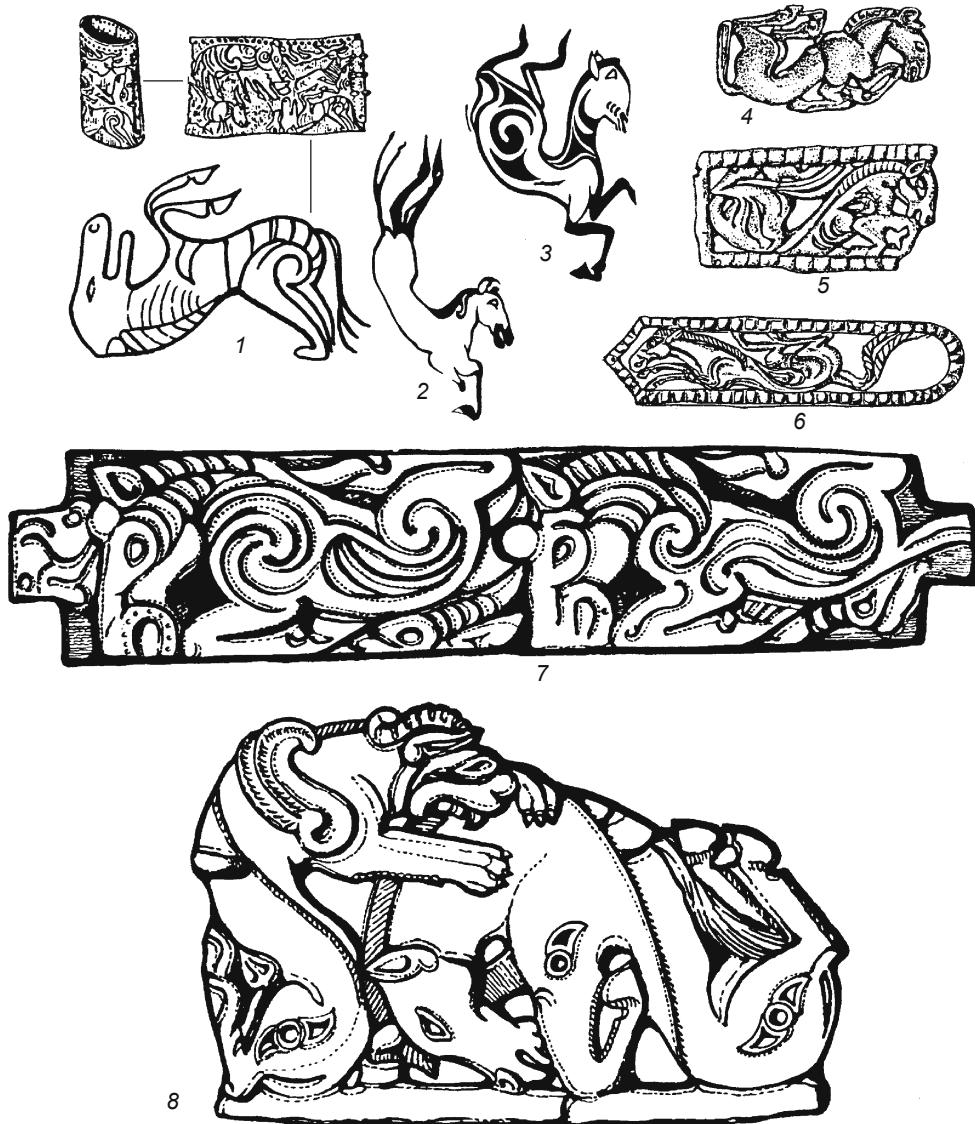

Рис. 8. Изображения лошади с перекрученным туловищем.
1 – Аймырлыг; 2, 3 – Пятый Пазырыкский курган; 4 – Тува; 5 – Новотроицкое II; 6 – Иссык; 7 – Саглы-Бажи II;
8 – Сибирская коллекция Петра Великого.

Изображение лошади на роговых седельных накладках из Объездного-1 наиболее близко к татуировке у погребенного из Пятого Пазырыкского кургана (рис. 8, 3), а ближайшими функциональными аналогами этих накладок являются детали отделки седла, на которых изображен лось, из того же кургана [Руденко, 1953, рис. 128]. Изображение лошади на седельных пластинах из Объездного-1 сходно также с бронзовой бляхой с конского убора из Тувы [Королькова, 2006, с. 187, табл. 18, 1] (рис. 8, 4).

На верхнем суставе левой передней ноги и нижнем суставе правой задней ноги лошади (см. рис. 3, 4), возможно, показаны браслеты или орнаментированные перевязи, характерные для восточной конской упряжи.

На изображении лошади в углублениях ушей, глаз, скулы, шеи, плеч, туловища и ног сохранились фрагменты красного красителя (см. рис. 4). Раскраска характерна для пазырыкских роговых изделий. Она сохранилась на седельной пластине с изображением лося из Третьего и рогового налобнике из Пятого Пазырыкских курганов [Руденко, 1953, с. 180, рис. 150, а]. Следы раскраски присутствуют на роговой пряжке из Маймы XIX (рис. 9). Краска на изображении лошади из Объездного-1 нанесена в рельефных углублениях (рис. 10). Особенno интересны “скобки” и округлые углубления на крупе. Такая декоративная деталь, по мнению С.И. Руденко, встречается в металлопластике из пазырыкских курганов как элемент ближневос-

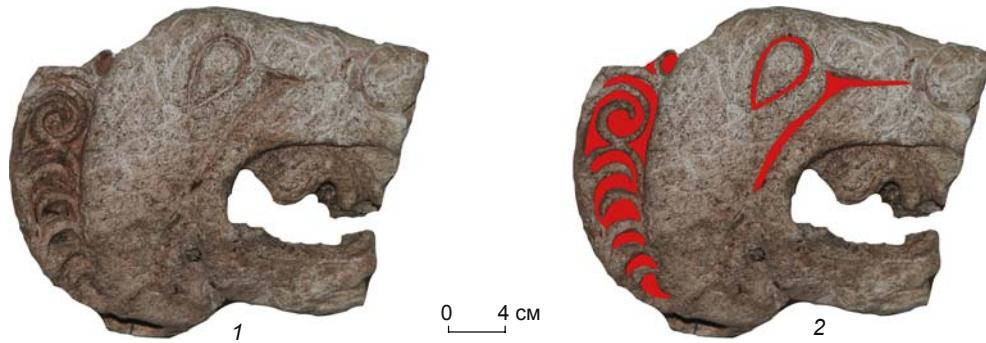

Рис. 9. Роговая пряжка с изображением головы барса из Маймы XIX (Северный Алтай).
1 – изделие со следами красителя; 2 – реконструкция раскраски деталей изображения.

точных влияний на скифо-сибирскую художественную традицию.

Изображение лошади наносилось на роговую пластину в несколько этапов, о чем свидетельствует контур срезанных ног лошади на одной из планок (см. рис. 4, 2; 11, 1).

На рассматриваемых седельных накладках имеются отверстия. По функциональному назначению их можно подразделить на три группы (рис. 11, 2). Большое центральное отверстие, очевидно, связано с конструктивными особенностями седла; малые по краям предназначались для крепления украшения к седлу. Отверстия на крупе и шее изображения лошади были сделаны в ходе починки изделия. Аналогичные отверстия имеются и на одной из пряжек-подвесок (рис. 12, 4). Все отверстия делались на уже вырезанном и раскрашенном изображении лошади. При этом часть его деталей была просто срезана. На роговых предметах конской сбруи из кург. 36 Берельского некрополя отмечена аналогичная особенность [Самашев, Бородовский, 2004]. Таким образом, “автономность” произведений скифо-сибирской художественной традиции [Федоров-Давыдов, 1976, с. 15–54] намеренно разрушалась при “подгонке” под необходимые функциональные потребности. На роговую накладку из Объездного-1 сначала нанесли богатый декор, а затем уже завершили окончательное оформление изделия. Исходя из современной “производственной логики” это возможно в случае использования предметов не по первоначальному их назначению или изготовления изделия вне “контекста” дальнейшего монтажа. Таким образом, принцип единства предмета и изображения на нем, характерный для скифо-сибирской художественной традиции [Там же, с. 24, 34], явно нарушен.

Рис. 10. Реконструкция раскраски изображения лошади на седельной накладке из Объездного-1.

Отверстия для починки свидетельствуют о сходстве технологии ремонта роговых седельных пластин из Объездного-1 и бронзового зеркала из Быстровки-1 [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 165]. Эта особенность предмета указывает не только на длительность его использования, но и, возможно, на то, что изделие импортное. Несмотря на широко распространенное мнение о исключительно местном происхождении древнего косторезного дела, такие факты игнорировать не следует.

Миндальвидные очертания роговых накладок из Объездного-1 типичны для декоративных пазырыкских седел. Предметы такой формы производились из самых различных органических материалов: рога, дерева, войлока [Полосьмак, Баркова, 2005, с. 125–127], кожи. Раскрашенная рельефная орнаментация изображения лошади из Объездного-1 обнаруживает сходство с прорезными пазырыкскими аппликациями из кожи и войлока.

Совершенно особое место занимает образ фантастического существа, изображенного на роговых

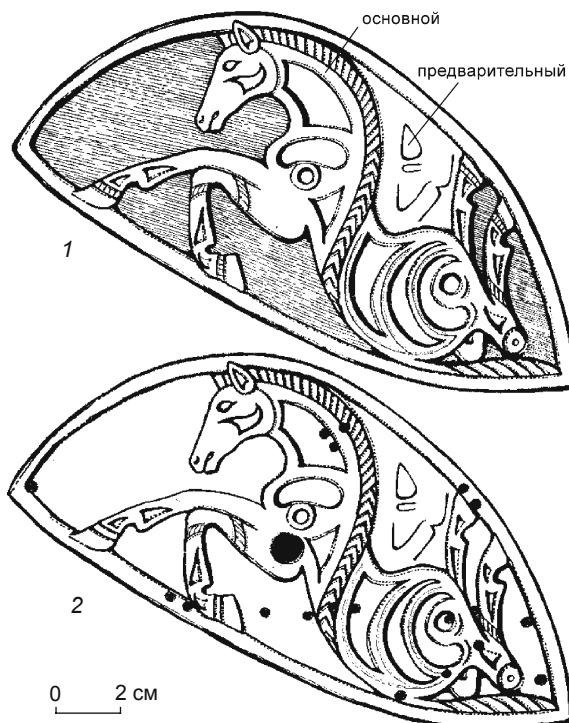

Рис. 11. Последовательность нанесения изображения (1), изготовления отверстий для крепления и починки (2) на роговой седельной бляхе из Объездного-1.

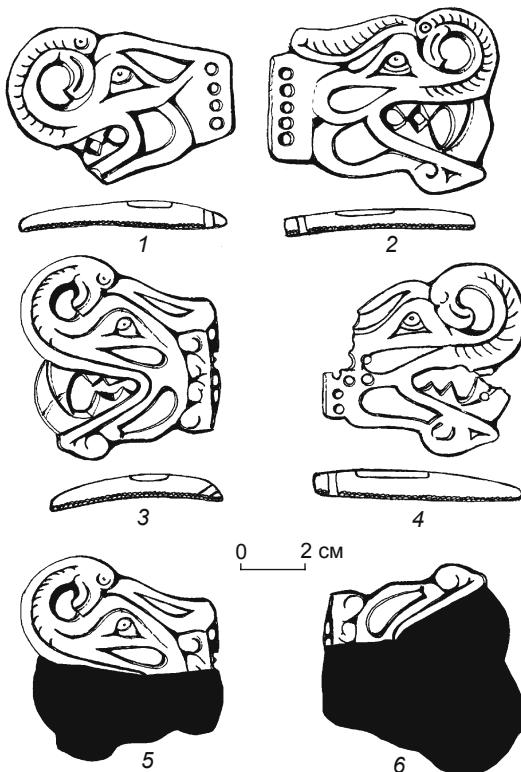

Рис. 12. Прорисовка пряжек-подвесок из Объездного-1.
1–4 – изображения грифослона; 5 – изображение птицы с повернутой назад головой; 6 – изображение головы барана.

седельных пряжках-подвесках из Объездного-1 (рис. 12). Его можно охарактеризовать как грифослона, изредка встречающегося в скифском искусстве. Такое изображение присутствует на рукояти церемониальной келермесской секиры [Scythian art, 1986, p. 40] (рис. 13). Контуры головы этого фантастического существа имеют некоторое сходство с профилем хищной птицы, что является одним из отличительных признаков африканского слона [Кисель, 2003, с. 43]. Поэтому окончание хобота, выполненное в виде головы хищной птицы, на подвесках из Объездного-1 вряд ли случайно. В сравнении с келермесским этот грифослон выглядит еще более «чудовищным». У него огромные зубы и клыки хищника семейства кошачьих. Такая же оскаленная пасть и на упоминавшемся выше изображении головы барса на роговой пряжке из Маймы XIX на Северном Алтае (см. рис. 9). Этот предмет также использовался, скорее всего, для украшения узды или упряжи.

Как отмечалось выше, в состав образа грифослона из Объездного-1 входит широко распространенное в эпоху раннего железа изображение птицы с повернутой назад головой. Шея пернатого является одновременно хоботом чудовища (см. рис. 12, 5). В Сибири изображения птицы с повернутой назад головой появляются на резных костяных изделиях еще в эпоху раннего металла (Усть-Илирский могильник) [Абдулов, Друлис, Дзюбас, 1992, с. 108]. В раннем железном веке, кроме тагарской металлокерамики, предметы, на которых запечатлен этот образ, известны на территории Верхнего Приобья (Ордынское-1) [Бородовский, 1997, с. 171, табл. 10, 10], Ордоса [Bunker, 1996, p. 46, fig. A45] и Горного Алтая (Пятый Пазырыкский курган) [Руденко, 1953, с. 180, рис. 150, а]. По мнению некоторых исследователей

[Фурсикова, 1998, с. 179], изображение хищника, терзающего двух водоплавающих птиц, на конском налобнике из Пятого Пазырыкского кургана является плоскостной разверткой объемного изображения. Учитывая парность роговых пряжек-подвесок на седельных ремнях из Объездного-1, в них можно видеть схематизацию объемности изображения, как и в случае с образом лошади с перекрученным туловищем с роговых накладок этого седла.

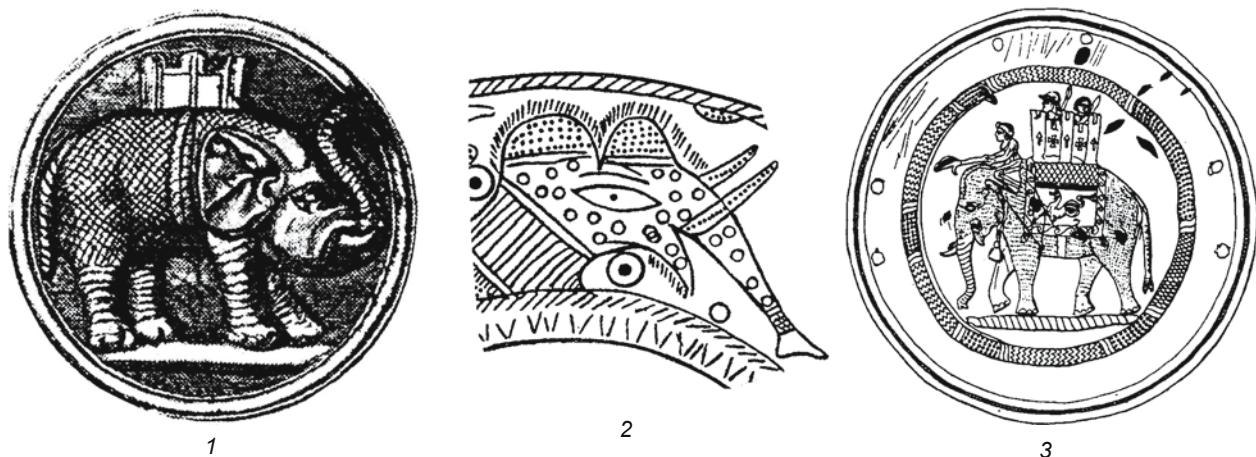
Окончание нижней челюсти грифослона оформлено в виде головы барана (см. рис. 12, 6), что, возможно, связано с широко распространенными среди кочевого населения Евразии представлениями о фарне как символе удачи [Бородовский, 2004]. Этот образ представлен на деталях конского снаряжения скифского времени на территории Южной Сибири [Там же, с. 138–139; Полосьмак, Баркова, 2005, с. 127]. Стилистически изображение головы барана очень близко к зооморфным концам бронзового браслета VI в. до н.э. из Северного Ирана [Берч, 1999, с. 23]. Наличие рогов на изображении фантастического существа вполне укладывается в скифо-сибирскую художественную традицию, отраженную в образе бараногрифона. Он особенно распространен на раннескифских (VII–VI вв. до н.э.) резных роговых украшениях узды (Келермес, Темир-гора, Журовка, [Scythian art, 1986, р. 23, 24, 26, 27, 36]. Этот образ синхронен изображению грифослона на келермесской церемониальной секире.

Изображение грифослона на предметах конской упряжи из Объездного-1 могло быть связано с тем, что в эпоху эллинизма в мировой военной практике стали известны случаи столкновения конницы и боевых слонов. Использование последних – наиболее существенное нововведение в военном деле начального периода эллинизма (334–323 гг. до н.э.). Первое

столкновение македонской армии с боевыми слонами произошло в Персии у Гавгамелл (331 г. до н.э.). Спустя пять лет в Пенджабе у Гидасп (326 г. до н.э.) состоялась наиболее масштабная битва с участием этих животных (200 слонов). Македонская армия начала использовать индийских боевых слонов с III в. до н.э. Широкое применение этого животного в военном деле античного мира прекратилось только после Пунических войн (264–146 гг. до н.э.) [Коннолли, 2001, с. 74–75]. В данный исторический период изображения слонов появились в архитектурных деталях [Schauerte, Wennig, 2005, Abb. 79], римской нумизматике [Коннолли, 2001, с. 74–75] и декоре конского металлического снаряжения – на серебряных фаларах (рис. 14, 1, 3) [Щукин, 2001, с. 82].

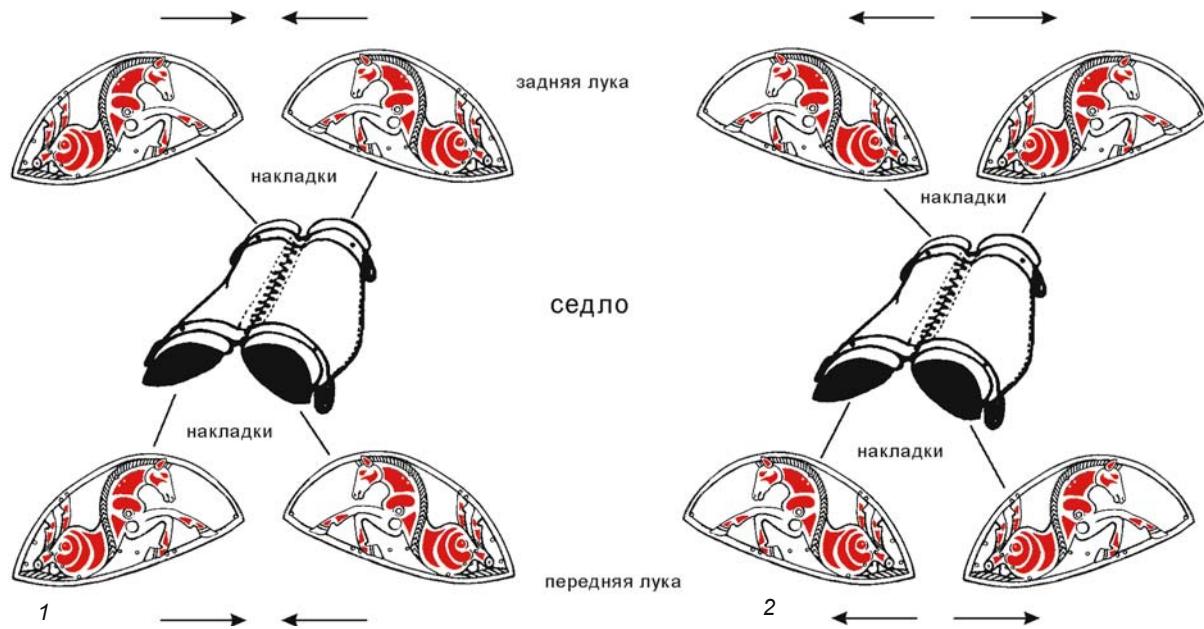
Население скифского времени Верхнего Приобья имело опосредованное знакомство с таким экзотическим животным, как слон. Об этом свидетельствует целый ряд предметов с его изображением, в т.ч. серебряный греко-бактрийский фалар из Сибирской коллекции Петра Великого (рис. 14, 3) и бронзовое зеркало из Рогозихи-1 [Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 32, 175, рис. 54].

Следует подчеркнуть, что серия бронзовых зеркал из Быстровки-1, Рогозихи-1, Локтя-4а, Пазырыка имеет, скорее всего, индийское происхождение [Васильков, 2000, 2001; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 32, 175, рис. 54]. На наш взгляд, изображение грифослона на пряжках из Объездного-1 является ключевым для интерпретации всего комплекса предметов, так же как и рисунок на зеркале из Рогозихи-1, на котором выгравирована голова слона (рис. 14, 2) [Васильков, 2001, с. 337]. Даже в индийской среде изображались не реальные животные, а чудесный легендарный слон, дар богов [Там же, с. 338], что неотъемлемо было связано со сверхвозможностями.

Rис. 14. Изображения слонов раннего железного века.

1 – серебряный фалар с о-ва Сарк в Ламанше; 2 – гравировка на зеркале из Рогозихи-1 (Верхнее Приобье);
3 – серебряный фалар из Сибирской коллекции Петра Великого (Западная Сибирь).

Rис. 15. Варианты компоновки седельных налужных накладок из Объездного-1.

Поэтому в кочевой среде боевая мощь слона могла проецироваться через декор сбруи на лошадь.

На основании комплектности и особенностей декора роговых деталей седла из погр. 4 кург. 1 Объездного-1 его предварительно можно реконструировать следующим образом (рис. 15). К передней и задней луке мягкого седла прикреплялись накладки с изображениями лошадей, расположенными мордами друг к другу (рис. 15, 1). “Зеркальность” композиций характерна для роговых деталей пазырыкской конской упряжи (Пазырык-2, -5, Коллекция Фролова) [Фурсикова, 1998, с. 179–180]. Другой вариант расположения накладок – изображения лошадей развернуты в противоположные стороны (рис. 15, 2). Такая компоновка седельных украшений известна среди конского снаряжения из Второго Башадарского и Пятого Пазырыкского курганов. Она соответствует геральдическим композициям скифского времени [Баркова, 1995, с. 67, рис. 2, 8]. Длинная роговая накладка из погр. 8 кург. 4 Объездного-1 вполне могла крепиться к подхвостным ремням мягкого седла. Аналогичные предметы известны в погребениях скифского времени Аймырлыга (Тува), Цзяохэ (Синьцзян).

Интерпретируя функциональные возможности мягких седел эпохи раннего железного века, С.И. Руденко пришел к заключению, что они более характерны для степи, а не для гор [1960, с. 227, 228]. Выводы некоторых исследователей об отсутствии седел с роговыми дужками на сопредельных территориях Горного Алтая [Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 48] не обоснованы. Нахождение седла такого типа на Приобском плато, далеко за северной границей

Алтайских гор, свидетельствует о распространении такого конского снаряжения на равнинных территориях в скифское время.

Заключение

Роговые детали мягкого седла из Объездного-1 аналогичны пазырыкским и сакским зооморфным украшениям. Для Приобского плато это далеко не случайно, поскольку данный регион является транзитной территорией, объединяющей степные пространства Казахстана и Алтайские горы.

Курганы Объездного-1, очевидно, имеют отношение к сакам Казахстана, продвинувшимся в Верхнее Приобье в середине I тыс. до. н.э., что обусловило своеобразие керамики, ритуальных принадлежностей, украшений, вооружения и конского снаряжения [Могильников, 1997, с. 103, 108]. Поэтому сходство изображения лошади на седельных накладках из Объездного-1 с золотым зооморфным декором вооружения из Иссыка и Новотроицкого II (см. рис. 8, 5, б) вряд ли случайно.

Принадлежность погребального комплекса Объездное-1 сакскому населению верхней Оби [Телегин, Бородовский, 2005, с. 475] может быть одной из полноправных интерпретаций этого памятника. В районе Приобского плато казахстанский и горно-алтайский косторезные центры [Бородовский, 1999б] раннего железного века, вероятно, тесно взаимодействовали. Результатом таких контактов вполне могли стать роговые украшения, найденные в Объездном-1.

В этих предметах органически сочетаются западные и восточные образы скифо-сибирского и ближневосточного искусства. Большое количество образов (грифослон, птица с повернутой головой назад, баран-фарн) в декоре седла из Объездного-1 позволяет провести параллель с “загадочными картинками”, характерными для резных роговых изделий из Тувы и Казахстана. Резными роговыми изделиями, имеющими прямые соответствия в Центрально-Азиатском регионе [Бородовский, 1995, с. 58–59; 1999б, с. 25–26], вполне уместно дополнить круг сходных предметов комплексов верхней Оби, Алтая и Тувы скифского времени [Чугунов, 2001, с. 174, табл. I].

Раскраска роговых седельных накладок соответствует традициям отделки пазырыкских резных изделий из рога (Пазырык, Берель, Майма). Максимальное влияние горно-алтайского косторезного центра на равнинные территории приходится на V–IV вв. до н.э. Это нашло отражение в резных роговых изделиях из Рогозихи-1 [Уманский, 1987, 1992; Могильников, 1997, с. 104], Нового Шарапа-2, Вяткина, Объездного-1.

Появление изображений грифослона в отделке конской упряжи из Объездного-1 могло быть связано, кроме мифологического контекста, с тем, что в период после походов Александра Македонского получило известность боевое использование слонов. В таком случае декор седла из Объездного-1 – один из ранних фактов отражения нововведения (боевых слонов) в военном деле эпохи эллинизма. С учетом возможной сакской принадлежности населения Верхнего Приобья во второй половине I тыс. до н.э. это не кажется невероятным. Саки приняли самое непосредственное участие в событиях эпохи Александра Македонского [Гаивов, Кошеленко, 2005, с. 118]. Кроме того, в V–IV вв. до н.э. в Верхнее Приобье и Кулунду проникли небольшие группы кочевников из Южного Приуралья и Северного Казахстана [Могильников, 1997, с. 104].

Комплект роговых украшений из погр. 4 кург. 1 Объездного-1 является одним из наиболее представительных для степной зоны за пределами Горного Алтая. При этом конское снаряжение помещалось в захоронения без погребения лошадей. Его присутствие в погребальных комплексах равнинной части юга Западной Сибири вряд ли стоит интерпретировать исключительно как частичное воспроизведение захоронения с конем, характерного для эпохи древних кочевников. В степной и лесостепной зонах Верхнеобского региона при многочисленности конских табунов в хозяйстве населения скифского времени помещение лошадей в могилу могло не восприниматься как абсолютный символ социального престижа. Тогда как элитные комплексы сбруи с высокохудожественной отделкой вполне могли выполнять такую функцию.

Седло с роговыми украшениями из центрального погребения многомогильного кургана Объездного-1, очевидно, принадлежало знатному представителю населения второй половины I тыс. до н.э. равнинной части Южной Сибири, связанному с сакской средой или выходцу из нее. Традиционно в кочевой среде седло являлось не только функциональной частью конского снаряжения, но и символом престижа и большой ценностью. Конская сбруя скифского времени с “богатой” отделкой вполне соответствовала этим требованиям. Именно поэтому такие предметы помещались в элитные курганы Горного Алтая (Берель, Пазырык) и центральные захоронения многомогильных погребальных комплексов (Рогозиха-1, кург. 7, погр. 8; Новый Шарап-2, кург. 2; Объездное-1, кург. 1, погр. 4) юга Западной Сибири.

Список литературы

Абдулов Т.А., Друлис М.В., Дзюбас С.А. Усть-Илирский могильник (проблемы хронологии и культурной принадлежности) // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. – Красноярск: – Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1992. – Ч. 2. – С. 107–110.

Акишев К.А. Курган Иссык. – М.: Искусство, 1978. – 130 с.

Баркова Л.Л. Резные изображения животных на саркофаге 2-го Башадарского кургана // АСГЭ. – 1984. – Вып. 25. – С. 83–89.

Баркова Л.Л. О хронологии и локальных различиях в изображении травоядных и хищников в искусстве ранних кочевников Алтая (опыт стилистического анализа) // АСГЭ. – 1995. – Вып. 32. – С. 60–76.

Баркова Л.Л., Панкова С.В. Татуировки на мумиях из больших Пазырыкских курганов (новые материалы) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 2. – С. 48–59.

Берч П.К. Украшения Востока. – Париж: Б.и., 1999. – 190 с.

Бородовский А.П. Снаряжение верхового коня второй половины I тыс. до н.э. (по материалам раскопок на Северо-Западном Алтае) // Эпоха камня и палеометалла азиатской части СССР. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 73–80.

Бородовский А.П. Трехмерность пространства в одной из многофигурных композиций скифо-сибирского искусства // Методология и методика археологических реконструкций. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1994. – С. 83–90.

Бородовский А.П. Сюжеты зооморфных гравировок саргатской поясной гарнитуры как отражение культурно-исторических связей // Гуманитарные науки в Сибири. – 1995. – № 3. – С. 55–61.

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э.– первая половина I тыс. н.э.) – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 224 с.

Бородовский А.П. Новые аналогии роговой резной пластины с лошадью из Саглы-Бажи-2 // Гуманитарные науки в Сибири. – 1999а. – № 3. – С. 90–91.

- Бородовский А.П.** Центры художественной косторезной обработки скифской эпохи на юге Западной Сибири // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999г. – С. 23–26.
- Бородовский А.П.** Фарн скифского времени в Сибири и особенности изображения рога // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 4. – С. 135–140.
- Бородовский А.П.** Упряжь и раскрой рога в Западной Сибири // Западная и Южная Сибирь в древности. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – С. 58–62.
- Бородовский А.П., Галямина Г.И.** Саргатское резное роговое изделие из Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2001. – Т. 7. – С. 271–276.
- Васильков Я.В.** Домаурское искусство Индии в курганах Южной Сибири: Идентификация сюжета на зеркале из могильника Рогозиха-1 // Евразийское пространство: Звук и слово. – М.: Б.и., 2000. – С. 77–86.
- Васильков Я.В.** Индийская сказка на скифском Алтее: семантика интерпретации рисунка на зеркале из могильника Рогозиха-1 (V в. до н.э.) // Мат-лы Конф., посвященной 110-летию со дня рождения акад. Виктора Максимовича Жирмунского. – СПб.: Наука, 2001. – С. 335–345.
- Гаибов В.А., Кошеленко Г.А.** Кочевники Средней Азии в эпоху Александра Македонского (данные письменных источников) // ВДИ. – 2005. – № 1. – С. 103–127.
- Грач А.Д.** Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 256 с.
- Киреев С.И., Шульга П.И.** Сбруйные наборы Уймонской долины // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АК-чечек, 2006. – С. 90–107.
- Кисель В.А.** Шедевры ювелиров древнего Востока из скифских курганов. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. – 230 с.
- Коннолли П.** Греция и Рим: Энциклопедия военной истории. – М.: Эксмопресс, 2001. – 320 с.
- Королькова Е.Ф.** Звериный стиль Евразии: Искусство племен Нижнего и Южного Поволжья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). – СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. – 272 с.
- Могильников В.А.** Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до. н.э. – М.: Пущин. науч. центр РАН, 1997. – 196 с.
- Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л.** Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). – Новосибирск: ИнфоЛиопресс, 2005. – 229 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 387 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 360 с.
- Русакова И.Д.** К вопросу о мифологических представлениях ранних кочевников // Археология Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 96–99.
- Самашев З.С., Бородовский А.П.** Роговые украшения конской узды и упряжи из Берельского некрополя // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3. – С. 82–87.
- Сергеев С.М.** О резных украшениях конской узды из “скифского” кургана на Алтае // СА. – 1946. – Т. 8. – С. 289–292.
- Советова О.С.** Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2005. – 140 с.
- Телегин А.Н.** Раскопки курганной группы Объездные-1 // АО 2004 года. – М.: Наука, 2005. – С. 491–492.
- Телегин А.Н., Бородовский А.П.** Резные роговые украшения седла скифского времени с Приобского плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2005. – Т. 9, ч. 1. – С. 470–475.
- Троицкая Т.Н., Бородовский А.П.** Большечеченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 194 с.
- Уманский А.П.** К вопросу о взаимодействии горных и лесостепных племен Алтая в эпоху раннего железа // Проблемы истории Горного Алтая. – Барнаул: Барнаул. гос. пед. ин-т, 1987. – С. 35–54.
- Уманский А.П.** Рогозихинские курганы по раскопкам Барнаульского пединститута в 1985 г. // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ин-та, 1992. – С. 51–59.
- Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И.** Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – 203 с.
- Федоров-Давыдов Г.А.** Искусство кочевников и Золотой Орды. – М.: Искусство, 1976. – 227 с.
- Фурсикова Е.Г.** Симметричные композиции на металлических пластинах гунно-сарматского времени // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. – СПб.: Культ-информпресс, 1998. – С. 178–181.
- Цзяохэ** гучэн – 1993, 1994 няньду каоту фацюе баогао (Городище Цзяохэ – отчет об археологических раскопках 1993–1994 гг.). – Пекин: Дунфан, 1998. – 206 с. (на кит. яз.).
- Чугунов К.В.** Локально-хронологические особенности Тувы в середине I тыс. до н.э. // Евразия сквозь века. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2001. – С. 173–178.
- Щукин М.Б.** “Сарматские” серебряные фалары: “Греко-бактрийский стиль” или стиль “Малибу”? // Евразия сквозь века. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2001. – С. 81–85.
- Banker E.C.** Ancien bronzes of the eastern Eurasian steppes. – Santa Monica: S.n., 1996. – 400 p.
- Samasev Z.S., Bazarbaeva G.A., Zumambekova G.S.** Die “goldhutenden Greife” des Herodot und arhäologische Kultur der frühen Nomaden im kazachischen Altai // Eurazia anticqua. – 2002. – Bd. 8. – S. 237–276.
- Schauerte G., Wennig R.** Verhemelzung der Kulren: Petra-Decapolis // Gesichter des Orients 10 000 Jahre Kunst und Kultur aus Jordanien. – Berlin; Bonn: S.n., 2005. – S. 112–114.
- Scythian art.** – L.: Yskysstvo 1986. – 183 p.

УДК 903.2

А.В. Гордиенко

Санкт-Петербургский государственный университет
Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург, 199034, Россия
E-mail: gordienkoalexei@mail.ru

РАДУЖНИНСКИЙ “КЛАД”*

Введение

Летом 2003 г. недалеко от г. Радужного местный житель случайно нашел несколько предметов из бронзы, не походивших на современные изделия. Находки были отнесены в городской музей. Оказалось, что это предметы из захоронения, задетого при строительстве дороги. Вещи были переданы на постоянное хранение в Радужнинский эколого-этнографический музей (РЭМ)**, а в полевом сезоне 2004 г. на месте их обнаружения проведена археологическая разведка [Тюрин, 2005; Археологические находки..., 2003]. Так началась во многом типичная современная история Радужнинской археологической коллекции.

Место и условия обнаружения “клада”

Радужнинский “клад” найден в 17 км к северу от г. Радужного Нижневартовского р-на Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, в 0,5 км от русла р. Агрнъёган, на центральной части приречной полосы. Это отдаленный таежный район, однако посредством гидрографической сети он связан с главной водной магистралью Западной Сибири – р. Обью:

*Данная публикация подготовлена при поддержке Международной программы стипендий Фонда Форда. Выводы и мнения, содержащиеся в этой публикации, отражают исключительно точку зрения автора и могут не совпадать с мнением Международной программы стипендий Фонда Форда или ее спонсоров.

**Выражаю благодарность директору музея Р.А. Тюрину за возможность использования материалов для публикации.

Агрнъёган является правым притоком р. Аган, которая впадает слева в р. Тромъёган (по другому описанию речной сети они сливаются, образуя протоку Лагарма) – правый приток Оби*.

При осмотре места обнаружения изделий было установлено, что культурный слой полностью разрушен. Переотложенный слой с находками концентрировался на площади ок. 20 м² на внешнем откосе кювета автомобильной дороги. На этом месте был заложен раскоп. В нем обнаружены железные, бронзовые и kostяные предметы, фрагменты костей, принадлежавших четырем взрослым людям (определение Д.И. Ражева), а также животным (определение П.А. Косинцева), остатки меха и меховых изделий. На материке удалось зафиксировать лишь бурое овальное пятно, оставшееся на месте могильной ямы. Комплекс интерпретирован как захоронение и получил условное название “могильник Агрнъёган I” [Карачаров, Носкова, 2005, с. 447–448; 2006, с. 179–181].

Состав “клада”

“Клад” состоит из 245 предметов и их фрагментов [Тюрин, 2005, с. 170]. Для удобства рассмотрения они разделены на несколько групп: вооружение, принадлежности костюма и украшения, бытовые и культово-ритуальные предметы. В основу классификации положен тип “собрание предметов, одинаковых по на-

*Карачаров К.Г. Выявление и обследование историко-культурных объектов в окрестностях г. Радужный в Нижневартовском районе ХМАО в 2004 г.: Отчет о научно-исследовательской работе. Нефтеюганск, 2005. – Научный архив РЭМ. С. 24–27.

значению, веществу и форме” [Городцов, 1927, с. 5]. В литературе предложено подразделять подобные комплексы на две группы – вооружение и художественная бронзовая пластика [Тюрин, 2005, с. 170; Зыков, Федорова, 2001, с. 52–53]. Однако это не отвечает классификационным требованиям, т.к. данные группы не охватывают все предметы (например, бусы, котлы) и выделяются по разным основаниям (функциональное назначение и материал изготовления). Предложенная здесь классификация наиболее близка унифицированным иерархическим категориям. Группа культово-ритуальных предметов выделена условно, по содержательным признакам таксонов, что в настоящее время считается приоритетным в археологической типологии [Худяков Ю.С., 1983, с. 77; Генинг и др., 1990, с. 31]. Классификация рассматриваемых предметов не является конечной, т.к. артефакт бывает многофункциональным, его назначение может меняться, чем объясняется условность и формальность археологической типологии [Клейн, 1979, с. 50].

Вооружение представлено наконечниками стрел (фрагменты и целые экземпляры), кинжалами (фрагменты клинов, рукоятей, ножен), палашом (фрагменты клинка и обойма (обжим) ножен или рукоятки), наконечником копья (фрагмент серединной части и лезвия), топором-теслом.

Принадлежности костюма и украшения включают накладки (поясные и одежды), фрагмент эполетообразной застежки, антропоморфную подвеску, бусы, фрагменты серебряных пластинок и проволоки (детали украшений?).

Бытовые предметы – ножи, фрагменты бронзовой чаши и котла, костяная деталь оленевой узды (?), фрагмент изделия кости.

К группе культово-ритуальных предметов отнесена часть отливок из бронзы, не имеющих четко выраженного функционального назначения и приспособлений для крепления, технологически и стилистически отличающихся от основной массы металлопластики. Исходным моментом при этом является то, что назначение изделия во многом обусловливало технологию его изготовления. По указанным критериям к группе отнесены четыре антропоморфные личины, зооморфное и орнитоморфное (антропоорнитоморфное) изображения.

Инвентарь могильника и его интерпретация

Непреложным требованием современной науки является рассмотрение источника в его контексте. При анализе и интерпретации артефактов следует учитывать условия, при которых они были обнаружены. Рассматривая захоронение, необходимо выявлять

роль и назначение каждого предмета применительно к погребальному обряду и, исходя из этого, его трактовать. Радужинская коллекция – не что иное, как погребальный инвентарь. В могиле не могло быть случайных вещей. Все они являлись продуктом определенной культуры и отражали ее систему [Семенова, 2001, с. 152]. Обско-угорский погребальный обряд преследовал две цели: предотвратить вред со стороны умершего живым людям и проявить заботу о покойном, обеспечить возрождение его души [Бартенев, 1895, с. 488; Старцев, 1928, с. 119–120; Чернецов, 1959, с. 143; Соколова, 1978, с. 175; 1980, с. 126]. При рассмотрении Радужинского комплекса этот факт также необходимо учитывать.

Культово-ритуальные предметы. В этой группе наиболее многочисленны антропоморфные личины, представленные четырьмя образцами (рис. 1). На них условно обозначены основные черты лица и некоторые дополнительные детали. Личины подобного типа имеют широкую географию распространения в пределах Западной Сибири и на прилегающих территориях, встречаясь в комплексах середины I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э. Ранние антропоморфные личины и фигуры, относящиеся к белоярско-васюганскому (VIII/VII–IV/III вв. до н.э.) и кулайскому (III в. до н.э. – III в. н.э.) времени, обнаружены в Сургутском Приобье на городищах, поселениях и могильниках Барсовой горы [Чемякин, 2002, рис. 1, 1, 3, 23, 24; 2, 1–3, 13–17; 3, 1, 2; 4, 4, 5, 8, 9]. Известны они также на Хэйбидя-Пэдарском жертвеннем месте [Хэйбидя-Пэдарское жертвеннное место, 1984, рис. 4, 1–5], в Кондинском р-не [Кондинский районный краеведческий музей, 2004, с. 35], Потчевашском могильнике [Мошинская, 1953, с. 201, рис. 4]. Истяцком кладе [Чиндина, 1984, рис. 35, 4] и др. Наиболее близкие аналоги радужинских изображений представлены в Холмогорском комплексе [Зыков, Федорова, 2001, кат. № 2–10]; они датируются концом III – первой половиной IV в. н.э.

Более широкораспространены целые антропоморфные фигуры в различных позах и сочетаниях, но с характерной стилистикой передачи черт лица. Они обнаружены на Степановском городище [Полосьмак, Шумакова, 1991, рис. 1, 1–6], в составе Кривошеинского [Там же, рис. 5, 2] и Новообвинского [Там же, рис. 5, 1] кладов, на реках Чая и Кеть (Рыбинск) [Там же, рис. 3, 1, 3, 4; Чиндина, 1984, рис. 17, 5; 18, 2, 5], Кулайском культовом месте [Чиндина, 1984, рис. 17, 3, 4; 18, 1, 3, 7, 10], у с. Напас в Томской обл. [Там же, рис. 17, 1, 2, 7], на Парабельском культовом месте [Там же, рис. 18, 4], р. Васюган [Там же, рис. 18, 8], в Лозгинском кладе [Чернецов, 1953, табл. XV, 1–7; XVI, 1–4] и др.

Назначение антропоморфных личин определяется вполне конкретно. Практически идентичные радужинским холмогорские изображения использовались в качестве масок кукол-иттарма [Зыков, Федорова, 2001,

Рис. 1. Антропоморфные личины. Фото автора.

с. 61]. В рассматриваемом комплексе обнаружены фрагменты костей, принадлежавших четырем взрослым людям; и, что интересно, личин в коллекции тоже четыре (по одной маске-накладке на каждого погребенного). На подвеске в виде изображения младенца в люльке также представлены четыре личины. Следует отметить, что при исследовании комплекса, помимо большой могильной ямы, была выявлена маленькая, 36×28 см*. Возможно, это семейное захоронение: в большой яме были погребены четыре взрослых человека, в маленькой – младенец, для которого и предназначалось пятое антропоморфное изображение, соединяющее в себе образы всех членов семьи.

В рассматриваемое время исследователями отмечаются связи южно-сибирского таштыкского населения с обитателями таежного севера, которые в культурном отношении во многом зависели от юга [Киселёв, 1949, с. 225]. В Радужниковском комплексе действительно отмечаются черты, характерные для позднетагарской и таштыкской погребальной обрядности (об их происхождении будет сказано в заключении; пока отметим следы этого влияния). Их культурно-маркирующей особенностью является использование масок из терракоты – традиция, которая прослеживается с позднетагарского времени [Там же, с. 222]. Антропоморфные бронзовые личины из Радужниковской коллекции, по сути, представляют собой вариант погребальной маски, результат синтеза таежных и южных традиций погребальной обрядности. Отмечаются следующие общие черты. Таштыкские маски изображали не только лицо, но и уши, подбородок, шею. На радужниковских отливках также переданы основные черты лица,

Рис. 2. Накладка с изображением пары бобров.
Фото РЭМ.

литником обозначена шея. Все таштыкские маски индивидуальные; при этом изображались как мужчины, так и женщины. Радужниковские личины, несмотря на схематизм и однотипность, также подчеркивают индивидуальные черты погребенных. Можно выделить две мужские (рис. 1, 2, 3) и две женские (рис. 1, 1, 4) личины. На других предметах также два мужских (и одно детское мужское) и два женских изображения, о чем будет сказано ниже. Как правило, таштыкские маски раскрашивались; так передавалась татуировка лица. На бронзовых личинах, как отмечается в литературе, татуировка показана литьми полосами на щеках [По-

*Карачаров К.Г. Выявление и обследование историко-культурных объектов... С. 28.

лосьмак, Шумакова, 1991, с. 21–23]. У двух радужинских личин на щеках дугообразные линии (см. рис. 1, 1, 4), обращенные выпуклой стороной к центру и симметричные относительно носа; у одной из них еще короткие диагональные линии на скулах (см. рис. 1, 1). В таштыкских могилах встречены тканевые маски, на которых делались прорези для глаз и рта. Именно эти черты всегда присутствуют на бронзовых личинах. Возможно, валиковыми тонкими линиями они имитировались в другом материале.

Нужно отметить, что маски присутствуют не во всех таштыкских погребениях (даже в одной могиле они были не у всех); это свидетельство особого социального статуса [Киселёв, 1949, с. 251]. В рассматриваемой коллекции количество масок соответствует числу погребенных, что говорит о равном общественном положении покойных.

Есть несколько трактовок назначения таштыкских масок. С.В. Киселёв видел в масках проявление культа предков [Там же, с. 252]. Некоторые исследователи считают, что использование маски вызвано желанием отделить покойника, дав ему средство навсегда уйти из мира живых [Кулемзин, 1984, с. 135], восстановить нарушенную границу между мирами, изолировать саму смерть инейтрализовать ее последствия [Балакин, 1998, с. 139]. По мнению В.И. Семеновой, посредством маски умерший должен был получить весть о своей смерти и не стараться вернуться назад [2001, с. 149].

К группе культово-ритуальных предметов также отнесена зооморфная накладка в виде двух фигур бобров (рис. 2). На фоне многочисленных изображений этих животных в материалах памятников Западной Сибири это весьма оригинальная отливка. Во-первых, предмет сделан по “древней” технологии – без вторичной доработки, с неубранным большим литником, чем сближается с описанной выше группой личин-масок. Во-вторых, животные изображены в совершенно неизвестной ранее позе – в вытянутом положении на спине, так что задние лапы оказались поверх хвоста, морды – анфас. Бобров всегда показывали сбоку или сверху [Полосьмак, Шумакова, 1991, с. 45], а их морды – в профиль. Известно только одно изображение бобра в такой позе, но это изделие относится к X–XI вв. и, в отличие от рассматриваемого предмета, выполнено более тщательно (с полировкой внешней стороны), имеет петлю для крепления на обороте [Зыков и др., 1994, кат. № 145]. В-третьих, на радужинской накладке изображены самец и самка. Фигура справа имеет крупный череп (относительно второй фигуры), широкий лоб, большие острые резцы, между ног небольшим вертикальным отрезком показан мужской половой признак. У фигуры слева небольшой череп (относительно первой фигуры), узкий лоб, слабо выраженные резцы, между ног невысокий конус, обозначающий, видимо, женский половой признак.

Н.В. Полосьмак и Е.В. Шумакова убедительно показали связь бобра с женским началом: эти животные олицетворяли ипостась женского божества, Калташ-экву. Появление этого персонажа в погребальном комплексе не случайно. Калташ-эква, изображаемая в виде бобров, символизирует идею продолжения жизни, возрождения, в то же время она связана с Нижним миром, как и сама женщина. Сложение этого образа авторы относят к I в. до н.э., его распространение свидетельствует о культе женского божества в то время [1991, с. 40–54]. Следует отметить, что в рассматриваемом комплексе идею продолжения жизни символизирует пара бобров – самец и самка, как природное единство полов, благодаря которому и возможно продолжение жизни.

Орнитоморфное (или антропоорнитоморфное) изображение представляет собой объемную фигуру; ее детали выполнены валиками и проработаны только с одной стороны. С рассматриваемой группой изделие сближает технологическая схема изготовления: “скелетный” стиль, отсутствие признаков послелитейной доработки и приспособлений для крепления, наличие литника, которым передана голова существа.

Следует согласиться с К.Г. Карабаровым, который отмечает сходство сохранившихся деталей изображения с орнитоморфными отливками из кладов, найденных на горе Карапульной и у с. Огневского (д. Огневая) на Урале*. Таким образом, изделие маркирует культурные связи с Уральским регионом. В то же время “скелетный” стиль – характерная черта кулайского искусства [Полосьмак, Шумакова, 1991, с. 9–12]. М.Ф. Косарев пишет, что “скелетный” мотив в трактовке человека или животного может символизировать прозрачность и чистоту тела и являться показателем культовой значимости [1984, с. 196]. Подобные изображения в погребальном инвентаре играли роль специализированных вместилищ душ или их переносчиков [Семенова, 2001, с. 146–160].

Особенность рассмотренных предметов обусловлена принципом их изготовления: изображение делалось очень условным, остатки металла в литнике не удалялись, не производилась послелитейная обработка, что характерно для металлической пластики раннекулайского (васюганского) времени [Чиндина, 1984, с. 40]. Вместе с тем изделия (кроме последнего) выполнены из оловянистой бронзы (анализ визуальный), которая была неизвестна в васюганское время и начала распространяться на территории Западной Сибири только с рубежа эр [Кузьминых, 1999, с. 46].

Принадлежности костюма и украшения. Среди них наличествует антропоморфная подвеска пирамидальной формы с условным изображением на каж-

*Карабаров К.Г. Выявление и обследование историко-культурных объектов... С. 32.

дой стороне по паре личин и массивной петлей для подвешивания сверху. По манере передачи черт лица тонкими валиками она сближается с личинами-масками, но это уже другой тип изделия.

Поясная гарнитура представлена фрагментом эполетообразной застежки и накладками. На фрагменте щитка эполетообразной застежки сохранилась часть барельефного изображения медвежьей головы между лапами, за ним, ближе к краю, расположен тонкий псевдовитой кант, далее – цепочка из “жемчужин”, на самой кромке – бордюр, также имитирующий витой шнур, но более широкий.

География распространения подобных изделий довольно обширна. Из клада с городища Барсов Городок I/20 происходят зооморфная застежка, интерпретируемая исследователями как западно-сибирское изделие, представляющее собой отдаленную реплику пьяноборских эполетообразных застежек, с декором из полусфер [Бельтикова, 2002, с. 203–205, рис. 1, 14, 15], датированных I в. до н. э. – II в. н.э. или I–IV вв. н.э. [Там же, с. 206; Зыков и др., 1994, с. 131]. Схожие с последней предметы известны в составе клада с городища Барсов Городок I/9 [Сосновкин, Коротаев, 1974, табл. I, 1, 2]. На севере Западной Сибири подобные изделия есть среди случайных находок из пос. Мужи и Шурышкы на Ямале [Бауло и др., 2005, с. 130–131, рис. 6, 7; Чернецов, 1953, табл. III, 1]. В лесостепных памятниках они обнаружены в районе г. Тобольска [Чернецов, 1953, табл. III, 5], Тарском р-не Омской обл. [Там же, табл. XI, 6], Айдашинской пещере [Отчет..., 1900, с. 52–54, рис. 146], Ишимском кладе [Ермолаев, 1914, табл. 6, рис. 10], Ближних Елбанах [Грязнов, 1949, рис. 47, 2], Усть-Абинском могильнике [Ширин, 2003, с. 69–71, 240, 256; табл. LXXV1, 86; табл. XCII, 21]. Эполетообразные застежки известны в Прикамье [Смирнов, 1949, рис. 5, 2; Худяков М.Г., 1929, с. 44, 49, рис. 2, 3; Древности Камы..., 1933, табл. 6, рис. 33, табл. 11, рис. 12]. Можно констатировать, что они распространены по всему Урало-Сибирскому региону и аккумулируют различные культурные традиции. По вопросу происхождения эполетообразных застежек имеется несколько точек зрения. А.М. Тальгрен считает их прикамскими, М.Г. Худяков относит к изделиям с Кавказа [1929, с. 43], А.П. Смирнов – к ананынской культуре [1949, с. 24], В.Н. Чернецов признает традиционно западно-сибирскими [1953, с. 130].

Поясные накладки в виде четырех невысоких конусов, попарно окантованных имитацией витого шнура в форме восьмерки, представлены 26 образцами. На обороте каждой пары конусов имеется петля, ориентированная вдоль длинной оси восьмерки. Подобные бляхи известны в Западной Сибири на городище Усть-Полуй, где представлены два конуса в псевдовитой “восьмерке” с фрагментами соединений

к такой же недостающей паре [Там же, табл. IV, 11], встроенные конусы в псевдовитом кантите и такие же в прямоугольной рамке (Фонды Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), инв. № 5455-4110, без шифра).

К украшениям костюма относятся круглые накладки, представляющие собой выпуклые отполированные с обеих сторон пластины с отверстием в центре (рис. 3). Одна с ровными краями, другая с волнистыми и прочерченным (процарапанным острым предметом) изображением рожающего существа в характерном “скелетном” стиле, а также пять мелких фрагментов подобных накладок.

Бронзовые изделия такого типа широко распространены на памятниках Западной Сибири: в Холмогорской коллекции [Зыков, Федорова, 2001, с. 144–145, кат. № 33–37], святилище на городище Барсов Городок I/9 [Сосновкин, Коротаев, 1974, табл. II, 1–3; III, 1–7], на городище Усть-Полуй [Чернецов, 1953, с. 135–136, табл. IV, 3; V, 1–4, 9], в могильниках Шеркалинском [Чиндина, 1984, рис. 22, 8, 16], Томском [Комарова, 1952, с. 47–49, рис. 27, 2, 3, 5, 9, 10] и в погребении № 7 на Андреевском городище [Морозов, 1998, рис. 1A, 4], в Айдашинской пещере [Молодин и др., 1980, с. 65, табл. XXIII] и Ишимской коллекции [Ермолаев, 1914, табл. IV, 5, 7, 11, 15]. По мнению А.П. Зыкова и Н.В. Федоровой, они относятся к изделиям среднеазиатского ремесла; похожие небольшие зеркала-диски известны в Фергане, Северной Бактрии, Пенджикенте [2001, с. 144–145]. Рисунки на них наносились западно-сибирским населением уже позже.

К этой группе относится также фрагмент зооморфной накладки, изображающей голову медведя в фас с приоткрытой пастью (рис. 4). Раковины ушей переданы углубленными концентрическими дугами. По верхнему краю проходят кант из мелких “жемчужин” в углубленном поле и желобок под ним. Такой же кант (обведенный двумя желобками) выполнен под шеей животного. На обороте имеются две треугольные петли для крепления. Полных аналогов накладки нет; изделия со сходной иконографией найдены в более поздних памятниках (VI–VIII вв.) почтевашской и релкинской культур [Могильников, 1987, с. 183–193, табл. LXXVIII, 33; с. 216–232, табл. XCIII, 18].

На одной из двух прямоугольных накладок изображены два человека, фланкированные фигурами бобров в “геральдической” позе (рис. 5). У людей показаны воинские атрибуты – уплощенные шлемы, налокотники, наколенники. Оба персонажа переданы в “скелетном” стиле; у нижней фигуры подчеркнут признак мужского пола. Следует отметить, что здесь, как на ранее рассмотренной отливке с изображением пары бобров, запечатлены самец и самка. Так же справа изображен самец – с ярко выраженными резцами, крупными (по сравнению со второй фигурой) глазом,

Рис. 3. Круглая бляха. Фото РЭЭМ.

Рис. 5. Накладка с изображениями воинов, фланкированными фигурами бобров. Фото РЭЭМ.

*Рис. 4. Накладка с изображением медведя.
Фото РЭЭМ.*

Рис. 6. Накладка с тремя антропоморфными фигурами. Фото РЭЭМ.

ноздрей, лапами, причем на передней лапе выпуклая горизонтальная черта (возможно, так обозначена принадлежность к мужскому полу). Слева помещена самка – как в целом фигура, так и ее детали меньше, а на передней лапе выпуклый овал (возможно, обозначена принадлежность к женскому полу). Позвоночники бобров показаны рядом “жемчужин” в углубленном желобке – у самца их восемь, у самки семь.

Антропоморфные персонажи (персонаж), фланкированные фигурами бобров в аналогичной позе, представлены на накладках из Холмогорской коллекции (судя по изображению, на ней также показаны самец и самка) [Зыков, Федорова, 2001, кат. № 21] и Усть-Ишимского р-на Омской обл. [Полосьмак, Шумакова, 1991, рис. 24, 3]. Изображения бобров в “геральдической” позе без антропоморфных существ обнаружены в пос. Шеркалы, в курганах у с. Кашинского [Там же, рис. 24, 3, 4].

На второй накладке представлены три антропоморфных персонажа (рис. 6). Можно предложить следующую трактовку этой сцены. Изображены двое взрослых и младенец в люльке с лежащим рядом луком (что может указывать на принадлежность ребенка к мужскому полу, как и выделенный признак пола на самом изображении). Туловище центрального персонажа дано в пол-оборота, с выделенной обнаженной грудью со стороны младенца. Второй взрослый персонаж изображен в “скелетном” стиле; в нижней части живота обозначен плод (?). Сцену можно связать с кругом представлений о репродукции и возрождении. Полных аналогов бляхи не выявлено.

Предметы быта. Ножи представлены одним целым экземпляром и тремя фрагментами железных изделий с черешковыми насадками со следами кости (остатки рукоятей). Сохранившийся нож имеет длину 20,7 см; кончик острия обломан. Лезвие клинка ду-

гообразное, обух немного вогнут. По своему облику Радужнинский нож архаичен, тяготеет к кулайским ножам васюганского этапа с вогнутой спинкой и за-кругленным лезвием, обнаруженным на поселении Тух-Эмтор IV и городище Шаманский Мыс [Чиндина, 1984, с. 34, рис. 7, 11, 12]. В отличие от них рассматриваемый экземпляр имеет менее резко выраженные изогнуто-вогнутые контуры, что говорит, скорее, о хронологической разнице.

Следует отметить, что в Радужнинской коллекции нет ни одного фрагмента керамической посуды, но зато наличествуют фрагменты бронзовых котла и чаши.

Котел представлен 35 сильно искаженными фрагментами. Он имеет декор из трех выпуклых параллельных линий, полукруглые ручки с желобком; на дне фиксируется след от поддона, однако его фрагментов не найдено. Ввиду сильной деформации сложно судить о пропорциях и размерах. Самый близкий аналог – котел из Холмогорского комплекса [Зыков, Федорова, 2001, с. 114–115, кат. № 45]. Сходство прослеживается как по декору, так и по отдельным частям (ручки с желобком, поддон в виде растрuba). Кроме того, они были обнаружены в одинаковом состоянии.

Котлы этого типа связываются с культурой хунну Западного Забайкалья и датируются II в. до н.э. – началом I в. н.э.* Подобные изделия найдены и на Восточном Алтае [Васютин, Елин, 1987, с. 86, рис. 2, 58]. Путем их проникновения на север Западной Сибири, начиная с кулайского времени, было Томско-Нарымское Приобье, о чем свидетельствуют обломок котла с горы Кулайки [Чиндина, 1984, с. 136–139], два котла из пос. Дзержинского с р. Томи и котел, обнаруженный близ г. Томска [Чиндина, 1991, с. 36, рис. 12, 7, 8; Ожередов, Яковлев, 1993, с. 104]. Эти изделия проникали на самые северные территории: фрагменты поддона, стенок и ручка котла найдены на городище Усть-Полуй [Чернецов, 1953, с. 142, табл. VII, 1–3] (Фонды Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), инв. № 5455-2261); миниатюрный котел происходит предположительно с городища Макар-Висынг-Тур на р. Ляпин [Там же, с. 149, табл. IX, 7].

В литературе отмечается, что в большинстве своем бронзовые котлы шли в переплавку, о чем свидетельствует присутствие их обломков в местах литеиного производства на кулайских памятниках [Чиндина, 1984, с. 136–137]. На городище Усть-Полуй вместе с фрагментом поддона бронзового котла и многочисленными бесформенными поделками обнаружена чушка из оловянно-свинцового сплава, предназначавшаяся для переплавки [Чернецов, 1953, с. 142–143, табл. VII, 4]. Радужнинский и холмогорский бронзовые котлы были найдены в погребениях (в первом случае – в реальном,

во втором – в символическом), поэтому они должны быть непосредственно связаны с погребальным обрядом. Этот факт можно объяснить, только ответив на вопрос, почему именно котлы шли в переплав. Сыре для бронзолитейного производства поступало с юга в виде слитков и крупногабаритных предметов, в т.ч. котлов [Чиндина, 1984, с. 136]. Помещение значительного количества потенциального сырья в погребение с этой позиции представляется нецелесообразным. Следовательно, объяснение в погребальной практике, в которой нет ничего лишнего или случайного.

Бронзовый котел по своей сути есть предмет быта, однако отношение человека к конкретной вещи принципиально переменно. Часто бытовое и сакральное поля одного предмета плотно наложены друг на друга; его предназначение может меняться от преимущественно бытового до максимально сакрального. Перемещение вещи по шкале сакральных ценностей определяется не только создаваемой внешне по отношению к предмету ситуацией, но и его собственным бытовым и мифоритуальным предназначениями [Балакин, 1998, с. 196–197]. Бронзовый котел по своей бытовой функции связан с жизненно важными процессами и явлениями – едой и огнем. Кроме того, как изделие из цветного металла, он обладает высоким семантическим значением. Выделяется целый ряд функций котла, которые объясняют, с какой целью он оказался в погребении и почему из него изготавливались отливки. Бронзовый котел связан с кругом репродуктивных идей – плодородия, возрождения; эквивалентность сосуда и женского образа (женского лона) – явление в мифологии обычное [Там же, с. 198–200]. Посредством котла могло осуществляться взаимодействие миров, так же как через “дыру”. Он выполнял и защитные функции – ограждал от опасности и зла, носителями которых считались мертвые [Терновская, 1984, с. 128, примеч. 93].

В данном случае котел был помещен в захоронение в качестве жертвы: он был “умерщвлен” – намеренно сломан (холмогорский котел был разломан на множество кусков, кроме того, на его дне фиксируется пробоина [Зыков, Федорова, 2001, кат. № 45]). Согласно древним представлениям, посредством переплавки частей котла и отливки из него фигур людей и животных происходило возрождение самого котла и изображенных персонажей, которые обретали новое существование. Таким образом, котел играет космологически-центральную роль в погребальном обряде.

Наличие в Радужнинском комплексе котла свидетельствует о высоком общественном положении погребенных. Как отмечает С.Г. Баталов, бронзовые котлы являлись принадлежностью социально значимой части кочевого общества и выполняли особую сакральную функцию в жизни рода (коша) или племени, что находит отражение в археологических ма-

*Карачаров К.Г. Выявление и обследование историко-культурных объектов... С. 57–58.

териалах: большинство их обнаружено в погребениях людей высокого социального статуса [2006, с. 149].

Бронзовая чаша представлена четырьмя фрагментами с толщиной стенок 0,06–0,07 см; их поверхность золотистого цвета с темно-серыми и черными разводами. На венчике с внутренней стороны имеется наплыv, образующий ребро. Стенка в этом месте утолщена до 0,12 см. Изделие, безусловно, является предметом “далекого” импорта (Иран или Средняя Азия) и свидетельствует о развитых торгово-обменных связях, которые могли осуществляться следующим образом. Еще в начале раннего железного века формируется система пушной торговли и благодаря этому глубинные области Западной Сибири включаются в экономику Старого Света. “Пушные” и “шелковые” пути, пролегавшие из Китая на Ближний Восток и в Западную Европу через Среднюю Азию и евразийские степи, делали ответвления через юг Западной Сибири и Приуралье в таежную зону Северо-Западной Сибири [Борзунов, Зыков, 2003, с. 105–106]. Н.П. Матвеева пишет об импорте в Прииртышье [1994, с. 45], через которое осуществлялись связи южных культур с Нижним Приобьем [Чернцов, 1947, с. 113]. Основная масса подобных чаши встречается на территории Сургутского Приобья с VIII–IX вв. О связях с такими далекими районами в рассматриваемое время свидетельствуют и несколько фрагментов бронзовой золоченой чаши (?) с растительным орнаментом из Холмогорской коллекции (Фонды Сургутского художественного музея, без шифра).

Еще одна категория вещей коллекции, являющихся предметом “дальнего” импорта и попавших на данную территорию подобным же путем, – бусы. Они представлены двумя рифлеными фаянсовыми бусинами с бирюзовой глазурью. По мнению К.Г. Карабарова, местом их производства является Египет. На сайте Ancient Touch (<http://www.ancienttouch.com>) подобные бусы датированы III в. до н.э.–II в. н.э. По материалам Е.М. Алексеевой, такие украшения встречаются в комплексах Северного Причерноморья III в. до н.э.–I (IV) в. н.э.* Таежным населением бусы могли быть получены в результате торгово-обменных операций с сарматскими племенами, к которым поступало египетское и античное стекло из мастерских Средиземноморья [Матющенко, 1995, с. 76], о чем свидетельствуют две бирюзовые бусины, обнаруженные на Татарском Увале у д. Окунево Муромцевского р-на Омской обл. [Довгалик, 1994]. Такие бусы составляли одну из статей экспортного Древнего Египта и попадали в Сибирь через многочисленных посредников [Матющенко, 1995, с. 76].

Костяные изделия представлены фрагментами, не позволяющими точно их атрибутировать и интерпретировать.

*Карабаров К.Г. Выявление и обследование историко-культурных объектов... С. 52.

Вооружение. В этой группе наиболее многочисленны наконечники стрел – 15 экз. (в комплексе много мелких железных фрагментов, возможно, часть из них принадлежала наконечникам).

Железные наконечники представлены минимум 12 реконструирующими экземплярами трехлопастного черешкового типа с удлиненно-треугольным пером. Все они сильно фрагментированы и коррозированы и не дают возможности для культурно-хронологической атрибуции.

Бронзовый наконечник трехлопастный, удлиненно-треугольной формы, с выступающей втулкой и сохранившимся на одной грани жальцем. Аналогичные наконечники происходят из Сургутского Приобья: два из Холмогорской коллекции [Зыков, Федорова, 2001, с. 144, кат. № 65, 66], один с Барсовой Горы [Чиндина, 1984, рис. 12, 3]. В Нижнем Приобье они известны на Шеркалинском могильнике [Там же, рис. 22, 7], городище Усть-Полуй [Там же, табл. II, 5–7, 9, 10], в Томско-Нарымском – на Нововасюганском поселении [Там же, 1984, рис. 12, 2], могильнике Каменный Мыс [Там же, рис. 22, 4, 5]. Их происхождение связывается с ананьинскими, сакскими или савроматскими [Там же, с. 32–36] либо с местными западно-сибирскими [Зыков, Федорова, 2001, с. 123, 144] прототипами.

Костяные наконечники (?), представленные двумя фрагментами удлиненно-заостренных пластин, также не позволяют точно их атрибутировать и интерпретировать.

Материалы свидетельствуют о том, что все вооружение было преднамеренно сломано перед помещением в могилу. Традиция порчи инвентаря фиксируется во многих археологических культурах, в т.ч. в таштыкской, где такое явление обусловлено боязнью того, что в руках умерших воинов оружие могло нанести вред живым [Киселев, 1949, с. 240, 266]. Этот обычай объясняется также стремлением проявить заботу об умершем, обеспечив его всем необходимым в надлежащем виде. Считалось, что на том свете все наоборот: поломанный инвентарь становится целым и пригодным для употребления в загробном мире [Бартенев, 1895, с. 490; Росляков, 1896, с. 3; Старцев, 1928, с. 121–122, 127–128; Кулемзин, 1976, с. 40].

Вторая по численности категория – кинжалы. Они представлены четырьмя рукоятями и двумя клинками (есть также небольшие фрагменты лезвий).

Бронзовые рукояти имеют волнообразное навершие и геометрический декор (рис. 7). Можно отметить следующие их особенности:

миниатюрность – общая длина первой рукояти 10,3 см, второй – 10 см, места для руки – 6 см;

брakovанность – оба изделия имеют недоливы с оборотной стороны (на рукояти и черене), одно – и с лицевой;

характер изготовления и обработки – у обеих рукоятей проработана только лицевая сторона, которая подвергалась и вторичной доработке; обороты не были проработаны еще на стадии моделировки, после отливки они также не обрабатывались.

Последняя особенность характерна, скорее, для изготовления бронзовых украшений, но не функциональных предметов. Если данное обстоятельство еще не препятствует использованию изделий по прямому назначению, то технические дефекты (недоливы, особенно крестовины с оборота) и слишком маленькие размеры (с учетом возраста погребенных – 16–25 лет) исключают эту возможность. Остается версия, что рукояти (кинжалы) были сделаны специально для помещения в погребение и имеют вотивный характер. Традиция изготовления миниатюрных копий (отличающихся небрежностью выделки, что фиксируется и в данном случае) с целью замещения в погребальном инвентаре настоящих орудий характерна для позднетагарского времени [Киселёв, 1949, с. 155].

Наиболее близкими аналогами являются две рукояти из Лозгинского клада [Чернецов, 1953, с. 156–162, табл. XVII]. По форме они практически идентичны радужинским, отличается только декор центральной полосы. На одном изделии меандровый орнамент, на другом – меандры и такие же, как на радужинских рукоятях, “жемчужины”. Сочетание лозгинского (меандры с “жемчужинами”) и радужинского (поперечные желобки, разделенные поясками из пяти “жемчужин”) декора есть на бронзовой литой пряжке (скорее, накладке) из Ишимской коллекции [Ермолов, 1914, с. 10, табл. V, 3]. Лозгинские рукояти тоже миниатюрные (общая длина 10,7 и 10,2 см, черенов – 6,9 и 5,3 см) и имеют недоливы с обратной стороны, одна – также с лицевой. Известно несколько аналогичных бронзовых наверший с крестообразной прорезью: одно на кинжале из Ишимской коллекции [Там же, с. 3, табл. I, 4], два (являлись частью составных рукоятей) из Холмогорского комплекса [Зыков, Федорова, 2001, с. 116–118, кат. № 49, 51], два – (в основании переходящие в стержень, с помощью которого крепились к черену) с городища Усть-Полуй [Чернецов, 1953, с. 121–123, табл. I, 2, 3].

В Радужинской коллекции много фрагментов нескольких бронзовых ножен с геометрическим декором, как на описанных рукоятях, и фигурками пушных зверей [Карачаров, Носкова, 2005, с. 447, рис. 58, 1]. Они тоже проработаны только с одной стороны, с обратной имеют недоливы. Интересно отметить наличие на вышеупомянутой накладке из Ишимской коллекции (сочетающей радужинский и лозгинский декор)

Рис. 7. Бронзовые рукояти кинжалов. Фото РЭЭМ.

изображений зверьков, стилистически схожих с фигурами на ножнах, но дополненных “жемчужником”. Возможно, это свидетельствует об изготовлении данных предметов в одной мастерской (или даже одним мастером). Вместе с описанными рукоятями ножны составляют вотивный набор вооружения.

В коллекции представлены железные части рукоятей с фрагментами черена двух кинжалов: с кольцевым, или волютообразным, и с кольцевым навершиями. Их фрагментарность не позволяет определить, являлись они настоящими изделиями или носили вотивный характер. Эти находки представляют ценность в плане выявления культурных связей. Подобный кинжал с кольцевым навершием, но с брусковидным перекрестием есть в Холмогорской коллекции [Зыков, Федорова, 2001, с. 141–142, кат. № 52]. Авторы относят изделия этого типа к позднесарматским образцам, распространенным в Западной Сибири и лесных культурах Волго-Камья. Основываясь на металлографическом анализе (к сожалению, радужинский металл пока не изучен), авторы связывают их происхождение с территорией Восточной Европы или Северо-Западного Кавказа [Там же].

В рассматриваемой коллекции есть также фрагменты двух клинков с плавным переходом от черена к лезвию. Аналогичный кинжал имеется в Холмогорском комплексе [Там же, кат. № 50]. Подобные изделия относятся к типу 2 сарматских кинжалов [Там же].

Наконечник копья представлен двумя фрагментами (не стыкаются, но, скорее всего, это части одного изделия). На одном сохранились втульчатый насад (судя по толщине стенок, несомкнутый), шейка и часть основания пера. Другой фрагмент – часть пера вытянутой миндалевидной формы, линзовидного в сечении. Наконечники копий с несомкнутой, длиннее пера

(ланцетовидного по форме и линзовидного в сечении) втулкой и выраженной шейкой известны в материалах памятников Южной Сибири [Гаврилова, 1965, с. 57, рис. 4, 4, 5; Горбунов, 1993, с. 89, рис. 2, 1; Худяков Ю.С., 1986, с. 81, рис. 32, 1, 3–5] и у азелинских, караабызских, пьяноборских и мазунинских племен Волго-Камья [Генинг, 1963, табл. XIX, 2, 3; 1976, рис. 26, 10, 11; 31, 4; 33, 1, 5; Иванов, 1984, с. 15–17, 25–26, рис. 5, 1–15, 10, 1–5; Мажитов, 1968, табл. 3, 1, 2; 31, 10; Степанов, 1980, с. 29, 36, табл. XLII, 4–16]. В таежной зоне Западной Сибири они представлены в Холмогорской [Зыков, Федорова, 2001, с. 142, кат. № 57, 58], Елыкаевской [Могильников, 1968, с. 263, рис. 1, 10–13] и Ишимской [Ермолаев, 1914, с. 4, табл. I, 5, 10] коллекциях, материалах Томского могильника [Комарова, 1952, с. 47–49, рис. 27, 1], Айдашинской пещеры [Молодин и др., 1980, с. 66, табл. 25, 4, 5]. Считается, что подобные наконечники принадлежали легким копьям (насаживались на короткие тонкие древка), предназначенным для ближнего боя [Иванов, 1984, с. 17, 26].

Судя по всему, в составе инвентаря был и палаш – от него сохранились многочисленные, к сожалению нестыкующиеся, фрагменты клинка и бронзовая обойма (обжим) ножен или рукояти, представляющая собой полый цилиндр, деформированный так, что в профиле имеет подтреугольную форму. Обойма декорирована геометрическим орнаментом, состоящим из продольных полос. Хронологически близкий ее аналог содержится в Холмогорской коллекции [Зыков, Федорова, 2001, кат. № 47]; еще один подобный предмет обнаружен на селище Сухмитингъягун-5, но эта находка относится уже к IX – середине XII в. [Труфанов, 2006, рис. 5, 3]. Считается, что подобные изделия являются подражанием южным кочевническим обоймам ножен палашей и мечей гуннов Южной Сибири и Северо-Западного Кавказа [Там же, с. 116].

Топор-тесло имеет подпрямоугольную форму, вытянутое миндалевидное перо и округлую в сечении втулку. Рассматриваемый экземпляр обнаруживает определенное сходство с холмогорскими [Там же, кат. № 55, 56], которые значительно отличаются от позднекулайских и саргатских образцов с узким лезвием и подчертывущегольной в сечении втулкой [Там же, с. 120]. По своему назначению они определяются как универсальные орудия: могли использоваться как топор, тесло или средство ближнего боя. Здесь нужно оговориться, что изделия этого типа применялись в ремесле и военном деле не по обстоятельствам, а в зависимости от функционального назначения: одни использовались воинами как оружие, другие – простыми охотниками и рыболовами как орудия труда. В каждом конкретном случае их назначение нужно определять отдельно. В данном комплексе, свидетельствующем о высоком социальном статусе погребенных, это, скорее всего, оружие.

В пределах раскопа зафиксированы костные остатки и эмаль зубов северного оленя (не менее двух особей по определению П.А. Косинцева), а также 117 фрагментов костей млекопитающих, не поддающихся более точному видовому определению*. Обильные жертвоприношения животных не характерны для позднекулайских погребений (например, для Барсовского III могильника и др.), но распространены в таштыкской культуре, как в рядовых, так и в богатых склепах [Киселёв, 1949, с. 224, 262], различаясь по видовому составу.

Заключение

Культурно-хронологической атрибуции рассмотренной коллекции помогает хорошо проанализированный Холмогорский комплекс, который очень близок Радужнинскому как по характеру памятника, так и по составу инвентаря. Его формирование исследователи относят к III в. н.э.; время “захоронения” – конец III – первая половина IV в. н.э. [Зыков, Федорова, 2001, с. 145]. Для Холмогорской коллекции, как и для Радужнинской, в литературе есть и более ранняя дата – рубеж эр, и соотносится она с завершающим этапом кулайской культуры [Карачаров, Носкова, 2005, с. 448; 2006, с. 181].

Для интерпретации Радужнинского комплекса важно то, что он весьма разносторонен по своему культурному облику. Погребальный обряд свидетельствует о сильной генетической связи с позднетагарской и таштыкской культурами, проявившейся как на уровне обрядности, так и в составе инвентаря (личины-маски, вотивный инвентарь, богатые жертвоприношения животных). В то же время обнаруживается отпечаток таежных традиций (личины-маски выполнялись по местным прототипам, декор вотивного инвентаря традиционно таежный, видовой состав жертвенных животных тоже местный). Одна часть инвентаря явно тяготеет к местной позднекулайской культуре (“скелетность” и условность ряда изображений, изогнутый нож), вторая – представляет общесибирский тип (эполетообразная застежка), третья – уводит в кочевнические степи (практически все вооружение, котел), орнитоморфная отливка говорит об уральском влиянии, и наконец, предметы “далекого” импорта находят аналогии в Древнем Египте (бусы), Средней и Передней Азии (бляхи-зеркала, чаша из золотистой бронзы).

Материалы позднекулайских могильников (I в. до н.э. – III н.э. или I в. н.э. – начало III в. н.э.) не несут на себе столь яркого отпечатка южных традиций, что мы наблюдаем в Радужнинском и Холмогорском комплексах. Нет этого и в погребениях карымского

*Карачаров К.Г. Выявление и обследование историко-культурных объектов... С. 28.

времени (девять могил Сайгатинского VI могильника), с которым исследователи соотносят Холмогорскую коллекцию [Зыков, Федорова, 2001, с. 145]. Таким образом, складывается интересная ситуация: наличествуют “богатые” погребальные комплексы (как по инвентарю, так и по социальному статусу захороненных) и “простые” (с малочисленным небогатым инвентарем). Подобную картину дают и южно-сибирские могильники, где существуют богатые склепы и рядовые погребения. Появление таких комплексов в глубинной таежной зоне трудно объяснить влиянием культур весьма отдаленных территорий. Можно предложить следующую гипотезу. В первые века нашей эры, как отмечается в литературе, часть обитателей тайги переселилась на более благоприятные южнотаежные и лесостепные территории – в Среднее Прииртышье, Приишимье, Барабу, Новосибирское и Верхнее Приобье, вплоть до Алтая и Енисея [Борзунов, Зыков, 2003, с. 107]. Здесь происходило смешение таежного и лесостепного населения и их культурных традиций, в результате чего и возник переходный по своему характеру комплекс предметов и соответствующих им представлений. В начале III в. н.э. сюда пришли гунны, что заставило обитателей данных территорий отойти на север, где они были неуязвимы для набегов кочевников [Зыков, Федорова, 2001, с. 25]. Потомками этого вернувшегося, но ассимилированного в лесостепях населения в конце III – первой половине IV в. н.э. и мог быть оставлен Радужинский “клад”.

Список литературы

Археологические находки близ города Радужного [Электронный ресурс]. – 2003. Режим доступа: <http://www.museum.ru/N15797>. (15 октября 2006 г.).

Балакин Ю.В. Урало-сибирское культовое литье в мифе и ритуале. – Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1998. – 288 с.

Бартенев В.В. Погребальные обычаи обдорских остыков // Живая старина. – 1895. – Вып. 3/4. – С. 485–495.

Баталов С.Г. К вопросу о гуннских котлах // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сб. статей к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнюка. – Уфа: Гилем, 2006. – С. 149–156.

Бауло А.В., Истомин М.Л., Федорова Н.П. Средневековые бронзовые изделия: новые находки на Севере Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 4. – С. 126–135.

Бельтикова Г.В. Кулайский клад с Барсовой Горы // Клады: состав, хронология, интерпретация: Мат-лы тематической науч. конф. Санкт-Петербург. 26–29 ноября 2002 г. – СПб., 2002. – С. 203–206.

Борзунов В.А., Зыков А.П. Барсовский III могильник – новый кулайский памятник в Сургутском Приобье // Образы и сакральное пространство древних эпох. – Екатеринбург: Аква-Пресс, 2003. – С. 103–112.

Васютин А.С., Елин В.Н. О хронологических границах Кок-Пашского археологического комплекса из Восточного Алтая // Проблемы археологических культур степей Евразии. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1987. – С. 85–90.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как исторический источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 144 с.

Генинг В.Ф. Азелинская культура III–V вв.: (Очерки истории Вятского края в эпоху Великого переселения народов). – Свердловск; Ижевск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1963. – 186 с. – (Вопр. археологии Урала; вып. 5).

Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э. (захоронения военачальников) // Из истории Волго-Камья. – Казань: Изд-во ИЯЛИ КНАФ СССР, 1976. – С. 55–108.

Генинг В.Ф., Бунатян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). – Киев: Наук. думка, 1990. – 301 с.

Горбунов В.В. Грунтовый могильник с обрядом кремации Троицкий Елбан-1 // Культура древних народов Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993. – С. 80–90.

Городцов В.А. Типологический метод в археологии. – Рязань: [Б.и.], 1927. – 9 с. – (Об-во любителей рязанского края. Сер. методическая; вып. 6).

Грязнов М.П. Раскопки Алтайской экспедиции на Ближних Елбанах // КСИИМК. – 1949. – Вып. 26. – С. 110–119.

Довгалюк Н.П. Стеклянные бусы Окуневского микрорайона // Матющенко В.И., Полеводов А.В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 213–219.

Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г. – Л.: [Тип. “Печатный двор”], 1933. – Вып. 2. – 38 с.

Ермолаев А. Описание коллекций Красноярского музея: Ишимская коллекция. – Красноярск: Изд-во Краснояр. подотд. Имп. Рус. геогр. об-ва, 1914. – Вып. 1: Отд. археологический. – 27 с.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. Угорское наследие: (Древности Западной Сибири из собрания Уральского университета). – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 160 с.

Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. – Екатеринбург: Изд. дом “Сократ”, 2001. – 176 с.

Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.). – М.: Наука, 1984. – 88 с.

Карачаров К.Г., Носкова Л.В. Исследования в Нижневартовском и Сургутском районах // Археологические открытия. – М.: Наука, 2005. – С. 447–450.

Карачаров К.Г., Носкова Л.В. Исследования в Нижневартовском и Сургутском районах Ханты-Мансийского автономного округа // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого / Отв. ред. Я.А. Яковлев. – Томск: Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2006. – Вып. 3. С. 179–184.

Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. – 1949. – № 9. – 364 с.

Клейн Л.С. Понятие типа в современной археологии // Типы в культуре: методологические проблемы классификации, систематики и типологии в социально-исторических

и антропологических науках: Мат-лы конф. – Л., 1979. – С. 50–74.

Комарова М.Н. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // МИА. – 1952. – № 24. – С. 7–50.

Кондинский районный краеведческий музей // Музеи Ханты-Мансийского автономного округа: Путеводитель / Отв. ред. Я.А. Яковлев. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2004. – С. 30–35.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. – М.: Наука, 1984. – 242 с.

Кузьминых С.В. К предыстории цветной металлообработки у обских угров (на примере “Холмогорского клада”) // Обские угры: Мат-лы II Сиб. симп. “Культурное наследие народов Западной Сибири”. Тобольск, 12–16 декабря 1999 г. – Тобольск; Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 1999. – С. 44–47.

Кулемzin В.М. Шаманство васюганско-ваховских хантов (конец XIX – начало XX вв.) // Из истории шаманства. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1976. – С. 3–154.

Кулемzin В.М. Природа и человек в верованиях хантов. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1984. – 190 с.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. – М.: Наука, 1968. – 162 с.

Матвеева Н.П. О торговых связях Западной Сибири и Центральной Азии в древности // Западная Сибирь – проблемы развития. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1994. – С. 45–56.

Матющенко В.И. Состояние обмена в эпоху раннего железа // Очерки истории обмена и торговли в древности на территории Западной Сибири. – Омск: Ом. гос. ун-т, 1995. – С. 65–83.

Могильников В.А. Елыкаевская коллекция Томского университета // СА. – 1968. – № 1. – С. 263–268.

Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1987. – С. 163–235. – (Археология СССР).

Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. Айдашинская пещера. – Новосибирск: Наука, 1980. – 208 с.

Морозов В.М. Грунтовые погребения эпохи Великого переселения народов в Тюменском Притоболье // Урал в прошлом и настоящем: Мат-лы науч. конф. – Екатеринбург, 1998. – Ч. 1. – С. 96–99.

Мошинская В.И. Городище и курганы Потчеваш: (К вопросу о потчевашской культуре) // МИА. – 1953. – № 35. – С. 189–220.

Ожередов Ю.И., Яковлев Я.А. Археологическая карта Томской области. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1993. – Т. 2. – 208 с.

Отчет Императорской Археологической комиссии за 1897 г. – СПб: [Тип. Гл. упр-ния уделов], 1900. – 192 с.

Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В. Очерки семантики кулайского искусства. – Новосибирск: Наука, 1991. – 92 с.

Росляков И.П. Похоронные обряды остыков // Ежегодник Тобольского губернского музея. – 1896. – Вып. 5. – С. 2–9.

Семенова В.И. Средневековые могильники Юганскоого Приобья. – Новосибирск: Наука, 2001. – 296 с.

Смирнов А.П. Могильники пьяноборской культуры // КСИИМК. – 1949. – Вып. 25. – С. 22–32.

Соколова З.П. О некоторых погребальных обычаях ханты и манси // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 169–175.

Соколова З.П. Похоронная обрядность хантов и манси // Семейная обрядность народов Сибири. – М.: Наука, 1980. – С. 125–143.

Сосновкин И.Н., Коротаев В.П. Клад бронзовых вещей городища Барсов городок I/9 // Вопросы истории Западной Сибири. – Тюмень: Тюм. гос. ун-т, 1974. – Вып. 1. – С. 112–119.

Старцев Г. Остяки. – Л.: Прибой, 1928. – 152 с.

Степанов П.Д. Андреевский курган. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1980. – 180 с.

Терновская О.А. Ведовство у славян. II. Бзык (Мухи в голове) // Славянское и балканское языкознание: Язык в этнокультурном аспекте. – М.: Наука, 1984. – С. 118–130.

Труфанов А.Я. Раскопки селища Сухмитингъяун 5 в Сургутском Приобье (предварительные результаты) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого / Отв. ред. Я.А. Яковлев. – Томск: Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2006. – Вып. 2. – С. 346–352.

Тюрин Р.А. Коллекция предметов III–IV вв. из фондов эколого-этнографического музея г. Радужного (перспективы музейной интерпретации) // Словцовские чтения – 2005: Мат-лы XVII Всерос. науч.-практ. конф. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2005. – С. 169–170.

Худяков М.Г. “Эполетообразные” застежки Прикамья // ГАИМК. – Л.: Изд-во АН СССР, 1929. – Сб. 1. – С. 44–49.

Худяков Ю.С. Метод классификации предметов вооружения по материалам вооружения средневековых кочевников // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1983. – С. 76–77.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 268 с.

Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место / А.М. Мурыгин – Препр. – Сыктывкар, 1984. – 52 с. – (Научные доклады / Коми филиал АН СССР; вып. 114).

Чемякин Ю.П. Бронзовая пластика раннего железного века с Барсовой горы // Вопр. археологии Урала. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002. – Вып. 24. – С. 214–245.

Чернецов В.Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // ТИЭ. Нов. сер. – 1947. – Т. 1. – С. 113–134.

Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени // МИА. – 1953. – Т. 35. – С. 121–178.

Чернецов В.Н. Представление о душе у обских угров // ТИЭ. Нов. сер. – 1959. – Т. 51. – С. 114–156.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа (кулайская культура). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1984. – 255 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1991. – 181 с.

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н.э.: (погребальные памятники фоминской культуры). – Новокузнецк: Кузбас. гос. пед. академия, 2003. – 288 с.

УДК 903.5

С.Ю. Гуцалов

Челябинский научный центр УрО РАН
 ул. Коммуны, 68, Челябинск, 454000, Россия
 E-mail: stepewolf-59@mail.ru

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ КОЧЕВОЙ ЭЛИТЫ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ СЕРЕДИНЫ I ТЫС. ДО Н.Э.

Выгодное положение Южного Приуралья в Евразии способствовало сложению здесь в I тыс. до н.э. самобытной и яркой культуры, о которой у исследователей сложилось неоднозначное представление. Одни вслед за Б.Н. Грековым [1947] считают, что с VI до начала IV в. до н.э. существовала савроматская (бломенфельдская) культура, которую в IV–II вв. до н.э. сменила раннесарматская (прохоровская) [Смирнов, 1964; 1975; Мошкова, 1974; и др.]; другие же говорят о единой прохоровской культуре с VI по I в. до н.э. [Пшеничнюк, 1983; 1995, с. 95–96; Таиров, Гаврилюк, 1988, с.151; Таиров, 1998; Гуцалов, 2004; и др.].

В настоящий момент в регионе ведутся полевые археологические исследования, связанные с изучением культуры древнихnomadov*. Предварительная публикация материалов раскопок уже состоялась в ряде изданий Республики Казахстан [Сдыков, Гуцалов, Биссембаев, 2003; и др.].

Памятники находятся на левобережье р. Урал (рис. 1). Могильник Есен-Амантау (Лебедевка II), расположенный на одноименном плато в 7 км к за-

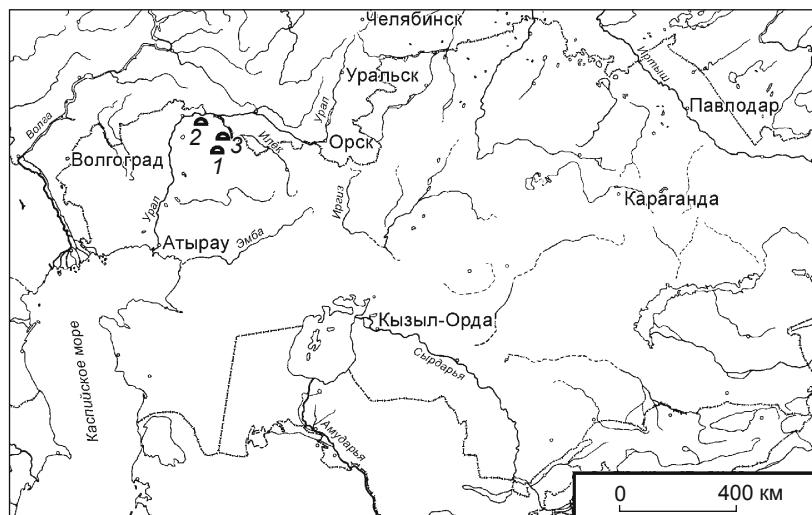

Рис. 1. Расположение рассматриваемых памятников.
 1 – Лебедевка II, III; 2 – Кырык-Оба II; 3 – Илекшар I.

падо-юго-западу от пос. Лебедевка и в 9 км к северу от пос. Егендыколь*, состоял из 37 археологических

*Археологические изыскания в урочище Сегизсай начались в конце 60-х гг. XX в. работами краеведа Г.И. Багрикова. Исследования на могильнике Лебедевка I Археологической экспедиции Уральского государственного педагогического института им. А.С. Пушкина (УГПИ) и Института археологии АН СССР под руководством Г.А. Кушаева и М.Г. Мошковой подтвердили перспективность археологических разысканий в этом районе [Мошкова, Кушаев, 1973]. Во второй половине 70-х – начале 80-х гг. ХХ в. на данном плато велись раскопки курганов археологической экспедицией УГПИ под руководством М.Г. Мошковой, Б.Ф. Железчикова и В.А. Кригера.

*Автор благодарен директору Центра истории и археологии Западно-Казахстанской обл. М.Н. Сдыкову за организационное обеспечение раскопок и начальнику отряда А.А. Биссембаеву за любезно предоставленную возможность публикации данных материалов.

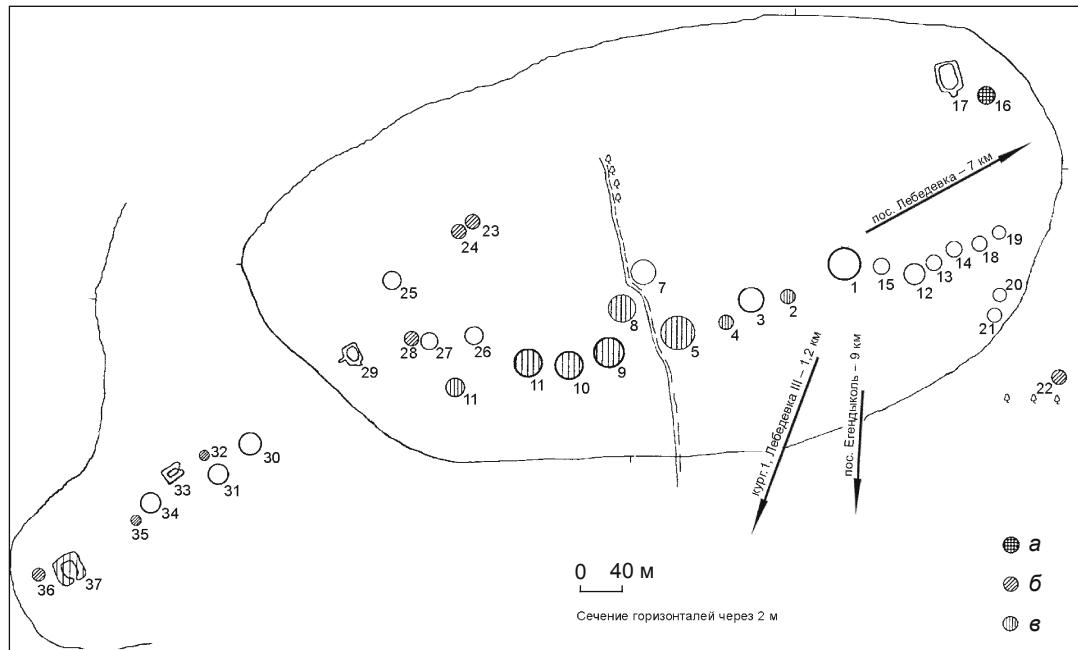

Рис. 2. План могильника Есен-Амантау (Лебедевка II).
а – в – раскопанные курганы: а – Г.И. Багриковым, б – Б.Ф. Железчиковым, в – Западно-казахстанской комплексной археологической экспедицией в 2002 г.

Рис. 3. Найденные с плато Есен-Амантау.
1 – бронзовое зеркало; 2, 4 – серьги; 3 – пробка от сосуда; 5, 6 – бусы; 7, 8 – нашивные бляшки; 9 – вток.
2, 4, 6–8 – золото; 3 – золото и стекло; 5 – янтарь; 9 – кость.
1–3, 5–8 – Лебедевка II, кург. 6; 4 – Лебедевка II, кург. 9; 9 – Лебедевка III, кург. 1.

Рис. 4. Вид на кург. 6 могильника Есен-Амантау (Лебедевка II) с запада. Фото С.М. Арканова.

Rис. 5. Стратиграфические профили. Могильник Есен-Амантау (Лебедевка II), кург. 6.

1 – гумус; 2 – суглинок; 3 – гумусированный суглинок (выкид); 4 – грунтовая подушка; 5 – глиняные блоки; 6 – развал глиняных блоков; 7 – погребенная почва; 8 – гумусное заполнение ровника; 9 – материк; 10 – слой материковой глины; 11 – развали сооружения; 12 – древнейший курган; 13 – границы древнейшего ровника.

ких объектов, растянувшихся по линии запад – восток на расстояние более 1 км (рис. 2). По размерам и сложности погребальных конструкций, богатству инвентаря выделяются курганы диаметром 25–40 м и высотой 1,5–2,5 м. Среди них преобладают разграбленные курганы. Стоит отметить, что в кург. 9 к югу от могилы был погребен головой на север взнузданный конь, а среди инвентаря погребения найдена золотая височная серьга с ромбическими подвесками (рис. 3, 4).

Детально особенности погребального обряда прослежены при изучении крупнейшего курга-

на 6*, занимавшего центральное место в группе. Насыпь была полусферической формы диаметром 30 и высотой 2,25 м (рис. 4, 5).

Погребальное сооружение реконструируется как двухкамерный склеп квадратной в плане формы; внешняя камера – 22 × 24 м, внутренняя – 17 × 17 м. Внешние стены шли по краю погребальной площад-

*Автор признателен научному сотруднику Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН С.Г. Боталову за руководство раскопом на данном кургане.

ки, а внутренние – у среза могильной ямы. Сырцовые стены возводили прямо на деревянном помосте, причем внутренние были сложены из блоков средних и мелких размеров. Склеп окружал вал высотой до 0,6 м, на который сверху укладывались массивные блоки, чередующиеся с тонкими слоями желтой глины. Ширина вала 1–4 м (рис. 6).

В центре был бревенчатый накат, перекрывавший могильную яму по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток; поперек бревен, опиравшихся на центральную балку, – наброс из веток. Могила имела прямоугольную форму меридиональной ориентации размерами 4,5 × 6,5 м. Вверху она была заполнена

слежавшимися кусками мела (обрушившимися стены). От уровня погребенной почвы и до дна фиксировались остатки деревянной конструкции. Яма глубиной 3,8 м от уровня погребенной почвы по дну имела размеры 4,2 × 4,6 м. В центре на органической подстилке лежал скелет человека, погребенного на спине головой на запад с отклонением к югу, с руками, вытянутыми вдоль туловища, ногами, возможно, согнутыми в коленях (рис. 7, I), накрытый тростником. В северо-восточном углу могилы обнаружены кости нескольких особей крупного рогатого скота (КРС) и скелет овцы, южнее – ребра КРС и железный нож.

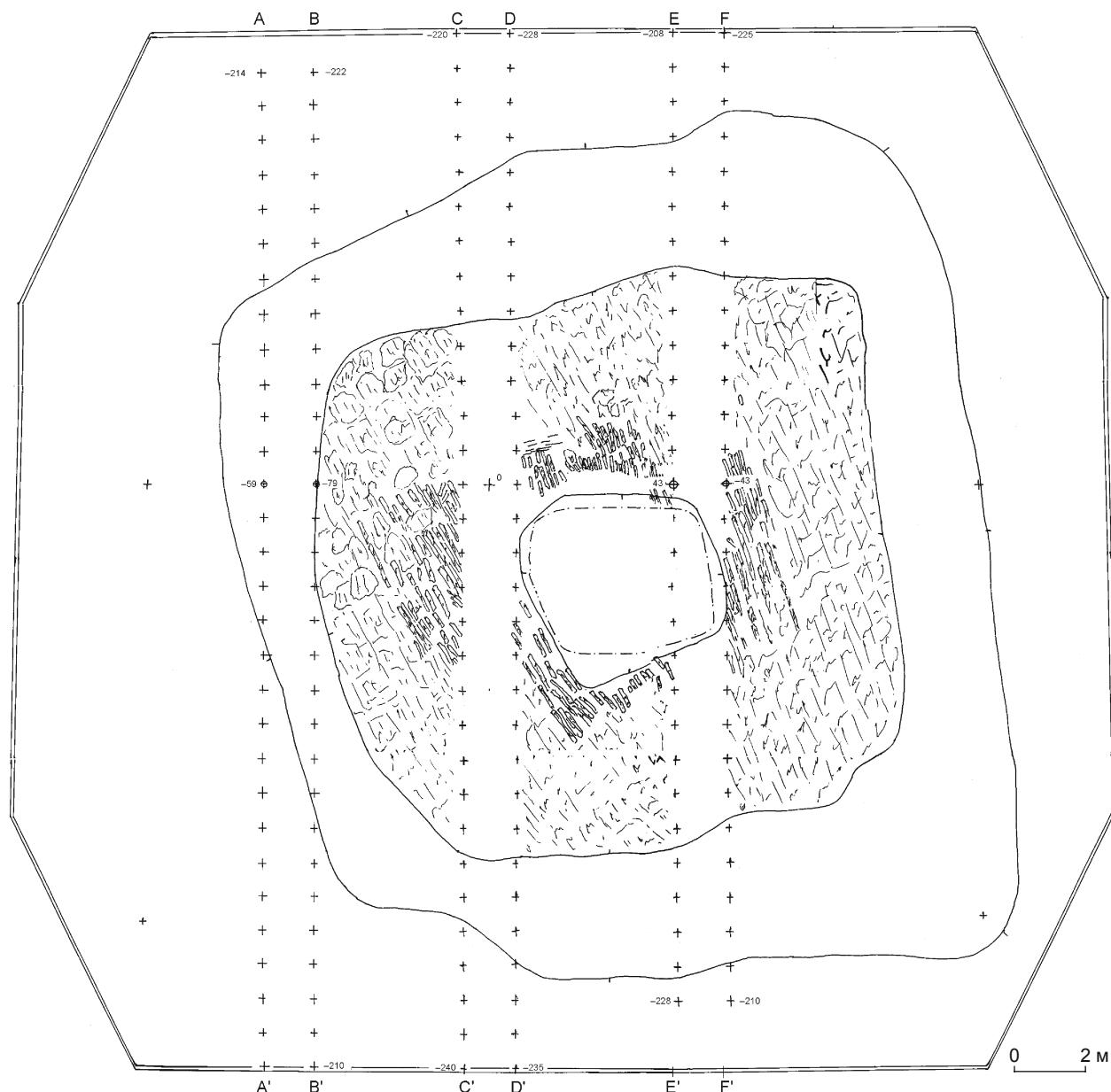

Рис. 6. План раскопа и подкурганной конструкции. Могильник Есен-Амантау (Лебедевка II), кург. 6.

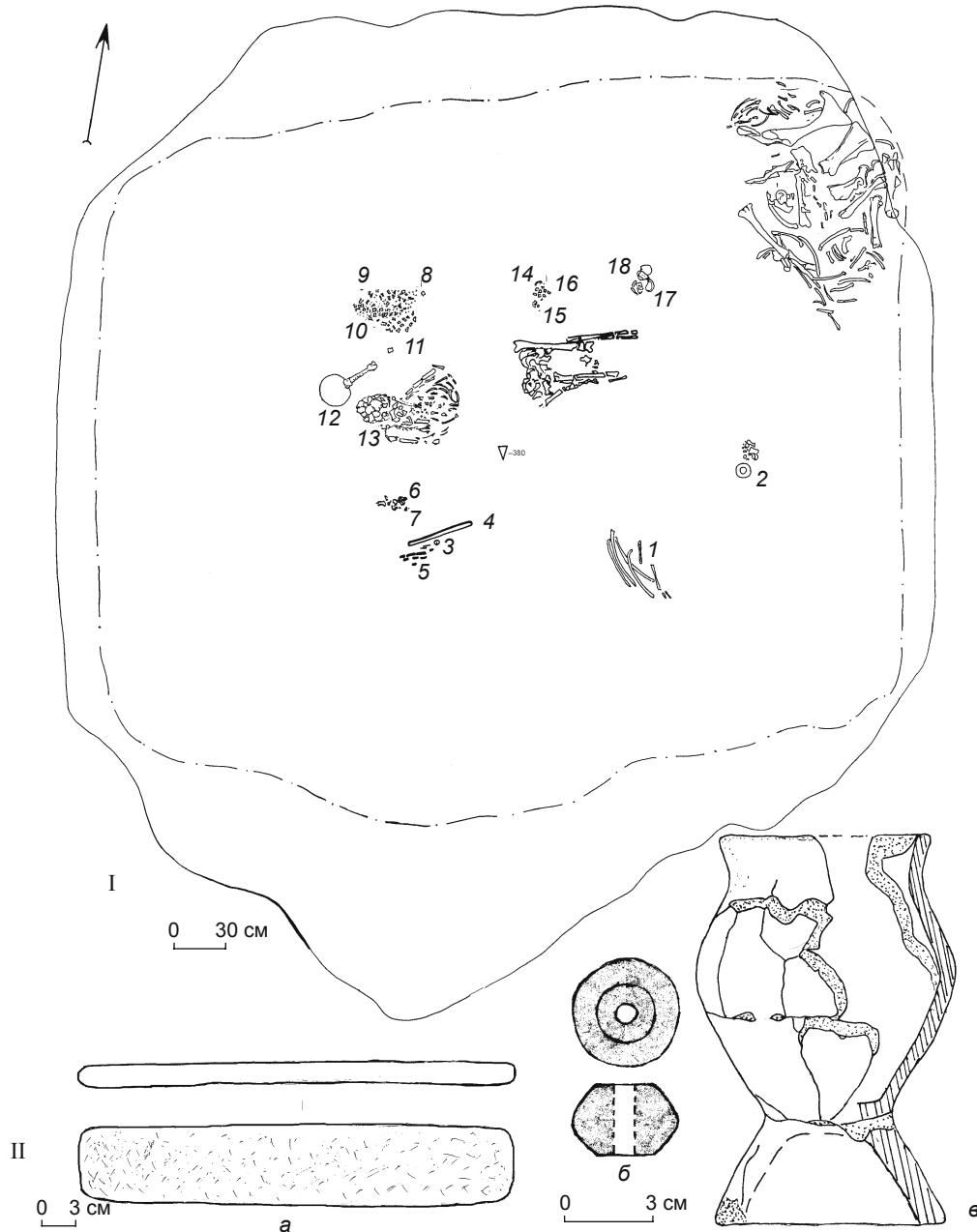

Рис. 7. План погребения (I) и инвентарь (II). Могильник Есен-Амантау (Лебедевка II), кург. 6.
 1 – железный нож; 2 – глиняный сосудик; 3 – прядище; 4 – оселок; 5 – железный нож (?); 6 – золотая бусина; 7 – стеклянный сосудик; 8 – бусинки; 9 – золотые бляшки; 10 – зеленая пастовая бусина; 11 – оковка деревянного предмета; 12 – бронзовое зеркало; 13 – бусина; 14 – стеклянная чашечка, покрытая лаком; 15 – минеральное вещество; 16 – железные гранулы; 17 – ритуальные камни; 18 – раковина *Griphea* с охрой внутри.
 а – оселок, б – глиняное прядище; в – глиняный сосудик.

Возле черепа погребенного находилось конусовидной формы скопление золотых бляшек и бусин различного цвета и формы (остатки головного убора) (см. рис. 3, 7, 8); по бокам – две массивные золотые подвески (см. рис. 3, 2); к северо-западу от него – бронзовое зеркало с рукоятью, оформлен-

ленной в зверином стиле (см. рис. 3, 1); в области шеи – стеклянные бусины и золотые бляшки круглой формы; в районе груди – девять золотых бусин грушевидной формы (см. рис. 3, 5, 6); возле костей ступней – россыпь бус. Вокруг черепа обнаружены кусочки красной краски. Правее его находился

Рис. 8. Предметы быта, украшения и ритуальные предметы.

1 – распределительная бляха с изображением сцены терзания хищниками копытного животного;

2 – ритуальные предметы: глиняные фланк и шкатулка, каменная ступка;

3 – стеклянные сосуды;

4 – золотые украшения: височные подвески и гривна.

1 – могильник Илекшар I, кург. 1; 2, 4 – могильник Кырык-Оба II, кург. 23; 3 – могильник Лебедевка II, кург. 6.

сосудик из темно-синего стекла, орнаментированный чередующимися белыми и коричневыми волнистыми линиями (рис. 8, 3). Другой стеклянный сосудик (рис. 8, 3) лежал слева от таза. Устье его закрывала золотая пробка на золотой цепочке с бусинкой синего цвета на конце (см. рис. 3, 3). Рядом обнаружены кусочки темной краски с вкраплениями перламутра. Против берцовых костей находились овальная галька, раковины *Griphaea*, одна из которых была заполнена красной краской. В ногах погребенного стоял лепной ритуальный сосудик биконической формы (см. рис. 7, II, 6). Справа, на уровне грудной клетки – оселок (см. рис. 7, II, а), глиняное пряслице биконической формы (см. рис. 7, II, б) и железный предмет (нож?).

Некрополь **Кырык-Оба II** растянулся по линии запад – восток на расстояние до 3 км на обширной равнине в 10 км к югу от русла р. Урал, в 5 км к северу от “царского” могильника Кырык-Оба. Состоял из 30 земляных курганов, большая часть которых была повреждена в ходе современных хозяйственных работ (рис. 9). Раскопано 11 объектов и повторно исследованы еще 4, вскрытые в предыдущие годы археологической экспедицией ИА МОН РК. Диаметр курганов 30–42 м, высота

1,0–2,5 м. Все они разграблены – в могилах встречались разрозненные кости человеческих скелетов и немного предметов: фрагменты железных мечей, лепных сосудов, золотые и серебряные оковки деревянных сосудов и пр. Но в сохранившихся периферийных погребениях представлен многочисленный инвентарь.

Благодаря воздействию огня на погребальные конструкции сразу после проведения ритуальных церемоний сырцовые кирпичи спеклись, поэтому удалось установить, что над могилами возводились глиняные склепы различной формы размерами по периметру ок. 10 × 10 м. Стены шириной в 1 м, сохранившиеся на высоту до 1,5 м, выкладывались в четыре кирпича. К типичным признакам погребального обряда также относятся: глиняные валы вокруг курганов (рис. 10, 11); одиночные захоронения взнужденных коней, уложенных головой на север, к югу от могил; клады уздечек под западной полой; остатки тризин (кости лошадей, крупного (в основном лопатки и тазовые) и мелкого рогатого скота, фрагменты сосудов) на периферии курганов.

Особенности могильника следующие:

1) наземные деревянные сооружения как шатрового, так и срубного типа;

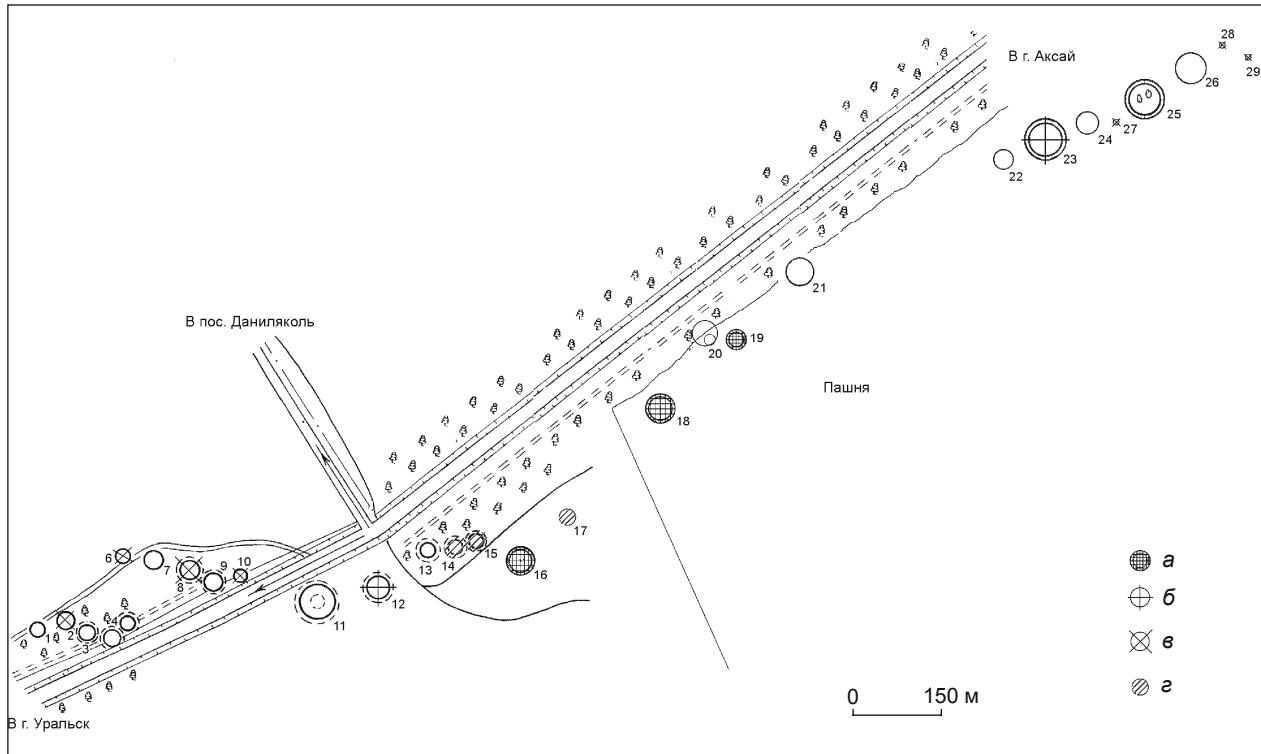

Рис. 9. План могильника Кырык-Оба II.
а – е – раскопанные курганы: а – в 2002 г., б – в 2003 г., в – в 2004 г., г – в 2005 г.

2) в отдельных ямах сохранились остатки опорных деревянных столбов;

3) могилы квадратные, широкие прямоугольные с дромосом к югу (рис. 10, 11), а также круглые;

4) коллективное погребение на древней поверхности (кург. 18) с захоронениями стражников в равноудаленных от центра могилах* и детским захоронением на восточной периферии;

5) жертвоприношение на вершине кург. 18: на глубине 0,5 м компактно располагались черепа и отдельные кости четырех людей;

6) оригинальные уздечки, отдельные предметы почти в каждом из комплектов не имеют аналогов в скифских древностях Евразии (рис. 12, 13);

7) богатый набор ритуальных предметов (см. рис. 8, 2) вкупе с золотыми украшениями (см. рис. 8, 4) из кург. 23;

8) ритуальные комплексы в кург. 18: а) в южном рву – лепной горшок с сотней ритуальных галек, крытый сверху костью лошади и окруженный костями КРС, черепом и лопatkами лошади; б) под южной полой в неглубокой ямке – три комплекта уздечек, включавших шесть бронзовых псалиев, восемь круглых бляшек, крупную бляху в виде свернувшегося в

кольцо хищника семейства кошачьих с волчьей мордой, шесть нашечников с изображением волка и хищной птицы (см. рис. 12, I);

9) вход в могилу кург. 12 закрывало захоронение гигантской собаки [Джубанов, 2004].

Кроме того, на могильнике раскопано т.н. святилище [Курманкулов, Ишангали, Раймкулов, 2002]*.

Курганный некрополь **Илекшар I** расположен на второй речной террасе у поймы р. Илек в 1,5 км к востоку от аула Ульгули. Состоял из 16 курганов, вытянутых вдоль русла по цепочке длиной 420 м (рис. 14).

Курган 1 полусферической формы, высотой 5 м, диаметром 48 м – крупнейший в группе. На его вершине воронка диаметром до 25 м и глубиной более 1 м. Вокруг кургана – ров диаметром 12 м, глубиной до 1 м. Могильный склеп имел в плане квадратную форму, размеры примерно 36 × 36 м; на погребенной почве был настил из тонких плах шириной ок. 15 см. Судя по меньшей мощности развали из саманных блоков в южной части центральной бровки, там предположительно находился проход в могильную яму (рис. 15).

*Повторным исследованием установлено, что в кург. 8 находились два каменных антропоморфных изображения, на которые во время раскопок 2001 г. не было обращено внимание.

*Выкид из этих могил располагался над валом, окаймляющим погребальную площадку.

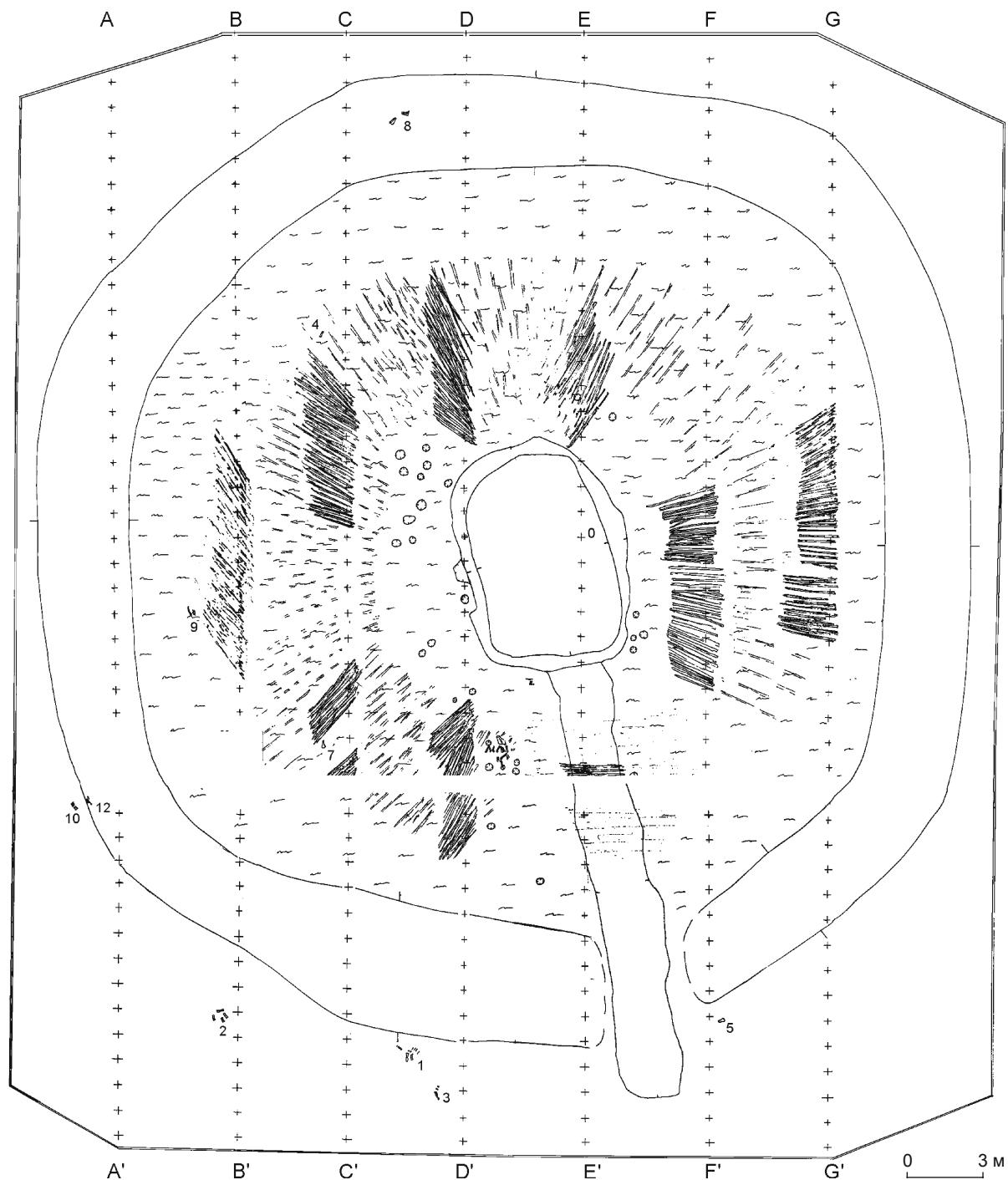

Рис. 10. План раскопа и подкурганной конструкции. Могильник Кырык-Оба II, кург. 16.

Основное погр. 4 выялено в центре кургана. Яма ($8,2 \times 8,3$ м), имевшая вид пятиступенчатой пирамиды, обращенной вершиной вниз, с уступами по углам, была ориентирована сторонами по странам света с отклонением в 30° . Ширина ступенек 20–40 см, высота – 15–25 см. Глубина ямы 1,5 м от уровня погребенной почвы. На дне в беспорядке лежали

человеческие кости и инвентарь: бронзовые наконечники стрел, железные панцирные пластинки, фрагменты лепного сосуда и кости мелкого рогатого скота (МРС). За пределами могилы у южной стенки располагались скелеты двух лошадей, погребенных головой на север (рис. 15, III). Между челюстями обеих обнаружены железные удила и бронзовые псалии,

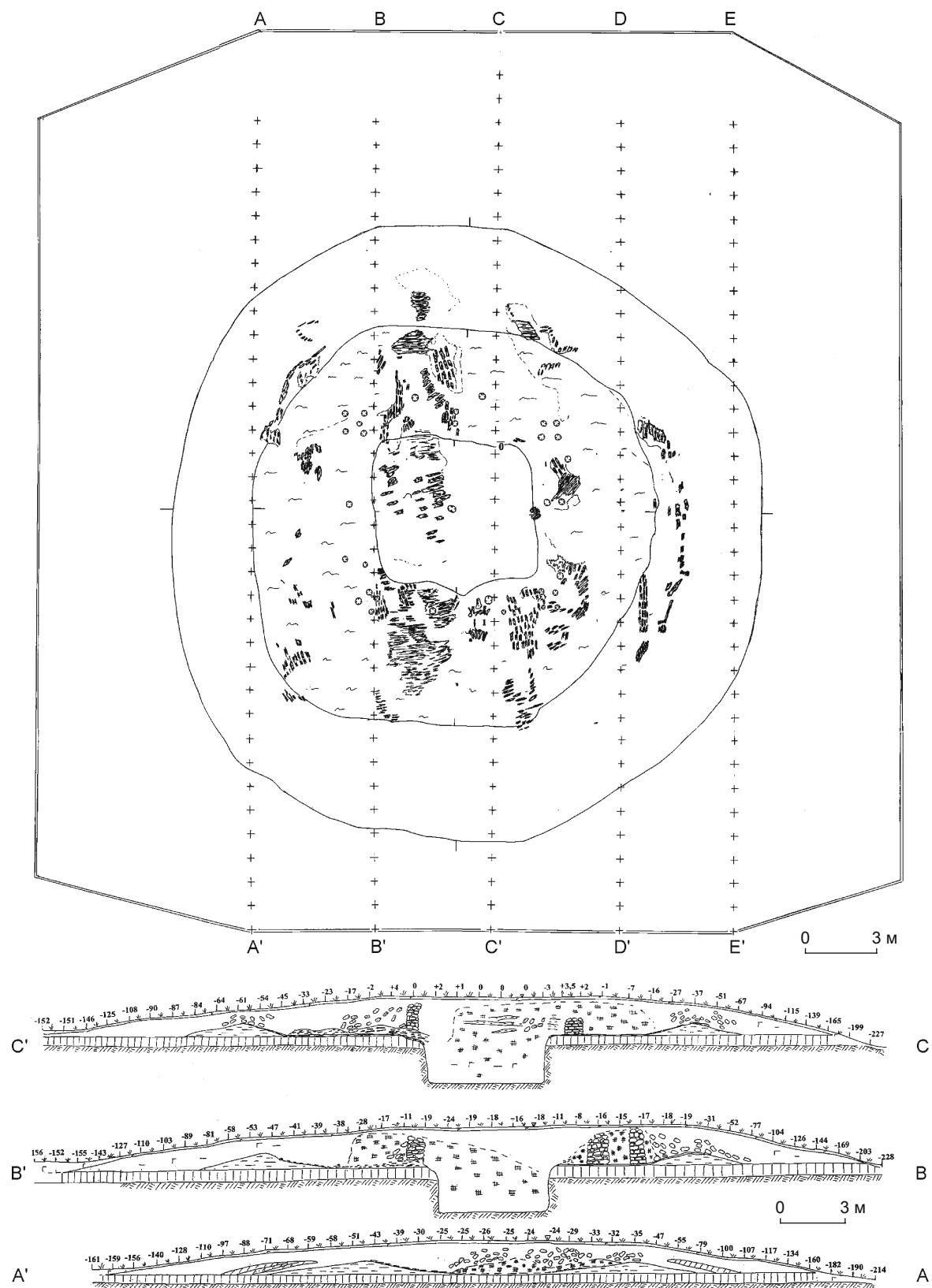

Рис. 11. План раскопа и подкурганной конструкции, стратиграфические профили.
Могильник Кырык-Оба II, кург. 19.

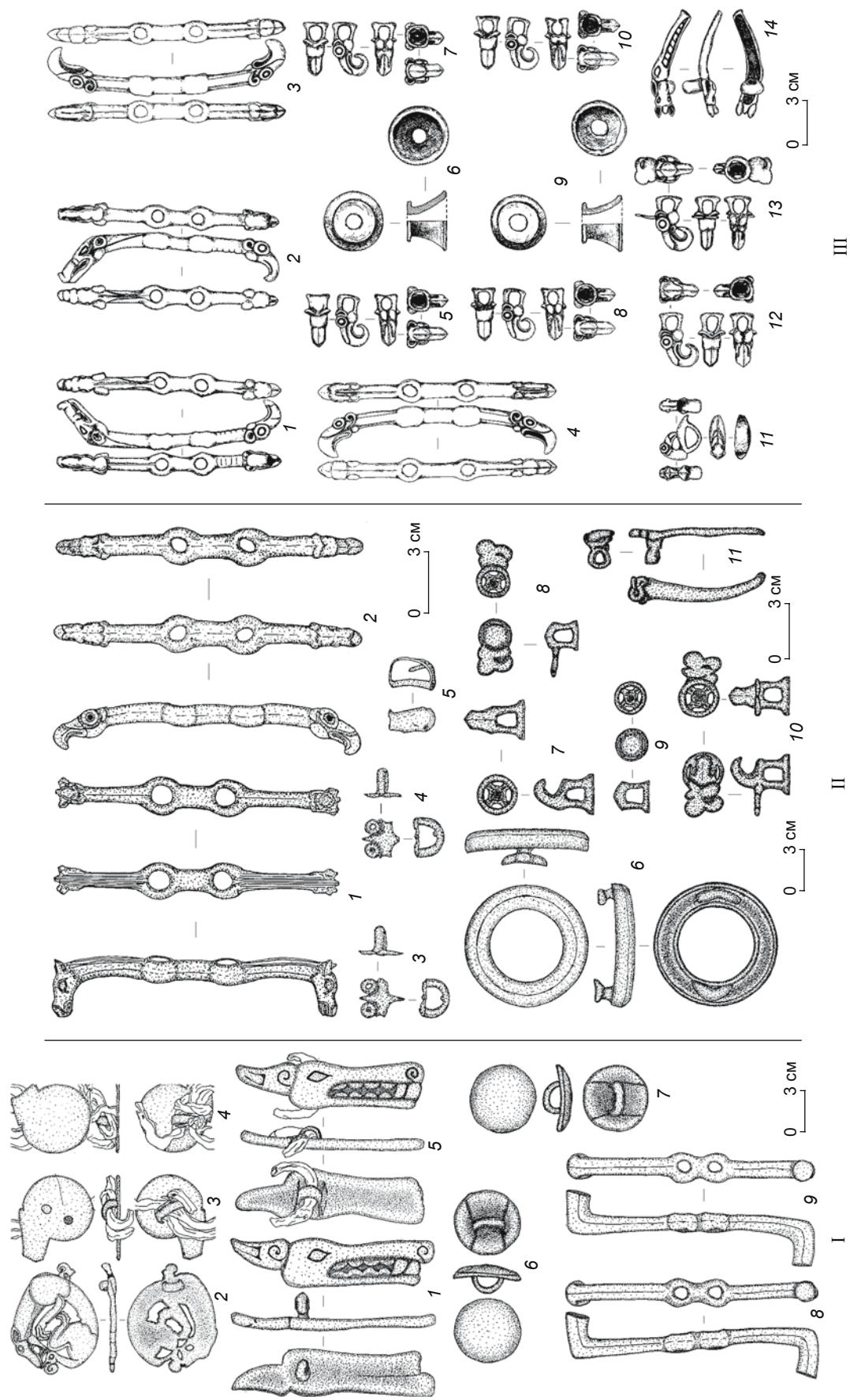

Рис. 12. Бронзовые узлочные наборы.
I – кург. 18; II – кург. 16; III – кург. 12.

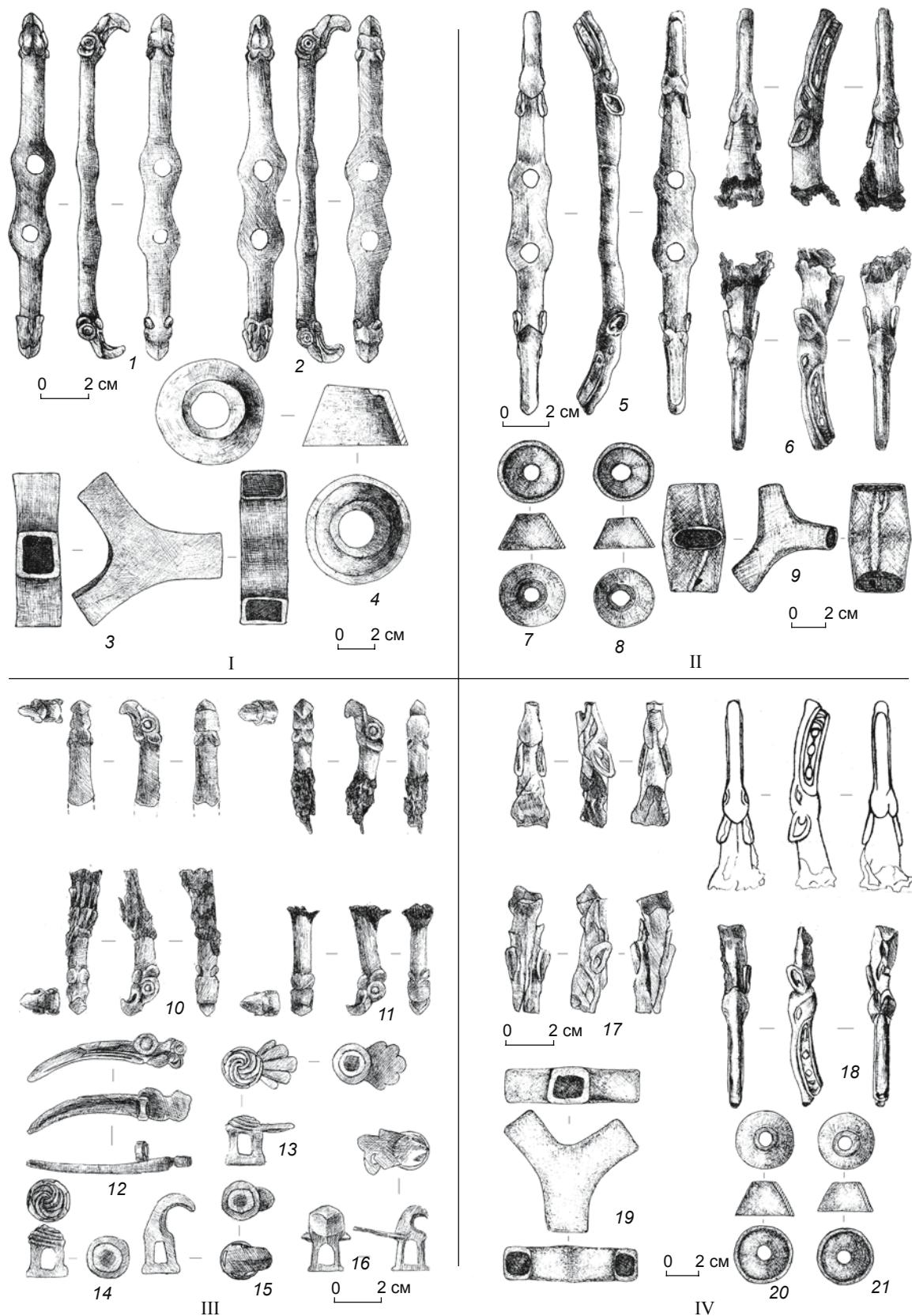

Рис. 13. Уздечные наборы. Могильник Кырык-Оба II, кург. 15.
1–5, 7–9, 12–16, 19–21 – бронза, 6, 10, 11, 17, 18 – железо и бронза.

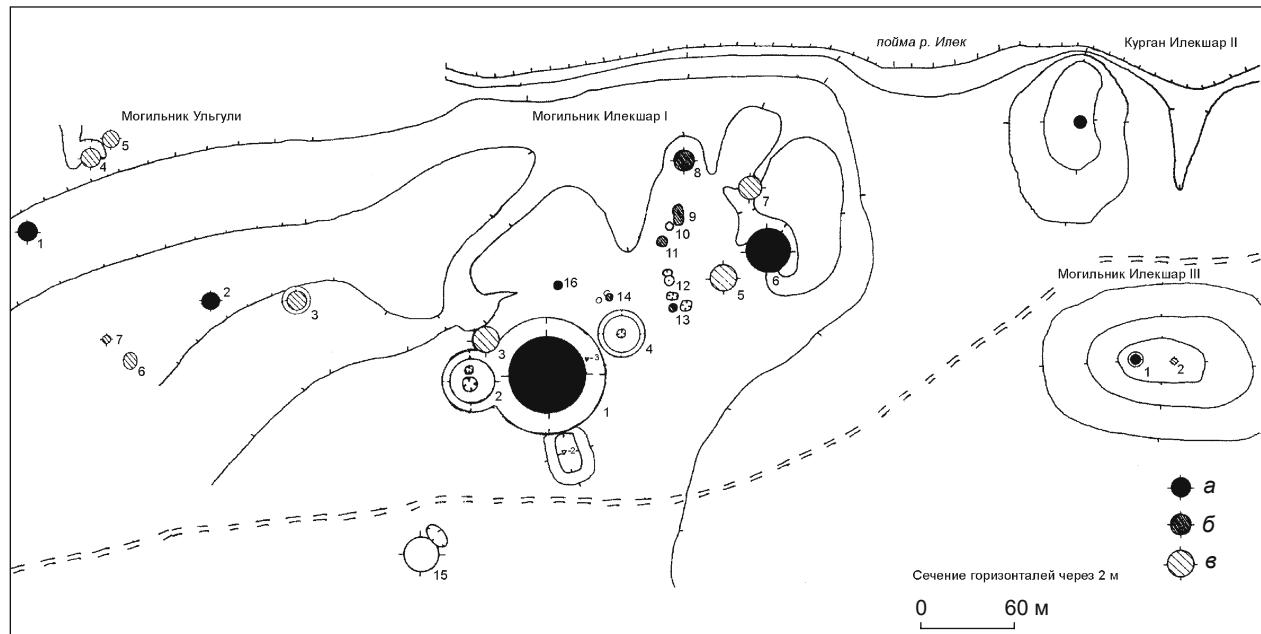

Рис. 14. Ситуационный план могильника Илекшар I.
а – в – раскопанные курганы: а – в 2001 г., б – в 2003 г., в – в 2004 г.

рядом – бронзовые и железные пронизи (рис. 15, II). Под ребрами найдены бронзовые распределительные бляхи, выполненные в зверином стиле (см. рис. 8, I).

В кургане 5 высотой 1,25 м, диаметром 31 м по бровкам под гумусом в слое плотного белого суглинка обнаружены крупные глиняные блоки размерами до 20×30 см, разделенные прослойками гумуса, на периферии – глиняный вал (рис. 16, II). Кроме того, отмечены остатки погребального сооружения эпохи бронзы, разрушенного в скифское время.

Позднее сооружение, смещеннное к юго-западу от условного центра, представляло собой прямоугольный сруб размерами 5×7 м, ориентированный по линии западно-юго-запад – востоко-северо-восток, перекрытый накатом (рис. 16, I). Основу его составляли столбы, располагавшиеся в 1 м друг от друга на погребальной площадке: зафиксированы парные круглые ямки (18 шт.) диаметром 20–25 см, углубленные в материк на 10–15 см. Площадка была устлана слоем (до 5 см) коры. В 1–3 м от ее края находился глиняный вал шириной 2–6 м, высотой 0,25–0,35 м с разрывом в южной части до 10 м.

К данной конструкции приурочен комплект конской узды (бронзовые псалии, железные удила и семь бронзовых пронизок) (рис. 16, III, 2, 3). Рядом найдены трубчатые кости лошади, верхняя челюсть кабана (?), нижняя челюсть лошади, кости МРС (позонки, ребра, трубчатые), трубчатая кость КРС.

Обнаружены четыре погребения. Причем погр. 1, 2 и 4 были совершены на описанной площадке, а

древнейшее погр. 3 располагалось восточнее остальных, и его перекрывал глиняный вал более поздней постройки*.

Погребение 1 было на древней поверхности в северо-восточном углу площадки. Скелет человека лежал на подстилке из бересовой коры в вытянутом положении с заваливанием на правую сторону, черепом на восток – юго-восток. К юго-востоку от черепа обнаружено бронзовое зеркало с широким диском и рукоятью с грибовидным окончанием (рис. 16, III, 4), под ним – раковина *Griphaea* со следами охры. В области шеи найдены бусы (15 шт.). В ногах погребенного находился каменный жертвенник на трех круглых ножках с резным орнаментом по бордюру (рис. 16, III, 1), рядом – два бронзовых наконечника стрел.

Погребение 2 обнаружено в западной половине кургана на уровне погребенной почвы. Скелет человека лежал на подстилке из коры в вытянутом положении с заваливанием на правую сторону, черепом на юго-запад.

Погребение 4 было совершено в срубе. Могильная яма прямоугольной формы размерами $2,4 \times 3,45$ м, ориентированная по линии запад – восток, перекрывалась деревянными (береза и тополь) плахами в поперечном направлении. Глубина могилы 24 см от уровня погребенной почвы. В заполнении встречались угольки. В центре ямы, у западной стенки и

*Ввиду того, что погр. 3 относится к эпохе бронзы, его описание не приводится.

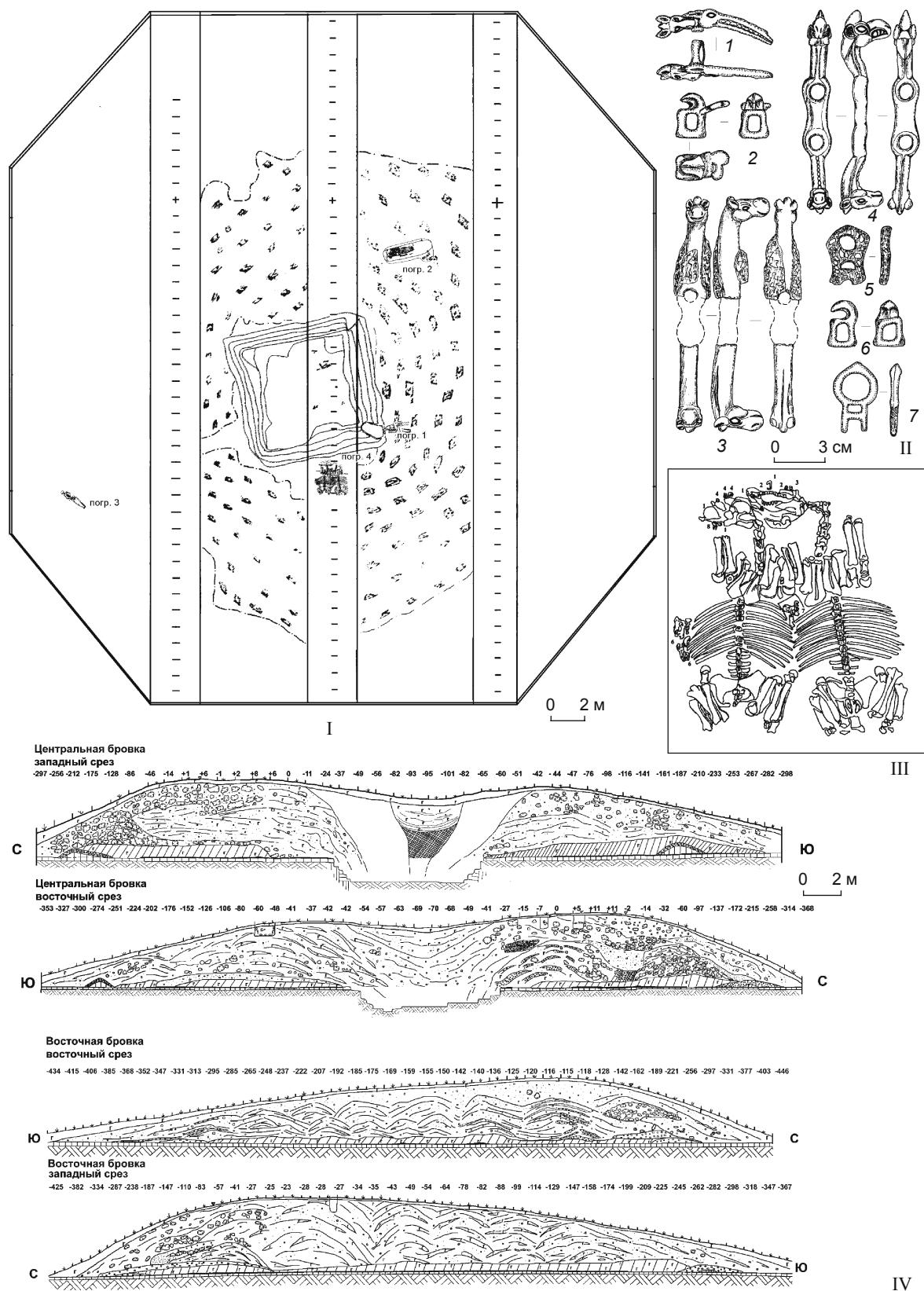
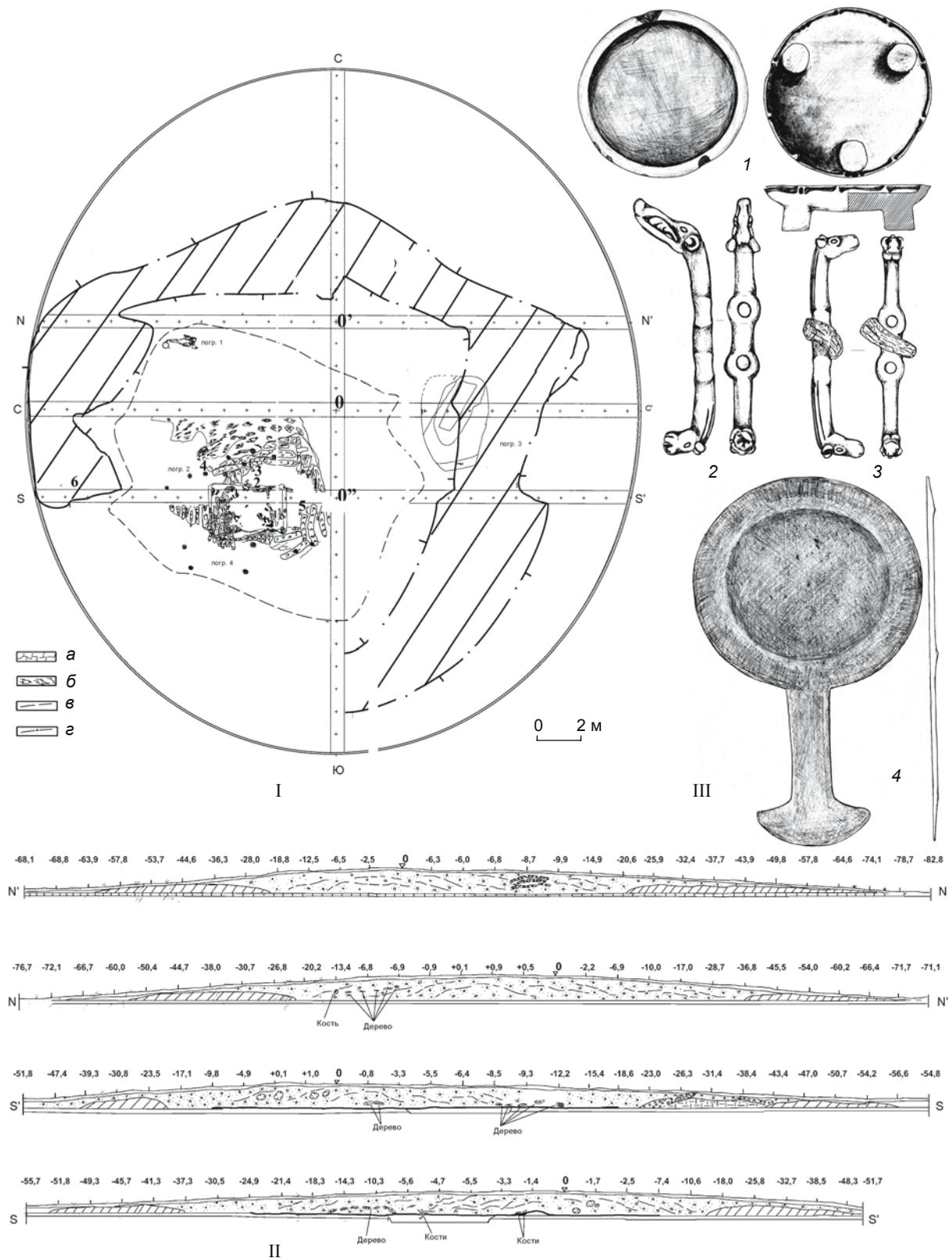

Рис. 15. Курган 1 могильника Илекшар I.
I – план раскопа и подкурганной конструкции; II – уздечный набор: 1, 3, 5–7 – бронза, 2 – железо;
III – план захоронения коней; IV – стратиграфические профили.

Rис. 16. Курган 5 могильника Илекшар I.
I – план раскопа и подкурганной конструкции: а – деревянные плахи; б – кора; в – граница деревянной конструкции;
г – граница глиняного вала; II – стратиграфические профили; III – инвентарь: 1 – погр. 1; 2, 3, 4 – насыпь.

вблизи северо-восточного угла найдены череп и другие кости человека; у северной стенки на погребенной почве – фрагменты железного меча.

Рассмотренные погребения относятся к первой половине V в. до н.э., на что указывают обряд и инвентарь. (С конца VI – V в. до н.э. в приуральских степях получают широкое распространение железные мечи с брусковидными навершиями и бабочковидными перекрестьями, плоскодонные лепные горшки с трубчатыми носиками [Смирнов, 1961; Гуцалов, 2004], предметы конской узды [Смирнов, 1961] и прочий вещевой материал (стеклянные бусы, золотые подвески и нашивные бляшки и др.) [Смирнов, 1964].)

Курганы в целом однородны по погребальному обряду: в центре площадки находилась могильная яма, перекрытая мощной деревянной конструкцией, опиравшейся на вал из гравия и белой либо желтой глины, насыпанный на древней поверхности. У края могилы и на вершине глиняного вала прослежены остатки стен из кирпича-сырца либо самана. Они фиксировались по бровкам в виде напластований, создавая иллюзию насыпи. Большая часть кирпичей сваливалась внутрь погребальной конструкции, что наводит на мысль о наличии какого-то перекрытия, возможно глиняного свода, под тяжестью которого стены обрушались к центру. В частности, подобную форму погребальной конструкции можно предполагать в курганах могильника Лебедевка II. В Кырык-Обе, вероятно, глиняный свод отсутствовал, т.к. там прослежены остатки деревянных шатров, опиравшихся на столб, установленный в центре ямы. В кург. 19 этого могильника верхний уровень заполнения могилы состоял из стерильного желтого песка, поэтому можно предположить, что яма длительное время заполнялась наносным песчаным грунтом.

В литературе общепринятыми для обозначения наземного погребального объекта являются термины “курганная насыпь”, “насыпь”. Хотя еще М.П. Грязнов считал, что курганы являются лишь остатками сооружений, первоначальный вид которых разительно отличался от их современного облика, и за типичным курганом скрываются качественно разнородные сооружения, разрушившиеся в результате климатических и тектонических процессов [1961, с. 22–25]. Характерно, что на сакском могильнике Бесшатыр в Семиречье погребения совершали в деревянных срубах [Акишев, Кушаев, 1963]. Рассмотренные объекты представляют собой сооружения, сложенные из глиняных кирпичей. При этом они обнаруживают сходство с сырцевыми мавзолеями Приаралья сакской эпохи [Итина, Яблонский, 1997]. Показательно, что сразу в трех некрополях, удаленных друг от друга на сотни километров, синхронные захоронения совершались в земляных склепах и следов насыпи в них не зафиксировано.

Деревянные погребальные конструкции на могильнике Кырык-Оба II сжигали уже после совершения погребальных ритуалов, некоторое время спустя. Так, в кург. 15–19 зафиксированы остатки мощных костров. В результате термического воздействия стены склепов теряли прочность и разваливались. При этом могильные ямы оказались засыпанными руинами земляных сооружений. Почти все кости погребенных в раскопанных курганах не подверглись воздействию огня. Такое было бы невозможно, если бы костер был разведен в процессе обряда захоронения.

Историко-культурная специфика некрополя Кырык-Оба II проявилась в вариативности погребального обряда и конской узды. Сходную ситуацию в кургане Аржан М.П. Грязнов объяснил тем, что узденческие наборы, обнаруженные там, принадлежали представителям разных племен, захороненным вместе с “царем” [1980, с. 49–50]. Возможно, и на могильнике Кырык-Оба II похоронены представители родоплеменной знати, издалека свезенные к месту своего упокоения у могил южноуральских владык. Подобное отношение к могилам “святых” до сих пор наблюдается у кочевников. Так, в Западном Казахстане мавзолей XIV–XV вв. Абат-Байтак в настоящий момент окружен современными погребениями представителей разных казахских родов и племен.

При наличии общих черт в погребальном обряде исследованные могильники по целому ряду признаков отличаются друг от друга, что было показано выше. Существовала и значительная разница в обряде “бедных” и “богатых” захоронений. Помимо различия в размерах курганов и могил, проявились многие элементы, типичные, с одной стороны, для аристократии, а с другой – для рядового населения. К признакам захоронений элиты относятся: мощные надмогильные деревянные сооружения, человеческие жертвоприношения, захоронения в насыпях лошадей, погребения на уровне древнего горизонта, двухкамерные склепы, коллективные захоронения с ортогональной ориентировкой покойников. При этом стражников или воинов чаще ориентировали головой на юг [Таиров, Гаврилюк, 1988, с. 151]. Для могил знати характерно большое количество инвентаря, в т.ч. престижного. Погребения рядовых скотоводов отличает простота могильных конструкций, незначительные размеры могил, западная ориентировка умерших и пр.

Поиск аналогов привел нас к отдаленным регионам. Так, курганы Лебедевки близки памятникам савроматской культуры Нижнего Поволжья VI–IV вв. до н.э., для которых характерны накаты в качестве деревянных курганных конструкций, простые могильные ямы, западная ориентировка погребен-

ных [Очир-Горяева, 1987]. Параллели с савроматской (блюменфельдской) культурой имеются и в инвентаре. Так, в кург. 1 могильника Лебедевка III был обнаружен костяной вток (см. рис. 3, 9), наиболее сходный с аналогичным предметом из могильника Блюменфельд [Смирнов, 1989, табл. 66, 12].

Курганы Кырык-Обы по ряду признаков (столбовые конструкции, следы огня, коллективные захоронения на погребенной почве) сходны с раннесакскими памятниками Приаралья [Вишневская, 1973]. Кстати, аналог парадного меча, найденного в погребении кург. 18, имеется в материалах могильника Тагискан [Итина, Яблонский, 1997, рис. 44, 5, 6].

Скифское направление связей проявилось в Кырык-Обе и Лебедевке. В первом – в качестве этнокультурных маркеров выступают южная ориентировка скелетов, дромосные могилы*, а также конские нащечники, получившие широкое распространение в Скифии [Ильинская, 1968]; во втором – скифскими культурными “индикаторами” являются бронзовое зеркало с зооморфным украшением рукояти, золотые подвески и нашивные бляшки в виде голов оленей.

Объяснить этнокультурную мозаику взаимовлиянием невозможно по той причине, что в предшествующее время в Южном Приуралье население фактически отсутствовало и культура складывалась в результате слияния нескольких этнокультурных составляющих. В рассматриваемый момент в регионе было три крупных массива: “скифский”, “массагетский” и “савроматский”. Материалы настоящих раскопок говорят о том, что основные признаки прохоровской культуры** появляются в курганах воинско-жреческой кочевой элиты (причем в тесной увязке друг с другом) уже на рубеже VI–V вв. до н.э. Археологические данные находят подтверждение в антропологическом материале. Так, Р.М. Юсупов сделал важный вывод об отсутствии преемственности между кочевниками Южного Урала савроматского времени и населением предшествующей эпохи и указал на наличие сакского компонента средиnomадов исследуемого региона [1991, с. 4–5; 1993, с. 127]. Эту точку зрения разделяет и Л.Т. Яблонский. Он обратил внимание, во-первых, на антропологическую неоднородность, а во-вторых, на особый

социальный статус населения VI–V вв. до н.э., оставившего могильник Покровка-2, который имеет черты, характерные для погребений населения Казахстана и Средней Азии [2000].

Рассмотренные памятники находятся на значительном удалении от этих регионов в окружении других этнокультурных массивов. Так, достаточно сильное приаральское влияние на территории Уральского левобережья наблюдается в курганах у оз. Челкар, в то же время в материалах могильников Алебастрово [Железчиков, 1998], Увак и Танаберген (среднее течение Илека) имеются параллели с савроматской (блюменфельдской) культурой Нижнего Поволжья, а в материалах памятников верховьев Илека (Бесоба, Сынтас) [Кадырбаев, 1984] и Ори (Новокумакский, Новоорский, Уркач) [Смирнов, 1977] – среднеазиатские аналоги. Таким образом, этнокультурная карта Южного Приуралья в конце VI – V в. до н.э. представляла собой мозаику, что можно связывать с процессом завоевания и освоения кочевниками новых земель. Пример подобного рода – улусная система Чингисхана, в результате создания которой старые племена дробились и формировались новые этнополитические союзы.

Надо учитывать, что в ходе миграций на характер развития культуры влияют различные факторы. Разрыв старых связей и установление новых, выход из старой системы отношений, перемена природной и социальной среды, ослабление старых норм и авторитетов – все это порождало резкую перестройку культуры пришельцев. Кроме того, состав мигрантов и несомой ими культуры обычно не идентичен тому, что был на родине: 1) очень часто мигрирует не все общество, а какая-то группа, представляющая не пропорциональный срез всех его слоев, а один сегмент (например, молодые мужчины – воины); 2) исходные очаги компонентов культуры пришлого населения нередко оказываются в различных местах – ее корни расходятся в разные стороны [Клейн, 1973].

Возможно, аналогичная ситуация сложилась в Южном Приуралье к середине VI в. до н.э. К этому времени относятся погребения со стабильными обрядом и инвентарем, характерными для раннескифских памятников Восточной Европы. Появление таких захоронений к середине VI в. до н.э. на Илеке*, а также в Зауралье** можно связывать с возвращением скифов из Передней Азии и повторным освоением ими евразийских степей. Этому есть следующие обоснования:

*Могильник Целинный I, кург. 59 [Гуцалов, 1998], Покровка-2, кург. 19, погр. 1 [Яблонский и др., 1994].

**Курганы Ивановские [Пшеничнюк, 1983], Большой Клиновский [Тайров, 1987].

*Элементы, присущие погребениям воинской верхушки Посулья первой половины VI в. до н.э. в лесостепной Украине [Ильинская, 1968].

**К числу таковых М.Г. Мошковой отнесены: меридиональная ориентировка могил, ориентация погребенных головой на юг, могилы прямоугольной формы, подбойные, с “заплечиками”, посыпка дна мелом или белой глиной [1974, с. 11].

1) для указанных курганов характерны черты погребальной архитектуры и ритуала скотоводов лесостепной Украины и предгорий Северного Кавказа, а именно столбовые конструкции, возведенные над дромосными и катакомбными могилами, и южная ориентировка погребенных;

2) с конца VI в. до н.э. широкое распространение имеют предметы материальной культуры, производные от скифских. Это преимущественно предметы вооружения и конской узды. Бронзовые втульчатые наконечники стрел, характерные для погребений лесостепного Приднепровья и Северного Кавказа VII–VI вв. до н.э., представлены в ранних комплексах исследуемого региона не единичными экземплярами, а десятками [Гуцалов, 1998]. Некоторые из них, по-видимому, появились в результате контактов со скифами (впрочем, как и мечи, и кинжалы) [Гуцалов, 2004]. Скифские истории узды [Смирнов, 1961, с. 77] подчеркивают конские налобники и нащечники в курганах воинской знати с середины VI в. до н.э.;

3) присутствие скифов подтверждается распространением с VI в. до н.э. на Южном Урале каменных антропоморфных изображений. Изваяния, открытые за последнее десятилетие в регионе, имеют самые близкие аналоги среди скифской каменной скульптуры [Гуцалов, Таиров, 2000]. Зафиксирован обряд погребения статуй [Гуцалов, Боталов, 1999], имеющий параллели в погребальной практике скифов Украины.

Вероятно, ядром кочевого союза, представленного в археологических материалах прохоровской культурой, были скифы, которые раньше всех вторглись в Южное Приуралье и идеологически доминировали в новом объединении. Кроме того, нельзя забывать об их значительном воинском потенциале – они сами по себе представляли грозную силу, но еще более внушительные объединения родственных племен находились в Северном Причерноморье.

Отчетливое проявление в курганах Южного Приуралья рубежа VI–V вв. до н.э. сакских культурных параллелей позволяет предположить, что в конце VI в. до н.э. в южно-уральский союз была инкорпорирована большая группа кочевников Приаралья. Их появление здесь следует рассматривать как результат войн Кира II и Дария I с “массагетами Геродота” (“сака-тиграхауда” древнеперсидских надписей) [Пьянков, 1964, 1975] в конце VI в. до н.э. [Таиров, 1999]. Элитарный характер курганов, в которых прослеживаются приаральские параллели, позволяет высказать предположение, что массагеты, наряду со скифами, составили элиту племенного союза.

Вокруг “царского” некрополя Кырык-Оба возводились усыпальницы видных представителей кочевого общества всего региона. Функциониро-

вание этих древних кладбищ прекратилось в конце V в. до н.э. Материалы рассмотренных курганов показывают тенденцию формирования прохоровской культуры Южного Приуралья на первом этапе, когда ее основополагающие черты были присущи кочевой знати.

Список литературы

- Акишев К.А., Кушаев Г.А.** Древняя культура саков и усуней долины р. Или. – Алма-Ата: Наука Каз.ССР, 1963. – 320 с.
- Вишневская О.А.** Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII–V вв. до н.э. (по материалам Уйгара-ка) // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. – 1973. – Т. 8. – 160 с.
- Граков Б.Н.** Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. – 1947. – № 3. – С. 100–121.
- Грязнов М.П.** Курган как архитектурный памятник // Тез. докл. на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г. – М., 1961. – С. 22–25.
- Грязнов М.П.** Аржан: Царский курган раннескифского времени. – Л.: Наука, 1980. – 62 с.
- Гуцалов С.Ю.** Курган раннескифского времени на Илеке // Археологические памятники Оренбургья. – 1998. – Вып. 2. – С. 127–136.
- Гуцалов С.Ю.** Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. – Уральск: [Б.и.], 2004. – 136 с.
- Гуцалов С.Ю., Боталов С.Г.** Скифское святилище Елантау // Изв. Челяб. науч. центра Урал. отд-ния РАН. – 1999. – Вып. 3. – С. 69–71.
- Гуцалов С.Ю., Таиров А.Д.** Стелы и антропоморфные изваяния раннего железного века южноуральских степей // Археология, палеоэкономика и палеodemография Евразии. – М.: Наука, 2000. – С. 226–251.
- Джубанов А.А.** Останки собаки из могильника Кырык-Оба // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск: [Б.и.], 2004. – Вып. 2. – С. 329–333.
- Железчиков Б.Ф.** Археологические памятники Уральской области. – Волгоград: Волгоград. гос. ун-т, 1988. – 134 с.
- Ильинская В.А.** Скифы днепровского лесостепного левобережья (курганы Посулья). – Киев: Наук. думка, 1968. – 268 с.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т.** Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискан). – М.: РОССПЭН, 1997. – 187 с.
- Кадырбаев М.К.** Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1984. – С. 84–93.
- Клейн Л.С.** Археологические признаки миграций (IX Междунар. конгр. антропол. и этногр. наук. Чикаго, 1973 г.: Докл. сов. делегации). – М., 1973. – 17 с.
- Курманкулов Ж.К., Ишангали С.К., Раймкулов Б.Т.** Исследования курганных отряда № 2 УКАЭ в 2001 г. на могильнике Крык-Оба-2 // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2002. – Вып. 1. – С. 87–92.
- Мошкова М.Г.** Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. – М.: Наука, 1974. – 52 с.

Мошкова М.Г., Кушаев Г.В. Сарматские памятники Западного Казахстана // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 258–268.

Очир-Горяева М.А. Погребальный обряд населения Нижнего Поволжья и Южного Приуралья VI–IV вв. до н.э. // Археологические исследования в Калмыкии. – Элиста: [Б.и.], 1987. – С. 35–53.

Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. – М.: Наука, 1983. – 200 с.

Пшеничнюк А.Х. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. – Уфа: Гилем, 1995. – С. 62–96.

Пьянков И.В. К вопросу о маршруте похода Кира II на массагетов // ВДИ. – 1964. – № 3. – С. 115–130.

Пьянков И.В. Массагеты Геродота // ВДИ. – 1975. – № 2. – С. 46–70.

Сдыков М.Н., Гуцалов С.Ю., Бисембаев А.А. Сохранившаяся культура скифов Западного Казахстана. – Уральск: [Б.и.], 2003. – 124 с.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. – 1961. – № 101. – 162 с.

Смирнов К.Ф. Савроматы: Ранняя история и культура сармат. – М.: Наука, 1964. – 380 с.

Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. – М.: Наука, 1975. – 176 с.

Смирнов К.Ф. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. – Уфа: Башкир. фил. АН СССР, 1977. – С. 3–51.

Смирнов К.Ф. Савроматская и раннесарматская культуры // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – С. 165–177.

Таиров А.Д. Большой Климовский курган // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова: Тез. докл. обл. науч. конф. по разделам: Скифо-сибирская культурно-истори-

ческая общность. Раннее и позднее средневековье. – Омск, 1987. – С. 123–125.

Таиров А.Д. Генезис раннесарматской культуры Южного Урала // Археологические памятники Оренбуржья. – 1998. – Вып. 2. – С. 87–96.

Таиров А.Д. Средняя Азия во второй половине VI в. до н.э. и кочевой мир Южного Урала // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 173–175.

Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г. К вопросу о формировании раннесарматской прохоровской культуры // Проблемы археологии урало-казахстанских степей. – Челябинск: Башкир. гос. ун-т, 1988. – С. 141–159.

Юсупов Р.М. Историческая антропология Южного Урала и формирование расового типа башкир. – Препр. – Уфа: [Б.и.], 1991. – 35 с.

Юсупов Р.М. Южный Урал и Восток: Древность и современность в антропологии // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. – Уфа, 1993. – С. 127–128.

Яблонский Л.Т. Антропологические аспекты формирования раннесарматской культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Мат-лы IV Междунар. конф. “Проблемы сарматской археологии и истории”. – Вып. 1. – Самара: Изд-во Самар. науч. центра РАН, 2000. – С. 29–40.

Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Веддер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В.Л. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году // Курганы левобережного Илека. – М.: Ин-т археологии РАН, 1994. – Вып. 1. – С. 4–59.

Материал поступил в редакцию 26.12.05 г.

УДК 903.5

И.В. Асеев

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: Aseev@archaeology.nsc.ru*

ОБРЯДЫ ПОГРЕБЕНИЯ ШАМАНОВ В ПРИБАЙКАЛЬЕ (ОЛЬХОНСКИЙ РАЙОН ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ) ПО АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Введение

Исследователи бурятского шаманизма первой половины прошлого столетия считали, что основным погребальным обрядом шаманов являлось их сожжение. Этот процесс достаточно подробно описан выдающимся бурятским этнографом М.Н. Хангаловым [1958, с. 385–400]. Об обряде кремации имеется также сообщение профессора Иркутского государственного университета Б.Э. Петри [1928, с. 71–73]. Оба описания основаны на этнографических данных и, очевидно, поэтому повторяют друг друга. По сведениям исследователей, местом погребения шаманов являются шаманские рощи, принадлежащие одному роду или улусу. Эти рощи располагаются в степи, заметны издали. В них нельзя рубить деревьев под страхом серьезного возмездия и даже смерти, что соответствует полинезийскому табу [Хангалов, 1958, с. 389–390; Петри, 1928, с. 72]. Видимо, поэтому в литературе первой половины прошлого столетия, надо полагать, и ранее, нет археологических данных о погребальных обрядах шаманов. Однако в ходе интенсивных археологических работ в Прибайкалье и Забайкалье во второй половине XX в. исследователи находили не только места кремации, но и погребения, совершенные по обряду, не типичному для общей массы изучаемых захоронений, в т.ч. средневековых: погребенные были уложены в могилу ничком [Хамзина, 1970, с. 11–12; Асеев, 1985, с. 161–171]. Видимо, захороненные таким образом люди в силу каких-то причин заслуживали особого к себе отношения. Исследователи считают, что они были служите-

лями культа, т.е. шаманами. Поэтому назрела необходимость сопоставить археологические факты с этнографическими данными и выявить разновидности погребального обряда шаманских захоронений.

Артефакты и этнографические данные

Как показали археологические исследования 1973–1974 гг., погребения шаманов совершали не только в шаманских рощах, но и в таежных труднодоступных местах, о чем свидетельствуют археологические материалы, отражающие обряды сожжения служителей культа в Прибайкалье [Асеев, 1985]. Но заключение о том, что это захоронения именно шаманов, – чисто эмпирическое. Для изучения проблемы в данном аспекте необходим критический анализ археологических источников – местонахождения кремации, сопоставимого с этнографическими сведениями, и сопроводительного инвентаря, определяющего социальный статус погребенного. Для этого более детально рассмотрим такие памятники.

Первое место кремации было обнаружено в 1973 г. на о-ве Ольхон в 5 км на северо-восток от пос. Хужир в глухом распадке горного массива на склоне одной из возвышенностей со скальными выходами. Площадь кострища ок. 3 м². Она обозначена горелыми фрагментами костей человека, спекшимися с расплавленным от высокой температуры песком, остатками недогоревшей древесины и мелкими углеми. На месте сожжения найдены пара железных стремян натулярных размеров и пара миниатюрных,

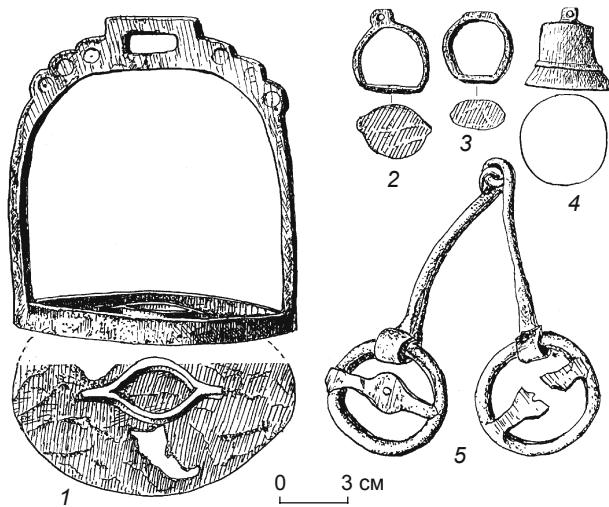

Рис. 1. Артефакты с места кремации шамана, найденные в 1973 г. на о-ве Ольхон.

1 – стремя натуральных размеров; 2, 3 – миниатюрные стремена-подвески; 4 – колокольчик; 5 – удила натуральных размеров.

диаметром 2,5–3 см, два колокольчика, железные удила с большими кольцами, пряжка от сбруи (рис. 1). Железные предметы испытали термическое воздействие при очень высокой температуре, о чем свидетельствует окалина светло-красного цвета и частично перегоревшие пластинчатые полки стремян.

Годом позже (разведка 1974 г.) в этом распадке на вершине скалистой сопки были выявлены и осмотрены еще пять мест кремации человека. На одном из них вместе с кальцинированными костными остатками обнаружены конусовидные металлические подвески-погремушки – бесспорные атрибуты шаманского костюма. На площади другого кострища, ок. 2,5–3 м²,

найдены монеты достоинством в 2 коп. 1822, 1837, 1839 гг. выпуска. По ним определено приблизительное время кремации – первая половина XIX столетия [Там же, с. 167–168]. На месте одного сожжения обнаружены сильно оплавленные медные курительная трубка, браслеты, перстни. Из железных предметов найдены узкий однолезвийный черешковый нож, конечники стрел (рис. 2, 1, 2), подвески, состоящие из подвижно скрепленных карабином в виде восьмерки стремени диаметром 2,5–3 см и кольца такого же размера с тремя конусообразными подвесками-погремушками (рис. 2, 3). Кроме того, в остатках кострища обнаружены раздельно лежавшие конусовидные подвески-погремушки (рис. 2, 4) – 21 экз. Подобные подвески имеются на шаманских плащах в коллекциях музеев Хакасии [Алексеев, 1984, фото 18, 19], Тувы [Там же, фото 22], Якутии [Там же, рис. 2]. Они нашивались на плащ в области груди и лопаток. Очевидно, ольхонские шаманы также использовали подобные атрибуты для своей одежды. Интересны в этом плане высказывания М.Н. Хангалова, относящиеся к первой четверти прошлого столетия: “В настоящее время костюм шамана как повседневный, так и специальный для отправления шаманских мистерий, ничем не отличается от обычновенного бурятского, и только особенно уважаемые и пожилые шаманы одеты получше, большинство же шаманов часто очень бедны” [1958, с. 365]. Исследователь отмечал, что шаманской одеждой была шуба, или оргой, особенность которого составляли “привешиваемые к нему металлические фигурки человека, коня, птицы и др.” [Там же]. Учитывая это, очевидно, можно говорить о наличии в атрибутике бурятского шаманского одеяния конусообразных металлических подвесок.

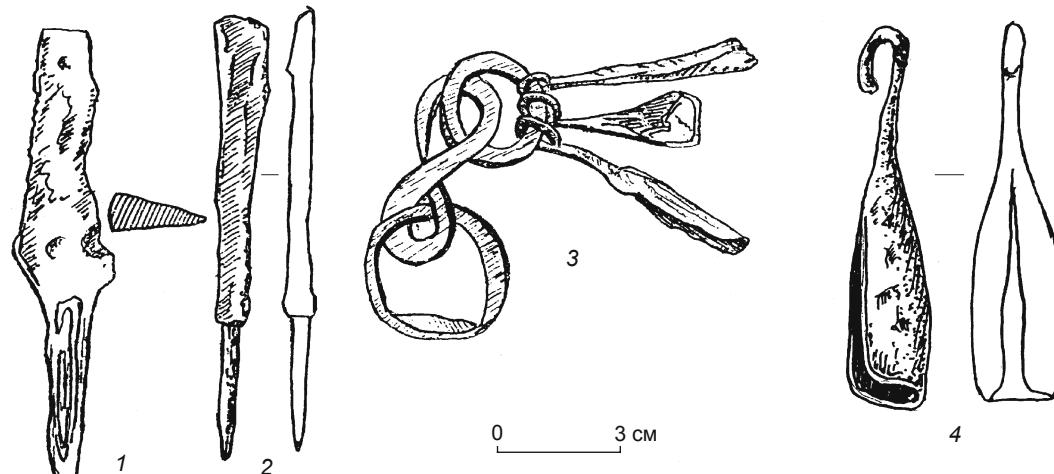

Рис. 2. Артефакты с места кремации шамана, найденные в 1974 г. на о-ве Ольхон.

1 – нож; 2 – наконечник стрелы; 3 – подвеска с миниатюрным стременем и коническими подвесками-погремушками; 4 – подвеска-погремушка.

Для расшифровки семантики миниатюрных стремян и колокольчиков, найденных на местах кремации бурятских служителей культа, обратимся к этнографическим данным. Непременным рабочим инструментом шамана являлся бубен. По свидетельству М.Н. Хангалова, у прибайкальских шаманов он мог быть заменен одной или двумя т.н. конными тростями. Их делали из дерева и железа. Деревянные трости каждому шаману изготавливали накануне первого посвящения. Бруски для них вырезали из живой, т.е. растущей, березы, причем старались не повредить сердцевину ствола, “поскольку засыхание дерева после вырезания бруска считается дурным предзнаменованием для шамана”. Береза для этой цели выбиралась в той роще, где производились похороны шаманов [Там же, с. 366].

На верху “конной” трости изображалась голова коня, примерно посередине обозначалось колено, а на самом конце вырезалось подобие конского копыта. По сведениям М.Н. Хангалова, деревянные трости по форме ничем не отличаются от железных, кроме изображения головы: в первом случае она составляет верхнюю часть палки, как набалдашник, во втором – отходит в сторону под прямым углом. Но железную трость шаман получал вместе с шапкой-короной только после пятого посвящения.

К “конным” тростям привязывались колокольчики, конусные подвески, а для большего сходства с конем – миниатюрные стремена (рис. 3, 1). К шапкам-коронам подвешивались конусные подвески, а в центре соединения пластин, обозначающих полусферу, приделывались рога из витого железа (рис. 3, 2). Подобное в семантике “конных” тростей наблюдается у ближайших соседей бурят – якутов. Н.А. Алексеев, анализируя традиционную религию последних, среди атрибутов шамана отмечает трость с изображением головы коня на конце рукояти. Такая трость служила шаману как бубен, конь, на котором он мог “проехать” в любой мир [1975, с. 143–145]. Но имеется еще одна особенность: “конная” трость заменяла бубен, если один из подвешенных к ней колокольчиков был большой. Ту же функцию мог выполнять и сам большой колокольчик. В этнографической литературе существует термин хэсэ (“бубен”). М.Н. Хангалов писал: “У кудинских шаманов хэсэ называется большой колокольчик, вытеснивший из употребления бубен ради большого удобства, у ольхонских шаманов бубны не были встречены мною, за исключением одного случая, когда бубен оказался у одного только что посвященного шамана, ничего не знавшего и совершенно неопытного” [1958, с. 367].

Таким образом, если наша интерпретация верна в отношении колокольчиков и миниатюрных стремян, то кремированный (речь идет о месте кремации,

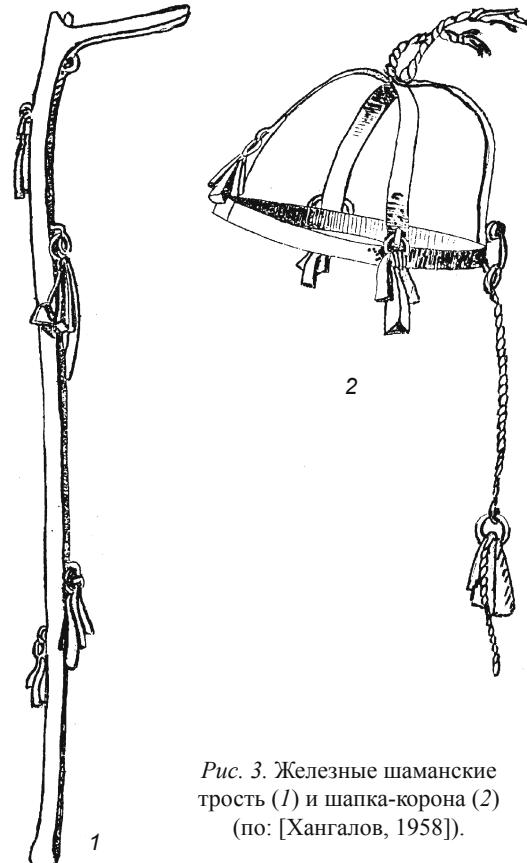

Рис. 3. Железные шаманские трость (1) и шапка-корона (2)
(по: [Хангалов, 1958]).

найденном в 1974 г.) был посвящен в шаманы и имел “конную” трость из дерева, остав которой сгорел.

Выше отмечено, что на одном из мест кремации обнаружены большие стремена вместе с маленькими. Очевидно, здесь также был кремирован шаман, прошедший первое посвящение. Он имел две деревянные “конные” трости, поскольку найдены два миниатюрных стремени, а к трости привязывается по одному.

По сведениям М.Н. Хангалова, при сожжении покойника с ним кладут: под голову – седло (очевидно, вместе со стременами), рядом – узду, колчан с восемью стрелами и лук. Считалось, что стрелами шаман будет поражать угрожающих живым людям злых духов и избавит от смерти восемь хороших людей [1958, с. 387]. По верованиям шаманистов, в потустороннем мире они продолжают пользоваться всем тем, что имели при земной жизни.

В общей сложности в глухом горном распадке на о-ве Ольхон было отмечено шесть мест кремации. Три из них, рассмотренные выше, по наличию культовых атрибутов относятся к шаманским. Обряд сожжения, очевидно, продиктован тем, что в системе шаманских верований огонь занимал важное место. Как отмечает Т.М. Михайлов в своей монографии, “исключительно велика была роль огня в устройстве шаманских молебствий” [1980, с. 228–230]. Посколь-

ку шаманы при исполнении всех культовых отправлений обращались непосредственно к огню, надо полагать, что именно поэтому их кремировали для скорейшего перемещения к небожителям. Но похоронены на этом не заканчиваются. Как свидетельствуют этнографические наблюдения, на третий сутки после обряда сожжения ближайшие родственники шамана собирают кости в специально сшитый мешок. Его шьют из белого коленкора, если это был белый шаман, из синего шелка – если черный. Мешок с костями укладывают в выдолбленное в виде ниши (наша интерпретация) углубление в стволе толстой сосны. Именно такой процесс похорон шамана подробно рассмотрен М.Н. Хангаловым [1958, с. 389]. Однако на о-ве Ольхон, несмотря на то, что там обнаружено шесть мест кремации, факт помещения костей в нишу в живом дереве не установлен. Но нами было осмотрено одно место захоронения останков шамана, с которым, очевидно, была связана завершающая стадия погребального обряда. Оно было найдено юго-западнее пос. Еланцы на вершине одной из сопок, поросшей смешанным лесом (сосна, лиственница, береза, осина, кустарник).

В растущей (живой) лиственнице (высота ок. 35 м, ширина в обхвате 1,82 м) с южной стороны на

уровне 62 см от комля вырублена ниша (рис. 4). Ее высота 42 см, ширина 20, глубина 23,5 см. Крышка, некогда закрывавшая нишу, лежала в метре от дерева с восточной стороны. Она изготовлена из лиственничной плахи толщиной 6 см, возможно, сколотой с этого же дерева при подготовке места для выдалбливания ниши; на внешней стороне сохранилась кора. Потолок ниши скошен вовнутрь к вершине дерева; крышка с напусками на боковые края ниши верхним торцом входила туда, как в паз. На пороге ниши вбит гвоздь, фиксировавший некогда плотно прижатую крышку. Стенки ниши и крышки по периметру затянуты смолой. К моменту нашего обследования ниша была пуста, но у подножия дерева напротив нее находились разбросанные мелкие фрагменты горелых костей и кусочки истлевшей шелковой материи грязно-зеленого цвета с голубоватым оттенком. Это свидетельствует о том, что в нише были замурованы останки черного шамана.

Около дерева рядом с крышкой во мху и хвое среди мелких фрагментов горелых костей найдена 20-копеечная монета, изготовленная в 1916 г. Это указывает на самую раннюю дату погребения. Наличие денег в захоронении – еще одно свидетельство веры бурят в потусторонний мир с социальным устройством, подобным существующему в земной жизни.

Кроме кремации шамана и погребения его костей в живом дереве, на территории Ольхонского р-на Иркутской обл. практиковались и другие обряды. В 1979 г. на западном берегу оз. Байкал (залив Куркут) исследовано захоронение с необычным положением костяка. На поверхности оно было представлено плоской надгробной кладкой из камней скальной породы. В центральной части кладки обнаружены фрагменты ребер, очевидно жертвенной овцы, и железный черешковый нож с обломанным концом. Под плитами перекрытия около южной стены могильной ямы найдены долотовидный наконечник стрелы и фрагмент кости животного. В могиле была деревянная колода, к моменту раскопок сильно пострадавшая от гнили. От боковых стенок и днища местами сохранилась древесная труха. Но были зафиксированы полуусгнившие остатки торцов колоды, представлявшие куски древесины длиной ок. 30 см и толщиной ок. 50 см, а между ними находился костяк захороненного ничком человека (рис. 5). У восточного торца колоды в изголовье погребенного была воткнута вертикально берцовая кость овцы – явный признак принадлежности захороненного к миру кочевников. Подобное положение костяка в погребении встретилось Е.А. Хамзиной при раскопках могильника на сопке Тапхар в Хоринском р-не Бурятии. Но в описанном ею случае руки погребенного были заведены

Рис. 4. Погребальная ниша в растущей лиственнице, где находились кремированные останки шамана (Прибайкалье).

за спину и, очевидно, связаны. Исходя из этого, Е.А. Хамзина пришла к выводу, что “погребенный занимал особое положение среди сородичей, возможно, был шаманом”. Погребение датировано XIII–XIV вв. [1970, с. 96–99].

Объяснение атипичного погребального обряда зафиксировано этнографами. В XIX в. в среде бурят были случаи насильственного умерщвления некоторых шаманов и шаманок. Как отмечал М.Н. Хангалов, «если распространился слух, что какие-нибудь черные шаманы или шаманки напускали на людей болезнь или съели у кого-нибудь душу, то они подвергались народному суду, который редко оправдывал. Обвиненного казнили следующим образом: “Шамана или шаманку ставили вниз головой в нарочно вырытую яму, прижимая лицо к земле, и засыпали землею для того, чтобы ни одна из душ шамана или шаманки не вырвалась на волю и не получила возможность вредить людям”» [1958, с. 93]. Учитывая это, можно предположить, что погребенный ничком человек в захоронении на берегу залива Куркут был шаманом.

Кроме охарактеризованных выше захоронений служителей культа этнографического времени и эпохи средневековья, в Ольхонском р-не археологами изучено погребение шамана, относящееся к бронзовому веку. Исследователи этого памятника подробно описали погребальный обряд и сопроводительный инвентарь, в т.ч. символику шаманского атрибута – литой бронзовой ажурной бляхи с рогатоголовой антропоморфной фигурой внутри солярного круга [Горюнова, Вебер, 2003], поэтому нет необходимости повторяться. Но следует отметить, что, несмотря на сохранность костяка, положение погребенного на спине, он был перекрыт тремя внутримогильными кладками и одной надмогильной. Это, очевидно, также можно истолковать как преднамеренную защиту живых соплеменников от деятельности злоказненных душ шамана.

В бухте Эльген в 1979 г. нами было исследовано неолитическое погребение по обряду трупосожжения. Оно находилось на вершине скалистой возвышенности горного отрога, выходящего в пойму р. Эльген, на пологом откосе которого располагалась неолитическая стоянка (ее раскопки производились в 1979–1980, 1982 и 2002–2005 гг.). Кладка погребения была задернована и обнаружена по отдельным камням, выступающим у подножия скального навеса. Она состояла из небольших каменных плит, уложенных в виде овального в плане кургана. С западной и северной сторон кладка оконтурена глыбами скал, обрушившейся еще до устройства могилы. Нижняя часть погребальной камеры была выдолблена в коренных породах. Ее боковые стенки оформлены поставленными на продольное

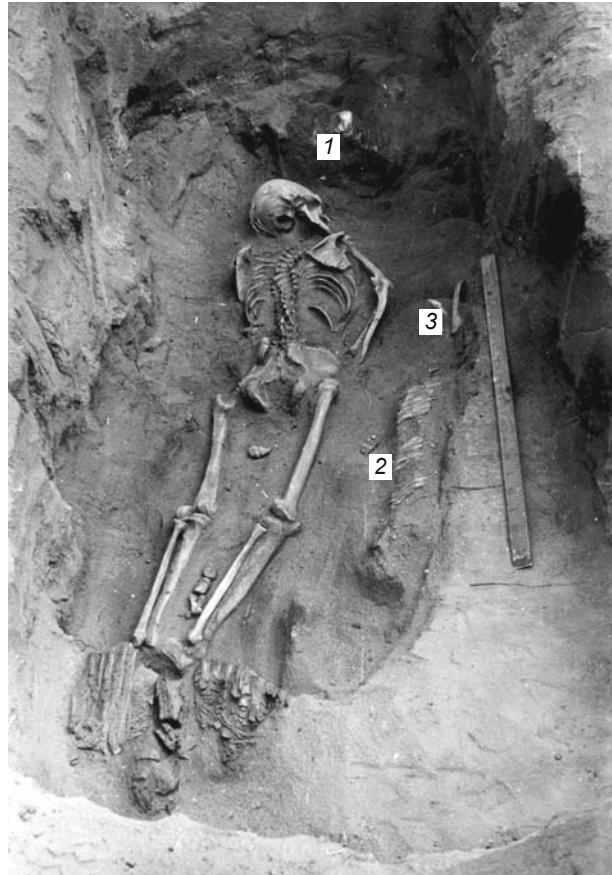

Рис. 5. Положение костяка в погр. 1 на берегу залива Куркут (Прибайкалье).

1 – кость овцы в изголовье погребенного; 2 – остатки берестяного колчана; 3 – центральная накладка на лук.

ребро с наклоном на внешнюю сторону плитами скальной породы, образующими ящик (рис. 6, А). У северного его борта на глубине 0,8 м лежала жердь длиной ок. 1 м, под углом к ней – еще одна такая же, а под ней находилась жердь длиной 1,8 м и толщиной 8 см (рис. 6, Б). Заполнение могильной ямы, на котором лежало обугленное дерево, палевого цвета, насыщено древесными угольками. За пределами кострища у восточного торца могильной ямы найдены фрагменты черепа и нижней челюсти человека очень плохой сохранности. Ниже обугленных жердей обнаружена плита размерами 1,20 × 0,8 м. Сразу под ней лежала обугленная деревянная плаха длиной 0,8 м, шириной 0,45 м, слегка корытообразно вогнутая. Ее торец, находящийся возле фрагментов черепа, закруглен. Кости скелета смешаны с углем – возможно, остатками этой плахи. В юго-западной половине кострища на уровне горелого дерева найдена ножевидная пластина из хальцедона, а в юго-восточной – отщеп из серого с зеленоватым оттенком кремня.

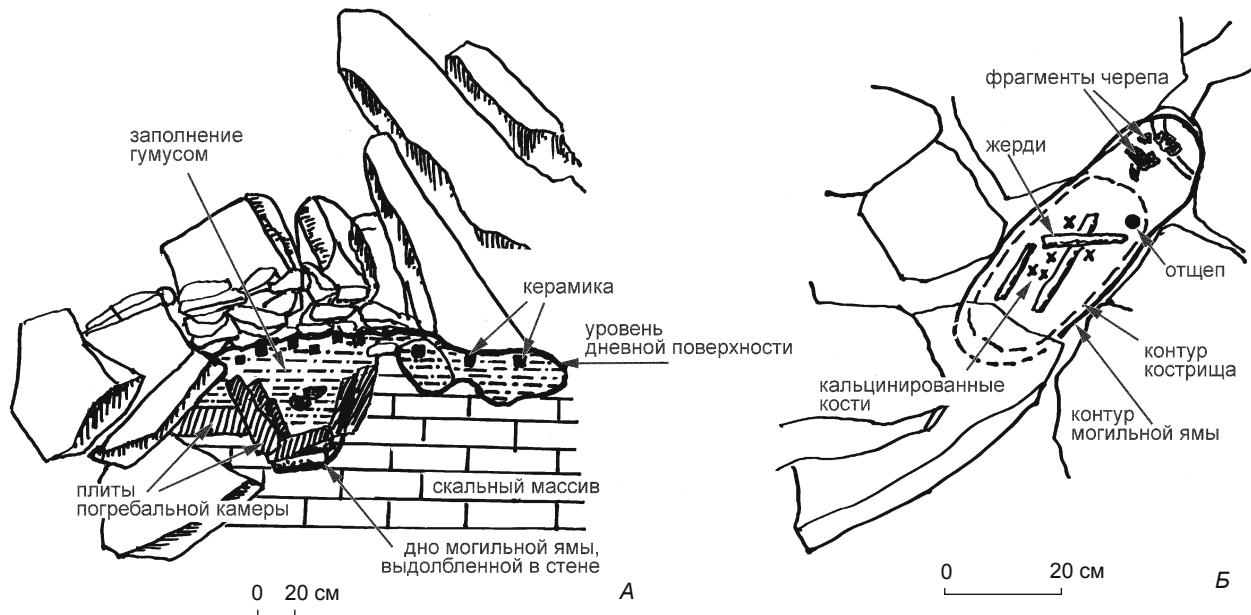

Рис. 6. Схема-разрез (A) и план (Б) неолитического погребения по обряду кремации под скальным навесом в бухте Эльген (Прибайкалье).

Небольшой по размерам череп первоначально был принят за младенческий. Но ряд полустертых коренных зубов на нижней челюсти свидетельствовал о достаточно пожилом возрасте погребенного. Судя по грацильности черепа, он женский. О том, что у народов Сибири первыми служителями культа были женщины, писали многие историки. Свидетельства о ведущей роли женщин в древнем культе якутов, эвенков и других народов приводят в своей работе А.Ф. Анисимов [1958, с. 180–184]. С. Пурэвжав, рассматривая стадии развития древнемонгольского шаманизма, выделил в качестве первоначального этапа поклонения сверхестественным силам массовое женское шаманство [1975].

Об эпохальной принадлежности рассматриваемого погребения свидетельствуют артефакты. Непосредственно под каменной кладкой и в заполнении погребальной камеры найдено ок. 20 фрагментов сосуда с прямым, слегка утолщенным к торцу венчиком, орнаментированного оттисками сетки-плетенки. Обнаружено также несколько фрагментов гладкостенной керамики и с полуулунными вдавлениями. Керамика с аналогичным орнаментом содержится в культурных отложениях расположенной рядом неолитической стоянки [Асеев, 2003а, с. 64]. Каких-либо шаманских атрибутов здесь не обнаружено. Однако на принадлежность погребенного к шаманскому культу косвенно указывает обряд трупосожжения. Неолитические захоронения по обряду кремации в данном районе Прибайкалья встречаются крайне редко. Более чем за 30 лет изысканий

нами зафиксирован, кроме описанного выше, только один случай сожжения погребенных – в коллективном захоронении на Шаманском мысе о-ва Ольхон, исследованном в 1976 г. В нем находились останки трех человек. Два обугленных черепа вместе с перебитыми, но анатомически правильно расположеными плечевыми костями рук были помещены на две каменные плиты. В слое на уровне черепов находились фрагменты горелых костей, смешанные с древесными угольками. Ниже этого слоя лежал третий костяк, не подвергавшийся кремации. Не вызывает сомнения, что два человека были принесены в жертву третьему. Это явные признаки бытования у древнего населения обычая отправлять в потусторонний мир господина со слугами. Захоронение относится к серовской группе памятников [Там же, рис. 55, 2, с. 85–88]. Возможно, некремированный погребенный был вождем или служителем культа. В любом случае, надо полагать, этот человек являлся представителем власти рода или племени и его хоронили, в отличие от рядовых членов сообщества, с подобающими почестями. Отголоски подобного обряда выдающихся соплеменников освещены в этнографической литературе: “Если покойник был богатый или силач… то он по обычаю должен был иметь при себе своего слугу, которого насильственно убивали и сжигали вместе с покойником; этот слуга должен на том свете служить душе покойного” [Хангалов, 1958, с. 224]. Очевидно, это свидетельство из этнографических наблюдений можно экстраполировать и на первобытно-общинный строй.

Заключение

Рассмотренные нами погребальные обряды в Прибайкалье (Ольхонский р-н Иркутской обл.) свидетельствуют о выделении шаманов в отдельную социальную группу. Эти обряды явно отличаются от общепринятых для рядовых членов прибайкальских племен на протяжении многих тысячелетий. Нетипичные похороны служителей культа, видимо, связаны с представлениями о способностях умерших шаманов оказывать психологическое и, возможно, физическое воздействие на живых людей. И эта тенденция выделения шаманов из общей массы соплеменников, надо полагать, появилась с зарождением религиозных взглядов в глубокой древности. По археологическим данным, в Прибайкалье, и в частности на территории Ольхонского р-на, шаманские обряды бытовали уже в эпоху неолита. Об этом свидетельствуют все сказанное выше и исследованные жертвенник и святилище на неолитической стоянке Эльген [Асеев, 2002, 2003б, 2004], для которой радиоуглеродным методом получены даты по образцам угля (2003 г., аналитик канд. геол.-мин. наук Л.А. Орлова, Институт геологии СО РАН): $6\ 130 \pm 115$ л.н. (СОАН-5121) и $6\ 790 \pm 85$ л.н. (СОАН-5122) [Асеев, 2003а, с. 66].

Список литературы

Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. – Новосибирск: Наука, 1975. – 200 с.

Алексеев Н.А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1984. – 233 с.

Анисимов А.Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 253 с.

Асеев И.В. Отражение некоторых аспектов шаманизма в археолого-этнографическом материале Предбайкалья и Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 161–172.

Асеев И.В. Орудийный комплекс стоянки эпохи камня в бухте Эльген (Прибайкалье) – раскопки 2002 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2002. – С. 26–31.

Асеев И.В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2003а. – 207 с.

Асеев И.В. Артефакты из разведочного раскопа в бухте Эльген (Прибайкалье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2003б. – С. 30–36.

Асеев И.В. Новое в неолите Прибайкалья – предварительное сообщение // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2004. – С. 25–31.

Горюнова О.И., А.В. Вебер. Комплекс с ажурной бляхой из погребения могильника бронзового века Курма XI (озеро Байкал) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 4. – С. 110–115.

Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма. – Новосибирск: Наука, 1980. – 320 с.

Петри Б.Э. Старая вера бурятского народа. – Иркутск: Власть труда, 1928. – 78 с.

Пурэвжав С. К вопросу о стадиях развития идеологических концепций древнемонгольского шаманизма // Труды монгольских историков (1960–1970). – Улан-Батор: Ин-т истории АН МНР, 1975. – С. 113–114.

Хамзина Е.А. Археологические памятники Западного Забайкалья (поздние кочевники). – Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1970. – 140 с.

Ханголов М.Н. Собр. соч. – Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1958. – Т. 1. – 551 с.

Материал поступил в редакцию 15.06.06 г.

УДК 904

З.В. Доде

Институт востоковедения РАН
 ул. Рождественка, 12, Москва, 103031, Россия
 E-mail: zvezdana_dode@yahoo.com

БЕСТИАРИЙ НА “МОНГОЛЬСКИХ” ШЕЛКАХ. СТИЛЬ И СЕМАНТИКА ДИЗАЙНА

Свободная торговля шелком на рынках Монгольской империи приносила колоссальные доходы императорскому двору. Так, Марко Поло, описывая доход великого хана только с одного города Кинсаи (Ханчжоу), упоминает о большой пошлине на шелк: “Словом сказать, с шелка взимается десять процентов. Много денег от него” [1955, с. 163]. Высокие доходы стимулировали монгольских ханов к расширению шелкового производства и привлечению иностранных мастеров на рынки империи, а также повышению социального статуса купцов, что способствовало возрождению торговых путей через Евразию, на которых шелк был главным продуктом обмена [Watt, Wardwell, 1997, р. 15]. В империи монголов шелк стал своего рода государственным символом, на что указывают основные направления его использования – в качестве валюты, дани, даров иностранным миссиям, вознаграждения лицам, состоящим на гражданской службе, и военным чиновникам, для изготовления официальных придворных одежд, использования в конфуцианских ритуалах и церемониях [Ibid, р. 18]. Шелк являлся желанным трофеем, наградой или товаром и для рядового населения монгольского государства, поскольку маркировал социальный статус обладателя, его принадлежность к подданным империи, обеспечивал определенный гигиенический комфорт [Доде, 2006, с. 164–167].

История бытования “монгольских” шелков имеет также важный культурный контекст. Дизайн шелковых тканей, отражающий эстетические представления, вместе с тем был наполнен глубинным мировосприятием народов, создававших произведения ткацкого искусства в Китае, Иране и странах Центральной Азии. Каждый элемент орнамента символичен и от-

ражает ценностную систему времени и культуры, к которой принадлежал мастер. Образы животных или птиц, деревьев или цветов в китайском искусстве символизировали человеческие качества. Так, фениксы и павлины выражают превосходство, журавль – величественность, сокол – жестокость, водоплавающая птица и дикие гуси – спокойствие, пионы – богатство, ива – мягкость, сосна и кипарис – мужество, стойкость и честность [Zhao Feng, 1999, р. 211].

Дизайн средневековых “монгольских” шелков, наполненный символическими существами и предметами, отражает особенность бестиариев – “приданье определенному животному сакрального, этического и дидактического значения” [Терентьев-Катанский, 2004, с. 14]. Символические животные запечатлены не только на китайских тканях, но и на каменных рельефах, в архитектурном убранстве; они представлены в мотивах вышивок, ювелирных и керамических изделий XIII–XIV вв. Декор “монгольских” парчовых шелков, таким образом, имеет отношение ко всему искусству, создававшемуся на территории империи.

В предлагаемой работе рассматривается художественная принадлежность орнамента на шелковых тканях, обнаруженных в золотоордынских памятниках Северного Кавказа и Дона: археологических комплексах Джухта, Новопавловский и Вербовый Лог. Определение художественной доминанты основано на следующих критериях: соответствие изображения устойчивой иконографической традиции, стилистическим нормам, принятой символике образов, связанной с определенной мифологической системой, наличие деталей орнамента, которые в изображении не несут основной нагрузки, но для

носителя культурной традиции имеют важный семантический смысл. При заимствовании художественных образов их семантическое содержание, как правило, утрачивается; это приводит к искажению или исчезновению таких деталей.

Имперская политика переселения ремесленников, захваченных монголами в Китае или Восточном Иране, в города Центральной Азии приводила к смешению репертуаров текстильного дизайна. На шелковых китайских тканях нередко встречаются образы персидского искусства, а на иранских – изображения из центрально-азиатских и китайских текстильных сюжетов.

Вопрос о характере заимствования художественных образов для декора тканей напрямую связан с проблемой “приоритета” того или иного региона в создании какого-либо сюжета или мотива [Jerusalimskaya, 2003, p. 17].

Дракон. Сюжет орнамента ткани нижнего кафана, обнаруженного в могильнике Джухта*, включает изображение драконов и гусей, расположенных в горизонтальных рядах и поочередно развернутых вправо и влево среди густого растительного фона (рис. 1).

Дракон является, несомненно, главным среди четырех “священных животных” Китая. Это одна из древнейших фигур китайской космогонии. При династии Сун (960–1279) складывается учение о “восьми сходствах” дракона: рог оленя, голова верблюда, глаза духа, шея змеи, чешуя карпа, когти орла, лапы тигра, уши коровы [Терентьев-Катанский, 2004, с. 28]. Как императорская инсигния дракон украшал различные предметы, предназначенные для дворца. Монголы заимствовали китайский образ дракона, сохранив за ним статус маркера государственной власти; и изображения этих существ на тканях, поясных бляхах, чашах из драгоценных металлов стали общепримечательным геральдическим символом.

На ткани из джухтинского могильника образ дракона трактован в обычной для китайской культуры манере, с соблюдением всех стилистических подробностей, характерных для мастеров династии Цзинь и монгольского периода: с головой верблюда, гривой льва, рогами оленя, ушами быка, змеиным телом и хвостом, покрытым рыбьей чешуей.

Подробно не анализируя образы драконов на шелках, отметим их связь с персонажами китайской мифологии, что в дальнейшем может быть использовано не только при атрибуции тканей, но и при расшифровке семантики их художественного выражения. В мифах иногда указаны характерные подробности внешнего облика драконов, которые запечатлены и в

Рис. 1. Изображения драконов и гусей на шелке нижнего кафана из могильника Джухта. Фото фрагментов ткани и реконструкция орнамента.

их текстильных изображениях: змеиное тело, наличие или отсутствие крыльев, рога (однорогий дракон назывался цяо, двурогий – цю, безрогий – чи). Таким образом, различия в изображениях драконов на шелковых китайских тканях, возможно, не столько отражают стилистические особенности художественного дизайна, сколько свидетельствуют о разнообразии китайского бестиария.

В XII в. в персидском культурном пространстве появился образ дракона, объединивший средиземноморские и китайские черты. Этот персонаж не является геральдической фигуруй. В представлении автора персидской космографии, известной под названием “Чудеса мира” (начало XIII в.), дракон обитает в неких морях Индийского океана вместе с акулами и гигантской рыбой со светящимися гла-

*Курганный могильник середины XIII–XIV в. у селения Апанасенковское Ставропольского края.

зами: “В той же местности встречается дракон, его называют *астин**. В длину он достигает нескольких фарсахов, имеет раскраску леопарда и два крыла. На шее у него находятся шесть голов. Есть у него также грифа. Если он обдаст своим дыханием слона, тот покернеет. Говорят, если держать в доме голову этого [дракона], то она укажет [места] кладов” [Чудеса мира..., 1993, § 190].

“Огненная жемчужина”. Композиционно в китайском искусстве изображение дракона сопряжено с “огненной жемчужиной”, которую считали традиционной игрушкой дракона. “Огненная жемчужина” – шаровидный источник света – была тесно связана с другими светящимися драгоценностями, которые концентрировали животворящую энергию. Дракона – символ дождя – и “пылающую жемчужину” – символ молнии – китайцы рассматривали как образы оплодотворения Земли Небом [Сычев, 1972, с. 146]. Считалось, что “огненная жемчужина” недоступна простым смертным.

Согласно трактату алхимика Тао Хунцзин, жемчуг наряду с нефритом защищал тело от разложения. Алхимики использовали жемчуг реже, чем золото и нефрит, но включали их в пропорциональный реестр “рецептов бессмертия” [Элиаде, 1998, с. 48]. Надо полагать, изображенные на шелках жемчужины также наделялись счастливыми магическими свойствами.

Поскольку образ дракона был семантически значимым для основных заказчиков шелковых тканей – монголов, он присутствует на тканях, изготовленных не только китайскими, но и центрально-азиатскими и восточно-иранскими ткачами, копировавшими изображения драконов с китайских подлинников. Несмотря на то, что дракон, запечатленный на джухтинском шелке, пытается “проглотить” вазу, традиционный элемент сюжета – “пылающая жемчужина” – не пропадает из орнамента, а остается в композиции: вписан между лапами гуся. Тем самым подчеркивается важность изображения жемчужины для содержания орнаментального повествования, связанного с мифологическим сюжетом о любимой драгоценности Верховного Повелителя Хуан-ди, похищенной девушкой из рода Жэньмэн, которая, проглотив жемчужину, превратилась в дракона и стала духом реки. На тканях с фигурами драконов, выполненных в центрально-азиатских и иранских мастерских, жемчужина не показана либо ее изображение сильно искажено, что свидетельствует о заимствовании формы с утратой содержания. Но на китайских шелках образ “пылающей жемчужины” не исчезает, семантическая значимость этой детали сохраняется.

*Ср. ‘Аджа’иб ал-махлукат: тинин – “дракон, живущий в воде”.

Ваза. Трактовка образа вазы также может быть рассмотрена в контексте семантики китайской мифологии. Ваза – один из восьми предметов (ба-бао), образующих систему защитных благопожеланий в буддийской символике. Ваза наряду с изображениями других предметов из восьми драгоценностей – бесконечного узла, двух золотых рыбок, цветка лотоса – была излюбленным элементом китайского средневекового искусства. Наполненная до краев напитком бессмертия, она выступает символом счастья, мудрости, благих намерений. Как символ объема, занимавшего видное место в китайской философии, ваза может трактоваться и как мера мировой гармонии, полноты бытия, ковш Полярного созвездия [Маявин, 1995, с. 147]. Большая Медведица (Бэйду) и населяющие ее духи ведали судьбой человека, его жизнью и смертью. На джухтинском шелке ваза изображена не пустой, а с тремя цветками, в девяти лепестках которых возможно увидеть символ девяти звезд-сыновей божества Доу-му, трактовавшегося в поздней китайской мифологии как Матушка Ковша и обитавшего на звездах Большой Медведицы. Интересно также, что один из духов полярного созвездия являлся повелителем дождей, символом которых выступал дракон.

Дракон воспринимался китайцами как символ красоты. Китайский поэт эпохи Хань Цао Чжи (192–232) в оде “Фея реки Ло” о своей героине писал: “Как вспугнутый лебедь парит, с летящим драконом изяществом схожа” [1973, с. 142]. Видя в драконе эстетически прекрасное существо, китайцы наделяли его, как и феникса, способностью приносить счастье.

Гусь. Что касается изображений птиц на этом шелке, то их следует рассматривать, очевидно, в контексте композиций “дикие гуси, летящие в облаках” или “лебединая охота”, к которой джухтинские образы гораздо ближе по манере исполнения. Гусь в Китае связан с Небом и с принципом ян, и рассматривается как талисман, помогающий любви в браке.

Гусь на джухтинской парче изображен с распахнутыми крыльями и длинной изогнутой шеей, на его голове – “корона” в виде распустившегося цветка. Весьма реалистично переданы оперение, лапы, глаза, анатомическое строение тела, что по манере исполнения соответствует образу лебедя на парче с сюжетом “лебединая охота” из музея Метрополитен, которая изготовлена в технологических и декоративных традициях династии Цзинь [Watt, Wardwell, 1997, р. 112–113, N 28].

Темы ткацких узоров начали формироваться еще в незапамятные времена. Ткачи, вероятно, не стремились передавать сюжетное повествование мифов. Они, как правило, ограничивались цитатами, группируя тканый сюжет вокруг одного или нескольких главных персонажей, не связанных между собой в вербальных источниках. Образцы дракона и лебедя

на джухтинской парче, очевидно, объединены в единый сюжет на основании их эстетических качеств, возводимых китайцами в категорию прекрасного.

Джухтинская ткань с изображениями драконов наглядно демонстрирует декоративную тенденцию шелков династии Юань – покрывать декором фактически всю поверхность, благодаря чему юаньские шелка выглядят сложно и богато орнаментированными, в отличие от тканей предшествующего времени – эпохи Цзинь – с золотым декором, заключенным в простые круги, треугольники или каплеобразные фигуры, расположенные на гладком фоне. Таким образом, стилистические особенности дизайна джухтинского шелка с фигурами драконов и гусей, а главное тщательность, с которой выполнены все детали орнамента, связанные с семантикой китайской мифологии, позволяют рассматривать его как продукт китайских ткацких мастерских эпохи династии Юань.

В качестве типологической параллели живописным шелкам с изображениями драконов и гусей может выступать убранство внутренних покоев столичного дворца Хубилая, основателя династии Юань. В дворцовом комплексе в Ханбалыке была возведена земная модель небесного дворца. В мифологическом плане золото внутренних покоев воплощает космическую полноту и завершенность. На полноту и гармонию мироздания указывает и орнаментальный строй фантастического бестиария.

Фениксы. В могильнике Джухта обнаружены шелка с изображением феников. Дизайн с фениксами представлен на двух различных тканях. На верхнем халате из мужского захоронения фениксы вытыканы золотыми нитями по красному фону среди цветов лотоса. Образы феников расположены в параллельных рядах в шахматном порядке, причем в одном ряду они развернуты вправо, в другом – влево (рис. 2).

Образ феникса входит в китайское изобразительное искусство, в период борющихся царств (448–221 гг. до н.э.) совместно с образами дракона, единорога и черепахи, являя собой мир и преуспевание, контролируя небеса, символизирует солнце и тепло [Brown, 2000, p. 24]. В иерархии “священных животных” Китая феникс (фэн-хуан) следует за драконом. В китайском источнике XII в., написанном южно-сунским автором Чжоу Цуй-фэем, о фениках говорится: «Разноцветное [оперение] идеально, красивее, чем у павлинов, во много раз. [Они] точно такие, какими их изображают в наше время, но головы особенно велики. Все другие птицы, когда встречают их, непременно выстраиваются вокруг и стоят. У хохолка на их макушке, как правило, много “струек”» [2001, с. 270].

Феникс в китайской традиции является символом и женского, и мужского начала. Он предстает спут-

Рис. 2. Изображения феников на шелке верхнего халата из могильника Джухта. Фото ткани и реконструкция орнамента.

ником Си-ванму – Западной царицы-матери – и обитателем Страны благородных мужей, символизируя тем самым власть и добродетель; его связь со светом и огнем обозначает проявление активной силы ян [Терентьев-Катанский, 2004, с. 49]. Как символ инь феникс, очевидно, имеет очень древнюю традицию. Женщина, поклоняющаяся фениксу, изображена на шелке из гробницы Чангша в Хунане, относящейся еще к периоду борющихся царств (475–221 гг. до н.э) [La Seta..., 1994, p. 163, fig. 1]. В ряде даосских легенд рассказывается о том, что женщины рожали выдающихся сыновей после явления им во сне феникса. В период династии Сун феникс выступает как мужской символ и маркирует высокий военный ранг. Специальные халаты – xuan lan – с вышитыми на них

Рис. 3. Фрагмент шелка с изображениями фениксов бокового клина нижнего кафтана из могильника Джухта. Реконструкция.

фениксами в окружении облаков предназначались провинциальным военным лидерам [Style from the Steppes..., 2004, p. 21, p. II, cat. N 2].

Дизайн джухтинской парчи в художественном исполнении близок ткани из Кливлендского музея искусств [Watt, Wardwell, 1997, kat. 47, p. 162–163], на которой фениксы вытканы золотом по розовому фону среди фантастических животных Макара, лотосов и пионов. На обеих тканях у птиц изображены типичный гребешок, начинающийся у основания клюва в виде растительного побега, завивающееся шейное оперение, распахнутые крылья и плавно изгибающиеся зубчатые перья хвоста. На кливлендском образце у феникса четыре длинных хвостовых пера, в джухтинском – три. У феникса на кливлендской парче окружное тело и короткое зигзагообразное хвостовое оперение, которое в образе птицы на джухтинской ткани отсутствует. Несмотря на то, что в целом по содержанию рисунков ткани различаются (на кливлендской парче присутствуют Макара и пионы, а на джухтинской – только фениксы в окружении лотосов), птицы и растительный орнамент изображены в очень близкой манере, характеризующей одну китайскую школу. В композиционном и стилистическом отношении джухтинскому шелку с фениксами наиболее близки китайский лампас из музея в Ханчжоу [China National Silk Museum, 2005, p. 31] и шелк с фениксами и пионами из Чжансяня [Zhao Feng, 1999, p. 226, fig. 07.07b]. Это сходство позволяет рассматривать кавказскую находку как продукцию юаньских ткацких мастер-

ских, отражающую типичную манеру изображения фениксов в искусстве династий Сун и Юань: в полете с распахнутыми крыльями и скрытыми лапами, с длинными зубчатыми плавно изгибающимися перьями хвоста. Фениксы показаны, как правило, с гребешком, который поднимается от основания клюва вверх в виде цветочного мотива, и с закрученным шейным оперением. Такая манера изображения феникса в китайском искусстве становится популярной со времени династии Тан (618–907) [Brown, 2000, p. 26].

В боковой клин нижнего кафтана с драконами был вставлен фрагмент от другого куска шелка с изображением фениксов (рис. 3). Этот фрагмент, к сожалению, очень мал и сильно поврежден, поэтому восстановить его рапорт не удалось, но образ птицы в окружении растительного орнамента реконструирован достаточно полно. Феникс изображен летящим с поднятыми вверх крыльями и опущенной изогнутой шеей. Его голова повернута в сторону хвоста. Изображение хвоста, к сожалению, сохранилось не полностью, прослеживается только зигзагообразное оперение. Но отчетливо видны лапы птицы, хохолок на голове и завивающиеся шейные перья. По манере передачи эта птица отличается от феникса на ткани кафтаны. Ближайшим аналогом запечатленного образа может служить изображение на белом шелке, хранящемся в музее Метрополитен. Эта ткань с образами фениксов, монстров и цветов, вытканых золотыми нитями, была обнаружена в Иране, но выполнена среднеазиатскими ткачами. По мнению исследователей, текстиль с подобным дизайном широко продавался на Западе [Watt, Wardwell, 1997, kat. 39, p. 150]. Фениксы на шелке из Джухты и на ткани из музея Метрополитен сохраняют характерные китайские черты – гребешок в виде цветочного мотива и закрученные перья на шее. Но манера изображения птиц иная: крылья подняты вверх, шея изогнута, длинные перья хвоста менее декоративны, ясно видны лапы. Однако эти особенности не связаны с центрально-азиатской художественной традицией. Более того, они характерны для ранних образов фениксов, изображения которых представлены в “Шань-хай цзин” – древней китайской книге о фантастических животных (см.: [Терентьев-Катанский, 2004, с. 46]). В китайской иллюстрированной энциклопедии XVI в. “Сань цай ту хуэй” сохранилось описание древнего образа феникса: “змеиное горло; рыбий хвост; журавлинный лоб; как у селезня мандаринской утки бородка; драконьи узоры; черепашья спина; ласточкин зоб; петушинный клюв. Выходит с Востока из страны Благородных мужей. Если его увидят, то в Поднебесной воцарится величественное спокойствие. Знак на голове гласит: добротель; знак на крыльях гласит: прилие; знак на спине гласит: справедливость; знак на груди гласит: гуманность; знак на животе гласит: ис-

Rис. 4. Изображения зайцев на шелке воротника нижнего кафана из могильника Джухта. Фото фрагментов ткани и реконструкция орнамента.

тина. Его голос подобен безмолвию” (цит. по: [Там же, с. 47]). Центрально-азиатские и иранские ткачи заимствовали эту раннюю китайскую трактовку образа феникса практически без изменений (см.: [Watt, Wardwell, 1997, кат. 39, р. 150; кат. 47, р. 162–163]).

Стоящие фениксы – особенность стиля династии Ляо (см.: [The General History..., 2005, р. 137–138, fig. 153а, 153б, 154, 155]).

Зайцы. Для воротника кафана, обнаруженного в могильнике Джухта, была использована парча с изображением зайцев на фоне растительного орнамента. Фигуры животных располагаются в параллельных рядах в шахматном порядке. В раппорте зайцы изображены в противоположных углах квадрата в зеркальном отображении. Животное лежит, повернув голову назад, среди многочисленной и разнообразной по форме листвы (рис. 4).

Заяц является также персонажем дизайна ткани из Вербового Лога* (рис. 5). На шелке сохранилось

изображение туловища, (частично) передних лап, головы и ушей животного. Эти детали позволяют соопоставить его изображение и фигуру зайца на джухтинском шелке, близкую по стилю исполнения. На парче из джухтинского могильника животное лежит, повернув голову назад; на шелке из Вербового Лога – смотрит прямо перед собой, что является основным отличием в передаче образа.

Заяц – довольно распространенный персонаж дизайна шелков монгольского времени, к которому обращались китайские, восточно-иранские и центрально-азиатские мастера. Мы видим его среди цветов на пурпурном шелке, вытканном в Северном Китае в XIII – середине XIV столетия [Watt, Wardwell, 1997, кат. 34, р. 124–125], в композиции звериного гона на иранской парче второй четверти – середины XIII столетия [Ibid, кат. 45, р. 159], среди других животных, птиц и цветов на центрально-азиатской вышивке конца XI – начала XIII столетия [Ibid, кат. 50, р. 172]. На шелковых тканях из Джухты и Вербового Лога зайцы изображены с поднятой и согнутой лапкой, как и на росписях тушью и красками на шелковых свитках, выполненных китайскими художниками эпохи Сун

*Курганный могильник конца XIII – второй половины XIV в., расположен в 30 км к востоку от г. Волгодонска в междуречье Дона и Сала в Дубовском р-не Ростовской обл.

Рис. 6. Изображения пионов на шелке из Новопавловского могильника. Фото ткани и реконструкция орнамента.

Рис. 7. Изображения пионов на шелке из могильника Вербовый Лог. Фото ткани и реконструкция орнамента.

(960–1127), например, на вертикальном шелковом свитке художника Цуй Бо “Сороки и заяц” [История..., 1998, с. 176]. На китайских тканях с печатным орнаментом фигурки зайцев нанесены золотой краской на тонкий шелковый газ [The General History..., 2005, р. 378, fig. 6-4-30, 6-4-31] или тафту (частная коллекция Артура Липера). Изображения зайцев на этих набойках наиболее близки рисункам на шелках из Джухты и Вербового Лога, что является основанием рассматривать дизайн этих тканей в рамках китайской традиции.

В Китае Белый Заяц является мифологическим животным. Он живет на Луне и толчет в ступе гриб линчжи для приготовления снадобья бессмертия. На вышивке периода Мин заяц изображен перед своим лунным домом с пестиком в лапах и ступой, в которой находится волшебный элексир [Scott, 1993, р. 39]. Аналогичные композиции широко использовали в период династии Юань для орнаментации мужских и женских халатов. Их располагали, как правило, на правом рукаве – на диске, символизировавшем Луну; на левом рукаве изображали солнечный диск.

Однако в зайцах, запечатленных на шелках из Джухты и Вербового Лога, следует видеть не мифологических персонажей, а, скорее, мотив, связанный с темой охотничьей деятельности. В содержательном отношении дизайн на обеих тканях можно сопоставить с изображениями на шелке охотничьей тематики [Watt, Wardwell, 1997, р. 112–113, cat. 28; р. 114–115, cat. 29]. Зайцы были участниками охотничьих игр у киданей, чжурчжэней и монголов. Заячья охота зафиксирована не только в “Ляоши”, но и в документах династии Сун, в которых говорится, что посланники Сунского двора в северные государства часто возвращались с рассказами об охоте, включая охоту на зайцев [Ibid, р. 109]. Более того, в источниках династий Ляо (907–1125) и Цзинь (1115–1234) прямо указано на существование специальных одежд из особых тканей, оформленных охотничьими мотивами, в которые одевались сановники, принимавшие участие в охоте [Ibid].

Пионы. Ткани с цветочным орнаментом из Новопавловского могильника* и могильника Вербовый Лог могут быть использованы для сравнения художественных традиций. Основным элементом орнамента является цветок пиона. В китайском искусстве это цветок любви, жизни и плодоношения. Мотив пиона распространен в тематике не только декоративного, но и драматического искусства [Самосюк, 2000, с. 231]. Пион на ткани из Новопавловского могильника (рис. 6) аналогичен цветам, вытканным на

*Некрополь XIII–XIV вв. с богатыми захоронениями в песчаном карьере у г. Новопавловск Ставропольского края.

ранних китайских тканях X–XII столетия, которые обнаружены в Иране и пров. Хунань в Китае [Watt, Wardwell, 1997, р. 48–49], а также пионам на синем шелке в обрамлении японской картины конца XII–XIII в., выставленной в экспозиции Британского музея*. Китайские шелка с изображением этого цветка известны среди предметов дворцовых интерьеров и более позднего времени: в коллекции древних и средневековых тканей музея в Киото хранится принадлежавшая японскому императору “ширма для чайника” из шелка с изображением пионов, сотканных в мастерских Китая эпохи Мин [Катамура, 1986, № 16]. На всех перечисленных образцах цветы и листья переданы реалистично, в сходной манере, несмотря на разное время изготовления тканей, что указывает на единую изобразительную традицию в их дизайне, которая находит прямые параллели в китайском декоративном искусстве.

По стилю исполнения рисунка шелк из Вербового Лога явно отличается от перечисленных шелковых тканей, на которых пион являлся главным мотивом орнамента (рис. 7). В цветке на шелке из Вербового Лога определенно угадывается пион, но он выглядит искусственным, застывшим. По характеру построения орнамент также отличен от композиций на китайских тканях этого периода. Фоновый орнамент на находке из Вербового Лога подчинен строгому геометрическому ритму, отчетливо прослеживающемуся как в горизонтальном, так и в вертикальном направлении, и отличается от живой орнаментики фона на юаньских шелках. В декоре анализируемой ткани обращает на себя внимание мотив пальметты с “распахнутыми крыльями” – характерный элемент дизайна центрально-азиатских тканей более раннего времени [Jerusalimskaia, 1996, Abb. 154, 155]. По моему мнению, стилистические особенности орнамента шелка из Вербового Лога указывают на манеру центрально-азиатского художника, заимствовавшего мотив пиона из китайского искусства.

Джейран. Для художественной атрибуции ткани с образом джейрана важны отдельные детали и тектоника орнамента (рис. 8). Этот образ был заимствован Китаем из Согдианы только в период Цзинь [Watt, Wardwell, 1997, р. 114]. Мотив получил широкое распространение в искусстве золотоордынских кочевников (см.: [Крамаровский, 2001, с. 48, рис. 21, 5а; с. 50, рис. 22; с. 50–51]). М.Г. Крамаровский видит прямую связь сюжета с ланями на памятниках золотоордынского искусства с киданьской и чжурчжэньской традициями (образ этого животного часто воплощался в изделиях из ляоского и цзиньского нефрита) [2001, с. 51]. На известных шелках, как и

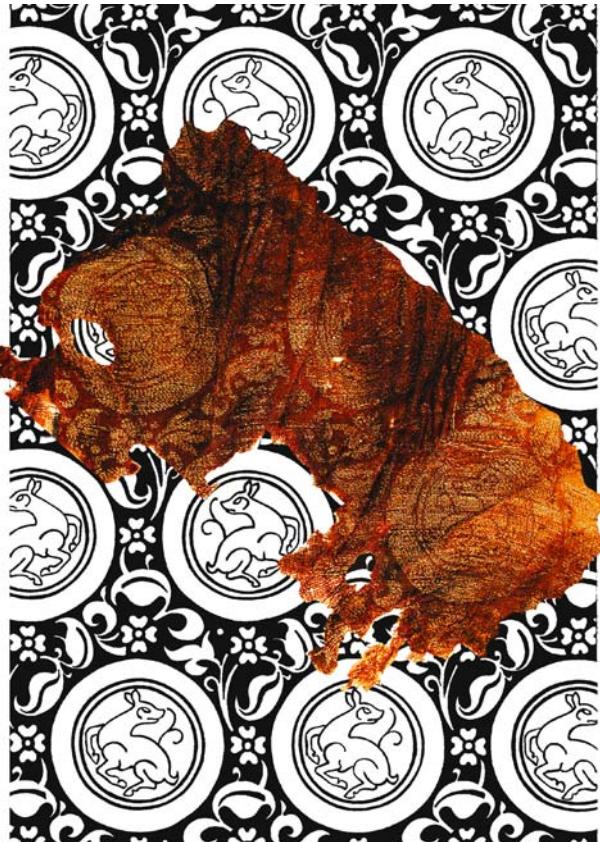
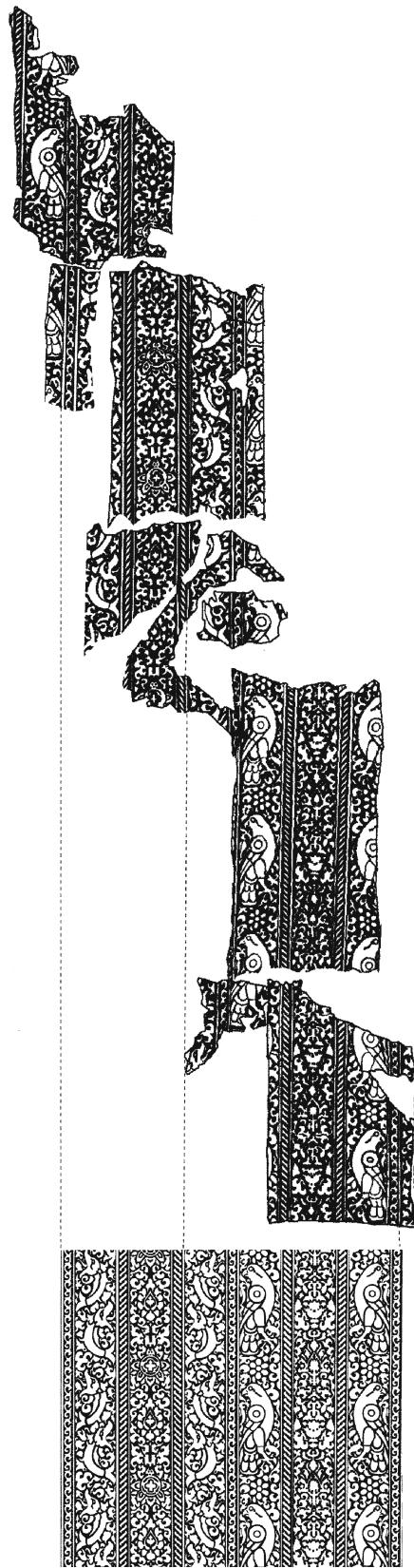

Рис. 8. Изображения джейранов на шелке из могильника Вербовый Лог. Фото ткани и реконструкция орнамента.

на ткани из Вербового Лога, животные изображены лежащими, с поджатой правой передней ногой, головой, повернутой в сторону хвоста. На красной парче из Кливлендского музея джейран запечатлен отдыхающим под цветущим деревом, над которым светит полная луна, окруженная облаками [Watt, Wardwell, 1997, р. 107, р. 114–115, cat. 29]. На фрагменте персидского шелка из Нюрнберга джейран выткан в характерной центрально-азиатской манере. Однако луна, неизменно ассоциируемая с цзиньской версией сюжета, отсутствует, что свидетельствует о равнодушии персидского ткача к этому элементу орнамента [Ibid, р. 109, 110, fig. 44].

Ткань с джейранами из Вербового Лога по стилистике декора отличается от шелков из Кливленда и Нюрнберга. Художник разбивает характерную для периода Цзинь композицию на элементы и свободно располагает их по всему фону, следуя новым приемам декорирования шелков, принятым в период династии Юань. Цветущие ветви заполняют фон, а джейран, обведенный двумя окружностями, помещается в центре медальона. Но в этом случае, на мой взгляд, джейран оказывается не в границах окружностей, а на плоскости диска, который может быть трактован

*Brook Sewell Bequest Fund Japanese Painting ADD 389 (1967.2-13.02).

Rис. 9. Схема реконструкции орнамента шелковой ткани с изображениями попугаев и рыб из могильника Вербовый Лог.

как изображение луны. Светило не исчезает из композиции, а становится фоном для образа животного.

Видимо, аналогичный прием изображения джейрана на фоне лунного диска был использован в VII в. согдийским мастером, изготовившим серебряное зеркало [Ibid, p. 114, fig. 47]. На этом изделии джейран показан лежащим под цветущим деревом, в ветвях которого нет традиционного изображения светила. Но, поскольку луна являлась значимым мотивом декора в данной композиции, ее изображение не должно было быть пропущено. Возможно, по замыслу мастера, лунный диск, обозначенный окружностью, стал фоном, объединяющим все элементы орнамента. Как образ луны могли воспринимать диск зеркала с ручкой, выполненной в форме стоящего джейрана [Ibid, p. 114].

Персидская ткань из Берлинского музея, хотя стилистически близка цзиньскому мотиву с джейранами, запечатлела формальное копирование мастером рисунка, без интереса к его содержанию. Шелк из Вербового Лога, напротив, демонстрирует тонкую проработку необходимых элементов в декоре композиции, что говорит в пользу центрально-азиатской или китайской атрибуции нашей ткани. В этой связи следует обратить внимание на текtonику орнамента. Образ антилопы, изображенной на лунном диске, вписан в круглый медальон, что не было характерным для шелков династии Юань, в декоре которых основные мотивы располагаются свободно среди декоративной орнаментики фона и один элемент орнамента плавно переходит в другой [Доде, 2005, с. 143]. Таким образом, этот шелк следует считать, вероятно, продукцией центрально-азиатских ткацких мастерских. Дополнительный интерес для историко-культурной атрибуции памятника представляет содержание сюжета этого шелка, поскольку в использовании вещей с изображением оленей, оленух и ланей в окружении цветущей природы “поколение сыновей и внуков Чингисхана (независимо от принадлежности к родовым линиям разошедшихся на полмира отцов) ощущало свою историю, свои истоки, свою причастность к имперской традиции” [Крамаровский, 2001, с. 50].

Попугай. Шелк с “попугаями и рыбами” из мужского захоронения в могильнике Вербовый Лог сохранился фрагментарно. Чтобы выявить раппорт ткани, все фрагменты орнаментированной парчи были расположены в соответствии с вертикальным и горизонтальным направлениями сохранившегося рисунка. В результате была установлена взаимовстречаемость орнамента на имеющихся фрагментах, что позволило выявить законченную последовательность орнаментальных мотивов (рис. 9).

Прямые аналоги декора ткани в текстиле этого круга пока не найдены (рис. 10). Однако отдельные орна-

Рис. 10. Изображения попугаев и рыб на шелке из могильника Вербовый Лог.
Фото фрагментов ткани и реконструкция орнамента.

ментальные элементы, в т.ч. анималистические, находят соответствие в искусстве украшения исламских шелков. Попугай, запечатленный на парче на шелковой ризе из церкви Богоматери, хранящейся в Берлинском Kunstgewerbemuseum [La Seta..., 1994, cat. 109], до недавнего времени являлся единственным опубликованным изображением. Исследователи солидарно связывают бытование этого образца с серединой XIV в., но по-разному определяют место его изготовления: Китай [Falke, 1913, S. 54–55, fig. 334; Catalogo Berlino..., 1989, p. 562–563; Соболев, 1934, с. 183], Персия [Arduni, 1983, p. 218–221, fig. on p. 218] или Центральная Азия [Catalogo Berlino..., 1989, p. 562–563]. Нет согласия и по поводу его атрибуции. Так, по мнению Н.Н. Соболева, черно-золотая парча с попугаями была изготовлена в китайских мастерских для мусульманского заказчика [1934, с. 182–183]. Филиппа Скотт относит ее к персидскому текстилю ильханидского периода, который вырабатывался под сильным китайским влиянием [Scott, 1993, p. 118]. В новых материалах из Внутренней Монголии, опубликованных Чжао Феном, представлен еще один образец ткани с попугаями, который был сопоставлен с берлинским шелком. Оба фрагмента, по мнению Чжао Фена, являются продукцией юаньских мастерских и представляют разновидность китайских шелков – насидж [The General History..., 2005, p. 369, fig. 6-4-1, 6-4-2].

Очевидно, что рисунки на трех тканях выполнены разными художниками. Хотя все птицы выдержаны в единой стилевой манере, в которой просматриваются общие изобразительные каноны, образ птицы из Вербового Лога заметно отличается от изображения попугаев на берлинской ткани и на шелке из Внутренней Монголии. Парча, хранящаяся в Берлине, предназначалась для мусульманского заказчика и отвечала его вкусам и требованиям: на крыльях птиц вытканы куфические надписи – на одном: “Мухаммед”, на другом: “Слава нашему султану, государю справедливому, мудрому Насир ад-дину” (современник султана, мамлюкский историк Абу-л-Фида сообщает, что в 1343 г. монгольское посольство привезло Насир ад-дину в числе прочих даров 700 кусков парчи с такими надписями) [Соболев, 1934, с. 182–183]*. Н.Н. Соболев считал, что изображения попугаев и мусульманских надписей на парче из Берлина отличаются грубой формой и не соответствуют стилю китайского декора [1934, с. 183]. Подобным образом можно охарактеризовать художественное исполнение птиц и на ткани из Внутренней Монголии. Очевидно, что на шелковых

*Дата, приводимая Н.Н. Соболевым, ошибочна, поскольку историк Абу-л-Фида умер в 1331 г., ан-Насир Насир ад-дин умер в 1340 г.

юаньских тканях мы видим копию рисунка, заимствованного с иранских текстильных образцов. Более того, создается впечатление, что художники, копируя образ птицы, не ассоциировали его с попугаем. Вместе с тем средневековые китайцы знали этих птиц (попугаев) во всем разнообразии их видов.

В эпоху Тан стаи зеленых длиннохвостых попугаев местного происхождения жили в горах Лун. Эти птицы умели говорить и, как считается, принадлежали к породе зеленых длиннохвостых попугаев с фиолетовой грудью. Возможно, именно о них идет речь в древнекитайском сочинении “Каталог гор и морей”: “Там водится птица, похожая на сову, но с зелеными крыльями, красным клювом и человечьим языком, которая может говорить. Ее называют попугай” [2004, с. 50–51]. Южные провинции Китая поставляли танскому двору цветных длиннохвостых попугаев. Начиная с III в. владыки тропических стран посылали в дар китайскому императору индонезийских попугаев. Это были новые для Китая породы – лори и какаду. Больше всего славились своей красотой длиннохвостые лори, именовавшиеся в Китае “пятицветными попугаями” [Шеффер, 1981, с. 139–141]. В записках Чжоу Цюй-фэя говорится о том, что жители Юга разводят разноцветных попугаев; в одной из провинций встречаются красные и белые попугаи, иногда этих сообразительных птиц обучают песням [2001, с. 270–271].

В средневековом Китае фигурами попугаев укращены танские шелковые самиты. Манера изображения парных птиц на шелке из храма Фамэнь, находящегося в 200 км западнее Сианя, соответствует новому для эпохи Тан композиционному решению орнамента: помещенные в круглый медальон птицы или звери располагаются симметрично относительно его центра и таким образом, что голова одного существа, следует за хвостом другого. Такое построение орнамента на китайских шелковых тканях обычно и для начала периода Ляо [Zhao Feng, 1999, р. 148]. Для нас важно то, что изображения попугаев на этих тканях реалистичны и отличаются от представленных на юаньских образцах.

В эпоху Тан экзотические породы попугаев были желанными обитателями дворцов, поэтому художников, готовивших картоны для шелковых китайских тканей, привлекали, скорее всего, эстетические характеристики птицы. В китайском декоративном искусстве попугай не являлся царским символом. В этой роли выступали дракон и феникс, маркирующие соответственно императора и императрицу. Попугай нет среди персонажей, населяющих “царство птиц” в китайской мифологии. Его образ постепенно исчезает из декора шелков, и в юаньских тканях мы встречаемся с формами, взятыми с иранских образцов, не наполненными символическим смыслом.

В Иране рассматриваемого периода образ попугая занимал разные семантические ниши. В дидактической литературе это спутник и советник царей, неусыпное око ревнивых мужей, образец красноречия и мудрости. В мусульманской мифологии среди 30 птиц попугаи являлись символами солнца и райских блаженств [La Seta..., 1994, р. 188]. В поэме иранского поэта XII–XIII вв. Аттара “Мантик аттайр” (“Разговоры птиц”) говорится, что у попугая – зеленые перья, делающие его подобным пророку мусульманской традиции, бессмертному Хызру, носящему зеленые одежды [Бертельс, 1997, с. 121]. В “Тутти-наме” (“Книга попугая”) персидский автор последней четверти XIII – начала XIV в. Зийа ад-дин Нахшаби, обращаясь к пророку Мухаммеду, называет его “попугаем цветника совершенства” [1979, с. 17].

От Индии до Персии попугай воспринимался как царский символ. В “Истории агван” Моисея Каганкатваци, писателя X в., сообщается, что правитель агван Джеваншир (660) получил в дар от багдадского правителя слона и зеленого попугая: “Видели мы царскую птицу, укрупненную царским блеском и великолепием. Вид ее был прекрасен: на желтых перьях отражался зеленоватый отблеск, красноватый цвет груди, сверкая здесь и там вокруг шейки, блестал, переливаясь подобно каплям весенней росы на полях. Золотоцветная оконечность груди ниспадала подобно жемчугу; зрачки и белки глаз и густая полоса, идущая у шеи, вторично сгибалась у рта; оконечность ее круглого языка, подобного зубу, испускала острые звуки, и часто, свойственным человеческой природе, голосом своим составляла слова” [1861, с. 159–161].

В поэме Алишера Навои “Язык птиц” попугай выступает как царская птица и советник царей:

Я ведь птица, к нездешним привыкшая странам,
Мне привычно летать над родным Индустаном.
Красноречием славу снискал мой язык,
Сладкоречием зло врачевать я привык.
Повелители в клетках меня содержали,
Утешаясь беседой со мною в печали [1996, с. 222].

Таким образом, в период создания шелковой ткани из Вербового Лога образ этой птицы существует в культурно-семантическом пространстве Персии, но в Китае эта птица не наделялась семантическим смыслом.

Рыба. Источник происхождения второго анималистического персонажа в декоре ткани из Вербового Лога – рыбы – не определяется однозначно. Его изображение не удается сопоставить с определенным видом. Рыбы – достаточно популярный образ в золотоордынском искусстве; он представлен в орнаменте бронзовых зеркал, серебряных сосудов и керамических изделий [Федоров-Давыдов, 1976, с. 163, рис. 125; с. 171–172, рис. 132–133; с. 173, рис. 144]. Между тем

образ рыб на текстильных изделиях монгольского времени известен, помимо рассматриваемой ткани, еще только в одном исполнении. На полосатом даматике XIV в. из Регенсбурга, декор которого включает образы водоплавающих птиц, различных животных и цветов, рыбы играют второстепенную роль, в то время как на парче из Вербового Лога они наряду с попугаем являются главными персонажами декора. Регенсбургскую парчу выполнил иранский ткач, подписавший свое произведение: “Мастер Абд ал-Азиз” [Scott, 1993, р. 118]; он совместил в шелковом декоре изображения китайских играющих львов и эмблемы мусульманства [Соболев, 1934, с. 183–184].

На анализируемой парче из Вербового Лога изображение рыбы, как и попугая, достаточно отчетливо. Ясно обозначено тело с двумя спинными плавниками и характерным раздвоенным хвостом. Но ее голова напоминает, скорее, голову животного с острым ухом, раскрытой пастью, одним или двумя зубами и длинным языком. Такая манера изображения рыбы не характерна для изделий золотоордынского круга памятников, имеющих в основе китайские образцы и по большей части связанных с изображением карпа, а в одном случае – с изображением рыб осетровой породы [Скрипкин, 2001, с. 247, рис. 1; Недашковский, 2000, с. 49–55, рис. 9, 1, 2; 10, 2, 4, 5].

В мифологии кавказских народов божество нижнего неба – Вишап – получило воплощение в образе рыбы, или водяной собаки, скорее волка [Мещанинов, 1927, с. 20]. Возможно, на ткани из Вербового Лога рыба изображена с волчьей головой с характерным ухом и острыми зубами в пасти. Образы фантастических существ, созданные путем комбинирования частей реальных животных, – грифоны, сэнмурвы и другие “чудовища” – были излюбленными в иранском искусстве, в т.ч. текстильном.

Вместе с тем рыба на рассматриваемом шелке может быть интерпретирована и как фантастическое морское животное – Макара. Этот персонаж был характерен для индийской традиции и для культур, находившихся под ее влиянием. Преобладающие в изображениях Макары черты водного животного, как правило, постоянны, но используемые для трактовки ее головы черты других существ варьируют. Это может быть голова дракона (со всеми ее составляющими), крокодила, слона или другого чудовища. Представляется, что на серебряном танском блюде из национального музея во Внутренней Монголии две играющие с солнцем Макары с раскрытыми пастьми, острыми зубами и длинным языком, несмотря на наличие слоновьего хобота, вполне сопоставимы с рыбами на шелке из Вербового Лога, хотя артефакты,

Rис. 11. Серебряное танское блюдо с изображением Макары из музея во Внутренней Монголии.

украшенные изображениями этих образов, разведены и во времени, и в пространстве (рис. 11).

Изображение хищной рыбы (акула), чья разверстая пасть вызывает ассоциации с волчьей, характерно для космографических арабо-персидских сочинений. В “Чудесах сотворенного и диковинках бытия” Закарий ал-Казвини (1203–1283), популярного свода текстов по естественным знаниям, в разделе о морских животных показана акула с открытой пастью и острыми зубами. Такая же фигура представлена на тебризской миниатюре 1314–1315 гг. “Джами ат-таварих” Рашид ад-дина. Персидский художник, иллюстрируя библейский сюжет о том, как Иона был проглочен морским чудовищем, показал последнего гигантской рыбой с острыми зубами [The Nasser D. Khalili Collection..., 2002], похожей на изображенную на шелке из Вербового Лога.

Рыбу-зверя на ткани из Вербового Лога следует отнести к художественным образам иранского искусства. При этом остается открытым вопрос о происхождении образов, запечатленных на шелковой ткани из Вербового Лога. Видимо, историко-культурные инверсии и заимствования были многократными и неоднозначными. Важно то, что в едином семантическом пространстве формировались общие изобразительные каноны.

Изображения рыб в произведениях декоративного искусства, создававшихся в это же время мастерами Юаньского Китая, наполнены иным смыслом. Здесь образы двух реальных рыбок выступают как благопожелательный мотив, символ единства, добра, любви и семейного счастья и принадлежат системе восьми благоприятных знаков буддийской символики. Орнаменты, расположенные между панелями с рыбами и между панелями с птицами, построены по условной геометрической сетке. В каждой полосе использовано несколько повторяющихся групп основных мотивов, что производит впечатление пространственного развития орнамента по вертикали. Эти признаки позволяют связать декор панелей с арабесками – орнаментами, характерными для средневекового искусства мусульманских стран. По стилю, форме и содержанию отдельных элементов дизайн панелей рассматриваемой парчи находит продолжение в орнаменте великолепного шелкового лампаса из Гранады, вытканного в XIV–XV вв., в котором арабески чередуются с арабскими письменами [Scott, 1993, р. 106–107].

Наконец, при анализе дизайна парчи из Вербового Лога следует обратить внимание на его тектонику, которая принципиально отличается от системы декора китайских шелков монгольского периода. На шелках династии Юань основные элементы дизайна располагаются среди густых растительных мотивов фонового орнамента, спроектированного на

горизонтальную плоскость [Доде, 2005, с. 143]. На рассматриваемых образцах очевидно вертикальное развитие декора и четкое разделение на зоны. Такой прием украшения шелков соответствует исламской художественной традиции. Характерное чередование панелей с образами парных грифонов с панелями, содержащими геометрический орнамент и разделенными узкими декоративными полосками, представлено в дизайне восточно-иранского шелка XIII в. из Национального Музея в Копенгагене [Watt, Wardwell, 1997, р. 136, fig. 64].

Смысл композиции с попугаями и рыбами на шелке из Вербового Лога может трактоваться по-разному. Допустимо рассмотрение орнамента как мифологической схемы Вселенной, в которой птицы и рыбы являются зооморфными символами верхнего и нижнего миров, а растительно-геометрический декор – образом Мирового дерева. Соединение на шелковом полотне изображений попугая и фантастической рыбы, возможно, отражает новизну момента, связанного с прорывом космографических идей в мусульманскую картину мира, за которым стоит политика веротерпимости монгольских ханов, правивших Ираном. Наконец, общий сюжет может быть творческим переосмыслением персидским художником индийского мифа о боже любви Каме, который “разъезжает на попугае, а знамя его несет символ в виде мифической рыбы Макары” [Томас, 2000, с. 172].

Парчу из Вербового Лога следует считать продукцией, связанной с иранскими ткацкими традициями, что устанавливается на основании анализа художественного стиля и техники исполнения [Доде, 2006, с. 139–159]. На сегодняшний день это первый из известных в золотоордынских могильниках Северного Кавказа и Поволжья образец восточно-иранского шелка.

Таким образом, рассмотренные шелка, обнаруженные в трех золотоордынских памятниках, аккумулируют китайскую, центрально-азиатскую и иранскую художественные традиции и являются презентацией шелковой продукции Монгольской империи. Среди известных в настоящее время шелков из археологических памятников на юге России не встречено двух одинаковых тканей. Вряд ли стоит ожидать, что удастся обнаружить шелка с абсолютно идентичным рисунком в разных могильниках. В каждом случае культурно-историческая атрибуция шелка устанавливается индивидуально, на основании предложенных критериев.

Список литературы

Алишер Навои. Избранное / Пер. С. Иванова. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 1996. – 502 с.

- Бертельс А.Е.** Художественный образ в искусстве Ирана IX–XV вв. (Слово, изображение). – М.: Вост. лит., 1997. – 421 с.
- Доде З.В.** Уникальный шелк с “драконами” из могильника Джухта (Северный Кавказ) // РА. – 2005. № 2. – С. 138–150.
- Доде З.В.** Одежды и шелка из могильника Вербовый Лог // Власкин М.В., Гармашов А.И., Доде З.В., Науменко С.А. Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала. – М.: Памятники исторической мысли, 2006. – С. 75–231.
- Зийа ад-дин Нахшаби.** Книга попугая (Тути-наме) / Пер. с перс. Е.Э. Бертельса. – М.: Наука, 1979. – 348 с.
- История мирового искусства.** – М.: Бертельсманн Медиа Москав АО, 1998. – 718 с.
- Каталог гор и морей /** Предисл., пер. и ком. Э.М. Яншиной. – М.: Наталис, Рипол Классик, 2004. – 352 с.
- Катамура Тэцуро.** Тацумура Хейзо Ору Но Битэн (Каталог выставки тканей коллекции Тацумура). – Токио: Асахи, 1986. – 60 р. (на яп. яз.).
- Крамаровский М.Г.** Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. – СПб.: Славия, 2001. – 363 с.
- Малявин В.В.** Китай в XVI–XVII веках. Эпоха. Быт. Искусство. – М.: Искусство, 1995. – 287 с.
- Марко Поло.** Книга Марко Поло / Пер. старофр. текста И.П. Минаева; ред. и вступ. ст. И.П. Магидовича. – М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1955. – 376 с.
- Мещанинов И.И.** Закавказские поясные бляхи. Опыт яфетиологического анализа памятников материальной культуры. – Махачкала: Ассоциация Северо-кавказских горских краеведческих организаций, 1927. – 38 с.
- Моисей Каганкевич.** История агван Моисея Каганкевича / Пер. с древнеарм. К. Патканова. – СПб., 1861.
- Недашковский Л.Ф.** Золотоордынский город Укек и его округа. – М.: Вост. лит., 2000. – 223 с.
- Рифтин Б.Л.** О китайской мифологии в связи с книжной профессора Юань Кэ // Юань Кэ. Мифы древнего Китая. – М.: Вост. лит., 1987. – 526 с.
- Самосюк К.Ф.** Красавицы и воины в китайских театральных гравюрах XIII–XIV вв. (Сюжет и функция) // Эрмитажные чтения 1995–1999 годов памяти В.Г. Луконина. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 2000. – С. 228–240.
- Скрипкин А.С.** Бронзовое зеркало из фондов музея Шицзячжуанского педагогического института (пров. Хэбэй, Китай) // Нижневолж. археол. вестник. – Волгоград, 2001. – Вып. 4. – С. 246–247.
- Соболев Н.Н.** Очерки по истории украшения тканей. – М.: Academia, 1934. – 434 с.
- Сычев Л.П.** Традиционное воплощение принципа Инь–Ян в китайском ритуальном одеянии // Роль традиций в истории и культуре Китая. – М.: Наука, 1972. – С. 144–150.
- Терентьев-Катанский А.П.** Иллюстрации к китайскому бестиарию. Мифологические животные Древнего Китая. – СПб.: Форма Т, 2004. – 223 с.
- Томас П.** Легенды, мифы и эпос Древней Индии. – СПб.: Евразия, 2000. – 345 с.
- Федоров-Давыдов Г.А.** Искусство кочевников и Золотой Орды: Очерки культуры и искусства народов евразийских степей и золотоордынских городов. – М.: Искусство, 1976. – 219 с.
- Цао Чжи.** Семь печалей: Стихотворения / Пер. с кит. Л. Черкасского. – М.: Худ. лит., 1973. – 166 с.
- Чжоу Цюй-фэй.** За хребтами. Вместо ответов (Лин вай дай да / Чжоу Цюй-фэй) / Пер. М.Ю. Ульянова. – М.: Вост. лит., 2001. – 528 с. – (Памятники письменности Востока).
- Чудеса мира – ‘Аджа’иб ад-дунья (чудеса мира) /** Критический текст, пер. с перс., введение, comment. и указ. Л.П. Смирновой. – М.: Вост. лит., 1993. – 540 с.
- Шеффер Э.** Золотые персики Самарканда: Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. – М.: Вост. лит., 1981. – 585 с.
- Элиаде М.** Азиатская алхимия. – М.: Янус К, 1998. – 604 с.
- Юань Кэ.** Мифы древнего Китая / Пер. с кит. Е.И. Лубо-Лесниченко, Е.В. Пузицкого, В.Ф. Сорокина. – М.: Наука, 1987. – 527 с.
- Arduni F.** “Il problema delle sete esotiche s caligere e il dato ornamentale” // Catalogo Verona: Le Stoffe di Cangrande. Ritrovamenti e ricerche sul 300 veronese, a cura di L. Magagnato. – Firenze, 1983. – P. 197–236.
- Brown C.** Weaving China’s Past. The Amy S. Clague Collection of Chinese textiles. – Phoenix: Phoenix Art Museum, 2000. – 160 p.
- Catalogo Berlino.** Europa und der Orient 800–1900: Lesebuch zur Ausstellung der Berliner Festspiele im Martin Gropius Bau / Hrsg. G. Sievernich, H. Budde. – München: Bertelsmann, 1989. – 921 S.
- China National Silk Museum /** Ed. Zhao Feng. – Hangzhou: Hangzhou Donglian Advertizing & Printing Co., Ltd, 2005. – 56 p.
- Falke O.** Kunstgeschichte der Seidenweberei. – Berlin: E. Wasmuth, 1913. – Bd. 2. – 49 S., 133 Tab.
- Jerusalimskaya A.A.** Die Gräber der Moscevaja Balka. – München: Edito Maris, 1996. – 343 p.
- Jerusalimskaya A.** Les Soieries Byzantines A La Lumière Des Influences Orientales: Les Themes Importes Et Leurs Interpretations Dans Le Monde Occidental // CIETA. – 2003. – Bull. 80. – P. 16–25.
- La Seta e La Sua Via.** Ideazione e cura Maria teresa Lucidi. – Roma: Edizioni de Luca, 1994. – 321 p.
- Scott P.** The book of Silk. – L.: Thames & Hudson, 1993. – 256 p.
- Style from the Steppes.** Silk Costumes and Textiles from the Liao and Yuan Periods 10th to 13th Century / Ed. D. Dinwiddie. – L.: Anna Maria Rossi & Fabio Rossi, 2004. – 71 p.
- The General History of Chinese Silk.** – Soochow: Soochow University Press, 2005. – 835 p. (на кит. яз.).
- The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art, London (MSS 727) // The Legacy of Genghis Khan. Courtly Art and Culture in Western Asia, 1256–1353.** – L.: Education The Metropolitan Museum of Art, 2002. – P. 8.
- Watt J.C.Y., Wardwell A.E.** When Silk Was Gold. Central Asian and Chinese Textiles. – N.Y.: The Metropolitan Museum of Art in Cooperation with The Cleveland Museum of Art, 1997. – 238 p.
- Zhao Feng.** Treasures in Silk. – Hong Kong: ISAT; Costume Squad Ltd., 1999. – 359 p.

УДК 902:550.3

И.В. Журбин¹, А.А. Бобачев², В.П. Зверев¹¹*Физико-технический институт УрО РАН
ул. Кирова, 132, Ижевск, 426000, Россия
E-mail: zhurbin@udm.ru*²*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, ГСП-2, Москва, 119992, Россия
E-mail: bobachev@rambler.ru*

КОМПЛЕКСНЫЕ ГЕОФИЗИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ (городище Иднакар, IX–XIII века)*

Основные подходы к комплексным геофизическим исследованиям

При геофизических исследованиях археологических памятников наиболее часто используются электроразведка, магниторазведка и сейсморазведка. В последние годы возможности археогеофизики существенно расширились за счет применения георадаров. Вместе с тем ни один из указанных методов не является универсальным. Это связано с тем, что они отличаются по регистрируемым физическим полям. Следовательно, результативность их применения во многом зависит от физических свойств объектов поиска и вмещающего грунта, их контрастности и размеров, а также геологического строения участка местности. Кроме того, существенное влияние на результаты измерений оказывают мешающие факторы различного происхождения – неоднородность физических свойств грунтов, высокий уровень природных и техногенных помех [Никитин, Хмелевской, 2004, с. 236]. Значительную роль играют характеристики используемой измерительной аппаратуры (например,

быстро действие, помехозащищенность, наличие памяти данных, многоэлектродность).

Каждый из указанных методов эффективен при выявлении лишь определенных типов археологических объектов [Станюкович, 1997; Geophysical survey..., 1995]. Например, георадарная съемка уверенно фиксирует крупногабаритные объекты, достаточно контрастирующие по физическим свойствам со средой, – сооружения из камня, кирпичную кладку, колонны, мостовые, подвалы и погреба. При поиске локальных археологических объектов малого размера, а также при выявлении близко расположенных объектов данный метод менее результативен. Кроме того, георадарная съемка имеет существенные ограничения по глубине исследований и эффективна только при работе на сухих песчаных грунтах. Магниторазведка позволяет фиксировать остатки печей, горнов, сгоревших сооружений, а также следы кузнецкого производства. Менее уверенно определяются такие археологические объекты, как стены, дороги, траншеи, деревянные конструкции, “пятна” жилищ без каменной кладки. Электроразведка успешно применяется при изучении разновременных печей, очагов и котлованов жилищ, цоколей стен, структуры оборонительных сооружений, архитектурных остатков, а также при выявлении подземных пустот и нарушений почвенного слоя, однако при поиске объектов из дерева и грунтовых погребений без внутримогильных конструкций возникают су-

*Исследования выполняются при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН “Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям” (проект “Моделирование структуры и этапов формирования городища Иднакар по результатам междисциплинарных исследований”).

щественные трудности. Достоверность интерпретации археогеофизических данных во многом зависит от геологических и природных условий [Смекалова и др., 2000, с. 130–133]. Иными словами, не существует геофизического метода, который позволяет выявлять все возможные археологические объекты и не имеет ограничений по условиям применения.

Именно с указанными обстоятельствами и связаны основные проблемы при интерпретации данных археогеофизики. Во-первых, из-за объективных ограничений выбранного геофизического метода на геофизической “карте” могут быть не зафиксированы археологические объекты определенного типа, вследствие чего реконструкция планировки памятника по данным археогеофизики окажется неполной. Во-вторых, в зависимости от условий залегания в культурном слое (мощность и состав перекрывающего слоя, заполнение объекта и пр.) одинаковые археологические объекты могут по-разному отражаться на геофизической “карте”. При этом проверочные раскопки на участках, соответствующих ключевым, наиболее показательным геофизическим аномалиям (что является обязательным элементом методики археогеофизических исследований), не всегда обеспечивают однозначную археологическую интерпретацию геофизических данных.

Поэтому уже с 1960-х гг. в отечественной научной практике ставился вопрос о разработке специализированной методики измерений на основе комплексирования геофизических методов [Шилик, 1965]. Такой подход направлен на повышение эффективности археогеофизических исследований при изучении памятника, культурный слой которого содержит объекты различных типов. При формировании комплекса методов также должно учитываться влияние факторов, искажающих результаты измерений (электромагнитные поля, ямы и канавы, металлический мусор и пр.). Позднее появилась тенденция многолетних комплексных геофизических исследований, позволяющих разработать и апробировать методику измерений и методы интерпретации результатов для определенных категорий археологических памятников. Это подразумевало последовательное применение на одном памятнике группы геофизических методов, сравнение полученных данных и оценку потенциала каждого из использованных методов. Наиболее ярким примером успешных комплексных археогеофизических исследований является изучение поселения Панское I [Щеглов, 1985], грунтовых могильников Северного Кавказа [Шрайбман и др., 1988] и некрополя Херсонеса [Антонова и др., 1979]. В настоящее время данное направление активно развивается в рамках междисциплинарных исследований археологических памятников Сибири и Алтая, например, городища переходного времени

от бронзы к железу Чича I [Чича..., 2004] и могильника Сопка-2 [Молодин и др., 2001].

Безусловно, использование набора геофизических методов позволяет существенно повысить информативность археогеофизических измерений. Однако при существующей ситуации и ограниченных ресурсах экспедиций такое комплексирование весьма сложно реализовать на практике. Поэтому предлагается иной подход к археогеофизическим исследованиям – проведение измерений с использованием нескольких модификаций выбранного метода электрометрии. Данный вариант комплексирования основан на том, что различные конфигурации измерительной установки эффективны при выявлении объектов и геологических структур различных типов [Электроразведка..., 1989, с. 174, табл. VI. 1]. Под конфигурацией измерительной установки понимается взаимное расположение питающих и измерительных электродов на исследуемом участке. Следовательно, методика комплексных электрометрических исследований культурного слоя может быть основана на адаптивном выборе измерительной установки и алгоритма проведения измерений в зависимости от поставленной задачи, вида археологических объектов и структуры культурного слоя. Такая методика требует существенного (более чем в 10 раз) увеличения объема полевых измерений. Для эффективного ее применения необходима современная многоэлектродная аппаратура. При экспериментальной апробации методики комплексных измерений был использован автоматизированный многоэлектродный электроразведочный комплекс “Иднакар”, который позволяет реализовывать различные методики измерений при неизменном расположении электродов на участке исследований [Журбин, Зверев, 1998].

Эффективность такого подхода была показана при геофизических исследованиях средневекового городища Иднакар, расположенного в Удмуртии [Иванова, 1998; Иванова, Журбин, 2006]. Электрометрические измерения проводились на базе археологической экспедиции Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН (начальник экспедиции д-р ист. наук, профессор М.Г. Иванова). Иднакар относится к числу городищ, которые возникли в среднем течении р. Чепцы в конце I тыс. и существовали с конца IX до XII–XIII вв. [Иванова, 2000, с. 179–180]. Они связаны с именами богатырей удмуртского эпоса.

Реконструкция планировки городища Иднакар

На первом этапе геофизических исследований основной задачей являлась реконструкция планировки той части городища, на которой не предполагались рас-

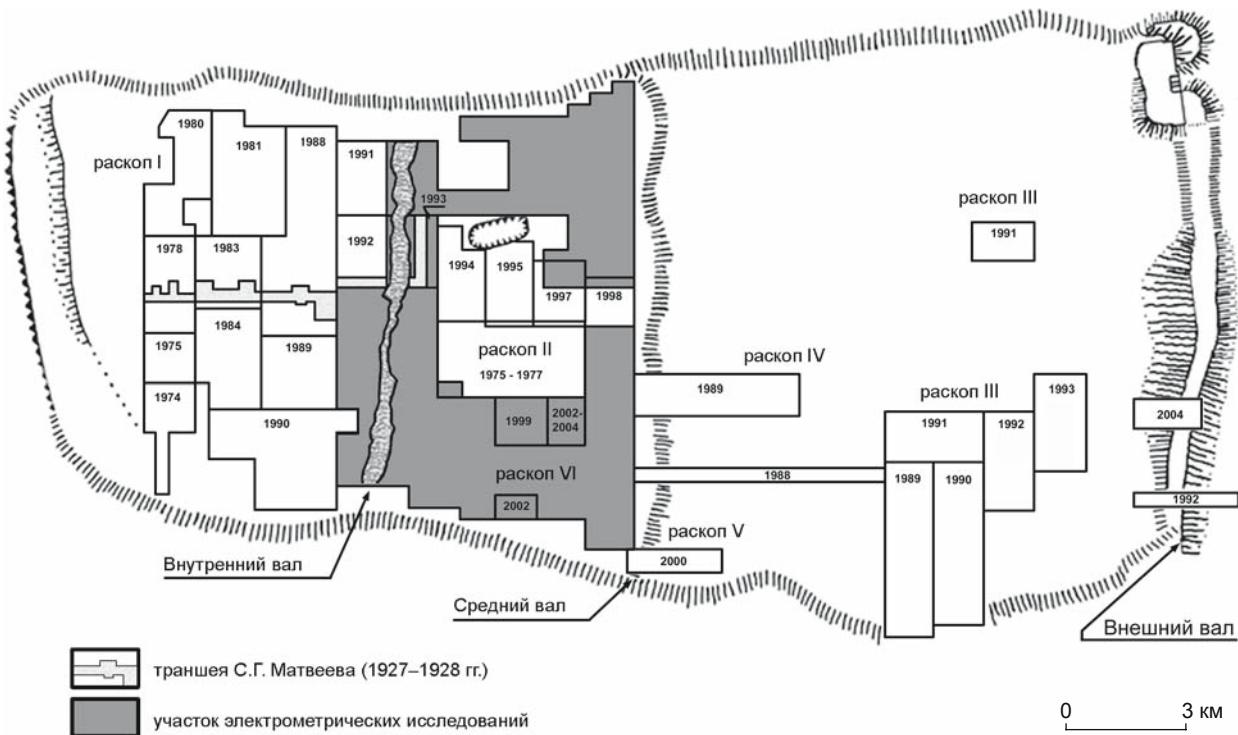

Рис. 1. План городища Иднакар.

копки (рис. 1). По электрометрическим данным была построена карта расположения археологических объектов, определяющих структуру и планировку городища, – оборонительные сооружения, глинобитные площадки построек и ямы [Иванова, Журбин, 2006]. Достаточно уверенная интерпретация выявленных аномалий основана на сравнении результатов археологических раскопок и геофизических исследований [Алексеев и др., 1995; Журбин, Зелинский, 1999; Иванова и др., 1998]. Анализировалась форма аномалий, а также их взаимное расположение, наличие видимой упорядоченности (рис. 2). Предполагалось, что конфигурация аномалии совпадает с реальной формой археологического объекта в плане.

При измерениях, ориентированных на реконструкцию планировки, использовалась методика площадного электропрофилирования, которая позволяет проводить послойные измерения [Zhurbin, Malyugin, 1998]. Она основана на геометрическом приеме выбора глубины исследований: чем больше расстояние между питающими электродами, тем больший объем грунта влияет на результаты измерений. Следовательно, каждое измеренное значение можно условно соотнести не только с координатами на поверхности X и Y , но и с некоторой эффективной глубиной Z (рис. 3).

Если провести серию измерений при неизменном расстоянии между питающими электродами, то полученный массив данных будет отражать геофизи-

ическую “планиграфию” культурного слоя. В текущем массиве данных эффективная глубина z_i – постоянная величина; координата точки измерений x_i последовательно изменяется в диапазоне $[X_{\min}, X_{\max}]$, y_i – в диапазоне $[Y_{\min}, Y_{\max}]$. Изменяя расстояние между питающими электродами и повторяя описанный алгоритм перебора координат x_i и y_i , получаем “планиграфию” культурного слоя на другой глубине Z . Таким образом, последовательное изменение эффективной глубины z_i обеспечивает формирование набора пространственно упорядоченных массивов данных. Совокупность этих массивов позволяет предварительно оценить изменение “планиграфии” памятника по глубине – относительное распределение археологических объектов в пространстве культурного слоя. Очевидно, что нет однозначного соответствия между археологическими планиграфическими срезами культурного слоя и геофизическими картами, моделирующими распределение удельного сопротивления в горизонтальной плоскости на заданной глубине. Термины “геофизическая планиграфия” и “геофизическая стратиграфия” введены в данной статье лишь для удобства описания методики геофизических исследований.

Геофизические данные, полученные с использованием описанной методики, отражают обобщенную, интегральную картину распределения сопротивления в культурном слое. Проблема состоит в том, что при увеличении эффективной глубины Z сохраняется вли-

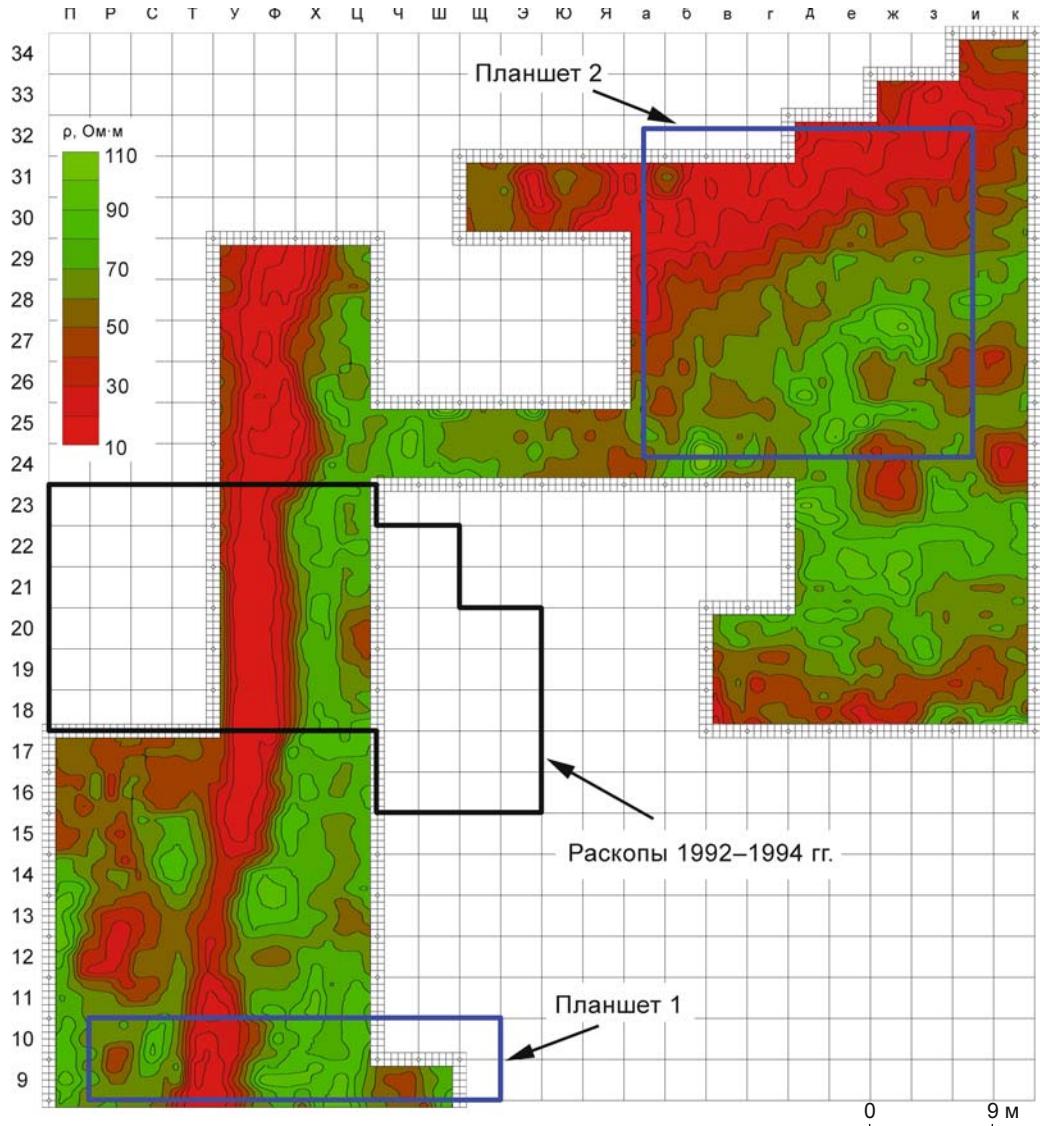

Рис. 2. Карта распределения кажущегося сопротивления на территории центральной части городища Иднакар (фрагмент).

яние верхних слоев грунта на результаты текущих измерений. Иными словами, при заданной эффективной глубине z_i выявляются объекты, расположенные в диапазоне глубин $[0; z_i]$, при эффективной глубине $z_{i+1} - [0; z_{i+1}]$ и т.д.

Как показали результаты исследований, методика реконструкции геофизической “планиграфии” – высокоскоростной и эффективный способ картирования территории археологических памятников. Ее достоинством является то, что полученная информация обеспечивает достоверную качественную интерпретацию – выявление

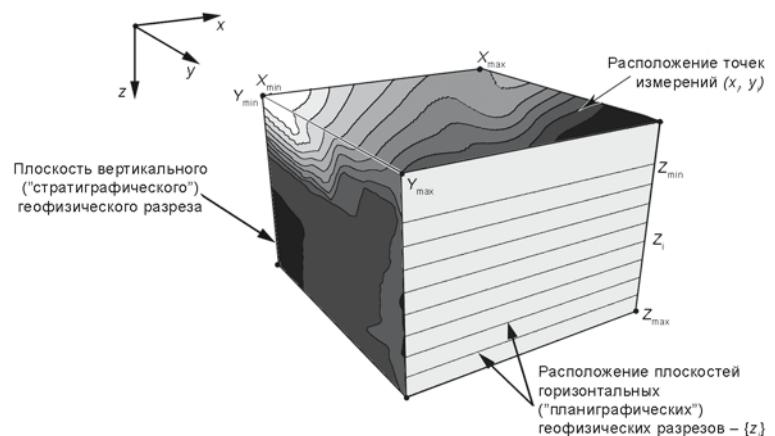

Рис. 3. Пространственное расположение набора геофизических разрезов.

местоположения археологических объектов различных типов и грубую оценку глубины их залегания. Вместе с тем ввиду обобщенной картины распределения сопротивления конфигурация геофизических аномалий “усредняет” форму реального археологического объекта. Кроме того, эта методика не позволяет проводить количественную интерпретацию полученных данных, т.е. моделировать расположение археологических объектов в культурном слое на основе изучения глубинного строения выделенных аномалий. Следовательно, для детальной реконструкции пространственного распределения удельного сопротивления данные геофизической “планиграфии” необходимо дополнять информацией о стратиграфии памятника.

Реконструкция геометрических параметров археологических объектов

На участке, расположенном в центральной части городища, были проведены экспериментальные иссле-

дования, ориентированные на отработку методики археогеофизических измерений, при использовании которой возможна количественная интерпретация геофизических данных [Журбин и др., 2006]. Задача состояла в определении размеров и расположения ключевых археологических объектов на вертикальном разрезе культурного слоя. Результаты предварительных “планиграфических” измерений позволили предположить наличие на экспериментальном участке таких определяющих структуру городища Иднакар объектов, как вал, ров, ямы (см. рис. 2, планшет 1). Они существенно различаются по составу грунтов и пространственному расположению в культурном слое. Следовательно, по результатам анализа данных “стратиграфических” геофизических исследований возможна оценка достоверности реконструкции геометрических параметров археологических объектов различных типов. В качестве проверочных использовались материалы раскопок, которые проводились вблизи экспериментального планшета в 1992–1994 гг. (см. рис. 2). Экстраполя-

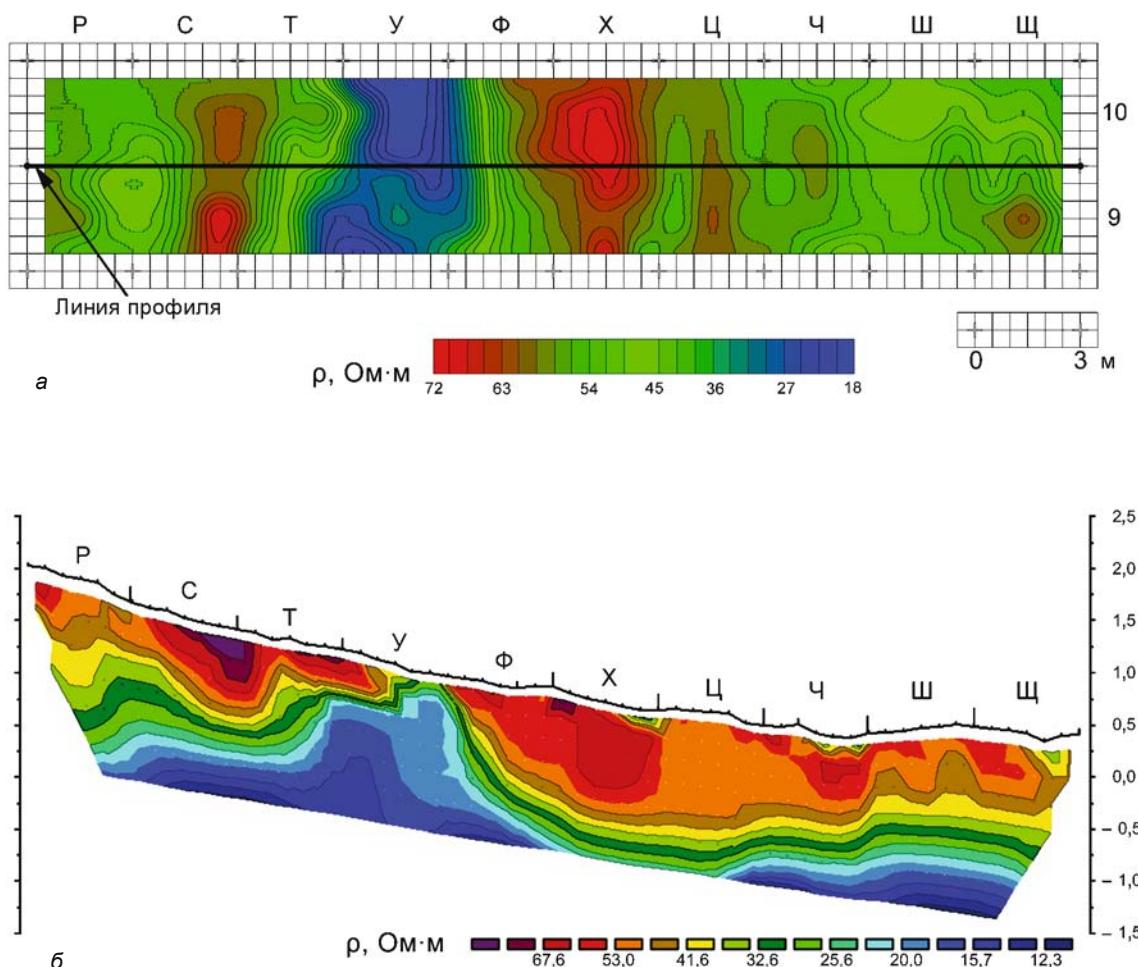

Рис. 4. Реконструкция структуры культурного слоя на планшете 1.
а – геофизическая “планиграфия”, диапазон глубин 0,0–0,35 м; б – геофизическая “стратиграфия”.

ция археологических данных о составе, геометрических характеристиках и структуре культурного слоя была необходима для оценки достоверности интерпретации геофизических данных.

Методика измерений предполагала использование на одном и том же участке двух модификаций электроразведки – электротомографии и площадного электропрофилирования. При этом интерпретация основывалась на совместном анализе результатов “планиграфических” и “стратиграфических” геофизических измерений, которые осуществлялись по единой координатной сетке. Электротомография позволяет изучать стратиграфию культурного слоя. Эта методика нацелена на количественную двумерную интерпретацию данных, полученных методом сопротивлений [Бобачев и др., 1996; Dahlin, 2001; Griffiths, Barker, 1993]. В первом приближении ее можно представить как осуществление серии измерений на одном профиле с различными эффективными глубинами. Результатом обработки и интерпретации полученных данных является геоэлектрический разрез – карта возможного распределения удельного сопротивления в вертикальной плоскости YZ , расположенной вдоль выбранного профиля (см. рис. 3). С точки зрения представления информации, наблюдается прямая аналогия с набором стратиграфических разрезов вдоль бровок археологического раскопа. Необходимо отметить, что из-за неоднозначности геофизической интерпретации полученные геоэлектрические разрезы следует оценивать только как вероятный вариант.

По результатам “планиграфических” измерений (рис. 4, *a*) однозначно определяются местоположение и контуры внутреннего оборонительного вала (область низкого сопротивления в западной части участка – кв. У9–10). По археологическим данным, не позднее XI в. внутренний вал утратил свое значение, верхняя часть его была срыта, в заполнении рва разместились производственные сооружения [Иванова, 1999, с. 107–108]. В настоящее время внутренний вал визуально не прослеживается; его контур восстановлен по результатам геофизических исследований, подтвержденных раскопками [Иванова и др., 1998]. При всех глубинах зондирования фиксируются “разрыв” в аномалии (кв. У9) и небольшое смещение южной части фрагмента вала в западном направлении. Геофизические разрезы (рис. 4, *b*) позволили выявить причины искажений формы “планиграфической” аномалии. На всех “стратиграфических” профилях отмечено разрушение монолитного массива вала поздними врезками. При этом его часть, расположенная в центре экспериментального участка, разрушена в большей степени. Очевидно, что такое существенное изменение геометрических характеристик основания вала и определяет “разрыв” в аномалии на “планиграфической” геофизической карте. Кроме того, на

“стратиграфических” разрезах отражается близкая к вертикальной граница внутренней стороны вала.

Вероятно, перечисленные нарушения связаны с археологическими раскопками городища Иднакар, которые в 1927–1928 гг. проводил С.Г. Матвеев. Для выяснения характера внутреннего вала вдоль его внутреннего и наружного склонов исследователем были заложены траншеи, а в трех местах сделаны поперечные разрезы [Иванова, 1998, с. 9, 18–19]. Траншеи и один из поперечных разрезов зафиксированы М.Г. Ивановой при раскопках городища в 1992–1994 гг. В ходе этих археологических исследований выяснились некоторые особенности раскопок 1920-х гг. В частности, траншея, расположенная с внутренней стороны вала, практически на всех участках была доведена до уровня материкового слоя*, а траншея, заложенная вдоль внешнего склона, относительно неглубокая (в среднем ок. 1,0 м) и захватывает, как правило, только верхнюю часть культурных напластований на границе вал–рв**. Вероятно, именно этими обстоятельствами определяется специфическая геометрия вала, зафиксированная при “стратиграфических” геофизических исследованиях, – близкая к вертикальной граница внутренней стороны вала и ступенчатообразная – к внешней (рис. 4, *b*).

По результатам “планиграфических” геофизических исследований ров внутренней линии оборонительных укреплений практически не фиксируется, но его геометрические характеристики хорошо реконструируются на “стратиграфических” разрезах (рис. 4, *b*). При этом можно оценить не только ширину, но и глубину рва. Геометрические параметры основания вала и рва, определяемые по “планиграфическим” и “стратиграфическим” геофизическим данным, хорошо согласуются с результатами раскопок***. По археологическим данным, ширина сохранившейся части массива вала составляет 4,0–4,5 м, а высота сохранившейся насыпи – 1,0–1,3 м; ширина рва 7–8 м, он углублен в материк на 1,5–1,6 м [Там же, с. 22].

Таким образом, геофизическими методами были определены геометрические параметры оборонительных сооружений внутренней линии укреплений городища, а также выявлена конфигурация поздних врезок, разрушивших монолитный массив вала. Экс-

*Иванова М.Г. Отчет о раскопках Солдырьского городища Иднакар в Глазовском районе Удмуртской республики в 1992 г. Ижевск, 1993. – Научно-отраслевой архив УИИЯЛ УрО РАН. Рукописный фонд. Оп. 2-Н. Д. 1113. Рис. 12–18.

**Иванова М.Г. Отчет о раскопках Солдырьского городища Иднакар в Глазовском районе Удмуртской республики в 1993 г. Ижевск, 1994. – Научно-отраслевой архив УИИЯЛ УрО РАН. Рукописный фонд. Оп. 2-Н. Д. 1117. Рис. 10–16.

***Иванова М.Г. Отчет о раскопках... в 1992 г.; Она же. Отчет о раскопках... в 1993 г.

периметральные исследования показали, что “планиграфические” карты кажущегося сопротивления и вертикальные геоэлектрические разрезы взаимно дополняют друг друга. Сравнительный анализ разноплановой геофизической информации позволяет уточнить геометрические параметры объектов и повысить достоверность реконструкции планировки археологических памятников по геофизическим данным. Тем не менее использование описанной методики не дает возможности полностью решить задачу пространственной реконструкции культурного слоя в целом. Остается нерешенной проблема “усреднения” формы реального археологического объекта при “планиграфических” измерениях.

Пространственная реконструкция культурного слоя

Для решения этой задачи необходима разработка дополнительных методов, которые позволят при “планиграфических” исследованиях исключить влияние слоев грунта, перекрывающих искомый археологический объект, т.е. перейти от качественного анализа результатов измерений (“планиграфическая” карта) к количественной интерпретации (пространственная модель культурного слоя).

Для экспериментальных исследований был выбран участок в северной части площадки городища, примыкающий к склону холма (см. рис. 2, планшет 2). Результаты предварительных измерений выявили протяженную аномалию низкого сопротивления вдоль склона между внутренним и средним оборонительными валами (линия между кв. а30–и33). Форма, размеры и уровень сопротивления на этом участке соответствуют параметрам внутреннего оборонительного вала. Кроме того, зафиксированы четыре компактно расположенные локальные аномалии пониженного сопротивления и подпрямоугольной формы (е26–ж26; и26–27, к26–27; к24; е24–23, ж24–23). Аналогичные по форме и сопротивлению аномалии соответствуют глинобитным площадкам – основаниям жилых и производственных сооружений Иднакара. Несмотря на наличие прямых аналогий, однозначная археологическая интерпретация “планиграфических” геофизических данных невозможна. Во-первых, маловероятно создание дополнительных оборонительных сооружений городища вдоль крутого высокого склона мыса коренной береговой террасы. Во-вторых, компактное расположение аномалий, предположительно соответствующих площадкам сооружений, не в полной мере согласуется с выявленными в результате многолетних археологических раскопок закономерностями ориентации сооружений и планировки

городища [Иванова, 1998, с. 81–85]. Экспериментальные исследования по апробации методики пространственной реконструкции культурного слоя были необходимы для достоверной археологической интерпретации геофизических данных.

Комплексные исследования включали площадное электропрофилирование, электротомографию (методики рассмотрены выше) и трехмерную съемку (рис. 5). В целом методика измерений при трехмерной съемке сходна с площадным электропрофилированием: координаты точек измерений x_i, y_i и z_i последовательно изменяются в диапазоне соответственно $[X_{\min}, X_{\max}]$, $[Y_{\min}, Y_{\max}]$ и $[Z_{\min}, Z_{\max}]$ (см. рис. 3). Отличие состоит в том, что существенно увеличивается число измерений, которые проводятся для нескольких типов электроразведочных установок. При этом в результате количественной интерпретации выявляются аномалии, относящиеся только к заданному диапазону изменения эффективной глубины: $[0; Z_{\min}], [Z_{\min}, z_i]$... $[z_i, z_{i+1}], \dots$ Таким образом, геофизические данные трехмерной съемки отражают не обобщенную, интегральную картину распределения сопротивления в культурном слое, а послойную.

На территории экспериментального участка по данным электропрофилирования выявлено три аномалии, предположительно соответствующие глинобитным площадкам сооружений – кв. е26–ж26, и26–27, е24–ж24 (см. рис. 5). В северо-западной части фиксируется фрагмент протяженной аномалии. Профили, по которым проводились измерения методом электротомографии, были расположены таким образом, чтобы каждая из интересующих аномалий пересекалась двумя линиями во взаимно перпендикулярных направлениях. На подпланшете для трехмерной съемки фиксируются фрагменты двух аномалий (кв. е26–ж26; е24–ж24) и значительный участок межжилищного (?) пространства.

Наиболее информативными оказались “стратиграфические” разрезы культурного слоя по профилям 2 и 5 (рис. 6). В частности, аномалия в кв. е26–ж26 выявляется на профиле 2 как однородная по структуре область грунта, расположенная в диапазоне 4,0–7,5 м от точки 1 (см. рис. 5; 6, а), а на профиле 5 – в диапазоне 15,0–19,0 м от точки 3 (см. рис. 5; 6, б). При этом геометрические характеристики объекта по результатам “планиграфических” и “стратиграфических” геофизических исследований хорошо согласуются между собой. Достаточно уверенная археологическая интерпретация аномалии базируется на данных многолетних раскопок [Там же, с. 30–31; Иванова, Журбин, 2006, с. 71–72]. Основания сооружений городища Иднакар представляют собой плотно утрамбованные площадки из ярко-оранжевой глины. Обычно первые их очертания фиксируются непосредственно под слоем дерна и массив глины прослеживается вплоть до

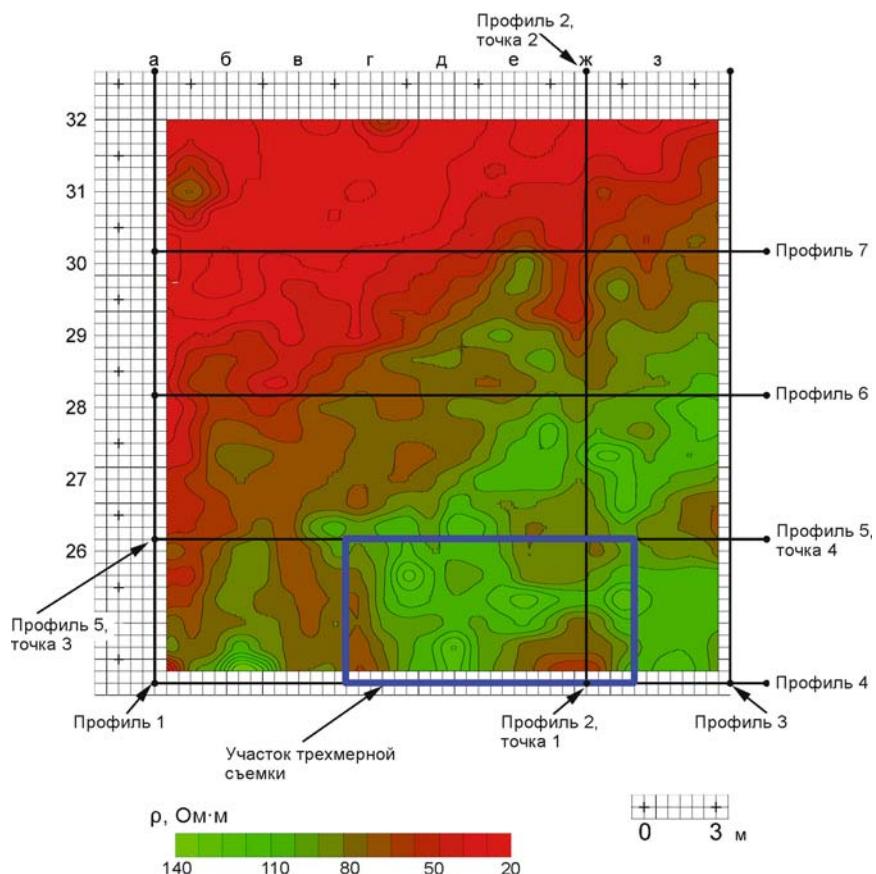

Рис. 5. Карта распределения кажущегося сопротивления на территории экспериментального планшета 2 (диапазон глубин 0,0–0,35 м), расположение профилей и участка трехмерной съемки.

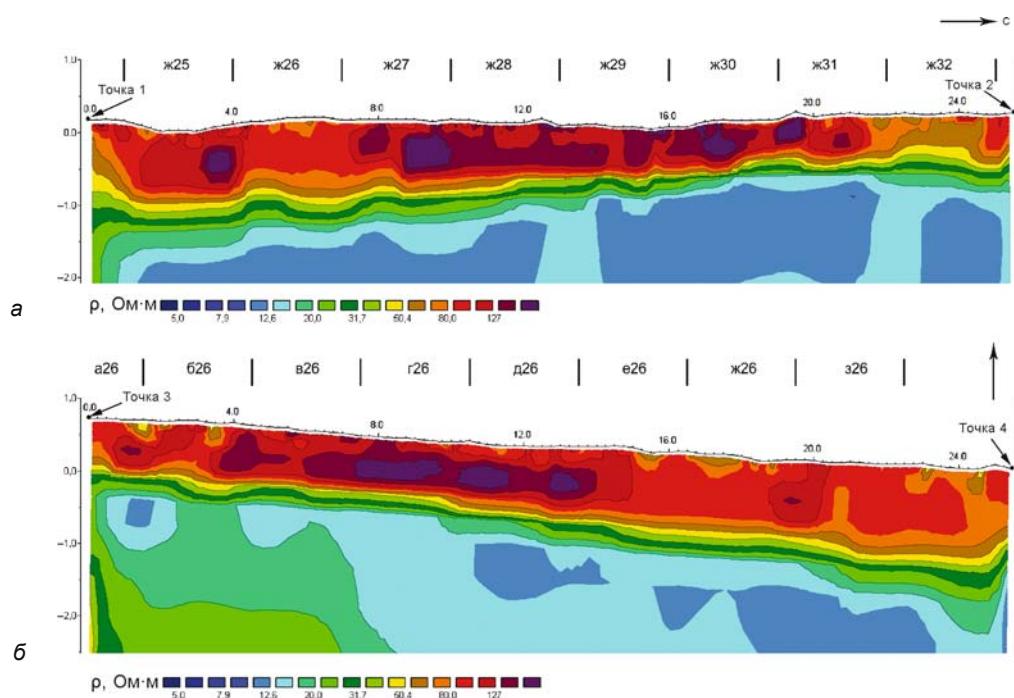

Рис. 6. Геоэлектрические разрезы на территории экспериментального планшета 2.
а – профиль 2; б – профиль 5.

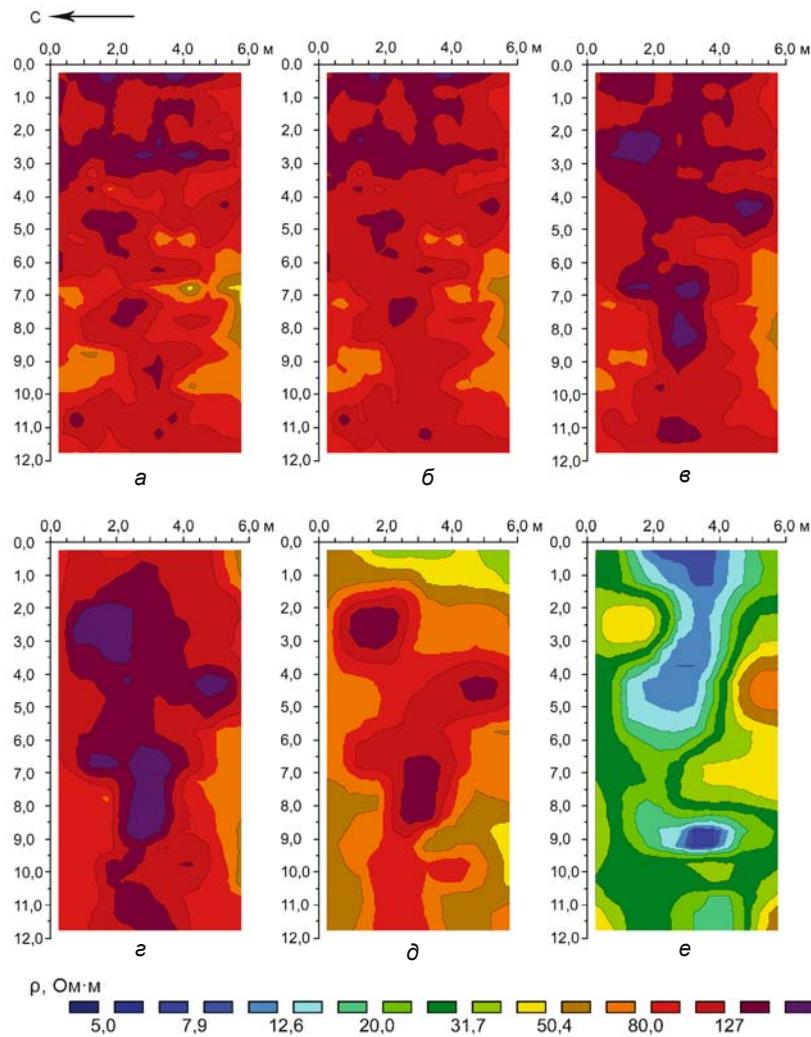

Рис. 7. Карта распределения удельного сопротивления по результатам трехмерной геофизической съемки.
Глубина: а – 0,0–0,14 м; б – 0,14–0,30; в – 0,30–0,49; г – 0,49–0,71; д – 0,71–0,95; е – 0,95–1,24 м.

материкового слоя. Несмотря на то, что периодически глинобитные площадки подновлялись, в абсолютном большинстве случаев их местоположение практически не менялось. Обновлялась и насыпалась глинобитная основа, но новая постройка возводилась в прежних границах. Следовательно, площадки сооружений практически однородны с точки зрения состава и структуры. Таким образом, объект, выявленный по комплексным геофизическим данным, полностью соответствует пространственным и структурным характеристикам площадки сооружения. Поэтому анализ “планиграфических” и “стратиграфических” геофизических данных позволяет интерпретировать указанную локальную аномалию именно как глинобитную площадку. Аналогичным образом выделяются и интерпретируются локальные аномалии в кв. и26–27, е24–ж24 (см. рис. 5, 6).

По результатам геофизических исследований четко прослеживается еще одна особенность сооружений на городище – выравнивание поверхности перед созданием глинобитной площадки. Использование этого строительного приема древним населением Иднакара подтверждается археологическими данными [Иванова, 1998, с. 30–70]. Обычно перед формированием глинобитной площадки снимался дерновый слой; основание сооружения располагалось непосредственно на материковом слое. В некоторых случаях зафиксировано наличие вымосток из плотно утрамбованной глины с песком.

Необходимо отметить, что по структуре культурный слой городища крайне неоднороден: в гумусированном слое встречаются участки и прослои угля, золы, супеси, древесного тлена и пр. Именно эту сложную и контрастную структуру

отражают геофизические данные по межжилищному пространству.

Не менее интересные результаты получены при комплексном анализе протяженной аномалии в северо-западной части планшета 2 (см. рис. 5). На основании геофизических данных можно утверждать, что эта аномалия в целом вызвана повышением уровня материкового слоя. На профиле 2 такие изменения фиксируются в диапазоне 18,0–25,5 м от точки 1 (см. рис. 6, а). Указанные особенности наблюдаются и в северной части геоэлектрических разрезов по профилям 1 и 3, а также в западной части профиля 7 (см. рис. 5). Геоэлектрический разрез не позволяет интерпретировать этот участок культурного слоя как основание оборонительного вала. В данном случае наиболее интересным результатом является зафиксированная невысокая глиняная насыпь (диапазон 22,0–24,0 м от точки 1, см. рис. 6, а). Культурный слой на этом участке существенно однороднее, по сравнению с межжилищным пространством. Поскольку насыпь расположена непосредственно вдоль склона холма и выявляется на всех поперечных профилях, можно предположить, что она была создана жителями городища. Определить назначение этого сооружения только по геофизическим данным не представляется возможными.

Результаты трехмерной геофизической съемки (рис. 7) хорошо согласуются с данными “стратиграфических” измерений. В частности, в верхних слоях (рис. 7 а, б) фиксируется крайне неоднородная, неупорядоченная структура, выявляется множество небольших локальных включений высокого сопротивления. Распределение удельного сопротивления на этом уровне не несет полезной информации, т.к. отражает структуру дернового слоя (см. рис. 6). При увеличении глубины зондирования (рис. 7 в, г) более явно проявляются области локализации культурного слоя в межжилищном пространстве (диапазон 3,0–4,0 м от точки 1 на профиле 2, см. рис. 6, а). Диапазон изменения сопротивления практически такой же, как в верхних слоях; решающий вклад принадлежит неоднородному культурному слою. На глубине 0,95–1,24 м культурный слой не фиксируется (рис. 7, е). Контрастно выделяются фрагменты площадок сооружений, заглубленные в материковый слой, форма которых хорошо согласуется с данными планиграфических измерений (см. рис. 5).

Заключение

Основными требованиями к археогеофизическим измерениям являются оперативность исследований и корректность интерпретации полученных данных. Очевидно, что достоверность результатов во многом

определяется методикой измерений и использованием аппаратуры, соответствующих археологической задаче. Разработанный аппаратурно-методический комплекс, обеспечивающий последовательное применение площадного электропрофилирования, электротомографии и трехмерной съемки, полностью соответствует предъявляемым требованиям.

Метод реконструкции геофизической “планиграфии” является высокоскоростным и эффективным способом картирования территории археологических памятников. Полученные результаты обеспечивают качественную интерпретацию – выявление местоположения археологических объектов различных типов и оценку их относительного распределения в пространстве культурного слоя. Методы электротомографии и трехмерной съемки позволяют проводить количественную интерпретацию наблюденных данных, на основании которой возможны реконструкция глубинного строения выделенных аномалий и достаточно точная оценка геометрических параметров археологических объектов.

Существенная проблема состоит в том, что измерения по методам электротомографии и трехмерной съемки весьма трудоемкие, требуют применения современной высокоеффективной многоэлектродной аппаратуры. Именно поэтому такие исследования обычно проводятся не на всей изучаемой площади, а только на ключевых участках, выявленных при реконструкции планировки памятников на основе “планиграфических” измерений.

Как показала апробация комплексной методики на средневековом городище Иднакар, проведение измерений с использованием нескольких модификаций электрометрии позволяет получить качественно новое представление об изучаемых археологических объектах и детально реконструировать пространственную структуру культурного слоя. Необходимо отметить, что перечисленные этапы геофизических исследований являются скорее логической схемой, нежели однозначным алгоритмом геофизических измерений. Данная схема определяет последовательность уточнения информации о культурном слое археологического памятника, реализуемую с помощью различных методик измерений и методов интерпретации геофизических данных. При этом этап, завершающий комплексные геофизические исследования, выбирается исходя из задачи археологических изысканий и их общей стратегии.

Список литературы

Алексеев В.А., Журбин И.В., Зверев В.П., Иванова М.Г., Куликов К.И. Некоторые итоги использования автоматизированного электроразведочного комплекса в

исследованиях городища Иднакар // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. – С. 131–141.

Антонова И.А., Глазунов В.В., Гоц И.А., Шевнин В.А., Модин И.Н., Беликов В.В., Уразаев Н.И., Тарнопольская Н.Б., Рыжов С.Г. Геолого-геофизические исследования на некрополе Херсонеса // Новое в применении физико-математических методов в археологии. – М.: Наука, 1979. – С. 10–19.

Бобачев А.А., Модин И.Н., Перваго Е.В., Шевнин В.А. Многоэлектродные электрические зондирования в условиях горизонтально-неоднородных сред // Разведочная геофизика: Обзор. – М.: АОЗТ “Геоинформмарк”, 1996. – Вып. 2. – 50 с.

Журбин И.В., Бобачев А.А., Зверев В.П. Пространственная реконструкция структуры культурного слоя археологических памятников на основе геофизических измерений (городище Иднакар, IX–XIII вв.) // Круглый стол “Археология и геоинформатика”: Сб. докл. [Электронный ресурс]. – М.: Ин-т археологии РАН, 2006. – Вып. 3. – (CD-ROM.)

Журбин И.В., Зверев В.П. Многоэлектродный автоматизированный электроразведочный комплекс // Научное приборостроение. – 1998. – Т. 8, № 1/2. – С. 46–50.

Журбин И.В., Зелинский А.В. Электрометрические исследования городища Иднакар: методика, моделирование и реконструкция археологических объектов // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья: Мат-лы Междунар. полевого симп. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. – С. 215–229.

Иванова М.Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 294 с.

Иванова М.Г. Древнеудмуртское городище Иднакар: некоторые итоги и перспективы исследований // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья: Мат-лы Междунар. полевого симп. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. – С. 103–110.

Иванова М.Г. Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы исследования средневековых памятников Удмуртии // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: Мат-лы науч. конф. – М.: ГИМ, 2000. – С. 177–183. – (Тр. ГИМ; вып. 122).

Иванова М.Г., Журбин И.В. Опыт междисциплинарных исследований древнеудмуртского городища Иднакар IX–XIII вв. // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 2. – С. 68–79.

Иванова М.Г., Журбин И.В., Зелинский А.В. Исследование планировки городища Иднакар методом электрометрии (1991–1997 гг.) // Естественно-научные методы в полевой археологии. – М.: Ин-т археологии РАН, 1998. – Вып. 2. – С. 36–49.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Гаркуша Ю.Н., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Балков Е.В. Геофизические и археологические исследования могильника Сопка-2 в 2000–2001 годах // Проблемы археологии, этнографии, ан-

тропологии Сибири и сопредельных территорий: (Мат-лы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН). – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2001. – Т. 7. – С. 399–407.

Никитин А.А., Хмелевской В.К. Комплексирование геофизических методов. – Тверь: ООО “Издательство ГЕРС”, 2004. – 294 с.

Сmekalova T.N., Mельников А.В., Мыц В.Л., Беван Б.В. Магнитометрическое изучение гончарных печей средневековой Таврики. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2000. – 163 с.

Станюкович А.К. Основные методы полевой археологической геофизики // Естественно-научные методы в полевой археологии. – М.: Ин-т археологии РАН, 1997. – Вып. 1. – С. 19–42.

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи / В.И. Молодин, Г. Парцингер, Ю.Н. Гаркуша, Й. Шнеевайс, А.Е. Гришин, О.И. Новикова, М.А. Чемякина, Н.С. Ефремова, Ж.В. Марченко, А.П. Овчаренко, Е.В. Рыбина, Л.Н. Мыльникова, С.К. Васильев, Н. Бенеке, А.К. Манштейн, П.Г. Дядьков, Н.А. Куллик. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2004. – Т. 2. – 336 с. – (Мат-лы по археологии Сибири; вып. 4).

Шилик К.К. Опыт применения магниторазведки на древнерусском городище // Археология и естественные науки. – М.: Наука, 1965. – С. 252–256.

Шрайбман В.И., Серкеров С.А., Сидельникова Т.А., Флеров В.С. Новое в применении магниторазведки и электроразведки при исследовании грунтовых погребений на Северном Кавказе // СА. – 1988. – № 1. – С. 101–113.

Щеглов А.Н. 25 лет работы Тарханкутской экспедиции: итоги и перспективы // КСИА. – М.: Наука, 1985. – Вып. 182. – С. 3–7.

Электроразведка: Справочник геофизика: В 2 кн. / Под ред. В.К. Хмелевского, В.М. Бондаренко. – М.: Недра, 1989. – Кн. 1. – 438 с.

Dahlin T. The development of DC resistivity imaging techniques // Computers & Geosciences. – 2001. – Vol. 27. – P. 1019–1029.

Geophysical survey in archaeological field evaluation: Research and Professional Services Guideline № 1. – Ancient Monuments Laboratory. English Heritage, 1995 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.english-heritage.org.uk/upload/pdf/Geophysical_Survey_in_Archaeological_Field_Evaluation_1995.pdf

Griffiths D.H., Barker R.D. Two-dimensional resistivity imaging and modelling in areas of complex geology // J. of Apply Geophysics. – 1993. – Vol. 29. – P. 211–226.

Zhurbin I.V., Malyugin D.V. On the method of visualization of electrometric data // Archaeological prospection. – 1998. – Vol. 5, N 2. – P. 73–79.

УДК 903.2

Е.П. Маточкин

Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анюхина
 ул. Чорос-Гуркина, 46, Горно-Алтайск, 649000, Россия
 E-mail: pallady@ngs.ru

ПЕТРОГЛИФЫ КОМДОШ-БООМА

Введение

В сентябре 2005 г. представители природного парка “Аргут” Валерий Бабитов и Николай Казатов показали мне скалу с петроглифами необычно крупных размеров. Скала эта находится на левом берегу Катуни чуть выше впадения в нее Чуи, в русле когда-то существовавшего ручья, проложившего себе путь возле отвесных скал. Эти скалы как бы разделяют два мира – открытый путь в долину Чуи и закрытую скалами долину Катуни с более мягким климатом, пригодную для земледелия. Мощные преграды над рекой в глазах древнего человека имели, по-видимому, особое охранительное значение, важное для стратегии выживания. Находящиеся же возле утеса в овраге скалистые образования представляли собой удобную плоскость для нанесения рисунков (рис. 1). Координаты памятника: 50°23'176"с.ш., 086°39'769"в.д. Высота над ур. м. (по балтийской системе высот) 759 м.

Скалы сложены из коренных выходов мраморизованных белых и светло-серых известняков. Их округлые сглаженные поверхности покрыты черным лишайником, образующим либо точечное покрытие, либо корочку. Чернота эта значительно интенсивнее на солнце и слабее в тени. Так, под кузовом машины, упавшей с обрыва несколько лет назад, известняк гораздо светлее. Поверхность скалы достаточно ровная, не имеет каких-либо выступов, однако местами прорезана трещинами. Темная корочка ноздреватая, шероховатая, в мелких ямочках.

Скалы черного цвета, поэтому трудно предположить, что здесь есть какие-либо рисунки. Нужно подойти вплотную к изображению, чтобы увидеть желобок контура. Хотя выбивка достаточно глубокая,

ок. 1 см, разглядеть полностью фигуры животных довольно сложно. Проблема дешифровки состоит еще и в том, что изображения со временем размылись; вся поверхность скалы, в т.ч. выбитые желобки, покрылись ямочками и мелкими сколами. Дополнительные сложности создает черный лишайник, сплошь покрывающий известняк.

Описание петроглифов

К настоящему времени нами обнаружено два участка с рисунками: на большой скале, выступающей из южного склона, и скальный выступ в 7 м восточнее нее с одиночным изображением.

Первый участок с петроглифами высотой ок. 16 м, шириной 9 м вверху и 4 м внизу (рис. 2). К основанию скала заметно сужается и становится круче: если по верхней ее части в сухую погоду еще можно передвигаться, то удержаться без страховки в нижней части невозможно. Здесь пока выявлено восемь изображений больших размеров, хотя вся скала испещрена рисунками и надписями разных эпох (рис. 3). Для их уточнения, а также для расшифровки остальных петроглифов нужны дополнительные исследования.

Первый участок. Колесницы. В левой верхней части скалы в плановой проекции изображены две легкие пароконные упряжки, расположенные почти перпендикулярно друг к другу (рис. 4). Сохранность рисунков неудовлетворительная. Западная колесница меньшего размера ориентирована с запада на восток, восточная – с юга на северо-восток. Конями правят антропоморфные персонажи,

Рис. 1. Вид скалы с рисунками. Комдош-Боом.

Рис. 2. Рисунки на первом участке. Комдош-Боом.

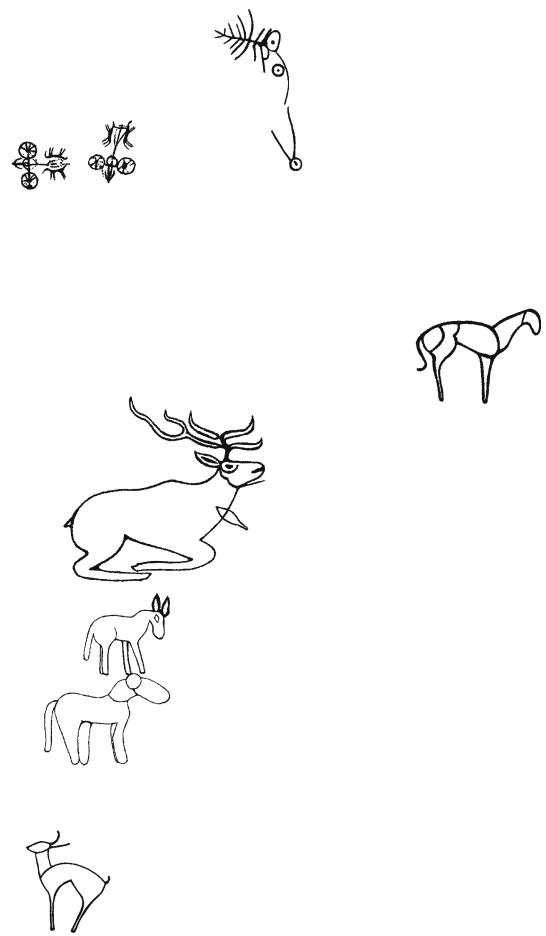

Рис. 3. Рисунки на первом участке. Комдош-Боом.

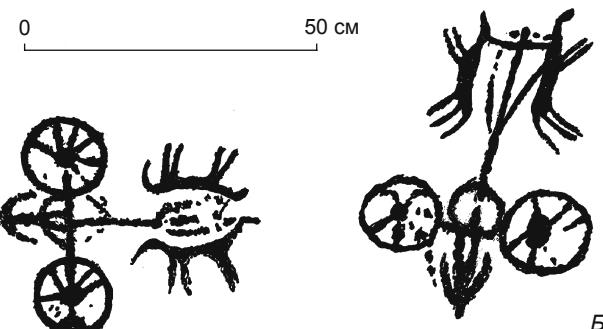
изображенные однотипно и схематично. Упряжные животные обращены спинами друг к другу. Лошади слева показаны стоящими; у нижней оттопырен хвост. Правые, напротив, воспроизведены в динамике быстрого бега с раскинутыми в стороны четырьмя ногами.

Дышло в виде четкого и ровного желобка видно только у правой колесницы. Ярма-рогатки даны в виде развилик, причем развилка западной колесницы короткая и дугообразная, а восточной – длинная и прямолинейная. Нельзя не заметить, что колеса восточной упряжки разной величины: правое несколько больше левого. У колес заметно выделена ось. Что касается спиц, то одни лишь угадываются, другие вообще не просматриваются. В расположении спиц порядка не наблюдается: в левой колеснице их максимум восемь, в правой – шесть. Платформа-кузов левой колесницы имеет D-образную форму, правой – округлую. В целом можно заключить, что в художественном отношении левая колесница выбита менее уверенной рукой.

Олень. Фрагментарное контурное изображение находится в правой верхней части скалы (рис. 5). Просматривается только пе-

A

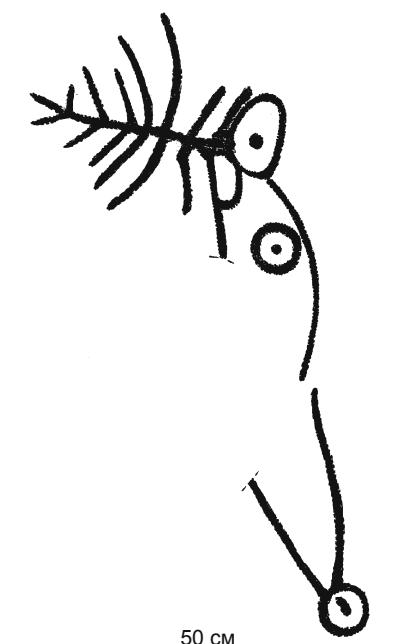

Б

Рис. 4. Колесницы. Комдош-Боом.
A – фото; Б – прорисовка.

A

Б

Рис. 5. Олень. Фрагментарная фигура. Комдош-Боом.
A – фото; Б – прорисовка.

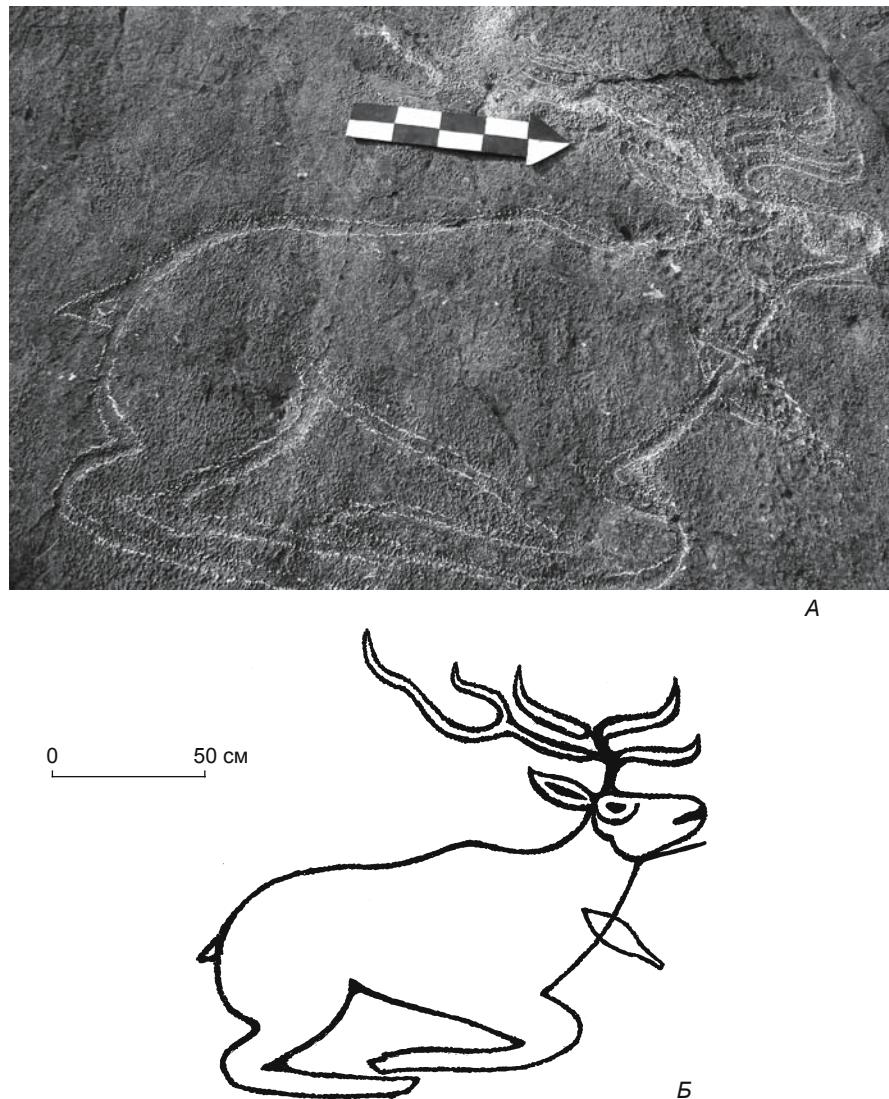

Рис. 6. Жертвенный марал. Комдош-Боом.
A – фото; Б – прорисовка.

редняя часть фигуры. Изображение профильное, схематичное. У животного несколько условная по форме голова и высокий древовидный рог, отростки которого просматриваются плохо, особенно в нижней половине. В районе груди выбито кольцо с ямкой в центре. Передняя нога оканчивается также кольцом.

Марал. Грандиозное профильное изображение находится в центре скалы. Его длина 1,8 м, высота 1,6 м (рис. 6). Фигура животного выбита по контуру прошлифованным желобком шириной 2 см и более. Ширина желобка меняется в соответствии с акцентировкой формы; в местах перегибов контур теряет плавность. Изображение статичное, головой ориентировано на восток. Ноги поджаты так, что копыто передней положено на копыто задней. Возле шеи

животного видна прямая линия, а в районе груди выбит острый сплюснутый предмет. Хвост показан в виде треугольника.

Контур очерчен строгой выразительной линией, сочетающей в себе и легкую стилизацию, и реалистическую обрисовку небольшого горба на спине, округлость заднего крупра, массивность груди и плавный изгиб шеи. Стилизация в большей мере коснулась рисунка головы и рогов; здесь он обрел декоративный характер. Дугой обведена глазница, шея отделена волнообразной линией, ухо листовидное. Рога представляют собой конструкцию с двумя передними и двумя задними отростками, которая мало напоминает реальные. Нижний задний отросток оканчивается двумя ветвями.

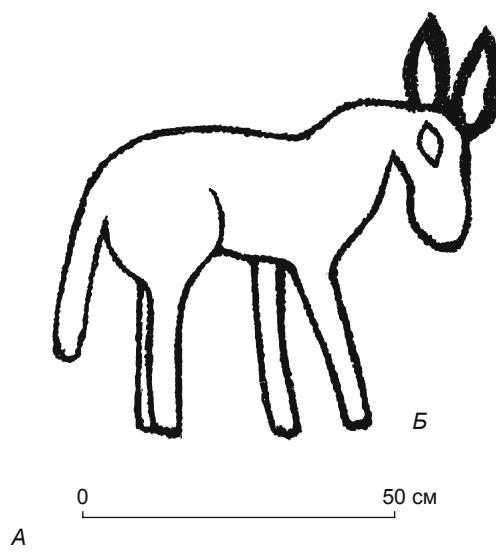

Рис. 7. Кулан. Комдош-Боом.
А – фото; Б – прорисовка.

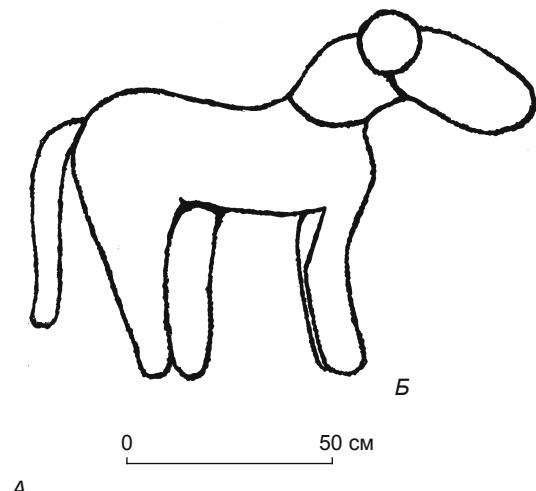

Рис. 8. Хищник семейства кошачьих. Комдош-Боом.
А – фото; Б – прорисовка.

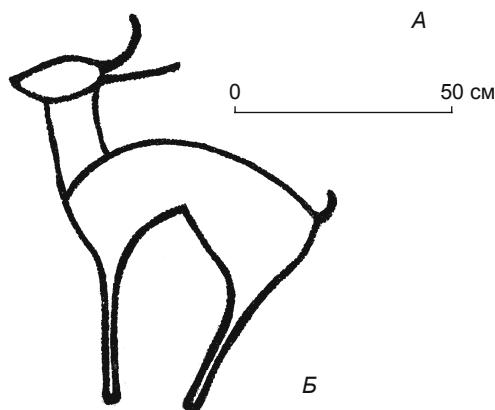
Кулан. Изображение выбито по контуру и находится в левой части скалы несколько ниже фигуры марала (рис. 7). Опущенная голова с большим глазом направлена на восток. Торчащие вверх гипертрофированные уши показаны в анфас, хотя фигура животного дана в профиль. Ноги очерчены прямыми линиями, что подчеркивает статичность фигуры. Одна передняя нога изображена чуть отставленной, две задние – почти в наслонении одна за

другой. Плоскость силуэта нарушена дугообразной линией, выделяющей бедро. В целом рисунок архаичный и примитивный.

Хищник семейства кошачьих. Показан под фигурой кулана, крупнее ее. Изображение профильное, контурное, с ориентацией на восток (рис. 8). Точное видовое определение животного дать трудно: в чем-то фигура напоминает и тигра, и льва. Рисунок монументальный, сочетающий стремление следовать

A

Б

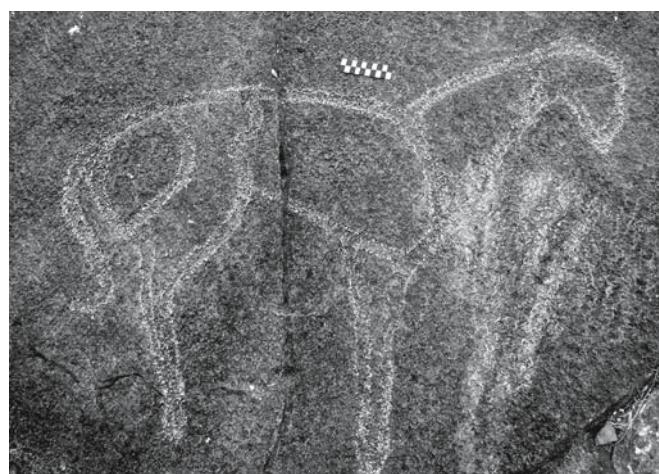
*Rис. 9. Изображение животного в нижней части скалы.
Комдош-Боом.
А – фото; Б – прорисовка.*

натуре и архаичную стилизацию. Образ в целом носит величественный характер.

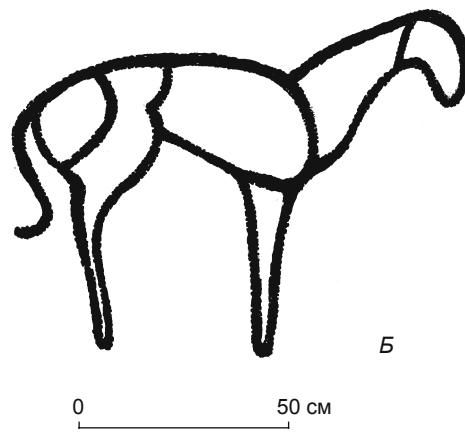
У зверя крупная голова, удлиненная параболоидная морда, круглое ухо и короткая шея, отделенная от туловища дугой. Хвост длинный. Передние, прямо поставленные лапы показаны характерным стилистическим приемом наложения, от дальней лапы идет лишь одна линия. Сокнутые задние ноги обрисованы плавным контуrom.

Два животных неопределенного облика. Выбиты ниже всех по краям скалы и ориентированы в стороны от центра (рис. 9, 10). Животное справа на восточной стороне направлено к восходу солнца, слева – к закату. Изображения контурные, профильные, абсолютно статичные. Прототипами их, вероятно, были марал и лошадь. Животные стоят, словно на пуантах, а контуры, обрисовывающие ноги, положены рядом. Рисунок стилизован настолько, что декоративное начало возобладало над реалистическим. Линии, очерчивающие фигуры, изящны; силуэт членится узорными дугами. Изображения превратились в орнаментальные образы, полные утонченной красоты и эстетического любования.

Второй участок. Кабан. Контурное профильное изображение сочетает черты нескольких зверей, однако более всего напоминает кабана. Фигура ориентирована на юг, вернее, вниз, ко дну оврага (рис. 11). Желобок выбивки не шлифовался, и в районе головы он вообще отсутствует, а лунки от ударов находятся на некотором удалении друг от друга. У животного длинный, закинутый за спину хвост, оканчивающийся кольцом, и большие длинные уши: одно узкое, нависающее над склоненной до земли по-собачьи длинной мордой, другое большое и широкое, закрывающее значительную часть головы. Ноги короткие и толстые. Животное изображено в позе “остановлен-

A

0 50 см

*Рис. 10. Изображение животного в нижней части скалы. Комдош-Боом.
А – фото; Б – прорисовка.*

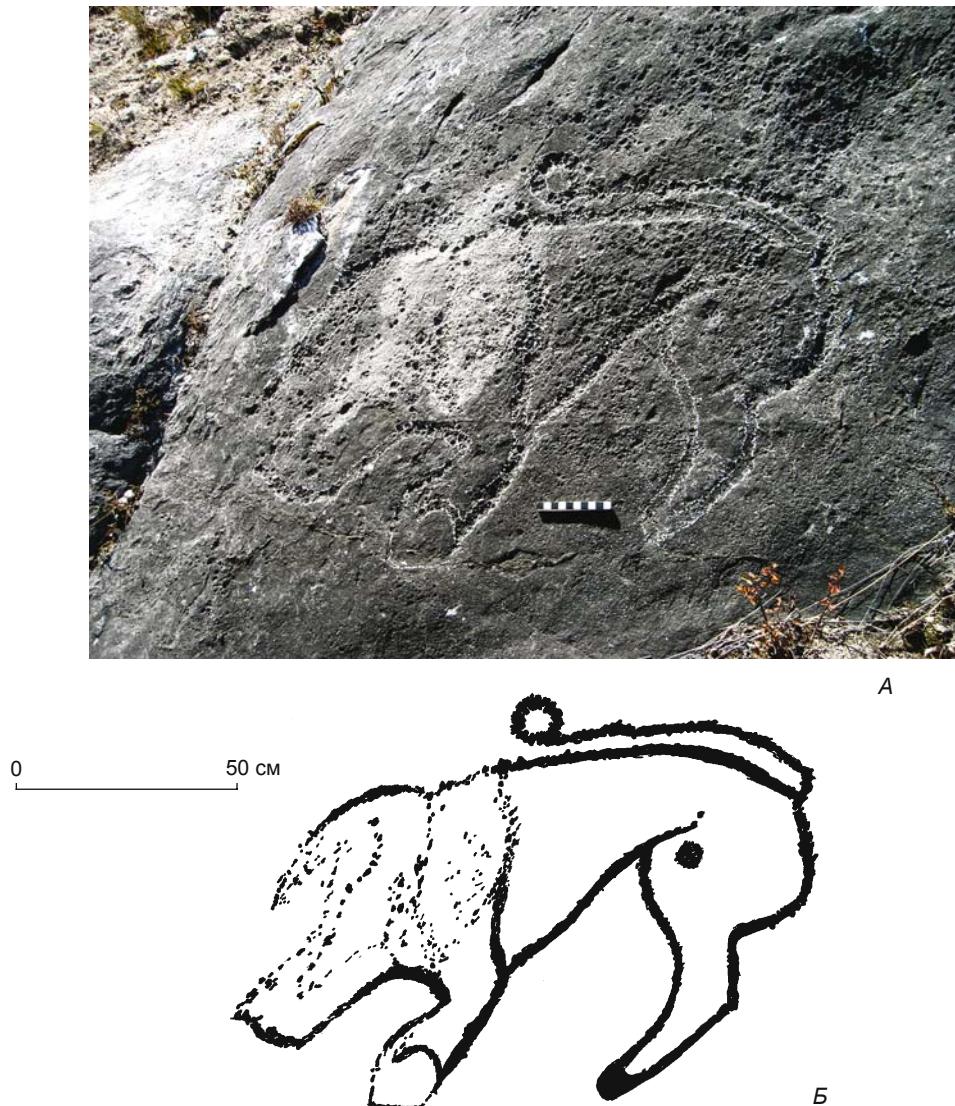

Рис. 11. Кабан. Второй участок. Комдош-Боом.
А – фото; Б – прорисовка.

ногого бега”. Формы подверглись легкой декоративной стилизации. Рисунок примечателен единой линией, идущей от переднего копыта до паха задней ноги и придающей фигуре облик поджарого хищника. В районе бедра просматривается округлая лунка.

Хронология изображений

Анализ изображений колесниц позволяет связывать начало выбивки на скале Комдош-Боома с эпохой бронзы, когда, как считается, в культурах Евразии распространяется представление о колеснице солнца [Иванов, 1980, с. 664]. Аналогичные двухколесные пароконные упряжки, известные по комплексам Ца-

ган-Салаа и Бага-Ойгуря в Монголии, датируются В.Д. Кубаревым в широком временном диапазоне: от начала II тыс. до н.э. до XIII–X вв. до н.э. Однако исследователь, ссылаясь на приводимую М.А. Дэвлет дату изображений колесниц, найденных на плитах карасукских могильников в Хакасии [1998, с. 183] и во многих случаях идентичных по иконографии монгольским, связывает последние также с позднебронзовой эпохой [Кубарев, Цэвэндорж, Якобсон, 2005, с. 90]. Хронологическим признаком колесниц является количество спиц: большее их количество характерно для более поздних изображений [Дэвлет, 1998, с. 184]. Отсюда следует, что левая колесница, менее выразительная и динамичная, была выбита несколько позднее – у нее больше спиц. Суммируя все эти оцен-

ки, можно заключить, что петроглифы Комдош-Боома начали создаваться в позднебронзовую эпоху, вероятно, синхронную карасукской, и не позднее X в. до н.э.

Трудно сказать что-то определенное о дате фрагментарной фигуры оленя. Ясно только, что она появилась не позже других зооморфных изображений, поскольку заняла самое выгодное место на вершине скалы, неподалеку от колесниц и, возможно, синхронна с ними. Фигуры кулана и хищника можно отнести к концу эпохи поздней бронзы, если считать, что схематичная передача четырех прямо опущенных вниз ног была характерна для петроглифов не только карасукского времени в Южной Сибири, но и синхронного ему периода в Горном Алтае [Савинов, 1998, с. 133]. Изображение марала выполнено, надо полагать, также в течение переходного периода от эпохи бронзы до времени, определяемого изящными фигурами копытных, к которым в обрисовке ног тяготеют изображения аркано-майэмирского стиля.

В исторической науке время, соответствующее началу железного века (с конца IX – начала VIII до VII в. до н.э.), принято называть “предскифским” [Кирюшин, Тишкун, 1999, с. 72]. Однако наметившаяся тенденция к относительному удревнению памятников раннескифского времени Алтая, как пишут Ю.Ф. Кирюшин и А.А. Тишкун, постепенно приобретает все больше сторонников и предполагает считать более приемлемым почти тот же хронологический период – с конца IX – начала VIII до начала VI в. до н.э. [Там же, с. 74]. По мнению В.Д. Кубарева, аркано-майэмирский стиль сложился даже не позднее XII–IX вв. до н.э. [2002, с. 38]. Соответственно удревняется “предскифское” время.

В целом создание комдошских изображений можно датировать широким и узким интервалами: широкий – от XIII до VII в. до н.э., узкий – от XI до IX в. до н.э. В таком случае изображение комдошского марала с поджатыми ногами допустимо считать одним из древнейших в Евразии, поскольку самые ранние минусинские аналоги относятся к V в. до н.э., причерноморские – к первой половине VI в. до н.э., а саккызские – ко времени не позже второй четверти VII в. до н.э. [Членова, 1962, с. 170].

Семантика образов

Петроглифы Комдош-Боома, вероятно, были посвящены солярному культу. Запечатленные животные имеют значимую ориентацию: все они, за исключением одного, самого нижнего, который провожает светило закате, встречают восход солнца. Обращенные в противоположные стороны, эти животные нижнего яруса как бы замкнули сакральное пространство скалы с высокозначимыми образами.

Символ солнца – кольцо примерно одного диаметра – присутствует во всех рисунках. Это четыре колеса пароконных упряжек, ухо хищника, кольцо на хвосте кабана, глазница марала, круг с центральной точкой в районе груди и ноги фрагментарного оленя; даже в абрисе его головы ясно читается тот же диск с центром-глазом. Сам образ оленя, по мнению исследователей, в индоиранской мифологии был символом солнца, а его рога ассоциировались с лучами [Килуновская, 1987, с. 104; Мартынов, Бобров, 1974, с. 68]. По-видимому, самое верхнее изображение оленя с древовидным рогом действительно олицетворяло собой солнечное божество. Не случайно его поднятая голова направлена на восток, и он первый среди изображенных животных встречает восходящее из-за гор дневное светило.

Наличие двух колесниц наводит на мысль, что в идеологических представлениях древних алтайцев может быть прослежена связь с ведической традицией, где как нечто единое фигурирует пара божеств – Митра и Варуна. Согласно Ригведе, солнце (Сурья) является глазом Митры и Варуны [РВ I 50,6]. Атрибутами связи с солнцем, как отмечают исследователи, являются мотивы небесной езды, кони, колесница [Новоженов, 1994, с. 222]. Все это согласуется с культом солнца, который впоследствии занял важное место в мировоззренческой системе горно-алтайского населения скифской эпохи [Суразаков, 2002, с. 175]. Однако и в “доскифское” время “конь становится солнечным божеством, или спутником солнечного божества, или, наконец, выступает в одной из ипостасей солнечного божества или иного астрального объекта… Так, в Ригведе бог Солнца Сурья и бог огня Агни выступают в образе коня. Солнце в Ригведе неоднократно названо то конем, то колесницей, то колесом” [Николаев, 1987, с. 155].

О существовании культа солнечного божества у скифских племен сообщает и Геродот, когда пишет об обычаях массагетов: “Единственный бог, которого они почитают, это – солнце. Солнцу они приносят в жертву коней, полагая смысл этого жертвоприношения в том, что самому быстрому богу нужно приносить в жертву самое быстрое существо на свете” [1972, с. 79]. Жертвоприношения животных совершились и в культе Митры [Топоров, 1982, с. 157]. На Алтае жертвенным животным мог быть марал, поскольку и лингвистические данные, и пазырыкские маски скифского времени свидетельствуют о взаимоперекрываемости понятий линии “олень – конь” [Грач, 1980, с. 91]. Марал с поджатыми в прыжке ногами действительно мог восприниматься как самое быстрое существо на свете.

Надо полагать, в таком контексте почитания солярного божества следует воспринимать изображение грандиозного марала в центре скалы. Животное

запечатлено, как считают исследователи, в “традиционном жертвенном положении” (см., напр.: [Артамонов, 1973, с. 220]). Кроме того, изображение отражает разные состояния животного (спокойное и когда наконечник копья пронзил грудь, острое лезвие коснулось шеи и рот раскрылся в предсмертном реве), соответствовавшие этапам ритуального действия.

Известно, что принесение в жертву божествам верхнего мира оленей (чаще белой масти) широко практиковалось у многих народов Евразии с глубокой древности вплоть до этнографической современности [Савинов, 1987, с. 115]. Не исключено, что на комдошской скале лишайник счищался по всему силуэту марала, и тогда его белая фигура на черном фоне выглядела чрезвычайно эффектно. В силу особенностей психологии восприятия цвета она виделась как бы отделившейся от скалы и возносящейся вверх. Рога же марала в сумерках при свете костра ассоциировались с языками пламени.

В качестве жертвенных животных могли выступать также кулан и кабан. Солнце связывалось с образом не только коня, но и степного ослика – кулана [Мартынов, 1987, с. 15]. Предположение об использовании в этом качестве кабана основывается на изображении маралухи с поджатыми ногами в Булган аймаге в Монгольском Алтае. На ее теле воспроизведены протомы двух кабанов [Цэвээндорж, 1999, табл. 100, I]. Надо полагать, что кабаны наряду с маралухой также приносились в жертву.

Семантика образа хищника семейства кошачьих в скифском искусстве пока не нашла однозначного толкования. Скорее всего, в переходный период от эпохи бронзы к железному веку на территории степной полосы Евразии продолжали бытовать представления мифологического характера (возможно, индоиранского происхождения) о “свирапом хищном звере-поглотителе”, в котором могли проявляться черты различных животных, соответствовавших местным изобразительным традициям [Богданов, 2006, с. 22].

Нижние неопределенные зооморфные персонажи – это идеальные бестелесные существа. Мастерски обрисовывающая облик верхних животных линия, характеризующаяся в равной мере реализмом и декоративизмом, теперь решительно отошла в сторону эстетического любования узорностью вычурного рисунка. То тяготение к орнаментальности, которое ранее было в зачаточном состоянии, стало здесь основополагающей сутью образа. Эти грациозные создания, кажется, утратили все земное. Здесь план выражения возобладал над планом содержания, вернее, стал им. Наверное, оба изображения в эмоциональном плане выражали итог ритуала, а в содержательном – души жертвенных животных, посланных верховным божествам.

Аналоги зооморфных изображений

Прямые аналоги фрагментарной фигуре оленя нам неизвестны, хотя изображения оленей с древовидными рогами широко распространены в петроглифах эпохи бронзы. Акцентировка же солярной символики в виде кольца на груди и голове является уникальным явлением.

Образ копытного животного с поджатыми ногами стал широко распространенным в скифском искусстве. Следует обратить внимание на композицию рогов марала. Нижний задний отросток, идущий прямым стержнем, а затем ветвящийся, выдает начальную, еще не оформленную стадию стилизации рогов, которая в дальнейшем будет характерным иконографическим элементом скифо-сибирского звериного стиля. Здесь, как в зародыше, – и в линии контура животного, и в форме его рогов – заложена та декоративно-орнаментальная выразительность, в русле которой будет развиваться искусство ранних кочевников Евразии. Следует отметить, что результат этого процесса можно видеть в изображениях двух оленей в степи Алты-Катындой, находящейся неподалеку от устья Чуи. Структура рогов марала с поджатыми ногами, выполненного в сложившемся каноническом виде, та же: два отростка впереди, задний нижний имеет ответвления. Д.В. Черемисин, обнаруживший петроглифы, считает, что сочетающиеся там с образом оленя чашечные углубления дают дополнительное основание для трактовки этих изображений (одно – в классической позе “скифского” оленя эпохи архаики) как воспроизводящих жертвенное животное [1997, с. 84]. Кстати, там же исследователем была зафиксирована сложная композиция, в центре которой – хищник семейства кошачьих со змеей в когтях [Там же, рис. 21, I]. Он, как и комдошский прототип, запечатлен на прямо стоящих ногах. Изучаемому нами образу вторят скульптурное изображение хищника из первого Туэттинского кургана [Руденко, 1953, рис. 144, б], выполненные в декоративной манере в резьбе по дереву тигры с башадарской колоды [Руденко, 1960, рис. 23], фантастическое животное в татуировке на правой руке мужчины из Второго Пазырыкского кургана [Руденко, 1953, рис. 177] и выявленный недавно татуированный образ на мумии из Пятого Пазырыкского кургана [Баркова, Панкова, 2005, рис. 4].

На последней мумии имеется татуировка с образом кулана [Там же, рис. 6]. Вообще образ кулана встречается не часто. В скифскую эпоху он отнесен в тагарском искусстве [Завитухина, 1983, рис. 155, 156] и на оленных камнях Монголии [Волков, 2002, табл. 94]. Изображение кабана, выбитое на втором участке, оригинально по исполнению и не обнаруживает стилистических истоков в петроглифах эпохи

бронзы. Среди изображений кабанов, приводимых В.Д. Кубаревым в сводке, отдаленные параллели комдошскому животному могут составить контурные рисунки более позднего времени, обнаруженные в Тамураши, Жиланды (Казахстан) [Кубарев, 2003, рис. 5, 1, 16], а также золотые бляшки из Пятого Чиликтинского кургана (Казахстан) [Черников, 1965, рис. 10]. Среди скифских древностей Алтая наиболее близкие аналоги – резные по дереву животные с башадарской колоды [Руденко, 1960, рис. 27] и кабан из комплекса петроглифов Калбак-Таш II [Кубарев, 2003, рис. 1, 7]. Однако и те, и другие подверглись значительно большей стилизации, особенно корпус калбакташского зверя, разделенный орнаментально-декоративными линиями и плоскостями.

Оригинальные изображения в нижнем ярусе Комдош-Боома демонстрируют не только освобождение от реальности, но и смелое соединение в одном конкретичном образе черт различных животных. Нечто подобное в художественном мышлении более ранних мастеров наскального искусства характерно для окуневского искусства. Однако буйная фантазия творцов эпохи бронзы, коснувшаяся прежде всего образов хищников, была направлена на устрашение, здесь же – на любование красотой. И этот развившийся из стилистики верхних комдошских изображений безмятежно-идиллический декоративизм в фигурах нижнего яруса позднее обернется сценами их терзания. Какие-то исторические потрясения в корне изменили психологический настрой древних кочевников Центральной Азии. Находившиеся где-то в небесных сферах чудовищные монстры типа калбак-ташской химеры теперь спустились на землю и вступили в борьбу с копытными животными. А сугубо эстетствующее чувство более никогда не будет так ярко торжествовать в историко-художественном процессе Горного Алтая. Однако оно не исчезло бесследно. Возвеличенный комдошскими мастерами культ красоты, слившись с драматизмом будущих веков, оплодотворит искусство скифо-сибирского звериного стиля высочайшими шедеврами.

Заключение

Проблема происхождения скифо-сибирского звериного стиля – одна из самых острых в современной археологии и искусствознании. Наиболее популярной в настоящее время является концепция М.П. Грязнова о едином процессе развития звериного стиля скифо-сибирского искусства в нескольких культурных центрах, в т.ч. горных областях Центральной Азии [1978, с. 231]. Вместе с тем высказывалось мнение, что скифский звериный стиль “во всей области своего распространения в Восточной Европе и Сибири нигде

не имеет непосредственных предшественников, за исключением Минусинской котловины” [Артамонов, 1973, с. 218]. Действительно, признается, что карасукский компонент присутствует в арсенале изобразительных средств раннескифского звериного стиля вообще [Савинов, 1998, с. 135]. Однако, поскольку нет оснований распространять влияние карасукской культуры Хакасско-Минусинской котловины на культуру эпохи поздней бронзы Горного Алтая, то перед исследователями встают вопросы: каковы истоки зарождения скифского искусства на Алтае, было ли оно привнесено извне или имело непосредственных предшественников на своей территории? В этой связи петроглифы Комдош-Боома, датируемые переходным периодом от эпохи поздней бронзы к раннескифско-му времени, представляют несомненный интерес.

Среди изображенных животных особенно следует отметить марала с поджатыми ногами. Он исполнен выдающимся художником, который, несмотря на необычно большие размеры фигуры, сумел создать охватываемое единым взглядом цельное монументальное произведение эстетически высокого уровня. Ему присущее безукоризненное знание анатомии животного и вместе с тем мастерство владения линией. Нельзя не отметить, что реализм в изображении тела животного, характерный для искусства бронзы, сочетается с декоративным пониманием формы в изображении головы. Тут художник явно преследовал другую задачу – показать нечто неземное, идеальное, ассоциирующееся с объектами совсем иной природы. Граница этих двух стилей проходит по прямой, упирающейся в шею жертвенного марала. Эта прямая – граница жизни и смерти, земного мира и и nobility. Выше этой прямой – линия контура, носящая характер декоративной выразительности, который затем стал все более утверждаться в искусстве скифо-сибирского звериного стиля.

Вообще следует отметить, что в петроглифах Комдош-Боома хорошо прослеживается взаимосвязь стилистики с содержанием образа. Во всех случаях, когда надо изобразить объекты и nobility, используется схематизм (солнечный олень) или декоративная стилизация. Реальные же животные даются в реалистическом ключе. И это четкое разграничение изобразительного языка для сфер видимого и невидимого миров – то новое, что проявилось здесь в поздне-бронзовую эпоху и стало характерным моментом в зарождении скифского искусства Горного Алтая.

Возможно, в Комдош-Бооме около скалы было святилище, где совершались определенные ритуалы и люди, стоя внизу, созерцали рисунки, находящиеся на значительной высоте. По этой причине, вероятно, петроглифы выбиты такими огромными. Можно представить, как эффектно выглядели ранее рисунки, выделявшиеся своим белым контуром на темном фоне скалы.

В настоящее время необходима большая исследовательская работа различных специалистов для выявления всего массива рисунков и их музеефикации. Вполне вероятно, что будут обнаружены новые петроглифы. Однако уже сейчас ясно, что выбитые изображения Комдош-Боома особо крупных размеров представляют собой яркий очаг наскального искусства, в котором отражается начальный этап формирования скифо-сибирского звериного стиля в Горном Алтае. Его основные образы и художественные тенденции будут развиваться в майэмирском и пазырыкском искусстве.

Список литературы

- Артамонов М.И.** Сокровища саков – М.: Искусство, 1973. – 279 с.
- Баркова Л.Л., Панкова С.В.** Татуировки на мумиях из Больших Пазырыкских курганов (новые материалы) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 2. – С. 48–59.
- Богданов Е.С.** Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2006. – 240 с.
- Волков В.В.** Оленные камни Монголии. – М.: Науч. мир, 2002. – 248 с.
- Геродот.** История. – Л.: Наука, 1972. – 600 с.
- Грач А.Д.** Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 256 с.
- Грязнов М.П.** Саяно-алтайский олень // Проблемы археологии. – Л.: Ленингр. гос. ун-т, 1978. – Вып. 2. – С. 222–232.
- Грязнов М.П.** Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т, 1983. – Вып. 12. – С. 3–18.
- Дэвлет М.А.** Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). – М.: Памятники исторической мысли, 1998. – 287 с.
- Завитухина М.П.** Древнее искусство на Енисее. Скифское время. – Л.: Искусство, 1983. – 191 с.
- Иванов В.В.** Колесо, колесница // Мифы народов мира: В 2 т. – М.: Рос. энцикл., 1980. – Т. 1. – С. 664–665.
- Килуновская М.Е.** Интерпретация образа оленя в скифо-сибирском искусстве // Скифо-Сибирский мир. Искусство и идеология. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 103–107.
- Киришин Ю.Ф., Тиштин А.А.** Основные этапы изучения скифской культуры Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 70–75.
- Кубарев В.Д.** К истокам скифо-сибирского звериного стиля // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 2002. – С. 37–43. – (Изв. Лаборатории по археологии; № 8).
- Кубарев В.Д.** Образ кабана в петроглифах Алтая // Археология Южной Сибири. – Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2003. – С. 72–77.
- Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Э.** Петроглифы Цаган-Салаа и Бага-Ойгуря (Монгольский Алтай). – Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2005. – 640 с.
- Мартынов А.И.** О мировоззренческой основе искусства скифо-сибирского мира // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 13–25.
- Мартынов А.И., Бобров В.В.** Образ космического оленя в искусстве тагарской культуры // Бронзовый и железный век Сибири. Древняя Сибирь. – Новосибирск: Наука, 1974. – Вып. 4. – С. 65–73.
- Николаев Р.В.** Солнечный конь // Скифо-Сибирский мир. Искусство и идеология. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 154–158.
- Новоженов В.А.** Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии. – Алматы: Аргументы и факты Казахстан, 1994. – 287 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 400 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 359 с.
- Савинов Д.Г.** Изображение “висящего оленя на ритоне из Келермеса” // Скифо-Сибирский мир. Искусство и идеология. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 112–117.
- Савинов Д.Г.** Карасукская традиция и “аржано-майэмирский” стиль // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. – СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. – С. 132–136.
- Суразаков А.С.** Горный Алтай в VIII–II вв. до н.э. // История Республики Алтай. – Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2002. – С. 142–177.
- Топоров В.Н.** Митра // Мифы народов мира: В 2 т. – М.: Рос. энцикл., 1982. – Т. 2. – С. 154–157.
- Цэвэндорж Д.** Монголын эртний урлагийн туух (История древнего искусства Монголии). – Уланбатор, 1999. – 317 с. (на монг. яз.).
- Черемисин Д.В.** Петроглифы левого берега реки Чуи (Горный Алтай) // Наскальное искусство Азии. – Кемерово: Кузбассиздат, 1997. – Вып. 2. – С. 78–88.
- Черников С.С.** Загадка золотого кургана. – М.: Наука, 1965. – 188 с.
- Членова Н.Л.** Скифский олень // Памятники скифо-сарматской культуры. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 167–203. – (МИА; № 115).

ДИСКУССИЯ

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ИСКУССТВА

УДК 903.27

А.Р. Ласкин

*Государственное учреждение культуры
“Научно-производственный центр по охране
и использованию памятников истории и культуры
Хабаровского края”
ул. Дзержинского, 36, Хабаровск, 680000, Россия
E-mail: archaeology@inbox.ru*

ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ПЕТРОГЛИФОВ СИКАЧИ-АЛЯНА

Введение

Более века прошло с момента начала исследования древних наскальных изображений, расположенных на берегу Амура у с. Сикачи-Алян в Хабаровском крае. В последнее время российские и зарубежные ученые проявляют большой интерес к этому памятнику археологии и этнографии, его всестороннему изучению, а также проблемам сохранения и использования в современных условиях. Из семи объектов древнего наскального искусства, расположенных на территории Хабаровского края, петроглифы Сикачи-Аляна являются, с одной стороны, наиболее яркими и изученными, а с другой – самыми загадочными свидетельствами древней истории Приамурья. На основе наскальных изображений выявляются культурно-этнические связи древнего населения Амура и, как следствие, их влияние на становление и развитие культуры коренных народов Приамурья. Образы, воплощенные в сикачи-алянских петроглифах, до настоящего времени присутствуют в национальных обрядах и декоративно-прикладном искусстве нанайцев, ульчей, нивхов, удэгейцев. Повышенный интерес к сикачи-алянским петроглифам со стороны исследователей, и особенно многочисленных туристов, создает проблемы, связанные с сохранностью ценного историко-культурного объекта. Обследования этого памятника, проводившиеся в последние годы с целью выявления новых изображений, инвентаризации, проверки технического состояния и определения сохранности наскальных рисунков показали,

что древние петроглифы Сикачи-Аляна неотлагательно требуют серьезных исследований и комплекса мер по их сохранению.

Памятник расположен в 60 км ниже г. Хабаровска, по правому берегу Амура и протоки Малышевской. Петроглифы выполнены преимущественно на базальтовых валунах и частично на скалистом уступе береговой террасы и со средоточены на береговой полосе протяженностью до 6 км между селами Сикачи-Алян и Малышево. Первые сведения о наскальных рисунках Сикачи-Аляна стали известны в конце XIX в., благодаря дневниковым записям русского востоковеда Палладия Кафарова [Ларичев, 1966]. Впервые сообщение о петроглифах у сел Сикачи-Алян и Малышево появилось в газете “Приамурские ведомости” в 1895 г. Автор, штабс-капитан Петр Иванович Ветлицын, дал общую характеристику рисунков, техники их исполнения, привел легенду о происхождении, а также выполнил несколько зарисовок древних изображений [1895]. В зарубежной печати первые сведения об этих петроглифах опубликовал в 1899 г. американский востоковед Бертолд Лауфер – участник этнологической экспедиции на Амур, организованной Американским музеем естественной истории. Ему удалось сделать несколько фотографий и эстампажей древних рисунков, а также записать настайскую легенду о “трех солнцах”, связанную с возникновением петроглифов [Laufer, 1899]. В 1908 г. краткое описание наскальных рисунков у с. Сикачи-Алян сделал известный дальневосточный исследователь В.К. Арсеньев во время своей экспедиции в горы

Сихотэ-Алиня [1947]. Древние легенды, связанные с сикачи-алянскими петроглифами и народом, населявшим эти места, записал этнограф Л.Я. Штернберг во время своего путешествия в 1910 г. [1933]. Специальные исследования этих рисунков в начале 30-х гг. прошлого века провел Н.Г. Харламов. Он определил местонахождение петроглифов, сделал их фотографии и эстампажи, а также собрал небольшую коллекцию археологических предметов (каменные орудия труда и фрагменты керамики). Огромные валуны с петроглифами Н.Г. Харламов связывал с остатками древнего города Гальбу. В 1935 г. петроглифы у сел Сикачи-Алян и Малышево обследовали участники Нижнеамурской археологической экспедиции Института этнографии АН СССР под руководством А.П. Окладникова. Были калькированы наиболее значимые рисунки, сделаны первоначальные выводы о стилях и временных рамках древних изображений [Окладников, 1951]. С 1950-х гг. началось планомерное научное изучение петроглифов Сикачи-Аляна под руководством А.П. Окладникова (позднее – А.П. Деревянко). Итогом этой огромной научно-исследовательской работы явилась монография А.П. Окладникова “Петроглифы Нижнего Амура” [1971], посвященная уникальным памятникам наскального искусства Приамурья.

Петроглифы Сикачи-Аляна многосюжетны. Среди них изображения личин, зверей, птиц, змей, лодок, чашевидные углубления (лунки), концентрические круги. Основное место, безусловно, занимают стилизованные антропоморфные изображения – личины. Их формы разнообразны: овальная, яйцевидно-овальная, сердцевидная, трапециевидная и их сочетание. Одни с ярко выраженным контуром, другие без него; есть также рельефные, выполненные на схождении двух или трех граней. В отдельную группу можно выделить череповидные личины. Внутреннее заполнение тоже многообразно, но почти на всех присутствует изображение глаз, носа и рта. Часто глаза выполнены концентрическими кругами, а нос, что характерно для череповидных личин, показан только в виде ноздрей. Многие личины заполнены сложным орнаментом, состоящим из углов, треугольников, дуг или сочетания последних. Вокруг некоторых изображений имеется ореол из расходящихся лучей, которые могут быть различной длины и располагаться как в верхней части, так и по всей окружности. Крупные личины (до 50–60 см), как правило, полностью занимают одну плоскость камня, а небольшие (10–15 см) могут составлять на ней целую группу.

К фаунистическим рисункам Сикачи-Аляна относятся изображения лося, тигра, кабана, птиц и змей. Особо выделяются фигуры двух лосей (на горизонтальной и вертикальной плоскостях), выполненные в

рентгеновском стиле. Самый крупный и эффектный наскальный рисунок Сикачи-Аляна – композиция на горизонтальной плоскости обособленно лежащего валуна: фигура лося, заполненная орнаментом из завитков-спиралей и концентрических кругов, и небольшое стилизованное изображение человека, стреляющего из лука в дикого зверя. Этот камень у коренного населения до сих пор является основным местом совершения культовых обрядов.

Петроглифы Сикачи-Аляна – это результат деятельности человека на протяжении целого ряда периодов и эпох, от раннего неолита до раннего средневековья, что подтверждают многообразие стилей и различия в технике исполнения. Если рисунки, относящиеся к неолиту и раннему железному веку, выполнены способом глубокой желобчатой выбивки при помощи каменных инструментов, то раннесредневековые – в стиле резной техники железным инструментом. Для ранних петроглифов характерна криволинейность; средневековые рисунки – с прямыми пропорциональными линиями. До настоящего времени актуальной и научно обоснованной является дата сикачи-алянских петроглифов, предложенная А.П. Окладниковым по результатам анализа образов и стилей рисунков и соотнесения их с археологическими культурами нижнего Амура. К раннему неолиту (мезолиту; наиболее ранние рисунки датируются X тыс. до н.э.) относятся примитивные по технике и стилю изображения лошадей (?) (лосей), фигурки лесных птиц, личины с простым внутренним заполнением (глаза, рот, нос), а также череповидные. К периоду расцвета неолитической эпохи на нижнем Амуре (IV–III тыс. до н.э.) можно отнести личины со сложным геометрическим заполнением внутреннего пространства. Их продолжали изображать в позднем неолите и на начальном этапе раннего железного века (II тыс. до н.э. – начале I тыс. до н.э.). Кроме того, к этому периоду относятся наиболее яркие изображения лосей в рентгеновском стиле со сложным внутренним заполнением из завитков-спиралей и концентрических кругов. И наконец, самые поздние рисунки, выполненные в стиле резной техники, датируются первой половиной I тыс. н.э.

Выявление новых петроглифов

Важно отметить, что из всего многообразия петроглифов Сикачи-Аляна исследователи разных лет могли видеть здесь лишь часть рисунков. Это связано с воздействием природных сил. Во время весеннего ледохода на Амуре благодаря большим глубинам и скорости течения гигантские плиты льда, толщиной до 1,5 м, упираются в базальтовые глыбы и скальные выступы мыса Гася и, теснимые следующими, про-

двигаются вглубь на значительное расстояние. При этом многие камни с легкостью переворачиваются, скользят от ударов друг о друга, перемещаются вверх или вдоль линии движения льдов. А.П. Окладников так описывал губительный для петроглифов процесс: “Там, где лежал когда-то хорошо знакомый камень с рисунками, его не окажется. Его замоет и занесет песком, или камень перевернет вниз рисунками ледоход, а то и совсем завалит другими глыбами” [1971, с. 3]. В результате таких неотвратимых природных явлений, повторяющихся ежегодно, обнаруживаются новые рисунки, а некоторые выявленные ранее, наоборот, бесследно исчезают. Исследования в 2000–2003 гг., связанные с разработкой проектов зон охраны и сохранения памятника древнего наскального искусства, позволили провести сравнительный анализ современного местоположения камней с петроглифами со схемами 1950-х гг., выполненными А.П. Окладниковым. Установлено, что за 50 лет в пунктах I и II более 25 камней с рисунками оказались перевернутыми или перемещенными на расстояние от 0,2 до 55 м. Во время этих исследований был выявлен целый ряд новых петроглифов, а многие камни с изображениями, отмеченные на схемах А.П. Окладникова, не обнаружены. Перемещению в основном подвержены камни, расположенные в зоне затопления. Кроме того, после спада уровня воды в реке рисунки скрывают слой ила, который под воздействием солнца и ветра превращается в твердую корку.

Новые петроглифы удается обнаружить главным образом при низком уровне воды в Амуре (что бывает не так часто), в случаях перемещения камня на другие грани, при выветривании песчаных отложений, а также при изменении угла освещенности (последнее относится к замытым, нечетким изображениям). В 2000 г. во время проведения работ по осуществлению “Проекта сохранения историко-археологического памятника в пункте первом каменной гряды у села Сикачи-Алян Хабаровского края” был выявлен целый ряд рисунков, а также обследованы камни с ранее известными петроглифами с целью установить изменения их местоположения [Горнова, 2000]. Оказалось, что в этом пункте ок. 10 камней с древними рисунками переместились в основном в направлении берега и вниз по течению реки на расстояние от 2 до 10 м. Кроме того, многие камни с изображениями были сдвинуты или перевернуты относительно своей оси. Ситуация, сложившаяся в I пункте сикачи-алянских петроглифов требует детальных исследований с участием специалистов различных профилей.

В июне 2003 г. в рамках разработки «Проекта зон охраны памятника археологии “Петроглифы Сикачи-Аляна”» аналогичные исследования проводились во II пункте комплекса сикачи-алянских петроглифов. Удалось проследить тенденцию и природный механизм движения камней с древними изображениями (рис. 1). Работе благоприятствовал очень низкий уро-

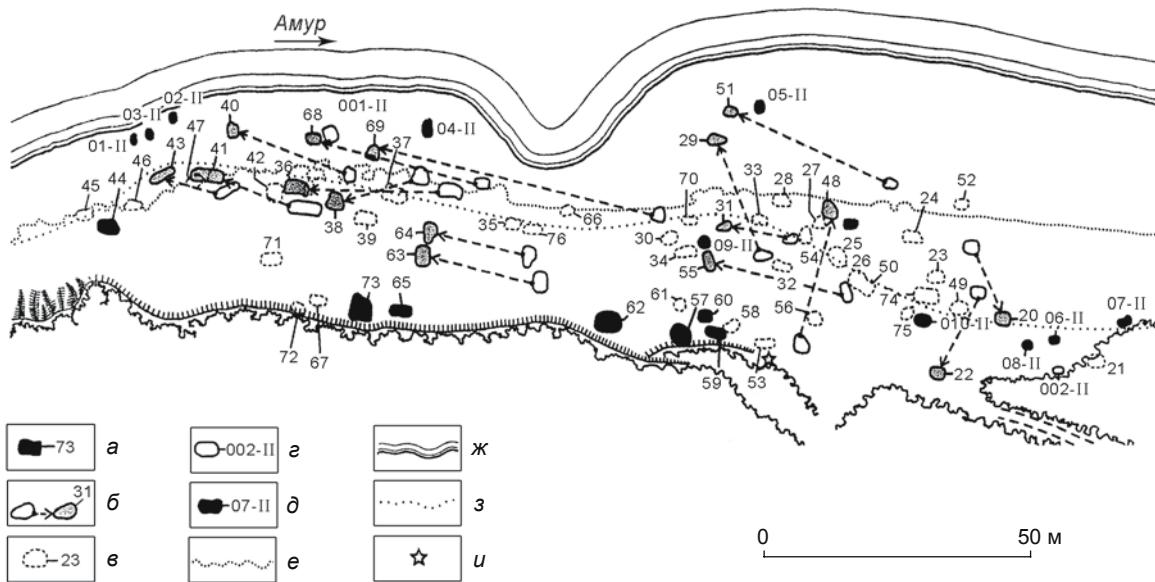

Рис. 1. Расположение петроглифов во II пункте по схеме А.П. Окладникова и материалам натурного обследования.
а – камни с петроглифами, соответствующие схеме А.П. Окладникова; б – камни, смещенные относительно схемы А.П. Окладникова (контуры рисунок соответствуют расположению на схеме); в – камни, не зафиксированные при проведении обследования; г – камни с петроглифами, отмеченными А.П. Окладниковым как утерянные; д – камни с ранее не описанными рисунками; е – уровень воды по схеме А.П. Окладникова; ж – уровень воды в период проведения обследования (июнь 2003 г.); з – среднемноголетний уровень воды открытого периода; и – охранный знак.

вень Амура (-75 см при средне-многолетнем $+35$ см)*. В ходе исследований установлено:

- камни с рисунками, наиболее удаленные от береговой полосы и в основном больших размеров, остались в непотревоженном состоянии (№ 57, 59, 60, 62, 65, 73);

- камни, находящиеся в зоне затопления, а также расположенные в глубине берега, но имеющие средние и небольшие размеры, перемещены на расстояние от 3 до 20 м, а в некоторых исключительных случаях – до 55 м (№ 69);

- направление движения камней с рисунками, в отличие от I пункта (где, как отмечалось выше, оно совпадало с течением реки), – в глубь береговой полосы и сторону, противоположную течению. Это объясняется гидрологическими особенностями

Амура в данном месте. Рельефно выступающий мыс Гася и залив, расположенный ниже его по течению, а также большие глубины и скорость течения обусловливают образование здесь водоворотов и обратного течения [Ласкин, Дыминский, 2006].

Некоторые камни при движении оказались смещеными относительно своей оси под разными углами. В результате многие ранее известные изображения находятся сейчас на плоскости, являющейся основанием камня (возможно, при этом еще и смещенного), и поэтому не обнаружены. Однако это не значит, что они утеряны для нас навсегда. Можно предположить, что в последующие годы, при новом перемещении, рисунки вновь окажутся на видимой поверхности. Благодаря указанным процессам, а также небывало низкому уровню воды были обнаружены новые изображения, не отмеченные А.П. Окладниковым. Кроме того, удалось зафиксировать некоторые петроглифы, известные А.П. Окладникову по рассказам местных жителей, но не найденные им, хотя он приводит схематические зарисовки этих изображений и их описание [1971].

Камень 001. Расположен в северо-западной части пункта, ниже границы среднего уровня воды. В нижней части одной из плоскостей личина без внешнего контура: двумя контурами показаны глаза, горизонтальным углублением – широкий рот. На верхней плоскости камня серия упорядоченных чашевидных углублений-лунок. Такие лунки, особенно располагающиеся в определенных композициях (как в данном

Рис 2. Камень 002-II.

Рис 3. Камень 01-II.

случае), скорее всего, обозначают парциальные личины [Дэвлет М.А., Дэвлет Е.Г., 2005].

Камень 002. Расположен в юго-восточной части пункта, у намывной песчаной косы. Рельефная личина выполнена на трех плоскостях отдельно лежащего небольшого камня. Верхняя ее часть широкая, лоб выпуклый; нижняя завершена прямым подбородком с явно выраженной ямочкой в центре. Глаза изображены в виде двух концентрических кругов, нос показан с выделенной переносицей и широкими ноздрями, рот передан двумя симметрично расположенными ямками, соединенными узким желобком-перемычкой (рис. 2). Данное изображение часто бывает занесено слоем песка и ила, поэтому А.П. Окладников обозначил его в своей книге схематическим рисунком без порядкового номера, однако уже тогда отмечал, что это один из лучших в Сикачи-Аляне образцов скульптурных, объемных личин [1971].

Камень 01. Расположен в северо-западной части пункта, ниже границы среднемноголетнего уровня воды. Крупная рельефная личина выполнена на двух вертикальных гранях. Она имеет четкий овальный контур, внутри которого пространство полностью заполнено волнообразными желобками. Из черт лица выделяются большие глаза сердцевидной формы. На другой вертикальной плоскости еще одно, пока неопределенное, изображение с элементом треугольной формы и параллельными желобками (рис. 3). Камень прижат со всех сторон другими, поэтому до конца интерпретировать рисунки на нем будет возможно только в случае его высвобождения. Но уже сейчас можно говорить о том, что личина, большую часть которой удалось зафиксировать, не имеет аналогов

*Уровни воды приведены по данным гидрологического поста № 18 в г. Хабаровске.

среди изображений Сикачи-Аляна и других памятников древнего наскального искусства Приамурья.

Камень 02. Расположен к северо-востоку от камня 01, на аналогичном уровне. На одной плоскости две личины, относящиеся к разным стилям и, скорее всего, к разным эпохам. Первая, более ранняя, овальной формы, выполнена глубоким и широким желобом. Глаза показаны в виде двух концентрических кругов, небольшой рот передан полуциркульным углублением. Часть изображения утрачена в результате природного скола, но формы и стиль исполнения вполне определимы. Вторая личина также овальной формы, но выполнена в совершенно ином стиле. Раскосые глаза, рот переданы тонкими горизонтальными желобками; лишь одна вертикальная линия, начинаясь от основания лба, обозначает нос. От края внешнего контура изображения в разные стороны расходятся лучи, образующие своеобразный ореол. Однако не исключено, что таким образом древние художники пытались показать волосы.

Камень 03. Расположен между камнями 01 и 02, сильно затерт. На его наклонной плоскости слабо просматривается парциальная (без внешнего контура) личина с явно выраженным глазами в виде двух концентрических кругов.

Камень 04. Расположен в северной части пункта, в зоне почти постоянного затопления. На вертикальной плоскости камня четко просматривается контур головы и туловища животного, по очертаниям напоминающего лошадь. Нижняя часть рисунка утрачена в результате мощного природного скола.

Камень 05. Обнаружен в северной части пункта, ниже границы среднемноголетнего уровня воды, напротив охранного знака. На вертикальной плоскости крупной прямоугольной плиты выбита фигура лося. Хорошо просматриваются голова с небольшими рогами, изображением глаз и линией рта, а также мощное туловище. Контур туловища полностью завершен, а отсутствие ног может говорить об изображении плывущего лося.

Камень 06. Находится в юго-восточной части пункта. Камень сложной пирамидальной формы. В верхнем углу одной из плоскостей скопление чашевидных углублений-лунок, похожих на отпечаток следа животного. На другой грани просматриваются параллельные борозды, оканчивающиеся окружностью. Камень имеет множество природных сколов, что не позволяет определить точно композицию, которую хотел передать древний художник.

Камень 07. Обнаружен в самом начале пункта, у намывной песчаной косы. Камень наполовину заглублен в песок, в верхней части вертикальной плоскости, обращенной к Амуру, выбита череповидная личина с широким лбом и зауженной нижней частью. Показаны глаза в виде концентрических кругов, выпуклый

нос треугольной формы, под ним широко раскрытый рот. В верхней части горизонтальной плоскости просматриваются две концентрические окружности, которые обозначают глаза личины, форму которой теперь определить трудно.

Камень 08. Выявлен в юго-восточной части пункта, рядом с камнем 06. Представляет собой большую глыбу базальта прямоугольной формы, одним ребром заглубленную в песок. Верхняя часть камня откололась в виде плиты, смещенной в сторону. На наклонном вертикальном ребре, под плитообразным сколом, изображена парциальная личина: большие глаза в виде двух концентрических кругов; между ними узкая линия переносицы, заканчивающаяся широкими крыльями ноздрей; небольшой рот передан овалом. Рядом с личиной едва просматриваются искусственные продольные желобки.

Камень 09. Расположен в центральной части пункта, выше среднемноголетнего уровня воды. На вертикальной плоскости глыбы базальта с округлыми краями сохранилась часть крупной личины, точнее, один глаз в виде двух концентрических окружностей. Рисунок пострадал в результате мощного природного скола.

Камень 010. Выявлен в юго-восточной части пункта, выше среднемноголетнего уровня воды. Камень почти полностью заглублен в песок, выступает над дневной поверхностью на 40–50 см. На уровне границы была обнаружена парциальная личина, по своему облику, скорее всего, обезьяновидная, чем череповидная. Изображение немного растянуто по горизонтали, нос показан только в виде двух ноздрей, а большие глаза с прикрытыми веками и тонкая линия рта создают образ мирно спящего существа.

Рисунки древних художников Сикачи-Аляна опять открывают перед нами свои тайны. Новые рисунки, выявленные в результате последних исследований, в общем повторяют образы и стили, характерные для Сикачи-Аляна. Однако из этого ряда изображений можно выделить личину с волнообразным внутренним заполнением (камень 01). Рисунок, выполненный в таком своеобразном стиле, пока единичный. Также поражает своим великолепием рельефное изображение на камне 002, передающее загадочный образ.

Разрушающие факторы

Кроме движения льдов, влекущего за собой перемещение камней с петроглифами, существуют и другие природные силы отрицательного воздействия. К ним относятся: сезонные колебания уровня воды в реке, резкие перепады температур и замораживание, ветровая эрозия, прогрессирующая растительная среда. Во время сезонных изменений уровня воды, и особенно весенних и летних паводков, река перемещает массы

песчаных и илистых отложений, которые впоследствии осаждаются на камнях, находящихся в зоне затопления. После отступления воды слой ила под действием ветра, песка и солнца превращается в твердую корку. Кроме того, почвенные наносы способствуют активному росту растений, корни которых проникают в микроскопические трещины на поверхности камня и увеличивают их в процессе своего роста. В период высокой солнечной активности (с апреля по август) разница температур между теневой и освещенной гранями валунов достигает 30 °С, что создает ежесуточные циклические напряжения в камне, способствующие трещинообразованию. Вода, песок с илом, ветер и солнце в той или иной мере подвергают камень постоянной природной обработке. И без того на пористой поверхности базальта образуются новые углубления и трещины, а неоднократно проникающая в них и замерзающая зимой влага постепенно разрушает камень.

За последние годы довольно ощутимо негативное влияние на памятник антропогенного фактора. К нему можно отнести: современные надписи и рисунки на камнях с петроглифами и без них; обводку и прочерчивание древних изображений, появляющиеся после посещения памятника неорганизованными туристами; разведение костров в непосредственной близости от петроглифов; использование валунов в процессе рыбной ловли. Привязанные к камням металлические тросы и проволока, являющиеся частью рыболовной снасти, оставляют на них глубокие выемки, что нарушает верхний защитный слой базальта. Разжигание костров не только оставляет копоть на поверхности, но и приводит к раскалыванию камня. Отсутствие оборудованных подъездных путей к берегу реки является причиной хаотичного движения транспортных средств, нередко в непосредственной близости с петроглифами, что также негативно отражается на состоянии памятника.

Проблемы сохранения и использования памятника

Из совокупности всех перечисленных факторов, негативно влияющих как на памятник в целом, так и на отдельные его элементы, очевидна необходимость срочных и эффективных мер по его защите и сохранению. За последние 30 лет различными научно-исследовательскими институтами, проектными организациями и учреждениями высказывалось и обсуждалось много предложений и проектов по созданию различного рода этнокультурных и научных центров в уникальном историческом месте. Основными инициаторами этих проектов в разные годы выступали: Институт этнографии АН СССР, Институт археологии и этнографии СО РАН, Всесоюзное

общество охраны памятников истории и культуры, органы исполнительной власти и инициативные группы из числа коренных народов и представителей общественности Хабаровского края. Следует отметить два проекта (1979 и 1992 гг.) Ленинградского научно-исследовательского и проектного института по разработке генеральных планов и проектов застройки городов (ЛенНИИПградостроительства), которые поражают своим размахом: в небольшом национальном селе Сикачи-Алян предполагалось возвести многоэтажные гостиницы, кафе, разбить парки и скверы. Древний памятник наскального искусства выглядит на этом фоне невзрачно и второстепенно. Однако была проделана большая работа по определению природных условий, рельефных и инженерно-геологических характеристик. В последнем проекте поднимались проблемы музеефикации и сохранения петроглифов, а также инженерных мероприятий по их спасению. В 1992 г. творческой группой архитекторов Хабаровска был разработан проект по созданию научно-рекреационного и этнокультурного центра в Сикачи-Аляне. В нем петроглифы и меры по их охране занимали основное место. К сожалению, из-за отсутствия финансирования все эти проекты и решения остались только на бумаге.

Негативное воздействие природного и антропогенного факторов на памятники наскального искусства нижнего Амура требует срочной разработки комплексной программы, направленной на их сохранение и современное использование. И первоочередным объектом должен стать уникальный комплекс петроглифов Сикачи-Аляна, что обусловлено наибольшей изученностью на сегодняшний день, масштабностью территории, многообразием и обилием изображений. Кроме того, это единственный в Приамурье памятник древнего наскального искусства, который в настоящий момент используется в качестве туристического объекта. Естественно, мероприятия по сохранению памятника должны предшествовать всесторонние многопрофильные научные исследования, связанные с консервацией, музеефикацией, работами охранного характера и продолжительным мониторингом. Огромный и в большинстве случаев удачный опыт таких работ уже накоплен и широко применяется как в нашей стране, так и за рубежом. Однако пока идет длительная подготовка и разработка проектов и программ по комплексному сохранению объекта, памятник продолжает интенсивно разрушаться. Поэтому на данном этапе необходимо проведение первоочередных охранных мероприятий, направленных на приостановление разрушающих процессов, особенно антропогенного характера. Исходя из сложившейся в настоящий момент ситуации, эти мероприятия можно разделить на два направления: организация охраны и организация использования. Первое подразумевает следующие меры:

1. Установка ограждения (с двух сторон территории памятника уже ограничена естественными преградами – рекой и надпойменной террасой). Оно должно быть надежным, долговечным, многофункциональным и иметь соответствующий дизайн, возможно, с элементами сюжетов древних рисунков.

2. Круглосуточная охрана объекта. Исключит возможность вандалистских действий на территории памятника; позволит систематизировать посещение объекта организованными туристическими группами в определенное время суток, осуществлять контроль за соблюдением правил поведения и техники безопасности во время проведения экскурсий. Помещение для работников охраны должно иметь архитектурные формы и дизайн, гармонирующие с существующим ландшафтом, ограждением и историко-культурной направленностью объекта в целом.

3. Запрещение движения любых транспортных средств по территории памятника. С этой целью необходимо на достаточном расстоянии от ограждения обустроить автостоянки с учетом выполнения всех природоохранных и других требований.

Организация использования памятника древнего наскального искусства предусматривает три направления – научно-исследовательское, культурно-просветительское и туристическое. Научные исследования должны проводиться квалифицированными специалистами с привлечением российского и зарубежного опыта в данной области. Прежде всего это работы, связанные с консервацией памятника:

1. Регулирование ландшафта и растительной среды. Позволит снизить заиливание камней с рисунками, наиболее подверженных этому процессу, и укрепить камни, вымываемые из грунта и перемещаемые водой.

2. Структурное укрепление камней с петроглифами. Этой работе должны предшествовать специальные исследования и анализы, чтобы исключить обратные (разрушающие) процессы. Более того, необходимо предусмотреть продолжительный мониторинг, который позволит проследить изменения в разные периоды года.

3. Удаление современных рисунков, надписей и обводки древних изображений. Это также требует проведения специальных анализов, разработки различных методик. Поскольку некоторые вандалистские рисунки и надписи на сикачи-алянских петроглифах выбиты глубже, чем древние изображения, то здесь целесообразно применить методику заполнения соответствующими доделочными массами. Обводку петроглифов различными красящими веществами можно удалить при помощи щадящих технологий после проведения анализа этих веществ [Ласкин и др., 2005].

Заключение

Первоочередные мероприятия по сохранению и использованию памятника древнего наскального искусства до разработки и реализации глобальных комплексных проектов, безусловно, играют большую роль. Как видно из сложившейся ситуации, пока решаются организационные и финансовые вопросы, уникальный историко-культурный объект продолжает разрушаться. Изучение знаменитых сикачи-алянских петроглифов требует более глубоких и детальных исследований непременно в комплексе с мероприятиями по их сохранению, музеификации и современному использованию. Необходимо широко применять положительный российский и зарубежный опыт в этой области. Неповторимый памятник нуждается в неотлагательных и решительных действиях по его защите. Только в случае бережного отношения к петроглифам и всему наследию прошлого нам сможет открыться загадочный и сокровенный мир древнего человека.

Список литературы

- Арсеньев В.К.** В горах Сихотэ-Алиня // Соч. – Владивосток: Дальгиз, 1947. – Т. 3. – С. 8–9.
- Ветлицын П.И.** Заметка о древних гольдских памятниках близ селения Малышевского // Приамурские ведомости. – Хабаровск, 1895. – № 56. – С. 17–18.
- Горнова М.И.** Проект сохранения историко-археологического памятника в пункте первом каменной гряды у села Сикачи-Алян Хабаровского края. – Хабаровск: Хабаров. гос. техн. ун-т, 2000. – 40 с.
- Дэвлет М.А., Дэвлет Е.Г.** Мифы в камне: Мир наскального искусства России. – М.: Алетейя, 2005. – 472 с.
- Ларичев В.Е.** Потерянные дневники Палладия Кафарова // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. – 1966. – № 1: Сер. обществ. наук, вып. 1. – С. 121–124.
- Ласкин А.Р., Дыминский С.А.** Новые петроглифы Сикачи-Аляна // Пятые Гродековские чтения: Мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф. “Амур – дорога тысячелетий”. – Хабаровск, 2006. – Ч. 1. – С. 165–169.
- Ласкин А.Р., Дэвлет Е.Г., Бабаев А.Л., Судаков А.И.** “Петроглифы Сикачи-Аляна” – уникальный памятник древнего наскального искусства на Нижнем Амуре (проблемы сохранения и использования) // Мир наскального искусства. – М.: ИА РАН, 2005. – С. 154–162.
- Окладников А.П.** Раскопки на Севере // По следам древних культур. – М.: Наука, 1951. – С. 36–38.
- Окладников А.П.** Петроглифы нижнего Амура. – Л.: Наука, 1971. – 329 с.
- Штернберг Л.Я.** Гольды // Гиляки, орохи, гольды, негидальцы, айны. – Хабаровск: Хабаров. кн. изд-во, 1933. – С. 454–458.
- Laufer B.** Petroglyphs on the Amoor // American Anthropologist. N.s. – 1899. – Vol. 1. – P. 746–750.

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 391

Е.А. Волжанина

Институт проблем освоения Севера СО РАН
а/я 2774, Тюмень, 625003, Россия
E-mail: nyabako@mail.ru

ЛЕСНЫЕ НЕНЦЫ: РАССЕЛЕНИЕ И ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ В XX ВЕКЕ, СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ*

Введение

Исследование демографической ситуации у коренных малочисленных народов Севера в последние 10–15 лет свидетельствует о негативных тенденциях в данной сфере, характеризующихся высокими показателями смертности людей трудоспособного возраста и детей, снижением рождаемости и продолжительности жизни [Карлов, 1991, с. 6; Клоков, Корюхина, 1994, с. 65; Иванов, 1999; и др.]. На общем фоне более благополучными выглядят оленеводческие народы, сохранившие традиционный образ жизни, к числу которых относятся ненцы [Соколова, 2003, с. 49; 2004, с. 24–25; Аверин, 2005, с. 77; Артюхова, Пириг, 2004, с. 64].

В составе ненцев по месту преимущественного проживания и диалекту выделяются две группы – тундровая и лесная. Имеющиеся официальные статистические данные характеризуют демографические процессы прежде всего у тундровых ненцев, как наиболее многочисленных и административно организованных. Основной территорией их расселения являются три автономных округа: Ненецкий Архангельской обл., Ямало-Ненецкий Тюменской обл., Таймырский (Долгано-Ненецкий) Красноярского края**.

Лесные ненцы представляют небольшую этническую группу, основу хозяйственной деятельности которой, в отличие от тундровой группы, составля-

ют охота и рыболовство; оленеводство имеет транспортное значение [Головнев, 1993, с. 125; Козьмин, 2003, с. 27]. Территории проживания лесных ненцев одними из первых попали в сферу разработок нефтегазовых месторождений. В результате промышленного освоения были изъяты из традиционного природопользования значительные площади ягельных пастбищ, что привело к сокращению поголовья оленей, изменению маршрутов кочевий и увеличению количества безоленных и малооленных семей [Гардамшина и др., 2006, с. 58]*. В настоящее время рыболовный промысел является для них практически единственным источником средств существования**. Различия в хозяйстве и условиях проживания (природно-климатических, социально-экономических и др.) лесных и тундровых ненцев делают актуальным исследование демографических процессов в каждой группе отдельно.

В настоящей статье проведен анализ динамики численности лесных ненцев в XX в., половозрастно-

*См. также: **Современное состояние** традиционного природопользования коренного населения в условиях техногенного воздействия в связи с разработкой и эксплуатацией Приобского месторождения (Ханты-Мансийский район, ХМАО): (Заключительный отчет по выполнению темы по гранту № 99-05-65695 РФФИ) / ИПОС СО РАН. – Тюмень, 2000. – С. 310.

Там же. – С. 272–276, 295; **Проект. Напорный нефтепровод ДНС Чатылькинского месторождения – ДНС Холмистого месторождения. Инженерно-экологические изыскания. Историко-культурное и археологическое исследование территории. (Отчет о выполнении научно-исследовательских работ) / ИПОС СО РАН. – Тюмень, 2005. – С. 34–37.

*Работа выполнена при поддержке Лаврентьевского гранта СО РАН.

**17.04.2005 г. на референдуме большинством голосов было принято решение об объединении ТАО с Красноярским краем.

го, брачного и семейного состава самой большой их группы – пурской, для которой получены наиболее полные и детальные данные. Ввиду малочисленности и отсутствия административного единства лесных ненцев практически невозможно использовать материалы официальной статистики для анализа демографических процессов в их среде.

Для решения поставленной цели привлекались разные источники. Сведения о численности лесных ненцев в первой половине XX в. получены по материалам Приполярной переписи 1926–1927 гг., опубликованным в “Списке населенных пунктов Уральской области” [1928], а также из отчетов исследователей, проводивших экспедиционные работы в районах их расселения: Р.П. Митусовой (ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 181), П.И. Сосунова [1931], Г.Д. Вербова [1936]. Основными статистическими источниками второй половины XX в. являются ежегодные списки сельских населенных пунктов по городам и районам Ямало-Ненецкого округа, составленные по книгам похозяйственного учета на местах. В выявленных списках приводится национальный состав населения по районам, сельским советам и населенным пунктам начиная с 1957 г. (ГАТО. Ф. 1112. Оп. 1. Д. 1616, 2184, 2987, 3975, 6090, 6982, 7493, 8943, 10281; Оп. 2. Д. 849, 1739, 2960, 4156; Оп. 4. Д. 84, 146; Данные Тюменского областного комитета государственной статистики, 1997–2004 гг.). Демографические характеристики (распределение по полу, возрасту, состоянию в браке и состав семейств) были составлены по данным книг похозяйственного учета за 1967–1971 и 2004–2005 гг.

Расселение и динамика численности

Лесные ненцы* проживают в таежной зоне сибирского Севера, занимая территорию междуречья Оби и Таза, в т.ч. бассейн р. Пура в верхнем и среднем течении, верховья Надымса, северные притоки рек Лямина, Тромъегана и Агана. Современные границы их расселения практически совпадают с описанием, составленным Г.Д. Вербовым [1936, с. 59].

*Самоназвание – *нещанг*, что означает “человек”, (во множественном числе *неша'* – “люди”). Лесными (*пян'* (*пяд'*) *хасав'*, *педеран хасав'*) их называют тундровые ненцы [Городков, 1924, с. 21]. В источниках XVII–XIX вв. они именуются также кунной самоядью, казымскими, кондинскими самоедами, хандаярами, пяками [Долгих Б.О., 1960, с. 68; Вербов, 1936, с. 57–59; Прокофьев, 1937, с. 9; Книга..., 1950, с. 168; Кастрен, 1999, с. 50, 62]. Последнее наименование встречается в документах первой половины XX в. при характеристике населения Надымского р-на, где неофициально сохраняется вплоть до настоящего времени (ГАЯНАО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 2. Л. 127, 131, 134; Ф. 34. Оп. 1. Д. 66, 77; Полевые материалы автора (далее – ПМА), 2006).

В XVII – начале XX в. лесные ненцы относились к ясачному населению Казымской вол. Березовского уезда. В 1923–1930 гг. территория их проживания входила в состав Сургутского и Обдорского р-нов Тобольского окр. Уральской обл. В результате районирования 1930-х гг. она оказалась поделенной между Ямало-Ненецким и Ханты-Мансийским национальными округами*. Современные лесные ненцы проживают в центральной и южной частях Пурского и Надымского р-нов ЯНАО, в Белоярском, Нижневартовском, Ханты-Мансийском и Сургутском р-нах ХМАО. В Пурском р-не, выделенном из состава Тазовского в 1932 г., оказались лесные ненцы, проживающие в нижнем и среднем течении Пура, по его притокам (Еркалнадейпур, Пякупур, Вэнгапур) и в окрестностях оз. Пяку-то (рис. 1).

В 1960–1970-е гг. значительная часть лесных ненцев Сургутского р-на переселилась в Пурский – на территорию системы озер Пяку-то [Коренное население..., 1993, с. 70]. Их численность в Сургутском р-не сократилась с 260 чел. в 1970 г. до 66 чел. в 2003 г. (ГАТО. Ф. 1112. Оп. 1. Д. 6090. Л. 83; Данные Тюменского областного комитета государственной статистики на 2003 г.).

До сих пор значительная часть лесных ненцев проживает в сельской местности, несмотря на наличие городов и поселков городского типа, основанных на территории их традиционного расселения в связи с промышленным освоением. В настоящее время большая часть лесных ненцев имеет жилье в сельских населенных пунктах или г. Тарко-Сале и сохраняет традиционные поселения – стойбища, которые используются эпизодически во время рыбной ловли и охотниччьего промысла.

Для лесных ненцев характерно дисперсное расселение (озерный и речной типы). Место летней стоянки определяется наличием водоема, пригодного для рыболовства, в т.ч. строительства запора, зимней – наличием оленых пастищ. Летние стойбища приурочены к рыболовным угодьям, расположенным в устьях небольших рек, впадающих в более крупные реки, на берегах озер, наиболее крупные из которых Нум-то и Пяку-то. Каждая семья имеет несколько мест для летних стоянок [Тихонов, 1986, с. 77] (ПМА, 2005). Зимние стойбища располагаются на расстоянии 2–7 км от летних. Особенностью оленеводства лесных ненцев, относящегося к таежному типу, является небольшая амплитуда маршрутов сезонных перекочевок. Стада круглый год выпасаются на открытых пространствах болот, по краям речных пойм в сосновых и кедровых борах. На этих территориях удачно сочетаются зимние и летние корма, поэтому не требуется сезонной смены пастищ и

*В 1977 г. в соответствии с Конституцией СССР они получили статус автономных. Современная аббревиатура ЯНАО и ХМАО.

не возникает необходимости в перекочевках на большие расстояния [Карапетова, 2001, с. 207]. Мало кто из ненцев живет на одном и том же месте длительное время, т.к. олени “выбивают” всю территорию в округе и делают ее непригодной для последующего проживания.

Численность населения стойбища обычно ограничивается составом одной-двух семей. Их усилий достаточно для запорного и неводного рыболовства [Головнев, 1995, с. 57]. Только в случае устройства крупного запора, обслуживание которого требует больших трудовых затрат, в летне-осенний период совместно может проживать нескольких семей. В районах богатых рыболовных промыслов стойбища располагаются недалеко друг от друга, выстраиваясь в непрерывную цепь вдоль берега реки [Коренное..., 1993, с. 69–73]. Это можно наблюдать на озерах Нуя-то и Пяку-то, где летом рыбачат несколько десятков семей лесных ненцев [Головнев, 1995, с. 57] (ПМА, 2005).

Согласно данным ясачных списков и ревизских сказок, в которых приводятся неполные сведения [Васильев, 1979, с. 106, 183], общая численность лесных ненцев в XVII – начале XX в. не превышала 1 000 чел. Характер территории их обитания – болотистая труднопроходимая местность, расположенная в стороне от кочевий тундровых ненцев, с которыми лесные не встречались, – вселяла уверенность, что на обширном пространстве между речьями Оби и Таза никто не живет [Городков, 1924, с. 22]. По материалам ясачных книг XVII в. Б.О. Долгих определил численность “казымских самоедов” в 770 чел. [1960, с. 72]. Для конца XVIII в. по данным V ревизии В.И. Васильев приводит цифру 476 чел., а согласно Первой Всероссийской переписи 1897 г. лесных ненцев было 467 чел. [Васильев, 1994, с. 52, 56; Патканов, 1911, с. 29].

По материалам Приполярной переписи, в начале XX в. в Сургутском р-не проживало 1 065 лесных ненцев [Список..., 1928, с. XLVI]. При этом для современной территории Пуровского р-на приведены только данные о населении бассейна Пякупура – 269 чел. [Там же, с. 210–215]. Г.Д. Вербов, работавший в начале 1930-х гг. у лесных ненцев, приводит общую цифру 1 129 чел., считая ее заниженной [1936, с. 62]. Согласно легенде к карте расселения народов Севера, составленной Б.О. Долгих и И.С. Гурвичем по данным Приполярной переписи 1926–1927 гг., численность назымско-ляминской, варьеганской, верхнепуровской, пякупурской, нумтовской территориальных групп

Рис. 1. Современная территория расселения сибирских лесных ненцев.
а – населенные пункты, на территории которых прописаны лесные ненцы; б – административная граница между Ямало-Ненецким и Ханты-Мансийским автономными округами; в – административные границы районов.

лесных ненцев составляла примерно 855 чел. (171 хозяйство) [Общественный строй..., 1970, с. 438].

В ходе проведения Приполярной переписи лесные ненцы Обдорского р-на не были учтены полностью ввиду болезни Р.П. Митусовой, в обязанность которой входила их регистрация; заменить ее не удалось из-за недостатка транспортных средств и людей (ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 181. Т. 4. Л. 6 об.). В сложившейся ситуации сургутскому районному руководителю предложили в качестве контрольной меры расширить район переписи к северу. Частично это было выполнено. Относительно населения некоторых территорий опросили только родовых старшин в Сургуте и Норэ. Именно таким образом были получены сведения о населении бассейна Пякупура. В результате эти хозяйства официально считались неучтенными [Список..., 1928, с. 210]. В итоговом отчете по проведению переписи в отношении лесных ненцев выражалось опасение недоучета от 15 до 30 хозяйств (ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 181. Т. 4. Л. 6 об.), т.е. от 75 до 150 чел.*

*Согласно расчетам, в то время хозяйство насчитывало в среднем 5 чел. (ГАЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 189. Л. 24 об.) [Крупник, 2000, с. 150].

По результатам предварительной экспедиции 1924–1925 гг. в бассейны Пура и Аганы Р.П. Митусовой были учтены 693 самоеда и осяка-самоеда, проживавшие в 97 чумах, в т.ч. 380 детей в возрасте до 15 лет (ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 181. Л. 30–30 об.).

П.И. Сосунов в 1930 г. отмечал, что «учет этой народности, надо полагать, запутан административным вопросом, ибо подавляющее большинство “Пян-Хазово” приписано в административном отношении к Сургутскому району, часть их обитает в среднем течении реки Пура, вероятно, смешивается здесь с юраками и в составе Пуровской ватаги входит в Тазовский район (Пуровский район был выделен из Тазовского в 1932 г. – Е.В.), остальные же кочуют по рр. Часальке и Тольке (притоки реки Таза) и по этому признаку, очевидно, относятся под видом осяков в административные объединения Туруханского края» [1931, с. 42]. По его подсчетам, “Пян-Хазово” насчитывалось 1 000–1 100 чел., из них 750 – в Сургутском р-не (показания представителей из рода Айваседо), 150 чел. входили в Пуровскую ватагу и 150 чел. кочевали по притокам Таза [Там же]. В целом эти цифры мало отличаются от данных Приполярной переписи. На 1935 г. в Пуровском р-не насчитывали 146 хозяйств лесных ненцев, что составляло примерно 730 чел. (ГАЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 189. Л. 24).

Учесть все население из-за труднодоступности мест проживания и особенностей ведения хозяйства было очень сложно. При проведении последующих переписей группа лесных ненцев не выделялась отдельно. Поэтому определить их численность возможно только в результате непосредственной работы в районах их проживания. Именно таким путем были получены сведения Л.В. Хомич, Т.Б. Долгих, В.И. Васильевым, относящиеся к 1960-м гг., – 1 200 чел. и ок. 2 000 чел. [Хомич, 1966, с. 20; Долгих Т.Б., 1971, с. 93; Васильев, 1973, с. 106]. Материалы официальной статистики можно использовать, зная о расселении лесных ненцев на территории сельских советов и по населенным пунктам, однако полученная информация будет иметь приблизительный характер. Систематический их недочет сохранялся вплоть до последней трети XX в.

В.И. Васильев выделил территориальные группы лесных ненцев и определил границы расселения каждой из них. Наиболее компактно проживают лесные ненцы в бассейне Пура в Пуровском р-не Ямalo-Ненецкого окр. Они были разделены на тарко-салинскую (Тарко-Салинский с/с), харампурскую, халесовинскую (Верхнепуровский с/с), самбургскую (Нижнепуровский с/с) группы. Складывание последней связано с переселением 18 семей лесных ненцев в низовья Пура в конце 1950-х гг. в ходе организации Нижнепуровского совхоза [Хомич, 1966, с. 20]. В Надымском р-не была выделена надымско-норинская группа (Ныдо-Надымский с/с), в Березовском – надымско-нумтовская (Казымский с/с). Лесные ненцы, проживавшие в вер-

ховьях правых притоков средней Оби – Агана, Тромъегана, Назыма и Лямина, подразделялись на аганко-варъеганскую (Ново-Аганский с/с Сургутского р-на), тромъеганскую (Тромъеганский с/с Сургутского р-на), назымско-ляминскую (Назымский, Нялинский, Селияровский с/с Ханты-Мансийского р-на и Сытоминский с/с Сургутского р-на) группы [Васильев, 1973, с. 106]. В конце XX в. П.Г. Турутин выделила практически те же территориальные группы по названиям населенных пунктов: Тарко-Сале, Харампур, Халясавэй, Варъеган, Вэнгапур, Сытомино, Нуимто [2000, с. 9].

Примерная численность каждой территориальной группы соответствует числу лесных ненцев, прописанных в населенных пунктах, являющихся центрами территорий их проживания (табл. 1). Общая их численность в начале 1970-х гг. составила 1 965 чел. [Васильев, 1973, с. 106].

В начале XXI в. изменилась административная принадлежность некоторых территориальных групп, но общая численность осталась практически на том же уровне, т.е. ок. 2 000 чел. (табл. 1). Значительно сократились тромъеганская и назымско-ляминская группы за счет переселения ненцев на другие территории и ассимиляции их хантами*. Так, представители фамилии Нганы, зафиксированные в начале 1970-х гг. на территориях Назымского и Нялинского с/с Ханты-Мансийского р-на (4 семьи), были записаны ненцами [Там же, с. 107], а в конце XX в. – хантами**. Численность надымско-норинской и самбургской групп в начале XXI в. была определена приблизительно из-за смешения с тундровыми ненцами. Учитывались только те хозяйства, в которых глава по происхождению лесной ненец. В конце XX – начале XXI в. часть семей лесных ненцев Ныдо-Надымского (Норинского) с/с переселились на территорию Ныдинского с/с (ПМА, 2002, 2004).

Динамика численности пурских лесных ненцев во второй половине XX в., выявленная на основании ежегодных списков сельских населенных пунктов, отражает не столько общие тенденции их демографического развития, сколько административные изменения и улучшение качества учета. Число пурских лесных ненцев складывается нами из прописанных в д. Харампур, селах Халясавэй, Тарко-Сале и Вэнгапур***. На-

*Современное состояние традиционного природопользования... С. 46, 51.

**Там же. – С. 128.

***С середины 1940-х гг. лесные ненцы находились в административном подчинении двух сельских советов: Верхнепуровского (с 1976 г. Халесовинский, центр с. Халясавэй) и Тарко-Салинского (центр с. Тарко-Сале). До 1972 г. в составе Верхнепуровского с/с находились села Халясавэй и Харампур, затем последнее было передано в Тарко-Салинский с/с. В 2004 г. р.п. Тарко-Сале получил статус города, образована Харампурская с/а с центром в д. Харампур.

Таблица 1. Численность и распределение лесных ненцев по территориям сельских советов, 1968–2005 гг.

Группа	1968–1972 гг.*		2002–2005 гг.	
	Район и сельсовет, где прописаны	Численность, чел.	Район и сельская администрация, где прописаны	Численность, чел.
Тарко-салинская	Пуровский р-н ЯННО, Таркосалинский с/с	1 245	Пуровский р-н ЯНАО, г. Тарко-Сале Вэнгапурская тундра	291 (ПМА, 2005 г.)
Харампуровская	То же, Верхнепуровский с/с		То же, Харампурская с/а	365 (ПМА, 2004 г.)
Халесовинская	То же		» Халесовинская с/а	470 (ПМА, 2005 г.)
Самбургская	Пуровский р-н ЯННО, Нижнепуровский с/с		» Самбургская с/а	≈185 (ПМА, 2004 г.)
Надымско-норинская	Надымский р-н ЯННО, Ныдо-Надымский с/с	146	Надымский р-н ЯНАО, Норинская, Ныдинская с/а	≈146 (ПМА, 2002 г.)
Надымско-нумтновская	Березовский р-н ХМНО, Казымский с/с	181	Белоярский р-н ХМАО, Казымская с/а	219**
Аганско-варъеганская	Сургутский р-н ХМНО, Ново-Аганский с/с	235	Нижневартовский р-н ХМАО, Варьеганская, Аганская с/а; Сургутский р-н ХМАО, Угутская с/а	250**
Тромъеганская	То же, Тромъеганский с/с	30	Сургутский р-н ХМАО, Русскинская с/а	11**
Назымско-ляминская	Ханты-Мансийский р-н, Назымский, Нялинский, Селияровский с/с; Сургутский р-н, Сытоминский с/с.	128	Ханты-Мансийский р-н ХМАО, Назымская, Нялинская, Селияровская с/а; Сургутский р-н ХМАО, Сытоминская с/а	45**
<i>Итого</i>		≈1 965		≈ 1 982

*По: [Васильев, 1973, с. 106].

**По данным Тюменского областного комитета государственной статистики: списки сельских населенных пунктов по городам и районам Ямало-Ненецкого округа на 01.01.2003 г.

селение последнего учитывалось отдельно только в 1957–1983 гг., затем – вместе с жителями с. Харампур. Из расчетов исключена самбургская группа, сведения по которой подаются вместе с информацией о тундровых ненцах.

Согласно официальной статистике, наиболее высокий абсолютный прирост, связанный с уточнением численности и переселением лесных ненцев из других районов (см. выше), приходится на период 1957–1975 гг. и составляет 537 чел. (рис. 2). С получением в 1976 г. с. Тарко-Сале статуса рабочего поселка, тарко-салинские ненцы перестали учитываться среди сельского населения и относятся к категории городского. Административные преобразования отразились на графике резким падением численности сельских ненцев после 1975 г. (рис. 2). Согласно материалам переписи 2002 г. [Итоги..., 2005], в р.п. Тарко-Сале насчитывалось 562 ненца, а по данным Комитета по делам коренных малочисленных народов Севера на 01.01.2004 г. – 974 чел.

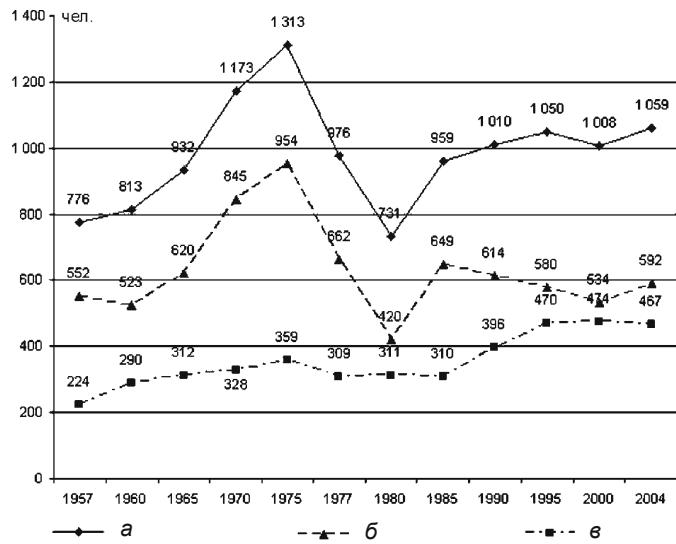

Рис. 2. Динамика численности пурвских лесных ненцев по данным похозяйственного учета, 1957–2004 гг.
а – общая численность; б – Харампурская и Вэнгапурская тундра;
в – Халесовинская тундра.

В составе тарко-салинской группы в 2005 г. нами учтены ненцы, проживающие в Вэнгапурской тундре и прописанные в г. Тарко-Сале (табл. 1). В сельской местности Пуровского р-на в 1990–2000-х гг. проживало чуть более 1000 лесных ненцев (рис. 2).

Этнодемографические характеристики

Нами проанализированы распределение халесовинских, харампурских и вэнгапурских лесных ненцев по полу, возрасту, отношению к браку, а также состав семей. На основании этих данных получены половозрастная, брачная и семейная структуры населения, оказывающие влияние на его воспроизводство в целом и на процессы рождаемости, смертности и брачности. Одновременно они сами являются результатом этих процессов и прямо зависят от них.

Половозрастные структуры рассматриваемых групп ненцев, представленные графически, различаются между собой, но, тем не менее, позволяют выявить общие демографические тенденции (рис. 3–5). В первую очередь, необходимо отметить, что соотношение возрастных категорий у всех групп практически одинаковое и соответствует прогрессивному типу возрастной структуры (табл. 2). За счет высокой доли детей (ок. 40 %) половозрастные пирамиды имеют широкое основание (рис. 3–5). Однако уже в возрастных группах старше 20 лет наблюдается убыль населения, при этом среди мужчин этот процесс выражен ярче, чем среди женщин. Медианный возраст (табл. 2) мало отличается от данных Всероссийской переписи по ЯНАО, согласно которым этот показатель у ненцев равен 20 годам [Итоги..., 2004, с. 598].

Доли населения в младших возрастных группах свидетельствуют о высокой рождаемости и низкой младенческой смертности в результате улучшения меди-

цинского обслуживания. Среди лиц трудоспособного возраста, особенно старше 40 лет, высока смертность, что указывает на низкую продолжительность жизни. Так, средний возраст умерших в 2000–2004 гг. мужчин лесных ненцев Халесовинской с/а составил 43,4 года, женщин – 62 года*. Рассчитанный средний возраст во всех рассматриваемых группах эквивалентен длительности одного поколения – 25 лет (табл. 2).

Численное преобладание женщин над мужчинами сохраняется в большинстве возрастных групп, увеличиваясь в старших. Исключение составляют вэнгапурские ненцы (табл. 2). Если в возрасте до 14 лет на 100 женщин приходится 93–97 мужчин, то в следующей возрастной категории (15–54 лет) – 77–88 у харампурских и халесовинских ненцев и 125 у вэнгапурских. Анализ половой структуры по возрастным интервалам показывает ее зависимость от вторичного соотношения полов в группе до 14 лет и от различий смертности мужчин и женщин старшего возраста. За счет младшей возрастной группы соотношение полов во всем населении составляет 84–87 мужчин на 100 женщин у харампурских и халесовинских ненцев и 108 – у вэнгапурских.

Имеющиеся данные позволяют представить брачную структуру лесных ненцев, выделяя следующие категории: состоящие в браке, главы неполных семей, живущие с родственниками в семье, одинокие (в последние три попадают не вступившие в новый брак вдовые и разведенные, а также никогда не состоявшие в браке). В приведенных данных (табл. 3) четко прослеживаются различия между мужчинами и женщинами. В браке состоят более половины людей трудоспособного возраста и старше. На брачной структуре ненцев отразилась диспропорция в соотношении полов: женщин, состоящих в браке, больше,

*Проект... – С. 210.

Таблица 2. Половозрастная структура харампурских, халесовинских и вэнгапурских лесных ненцев по данным похозяйственного учета

Показатель	Харампурские ненцы на 01.01.2004 г.			Халесовинские ненцы на 01.01.2005 г.			Вэнгапурские ненцы на 01.01.2005 г.		
	M	Ж	Всего	M	Ж	Всего	M	Ж	Всего
Все население, чел.	167	198	365	218	250	468	151	140	291
То же, %	45,7	54,3	100	46,6	53,4	100	51,9	48,1	100
В возрасте (лет), %:									
0–14	18,6	20,0	38,6	18,6	19,6	38,2	16,2	16,5	32,7
15–54	22,0	28,2	50,2	24,4	27,6	52,0	28,8	23,0	51,8
55 и старше	4,4	5,2	9,6	3,4	5,8	9,2	4,5	6,2	10,7
Медиана	17,5	20,0	19,0	17,0	19,5	19,0	21,0	21,0	21,0
Средний возраст	24,4	24,8	24,6	22,8	25,1	24,0	24,3	26,5	25,4

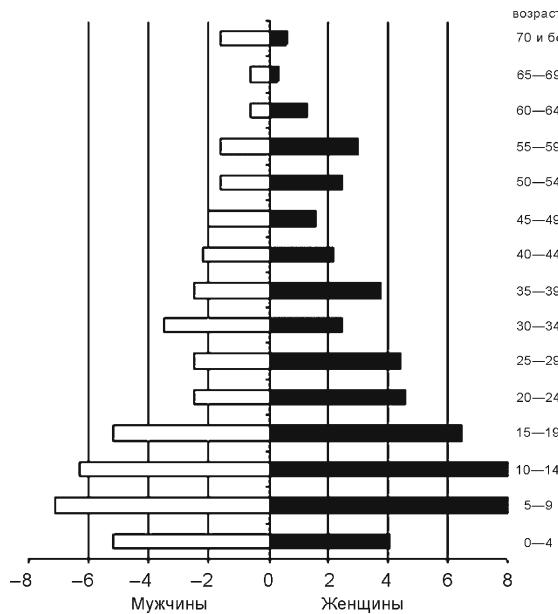

Рис. 3. Распределение харампурровских лесных ненцев по полу и возрасту по данным похозяйственного учета на 01.01.2004 г. (доля от общего числа мужчин и женщин, %; доля людей, возраст которых не указан, 1,6 %).

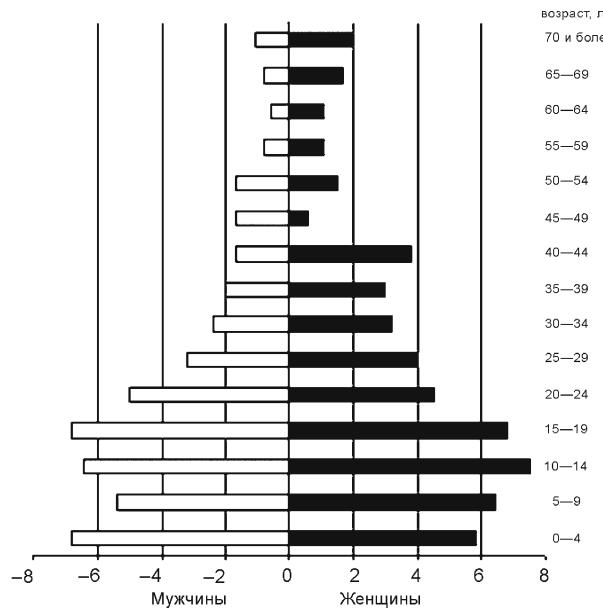

Рис. 4. Распределение халесовинских лесных ненцев по полу и возрасту по данным похозяйственного учета на 01.01.2005 г. (доля от общего числа мужчин и женщин, %; доля людей, возраст которых не указан, 0,6 %).

чем мужчин. Кроме того, женщины являются главами неполных семей в 3–4 раза чаще, чем мужчины, из-за низкой продолжительности жизни последних. С увеличением возраста (особенно после 35 лет) число женщин в данной группе возрастает. Вместе с родственниками проживают или молодежь до вступления в брак, или пожилые и старые люди, которые уже не могут вести самостоятельно хозяйство. Доля одиноких не превышает 2,5 % от общей численности мужчин и женщин в возрасте 15 лет и старше. Как правило, эти люди проживают в поселках. Распределение по возрастным интервалам показывает, что мужчины вступают в брак при достижении 20-летнего возраста, женщины раньше – в 16–19 лет (табл. 3).

Большинство ненецких семей в начале XXI в. нуклеарные, включающие супружескую пару с детьми или без них (табл. 4). На втором месте находятся неполные простые семьи из матери (или отца) с детьми. Сложные полные семьи, помимо супружеской пары с детьми, включают либо родственников по боковой линии, либо одного из родителей супругов, либо родственников по боковой линии и одного из родителей супругов. Были выявлены только три большие сложные семьи из двух супружеских пар. Встречаются следующие типы сложных неполных семей: мать с детьми и различные родственники по боковой, нисходящей или восходящей линиям; совместно проживающие братья и сестры, тетя (дядя) с племянниками. Значительная доля неполных семей связана главным образом с высокой мужской смерт-

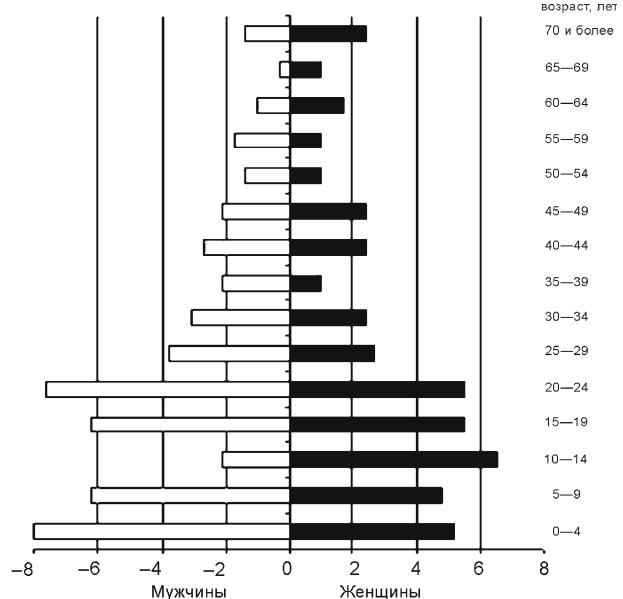

Рис. 5. Распределение вэнгапурровских лесных ненцев по полу и возрасту по данным похозяйственного учета на 01.01.2005 г. (доля от общего числа мужчин и женщин, %; доля людей, возраст которых не указан, 4,8 %).

ностью. Наиболее распространеными являются семьи, состоящие из четырех и пяти человек. Большой размер достигается благодаря количеству детей.

Для простого воспроизведения населения необходимо следующее распределение семей по числу

Таблица 3. Брачная структура харампурровских, халесовинских и вэнгапурровских лесных ненцев по данным похозяйственного учета, 2004–2005 гг.

Возраст, лет	Харампурровские ненцы на 01.01.2004 г.								Халесовинские ненцы на 01.01. 2005 г.								Вэнгапурровские ненцы на 01.01.2005 г.								
	Состоит в браке		Глава неполной семьи		Живет с родственниками		Одиночный (ая)		Состоит в браке		Глава неполной семьи		Живет с родственниками		Одиночный (ая)		Состоит в браке		Глава неполной семьи		Живет с родственниками		Одиночный (ая)		
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	
15–19	–	1	–	–	19	23	–	–	–	3	–	–	33	29	–	–	–	1	–	–	18	15	–	–	–
20–24	2	2	–	2	7	12	–	1	7	7	–	–	15	13	1	2	5	10	1	1	16	5	–	–	–
25–29	6	13	–	1	3	2	–	–	6	10	3	2	4	7	2	–	5	7	1	1	5	–	–	–	–
30–34	11	8	–	1	2	–	–	–	8	10	1	4	3	1	–	–	7	6	–	–	2	1	–	–	–
35–39	7	11	1	2	–	–	1	–	9	8	–	6	–	–	–	–	6	3	–	–	–	–	–	–	–
40–44	7	5	–	3	1	–	–	–	8	11	–	8	–	–	–	–	7	7	–	–	–	–	–	1	–
45–49	5	5	1	1	1	–	–	–	7	3	–	–	–	–	1	–	6	6	–	1	–	–	–	–	–
50–54	6	9	–	–	–	–	–	–	4	5	1	3	–	–	2	–	3	1	–	1	1	1	–	–	–
55–59	6	4	–	5	–	1	–	1	2	3	1	1	1	1	–	–	5	3	–	–	–	–	–	–	–
60–64	2	2	–	–	–	3	–	–	2	1	–	1	–	3	1	–	3	2	–	2	–	–	–	1	–
65–69	2	1	–	–	–	–	–	–	2	–	1	2	1	5	–	1	1	1	–	1	–	–	–	1	–
70 и старше	2	–	2	–	2	2	–	–	2	1	–	1	3	6	–	1	3	3	1	1	2	–	–	1	–
Всего	56	61	4	15	35	43	1	2	57	62	7	28	60	65	7	4	51	50	3	8	42	24	1	3	

Примечания. Среди харампурровских ненцев лиц в возрасте 15 лет и старше 217, из них 96 мужчин и 121 женщина; среди халесовинских – 290, из них 131 мужчина и 159 женщин; среди вэнгапурровских – 182, из них 97 мужчин и 85 женщин. В харампурровской и халесовинской группах разница в численности состоявших в браке мужчин и женщин из-за смешанных браков, в вэнгапурровской – из-за того, что не указан возраст.

Таблица 4. Семейная структура харампурровских, халесовинских, вэнгапурровских лесных ненцев по данным похозяйственного учета, 2004–2005 гг.

Тип семьи	Харампурровские ненцы на 01.01.2004 г.			Халесовинские ненцы на 01.01.2005 г.			Вэнгапурровские ненцы на 01.01.2005 г.		
	Кол-во семей	%	Средний размер	Кол-во семей	%	Средний размер	Кол-во семей	%	Средний размер
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Всего семей	72	100	4,75	71	100	4,98	63	100	4,6
Полная простая	45	62,5	4,8	27	38,0	4,7	48	76,2	4,8
Супружеская пара с детьми	40	55,5	5,15	21	29,6	5,5	39	62,0	5,5
Бездетная супружеская пара	5	6,9	2,0	6	8,4	2,0	9	14,3	2,0
Полная сложная	9	12,5	6,4	13	18,3	7,2	4	6,3	6,25
Супружеская пара с детьми и родственники по боковой линии	3	4,2	8,6	4	5,6	8,0	–	–	–
Супружеская пара с детьми и один из родителей супругов	2	2,7	5,5	4	5,6	8,25	2	3,2	9,5
Супружеская пара с детьми, один из родителей супругов и родственники по боковой линии	1	1,4	–	1	1,4	–	–	–	–
Бездетная супружеская пара и другие родственники	2	2,7	3,0	2	2,8	3,0	2	3,2	3,0

Окончание табл. 4

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Две и более супружеские пары с детьми	1	1,4		2	2,8	8,0	—	—	—
Неполная простая	14	19,4	4,07	20	28,2	4,1	11	17,5	2,7
Мать с детьми	12	16,6	4,08	17	24,0	4,05	9	14,3	2,8
Отец с детьми	2	2,7	4,0	3	4,2	4,3	2	3,2	2,0
Неполная сложная	4	5,5	2,75	11	15,5	4,5	—	—	—
Мать (отец) с детьми, внуки	1	1,4		2	2,8	4,0	—	—	—
Мать (отец) с детьми, один из ее родителей	—	—	—	2	2,8	4,5	—	—	—
Мать (отец) с детьми, один из которых женат (замужем)	—	—	—	1	1,4		—	—	—
Мать с детьми и другие родственники	—	—	—	3	4,2	6,3	—	—	—
Брат с сестрой или братья, племянники	3	4,2	2,6	1	1,4		—	—	—
Тетя (дядя) и племянники	—	—	—	2	2,8	2,0	—	—	—

детей до 18 лет: бездетные – 4 %, с одним ребенком – 10, с двумя детьми – 35, тремя – 35, четырьмя – 14, пятью и более – 2 %; или каждая семья должна иметь в среднем 2,6 ребенка [Борисов, 1987, с. 203]. В целом необходимо, чтобы доля средне- и многодетных семей составляла не менее 51 %. Для анализа характера воспроизводства по уровню детности были взяты полные семьи, в которых оба родителя находятся в репродуктивном возрасте (для мужчин это 20–55 лет, для женщин – 20–50). Их доля составила 52–62 % от общего числа семей в рассматриваемых группах. Оценка полученных данных показала, что реальная структура семей совершенно не соответствует вышеуказанным пропорциям (рис. 6). Однако в среднем на одну семью приходится от 3,2 до 3,5 ребенка до 18 лет (в т.ч. приемные дети), а доля средне- и многодетных семей составляет ок. 60 % (только у халесовинских ненцев 56,7 %), что должно обеспечивать слегка расширенное воспроизводство. Максимальное зафиксированное число детей до 18 лет в семье – восемь. Категория бездетных представлена супружескими парами молодых людей (до 25 лет), недавно вступивших в брак.

Сравнение полученных результатов с данными на 1971 г. по лесным ненцам Верхнепурровского с/с (800 чел.) свидетельствует об ухудшении некоторых демографических показателей в течение последней трети XX в. А именно, сократились средний и медианный возрасты населения, изменилось соотношение по-

лов в сторону численного превосходства женщин над мужчинами (рис. 7). Средний возраст составлял 28 лет, а медианный – 23 года; на 100 женщин приходилось 95 мужчин. Произошло упрощение семейной структуры за счет уменьшения количества сложных семей, увеличилось число неполных семей, состоящих из женщин с детьми (табл. 5). При этом в начале 1970-х гг. в среднем на одну семью приходилось 2,8 ребенка до 18 лет, что меньше, чем в начале XXI в. Доля семей с одним ребенком составляла 18,6 %, с двумя детьми – 25,8, тремя – 17,5, четырьмя – 3,1, пятью и более – 14,4, бездетных – 20,6 %. В целом средне- и многодетных семей было 35 %. Данное положение может объясняться недоучетом детей, рожденных в тундре. Тем не менее анализ современных половозрастных структур

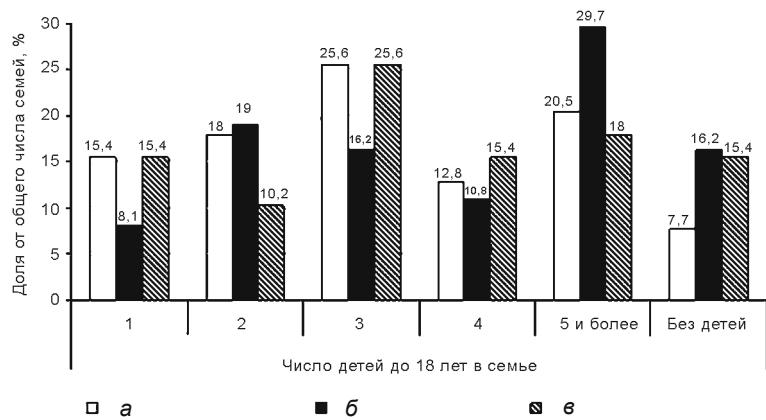

Рис. 6. Распределение семей пурровских лесных ненцев по числу детей до 18 лет.

а – харампурровские; б – халесовинские; в – вэнгапурровские.

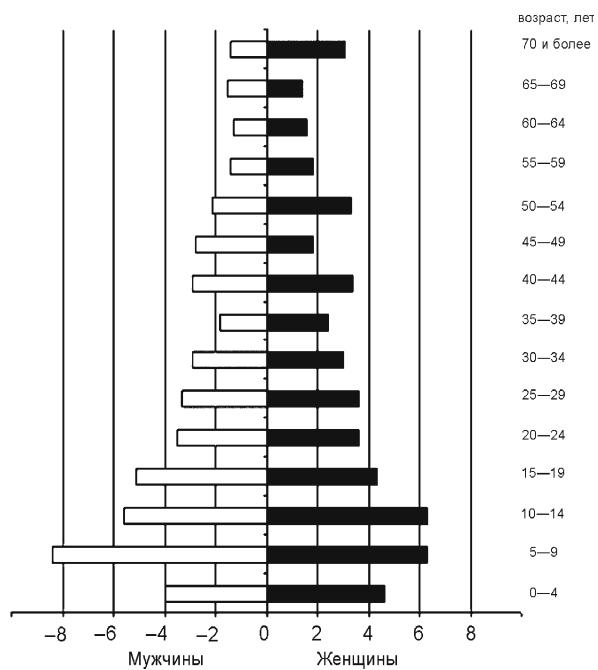

Рис. 7. Распределение лесных ненцев Верхнепурровского с/с по полу и возрасту по данным похозяйственного учета на 01.01.1971 г. (доля от общего числа мужчин и женщин, %).

свидетельствует о реальном увеличении рождаемости в 1980–1990-х гг. по сравнению с 1970-ми.

Что касается этнического состава семей на рассматриваемой территории проживания лесных ненцев, то среди них преобладают чисто ненецкие (табл. 6). Неблагоустроенность и отсутствие развитой инфраструктуры в центрах сельской округи в местах традиционного расселения ненцев делали их непривлекательными для пришлого населения. В отличие от с. Тарко-Сале, в д. Харампур и с. Халысавэй браки ненцев с русскими, татарами, украинцами стали заключаться относительно недавно. Как и на других территориях расселения ненцев, такие семьи живут в поселках, а не в тундре. При этом ненецкие женщины чаще, чем мужчины, вступают в браки с русскими (табл. 6). Более половины смешанных браков заключается между ненцами и селькупами. Это связано с тем, что в бассейне среднего Пура (реки Айваседапур и Еркалнадэйпур), в верховьях Часелькы проходит граница расселения лесных ненцев и туруханско-тазовских селькупов [Карапетова, 1985, с. 68; Васильев, 1985, с. 84].

Как показывает анализ национальной принадлежности детей, при смешанных браках ненцев с представителями коренных народов Севера (селькупов,

Таблица 5. Семейная структура лесных ненцев Верхнепурровского с/с на 01.01.1971 г.

Тип семьи	Кол-во семей	%	Средний размер
Всего семей	154	100	4,9
Полная простая	75	48,7	4,7
Супружеская пара с детьми	60	39,0	5,4
Бездетная супружеская пара	15	9,7	2,1
Полная сложная	43	27,9	6,2
Супружеская пара с детьми и родственники по боковой линии	8	5,2	5,6
Супружеская пара с детьми и внуки	2	1,3	6,5
Супружеская пара с детьми и один из родителей супругов	9	5,8	5,8
Супружеская пара с детьми, один из родителей супругов и родственники по боковой линии	4	2,6	7,8
Бездетная супружеская пара и другие родственники	9	5,8	3,54
Две и более супружеские пары с детьми	11	7,2	8,4
Неполная простая	18	11,7	3,7
Мать с детьми	13	8,4	3,9
Отец с детьми	5	3,3	3,2
Неполная сложная	18	11,7	3,7
Мать (отец) с детьми и внуки	1	0,6	
Мать (отец) с детьми, один из которых женат (замужем)	5	3,3	5,8
Мать (отец) с детьми и другие родственники	2	1,3	5,0
Брат с сестрой	4	2,7	2,0
Бабушка с внуками	6	3,8	2,3

Таблица 6. Национальный состав хозяйств лесных ненцев¹

Национальный состав	Халесовинские		Харампурские		Вэнгапурские	
	Кол-во семей	%	Кол-во семей	%	Кол-во семей	%
Всего семей	120	100	85	100	67	100
однонациональных	82	68,4	76	89,4	67	100
межнациональных	38	31,6	9	10,6	—	—
Ненцы	82	68,4	—	—	—	—
Ненцы-селькупы	11	9,2	2	2,4	—	—
Селькупы-ханты-ненцы ²	1	0,8	—	—	—	—
Русские-ненцы	4	3,4	2	2,4	—	—
Ненцы-русские	1	0,8	—	—	—	—
Ненцы-мари ³	1	0,8	—	—	—	—
Ненцы-эвенки ⁴	1	0,8	—	—	—	—
Ненцы-нанайцы ⁵	1	0,8	—	—	—	—
Селькупы-ненцы	11	9,2	5	5,8	—	—
Ханты-ненцы	3	2,5	—	—	—	—
Русские-ненцы-селькупы ⁶	1	0,8	—	—	—	—
Украинцы-ненцы	2	1,7	—	—	—	—
Ненцы-татары	1	0,8	—	—	—	—

¹ В хозяйствах, где проживают лица разной национальности, при наличии в них супружеской пары на первое место ставилась национальность мужа, в неполных семьях – главы хозяйства, в неполных семьях, включающих мать с детьми, – национальность детей.

² Глава семьи селькуп, его жена хантыйка, дети жены от первого брака записаны ненцами.

³ Семья из бабушки с внуками, один из которых записан мари.

⁴ Неполная семья, состоящая из матери с детьми, записанными эвенками.

⁵ Неполная семья, состоящая из матери с детьми, ребенок от первого брака записан нанайцем.

⁶ Муж русский, жена ненка, дети жены от первого брака селькупы.

хантов и др.) сохраняется правило записывать ребенка национальность отца. Поскольку количество ненецко-селькупских и селькупско-ненецких семей и детей в них одинаковое, это не сказывается на численности рассматриваемых групп ненцев. В русско-ненецких семьях дети получают национальность матери, что обусловлено социальными причинами, но таких случаев выявлено немного. В целом смешанные браки не оказывают значительного влияния на численность лесных ненцев, проживающих в сельской местности.

Заключение

Количественные характеристики лесных ненцев, полученные по данным различных источников, свидетельствуют о том, что в XX в. не произошло значительного увеличения их численности. Сдерживающими факторами являются, с одной стороны, ассимиляционные процессы, особенно интенсивные на периферийных участках их ареала, с другой – вы-

сокая смертность среди трудоспособного населения. По данным выявленных источников и полевых материалов, в начале XXI в. лесных ненцев насчитывается ок. 2 тыс., что составляет примерно 7 % от общей численности сибирских ненцев. Наиболее многочисленной группой являются пурвовские лесные ненцы, компактно проживающие на территории Пурвовского р-на ЯНАО.

В последней трети XX – начале XXI в. сложилась ситуация, когда, с одной стороны, уровень детности семей и возрастная структура лесных ненцев предполагают существенный рост численности населения, с другой – наблюдается незначительный среднегодовой темп прироста. Это связано главным образом с высокой смертностью и низкой продолжительностью жизни, отмечаемыми для всех коренных народов Севера с конца 1980-х гг. Анализ распределения пурвовских лесных ненцев по полу, возрасту, отношению к браку и составу семей показывает ухудшение всех показателей за последние 30 лет. Полученные данные совпадают с характеристиками оседлого населения тундровой группы ненцев.

Список литературы

- Аверин А.Н.** Новые данные о динамике малочисленных народов России // Социс. – 2005. – № 2. – С. 75–79.
- Артюхова И.Д., Пириг Г.Р.** О демографической ситуации и сохранении традиционного образа жизни коренного населения Ямало-Ненецкого автономного округа // Вестн. Тюмен. нефтегаз. ун-та. – 2004. – № 3: Региональные социальные процессы. – С. 64–70.
- Борисов В.А.** Вместо заключения // Воспроизведение населения и демографическая политика в СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 198–205.
- Васильев В.И.** О генетической природе этнических компонентов лесных ненцев // СЭ. – 1973. – № 4. – С. 106–112.
- Васильев В.И.** Проблемы формирования северосамодийских народностей. – М.: Наука, 1979. – 244 с.
- Васильев В.И.** Особенности развития этнических и языковых процессов в этноконтактных зонах Европейского Севера и Северной Сибири (по материалам этнографического обследования северосамодийских народов: ненцев, энцев и инганасан) // Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера. – М.: Наука, 1985. – С. 65–93.
- Васильев В.И.** Ненцы // Народы Сибири и Севера России в XIX в.: (Этнографические характеристики). – М.: Наука, 1994. – С. 29–62.
- Вербов Г.Д.** Лесные ненцы // СЭ. – 1936. – № 2. – С. 57–70.
- Гардамшина М.И., Чеботаева Н.А., Калитенко Е.В., Саврасова Г.П.** Лесные ненцы. – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2006. – 288 с.
- Головнев А.В.** Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1993. – 204 с.
- Головнев А.В.** Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 621 с.
- Городков В.Н.** Западно-сибирская экспедиция Академии наук и Географического общества. – Л., 1924. – 22 с.
- Долгих Б.О.** Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. – М.: Наука, 1960. – 622 с. – (ТИЭ; т. 55).
- Долгих Т.Б.** Традиционное жилище лесных ненцев бассейна реки Пур // СЭ. – 1971. – № 4. – С. 93–115.
- Иванов К.П.** Проблемы этнической географии. – 1999 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://www.rangifer.org/gumilev/ivanovtext.shtml>.
- Итоги** Всероссийской переписи населения 2002 г.: В 14 т. – М.: ИИЦ “Статистика России”, 2004. – Т. 4. – Кн. 1: Национальный состав и владение языками, гражданство. – 946 с.
- Итоги** Всероссийской переписи населения – 2002: Статистический сборник: В 11 ч. – Тюмень: Территор. орган Федеральной службы гос. статистики по Тюм. обл., 2005. – Ч. 3: Национальный состав населения в Тюменской области. – 427 с.
- Карапетова И.А.** Традиционная культура лесных ненцев (по материалам экспедиции 1981 г.) // Годичная научная сессия Института этнографии АН СССР: Краткое содержание докладов. 1983 г. – Л.: Наука, 1985. – С. 67–69.
- Карапетова И.А.** Место оленеводства в хозяйственном комплексе лесных ненцев // Самодийцы: Мат-лы IV Сибирского симпозиума “Культурное наследие народов Западной Сибири”. 10–12 декабря 2001 г., г. Тобольск. – Тобольск; Омск: Ом. гос. пед. ун-т, 2001. – С. 206–208.
- Карлов В.В.** Народности Севера Сибири: особенности воспроизведения и альтернативы развития // СЭ. – 1991. – № 5. – С. 3–15.
- Кастрен М.А.** Соч.: В 2 т. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрика, 1999. – Т. 2: Путешествие в Сибирь (1845–1849). – 352 с.
- Клоков В.Ф., Корюхина А.В.** Основные проблемы социально-демографического развития и занятости народов Севера // Этногр. обозрение. – 1994. – № 5. – С. 64–75.
- Книга** большому чертежу. – М.; Л.: Ин-т истории АН СССР, Ленингр. отд-ние, 1950. – 229 с. – (Памятники XVII в.).
- Козьмин В.А.** Оленеводческая культура народов Западной Сибири. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2003. – 236 с.
- Коренное население** Пурловского района: (Географические очерки). – Тюмень: Геомониторинг, 1993. – 98 с.
- Крупник И.И.** Люди в чумах, цифры на бумаге: Русские источники к демографической истории Ямала, 1695–1992 гг. // Древности Ямала. – Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 2000. – Вып. 1. – С. 122–151.
- Общественный строй** у народов Северной Сибири. XVII – начало XX вв. – М.: Наука, 1970. – 460 с.
- Патканов С.** Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании переписи 1897 г.). – СПб.: Имп. АН, 1911. – Т. 2: Тобольская, Томская, Енисейская губернии. – 432 с.
- Прокофьев Г.Н.** Ненецкий (юрако-самоедский) язык // Языки и письменность народов Севера. – М.; Л.: Учпедгиз, 1937. – Ч. 1. – С. 5–52.
- Соколова З.П.** Перспективы социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов Севера // Вестн. Рос. гуманитар. науч. фонда. – 2003. – № 1. – С. 47–62.
- Соколова З.П.** Этнический состав и демографическая ситуация // Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: Независимый экспертный доклад. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2004. – 184 с.
- Сосунов П.И.** Тазовский район к третьему году пятилетки: (Хозяйственно-экономический обзор) // Сов. Север. – 1931. – № 10. – С. 29–72.
- Список** населенных пунктов Уральской области. – Свердловск: Орготдел Уралоблисполкома, Уралстатупправления и окружных исполкомов, 1928. – Т. 12: Тобольский округ. – 235 с.
- Тихонов С.Н.** Летние стойбища и жилища лесных ненцев (на материале бассейна р. Пур) // Генезис и эволюция этнических культур Сибири. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 77–83.
- Турутинा П.Г.** По тропам моих предков и моего детства: Сказки, легенды, шаманские обряды и изречения лесных ненцев. – Екатеринбург: Баско, 2000. – 96 с.
- Хомич Л.В.** Ненцы. – М.; Л.: Наука, 1966. – 329 с.

УДК 391

А.С. Зуев

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: zuev@lab.nsu.ru*

“АМАНАТОВ ДАТЬ ПО ИХ ВЕРЕ ГРЕХ”: ОТНОШЕНИЕ ЧУКЧЕЙ К РУССКОЙ ПРАКТИКЕ ЗАЛОЖНИЧЕСТВА (XVII–XVIII)

В ходе присоединения Сибири одним из важнейших инструментов подчиненияaborигенов русской власти была практика заложничества – аманатства. Она активно применялась как для предотвращения, так и для прекращения сопротивления непокорных и рассматривалась русской властью как гарантия исправной уплаты ясака. Поэтому русские стремились брать в заложники “лучших людей” – глав семей и родов – или их ближайших родственников. Система аманатства в целом себя оправдала, облегчив установление в Сибири ясачного режима. Но на Крайнем Северо-Востоке – на Чукотке – она дала сбой.

В середине XVII в., вступив в контакт с чукчами и эскимосами*, русские предполагали в отношении их действовать опробованным прежде методом – принуждать к уплате ясака, захватывая аманатов. Однако чукчи не “держались” аманатов и отказывались платить ясак. Уже в 1648 г. сидевший в аманатах в Нижнеколымском остроге “сирота чюхачей детина” Апа жаловался русским: “...на усть Колымы реки поимал меня, Апу, Якутцково острогу сын боярской Василий Власьев. И с той поры, государь, и отец, и мати мои,

и род, племя отступилися и твоего, государева, ясаку под меня не платят” [Открытия русских землепроходцев..., 1951, с. 254–255]. Позднее, в 1675 г., якутский воевода А.А. Барнешлев сообщал в Сибирский приказ: “...с тех чюкоч и коряк емлют в аманаты отцов и братей и детей, и те коряки и чюхчи тех аманатов покидают, и ясаку под них не платят” [Дополнения..., 1857, с. 407]. Несмотря на это, во второй половине XVII – первой половине XVIII в. власти предписывали управителям северо-восточных острогов и крепостей брать аманатов у чукчей, а также у коряков. Но если последние к середине XVIII в. стали выдавать заложников (иногда даже добровольно), то чукчи упорно этого не делали и отказывались вносить ясак под сородичей, захваченных русскими.

Стремление подчинить и объясачить чукчей заставило русскую сторону активно использовать силу, что привело к длительному русско-чукотскому вооруженному противоборству (см.: [Зуев, 2002, 2005]), но это не изменило ситуацию. В 1676 г. казачий десятник И. Рубец сообщал якутскому воеводе: “На реке Ана-дыре живут неясачные иноземцы чухчи, и близ моря, и тех чухоч многие служилые люди преж того поимывали и аманатов с них брали детей и братию и они де чукчи тех аманатов отступаютца и аманаты их не держат” (цит. по: [Вдовин, 1965, с. 110]). В 1711 г. чукчи заявляли ясачным сборщикам: “...и прежде сего руские люди у них, чюкчи, кочами морем бывали, и в то де время они, чюкчи, им, руским людем, никакова ясаку не платили, и ныне де платить не будем, и де-

*Русские источники XVII–XVIII вв. совершенно не выделяли азиатских эскимосов как особый народ и относили их к чукчам. Поэтому исследователям практически невозможно разобраться, когда в документах речь идет о чукчах, а когда об эскимосах. Учитывая это, мы применительно ко всему населению Чукотского полуострова употребляем этоним “чукчи”, охватывающий не только собственно чукчей, но и азиатских эскимосов.

тей своих в аманаты не дадим” [Памятники..., 1882, с. 456–459; 1885, с. 526; Колониальная политика..., 1935, с. 156–158]. Командир Анадырской партии Д.И. Павлуцкий по итогам похода 1731 г. на чукчей констатировал, имея в виду провал попыток принудить их платить ясак под заложников: “...не токмо оным чукчам в склонение притти и ясак платить и аманатов дать, но оные чукчи народ непостоянной, не так, как прочие иноземцы в ясашином платеже обретаютца, отцы детей, дети отцов своих отступаютца” (цит. по: [Зуев, 2003, с. 135, 137]). Такой вывод Павлуцкий сделал на основе личного опыта общения с чукчами: во время похода, когда русский отряд находился недалеко от Сердца-камня (г. Прискальная на северном побережье Анадырского залива), к нему пришли тойон Чимкаигин и “лучший человек” Копенкин и предложили себя в аманаты, заявив, что сородичи внесут “под них” ясак. Павлуцкий согласился. Однако сородичи вместо уплаты ясака “по каменьям и сопкам разбежались”, поставив под угрозу жизнь аманатов. Через несколько дней Копенкин зарезал себя ножом, а Чимкаигин попросил убить его, “потому что как дети, так и родники ево за ним не пошли”. Просьба была исполнена (РГАДА, ф. 199, оп. 1, № 528, ч. 1, д. 17, л. 5–5 об.). По сути, оба чукотских вождя, сдаваясь в плен, заранее знали, что обречены на гибель. Г.Ф. Миллер в одной из своих работ по поводу стойкого нежелания аборигенов Чукотки идти в русское подданство отметил, что даже проводимые казаками демонстративные казни взятых в плен заложников на глазах у их непокорных родственников не могли заставить чукчей платить ясак [Элерт, 1998, с. 125]. В 1756 г. во время переговоров с русскими чукчи, уже склоняясь к миру и соглашаясь вносить ясак, выражали несогласие выдавать аманатов (РГАДА, ф. 199, оп. 2, № 528, ч. 1, д. 3, л. 27; д. 17, л. 21; д. 18, л. 10–10 об.; ч. 2, д. 3, л. 25–25 об., 27 об.; № 539, ч. 2, д. 6, л. 34 об., 36).

С чем связано такое упорное нежелание чукчей давать аманатов, а особенно категорический отказ вносить под них ясак, учитывая, что последнее могло привести и приводило к гибели сородичей? В этнографической литературе этот феномен – специфика поведения чукчей (и отчасти коряков) – констатируется как факт, но никак не объясняется. В данной статье мы, не претендуя на бесспорность выводов (поскольку проблема требует рассмотрения в контексте всей системы мировоззрения чукчей), высажем некоторые соображения, которые должны способствовать поиску ответа на сформулированный выше вопрос. В первую очередь отметим, что до появления русских чукчи в отличие от многих других сибирских народов в принципе не знали института данничества и заложничества. Поэтому требование уплаты ясака и выдачи аманатов вызы-

вало у них недоумение: “оны де того не знают, какой ясак и как государю давать” (1642 г.) [Открытия русских землепроходцев..., 1951, с. 143], “мы де ясаку не знаем и не платим и не промышляем... какой де с нас ясак просите...” (1732 г.) [Ефимов, 1948, с. 239]. А поскольку казаки в соответствии с “инструкциями” были обязаны брать аманатов при первой же встрече, то уже одно это вызывало конфликтную ситуацию и заставляло аборигенов видеть в чужеземцах врагов, которые захватывают (непонятно для каких целей) их сородичей. Но это первое впечатление. А ведь чукчи и впоследствии, когда уже познакомились с русскими и их порядками, категорически не принимали аманатства и, вновь подчеркнем, не платили ясак ради сохранения жизни сородичей, захваченных в плен русскими.

Такое восприятие аманатства, на наш взгляд, можно объяснить тем, что оказавшихся в русском плену членов своих общин чукчи рассматривали уже как мертвых. Г.Ф. Миллер, опираясь на показания служилых людей, утверждал, что взятого в аманаты сородича чукчи считали потерянным для себя [Элерт, 1999, с. 95]. Подтверждение этому находим в показаниях самих “иноземцев”. Так, взятый в аманаты чукча Тыгагин сообщил приказчику Анадырского острога А. Пущину следующее: «...как ево взяли в аманаты в прошлом во 198 [1690] году, и он де на корге с коча с ними, чюхчами, перекликался и призывал их под себя в Анадырский острожек великих государей с ясачным платежом, и они де, чюхочи мужики, родники ево, сказали: “не будут под него в Анадырском острожке великих государей с ясачным платежом, будто ево земля взяла и не столько у них, чюхоч, морем емлют (здесь и далее курсив наш. – А.З.)”» (цит. по: [Полевой, 1997, с. 43–44]). В 1756 г. во время переговоров с майором И.С. Шмалевым чукчи заявили: “А о даче аманатов все единогласно объявили лутчия люди Аризуга, Амулят, Петунин, Татымкин: дать по их вере грех, а хотя бы де от них оные и даны были, а злое их намерение будет, то де и аманатов оставить могут и сожелеть по их обыкновению не будут, полагая *тех аманатов якобы море взяло и бутто бы потонуло*” (РГАДА, ф. 199, оп. 2, № 539, ч. 2, д. 6, л. 36). Практически то же самое чукчи повторили в 1767 г. капитану Я. Пересыпину: “...никогда и напред сего как деды, так и отцы их русским людям аманатов не давали, коих де по их обыкновению давать за немалой грех почитают, а хотя б де оные от них и даны были, а когда злое намерение их будет, то де и аманатов оставить могут, о коих их и сожаления почитать не будут, полагая *якобы оных по их иноверческой обыкновенности море взяло*, чemu они и подражают” (Там же, д. 3, л. 30 об.). В 1778 г. сотник Т. Перевалов, участник походов Павлуцкого на Чукотку в 1740-х гг.,

в своих показаниях камчатскому командиру М. Бему, в частности, отметил: “...во время походов попадались и браны в аманаты ис тоенов, а как дети их с родом отойдут, оставя отца, и скажут: *более того у них берет море*” (Там же, ф. 7, оп. 1, д. 2451, л. 17).

Вышеизложенное позволяет предположить, что чукчи были привычны к смерти и относились к ней совершенно спокойно; поскольку люди часто гибли на охоте (“море взяло”) или войне, а также в результате суицида (“добровольной смерти”), то для них не имело принципиального значения сохранение жизни нескольких заложников. Тем более, что последние все равно стремились покончить жизнь самоубийством. В связи с этим следует обратить внимание на распространенную у чукчей практику “добровольной смерти”, когда старики, неизлечимо больные,увечные, или сами кончали жизнь самоубийством, или просили ближайших родственников убить их. Казак Б.А. Кузнецкий, находившийся в плену у чукчей в 1754–1755 гг., позже в показаниях анадырскому командиниу сообщал: “...в бытность мою мог я видеть, что один сын отца родного, а потом и брат брата родных ж зарезали ножами, и то они почитают между собою ни во что. И когда у которого сына отец или мать придут в старость, то их у себя более не держат и в бывшя морозы отвозят от своих жилищ в даль и оставляют, где они и замерзают” (Там же, ф. 199, оп. 2, № 528, ч. 1, д. 6, л. 88 об.; см. также: [Колониальная политика..., 1935, с. 182]). Массовые самоубийства случались в ходе военных действий, когда чукчи терпели поражение. Как отмечал Д.И. Павлуцкий, чукчи “во время войны, будучи в опасном положении, себя убивают” [Сгибнев, 1869, с. 30–31]. В первую очередь воины убивали старииков, женщин и детей, а себя – в том случае, если не удавалось спастись бегством. Исследователи указывают, что чукчи (а также коряки и ительмены) считали суицид выходом из критической жизненной ситуации [Зеленин, 1937]. Ценность жизни своей или сородичей определялась тем, насколько ее условия и состояние соответствовали их представлениям о том, какой она должна быть. Старость, неизлечимая болезнь, тяжелоеувечье, критическое материальное положение, а также плен не соответствовали понятиям “правильной” и “хорошей” жизни. Поэтому было лучше “переселиться” в потусторонний мир, где, согласно представлениямaborигенов, жизнь продолжалась. Изучая обычай коряков и ительменов, С.П. Крашенинников сделал наблюдение, которое вполне можно отнести и к чукчам. “...По их мнению, – отмечал он, – лучше умереть, нежели не жить, как им угодно. Чего ради прежде сего самоубийство было у них последний способ удовольствия, которое до самого их покорения продолжалось, а по покорении... умножилось...” [1949, с. 368]. При этом уйти

надо было обязательно насильственной смертью, которая обеспечивала “переход” к добрым духам, тогда как умерший естественной смертью не только попадал в руки злому духу, но и сам становился им, принося несчастье своим близким [Зеленин, 1937; Богораз, 1939, с. 32, 43–44; Вдовин, 1976, с. 246; Шнирельман, 1994, с. 111]. В конце XIX в. анадырский житель Г. Дьячков, описывая чукчей, отмечал: “Чукчи убеждены, что если человек умрет своею смертию, то ему худо будет на том свете, поэтому, если чукча заболеет, то он просит сына или брата заколоть его ножем или копьем” [1893, с. 60]. Кроме того, надо иметь в виду, что у народов крайнего северо-востока Сибири, в т.ч. у чукчей, существовал обычай жестокого отношения к пленным воинам-мужчинам; их нередко подвергали мучительным истязаниям и в конце концов убивали (см., напр.: [Дополнения..., 1859, с. 32; 1862, с. 9; Крашенинников, 1949, с. 402, 705; Богораз, 1900, С. 92–94, 331–334, 390; Этнографические материалы..., 1978, с. 121]. Русские также не отличались мягкостью – применяли к пленным “немирным иноземцам”, даже женщинам, пытки, устраивали показательные казни (см., напр.: РГАДА, ф. 199, оп. 2, № 528, ч. 1, д. 17, л. 8 об.; [Сенатский архив, 1893, с. 202; Элерт, 1998, с. 125]). Кроме того, в северо-восточных острогах русские зачастую содержали аманатов, мало заботясь об их выживании. В конце 1730-х гг. Иркутская провинциальная канцелярия констатировала: “...из того зборного аманатского корму посланные зборщики и служилые люди про себя употребляют, а аманатом разве малое дело юколы ради пропитания дают, а больши питаются, собирая под окнами милостиною, и хуже скота содержут, что немалое озлобление такому дикому народу” (РГАДА, ф. 199, оп. 2, № 481, ч. 7, л. 199–199 об.).

Вряд ли мы ошибемся, утверждая, что чукчи уравнивали состояние аманата и пленника, тем более, что в качестве заложников русские пытались использовать именно пленных. Соответственно, для чукчей выдать аманата значило добровольно отдать сородича в плен на верные пытки и смерть; плен – аманатство рассматривалось как смерть. Вероятно, поэтому они заявляли, что по их понятиям “amanatov dать грех”. И требование русских вносить ясак под аманатов чукчи воспринимали как абсурд – для них эти аманаты были уже мертвые. Правда, следует оговориться, что чукчи не исключали возможности “воскрешения” мертвых. Сравнение прибыивания в аманатах с гибеллю в море представляется неслучайным. Дело в том, что чукчи (а также эскимосы, коряки и ительмены) не умели плавать, хотя среди них были охотники на морского зверя. Более того, запрещалось даже спасать утопающих, а те, кому удавалось спастись, все равно считались погибши-

ми*; чтобы коллектив их опять принял, человеку предстояло пройти специальный обряд очищения. В эскимосской сказке “Потерявшийся в море” рассказывается о том, что человек, потерявшийся в море, чтобы вернуться к нормальной жизни, должен был в буквальном смысле заново родиться [Сказки и мифы..., 1974, с. 63–66]. В.В. Леонтьев, лично изучавший коряков-кереков, отмечал: “В прошлом считалось, что пришедший с моря – это не человек, а душа, злой дух и его надо убить. Такая же участь ожидала тех, кого уносило в море. Когда по гаданию шамана выходило, что человек погиб, то по всему побережью быстро разносился слух, что пропал такой-то. И уже считалось, что этого человека нет. Если же ему удавалось спастись, то он должен был совершить определенный обряд на берегу моря со сменой имени на имя предка. Возвращение предка считалось естественным и обычным” [1976, с. 212]. Поскольку между чукчами и коряками (тем более между чукчами и их ближайшими соседями кереками) много общего (параллели в языке, материальной и духовной культуре) и в более ранние времена даже существовала единная “корякско-чукотская этническая общность” [Васильевский, 1973, с. 143], можно предположить сходство между чукчами и кереками в отношении к человеку, “взятому морем”. Поэтому, надо думать, не исключалось и “воскрешение” аманатов в случае прохождения ими некоего обряда. Соответственно, аманаты рассматривались не как окончательно погибшие, а как временно ушедшие в иной мир.

С середины 1750-х гг. русские, потерпев неудачу в попытках подчинить чукчей силой, перешли к мирному диалогу с ними. Чукчи, понеся в противостоянии существенные потери, также проявили заинтересованность в установлении мира. Русская сторона даже отказалась от требования выдачи аманатов, хотя в правительственные распоряжениях оно еще фигурировало (последний раз в отношении чукчей выдвигалось, вероятно, в инструкции 1772 г. камчатскому командиру М. Бему: “приводить их

*Интересное наблюдение об этом сделал Г.В. Стеллер. “Если в прежние времена кто-либо случайно попадал в воду, то ительмены считали большим грехом, если этому человеку удавалось как-нибудь спастись, – отмечал он. – Они того мнения, что раз подобному человеку уже было предназначено утонуть, то он поступил неправильно, не утонув. Такого человека с тех пор никто уже не впускал в свое жилище, никто больше с ним не разговаривал, ему не подавали решительно никакой пищи, не отдавали ему женщин в жены. Такого человека ительмены считали на самом деле уже умершим, и ему оставалось либо искать счастье на чужбине, либо дома умереть с голodom. ...Если кто-нибудь на глазах других падал в воду, присутствовавшие не давали ему спастись, а насильно топили его, помогая ему умереть” [1999, с. 172].

к шерти и брать от них в аманаты из лучших людей” (РГАДА, ф. 199, оп. 2, № 539, ч. 2, д. 4, л. 15–15 об.). Во второй половине 50-х – 60-х гг. XVIII в. на Анадыре состоялось несколько встреч русских и чукчей; чукчи соглашались добровольно вносить ясак (правда, только в обмен на подарки), но по-прежнему отказывались давать аманатов (см.: Там же, № 528, ч. 1, д. 3, л. 27; д. 10, л. 9 об. – 10; д. 17, л. 19 об. – 21об.; ч. 2, д. 3, л. 28 об. – 30 об.; д. 4, л. 26 об., 122 об., 165; № 539, ч. 2, д. 6, л. 34–25 об., 38 об. – 39, 85 об.; ф. 1095, оп. 1, д. 24, л. 1–2; [Вдовин, 1965, с. 62, 76, 126–127, 128]). Интересно, что во время переговоров с анадырским командиром Я. Пересыпкиным в 1767 г. чукчи предложили “вместо объявленных аманатов якобы для своего русским людям постоянства” давать “за русских людей в замужество” “чукотских женок и девок”. Воспользоваться этим предложением решился, правда, только один казак, остальные отказались, мотивируя это тем, что ввиду переселения из Анадырска в Гижигинск не желают обременять себя семьей и лишними расходами на переезд (РГАДА, ф. 199, оп. 2, № 528, ч. 1, д. 17, л. 26; ч. 2, д. 3, л. 30 об.). Но весьма показательно, что чукчи обозначили свой вариант обеспечения мира: вместо русской системы аманатства и построенной на ней “верности” они предложили родственные отношения, которые оценивали как залог мира и дружбы между семейными кланами. Такая дипломатия была в ходу у местных народов. Например, в 1756 г. “для твердости миру” чукчи и коряки договорились о том, “чтоб чукчи своих детей женили на коряцких, а корякам условленность брать чукоцких в замужество” (Там же, ч. 2, д. 9, л. 13, 46).

Демилитаризация русско-чукотских отношений повлияла на восприятие чукчами русских: из “чужих”, врагов они постепенно превращались в соседей, с которыми можно мирно сосуществовать. Вместе с тем менялось их восприятие аманатства. В 1775 г. во время переговоров с русскими под Гижигинской крепостью чукчи – “старшины” Меняхта, Тетхей, Мумкаль, Умыч, Тыгагиргин, Аигит, Енут и Лохатка со своими стойбищами – первый раз добровольно выдали аманата. Правда, этот опыт оказался неудачным во многом по вине гижигинского командинра Я. Пересыпкина. Когда чукчи пожелали удостовериться в том, жив аманат или нет, Я. Пересыпкин не только отказал им, но и потребовал выдать второго аманата. Дело закончилось вооруженным столкновением, в ходе которого чукчи были разбиты. Однако конфликт удалось уладить благодаря разумным действиям И.С. Шмалева и крещенного чукчи Н. Дауркина, специально направленных правительством для урегулирования русско-чукотских отношений (см.: Там же, № 539, ч. 2, д. 6, л. 41–57 об.; ф. 7, оп. 1, д. 2451, л. 65–70; ф. 1096, оп. 1, д. 42, л. 24–38 об.;

д. 43). После переговоров в Гижигинской крепости чукчи дважды оставляли своих аманатов: в 1778 г. тойон Амуяят Хергынтов – 4 чел. (Там же, ф. 7, оп. 1, д. 2451, л. 16 об.), в 1779 г. тойон Хеврувья – 2 чел. (Там же, ф. 199, оп. 2, № 539, ч. 2, д. 6, л. 50–53 об.). Но в дальнейшем русская власть отказалась от взятия у чукчей аманатов, что соответствовало общей политике в отношении сибирских аборигенов (реформа ясачного обложения в ходе Первой ясачной комиссии 1763 г. (см.: [Полное собрание законов..., 1830, с. 153–154; История Якутской АССР, 1957, с. 133–140, 206–207; Федоров, 1978, с. 56–58, 115–117, 122–156]).

Анализ отношения чукчей к практике заложничества показывает, что для понимания характера русско-аборигенных контактов в период присоединения Сибири к России недостаточно знать их внешнюю, событийную, сторону, необходимо изучать ментальные представления и стереотипы групповой психологии взаимодействующих социумов.

Список литературы

Богораз В.Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. – СПб., 1900. – Ч. 1: Образцы народной словесности чукоч (тексты с переводом и пересказы). – 417 с.

Богораз В.Г. Чукчи. – Ч. 2: Религия. – Л.: Изд-во Ин-та народов Севера, 1939. – 126 с.

Васильевский Р.С. Древние культуры Тихоокеанского Севера. – Новосибирск: Наука, 1973. – 267 с.

Вдовин И.С. Очерки истории и этнографии чукчей. – М.; Л.: Наука, 1965. – 401 с.

Вдовин И.С. Природа и человек в религиозных представлениях чукчей // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). – Л.: Наука, 1976. – С. 217–253.

Дополнения к актам историческим. – СПб., 1857. – Т. 6. – 517 с.; 1859. – Т. 7. – 489 с.; 1862. – Т. 8. – 523 с.

[**Дьячков Г.]** Анадырский край. Рукопись села Маркова // Зап. Об-ва изучения Амур. края. – Владивосток, 1893. – Т. 3. – XXVIII, 158 с.

Ефимов А.В. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. Первая половина XVIII века. – М.: Воениздат, 1948. – 341 с.

Зеленин Д.К. Обычай “добровольной смерти” у примитивных народов // Памяти В.Г. Богораза (1865–1936). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – С. 47–78.

Зуев А.С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. – 330 с.

Зуев А.С. Промемории Д.И. Павлуцкого о деятельности Анадырской партии в начале 1730-х гг. // Вест. НГУ. – Сер.: История, филология. – Новосибирск, 2003. – Т. 2. – Вып. 2: История. – С. 133–139.

Зуев А.С. Присоединение крайнего северо-востока Сибири к России: военно-политический аспект. Вторая половина XVII–XVIII век: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Томск, 2005. – 48 с.

История Якутской АССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – Т. 2: Якутия от 1630-х годов до 1917 г. – 419 с.

Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке: Сб. архив. мат-лов. – Л.: Изд-во Ин-та народов Севера, 1935. – 210 с.

Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. – М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949. – 841 с.

Леонтьев В.В. По земле древних кереков. Записки этнографа. – Магадан: Кн. изд-во, 1976. – 230 с.

Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии: Сб. докл. – М.: Геогр. лит., 1951. – 618 с.

Памятники сибирской истории XVIII века. – СПб., 1882. – Кн. 1. – XXXII, 551 с.; 1885. – Кн. 2. – XXIV, 541 с.

Полевой Б.П. Новое об открытии Камчатки. – Петропавловск-Камчатский: Камчат. печат. двор, 1997. – Ч. 2. – 201 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. – СПб., 1830. – Т. 16, № 11749. – С. 153–154.

Сгибнев А.С. Материалы для истории Камчатки. Экспедиция Шестакова // Морской сб. – СПб., 1869. – Т. 100. – № 2, неоф. отд. – С. 1–34.

Сенатский архив. – СПб., 1893. – Т. 6. – 836 с.

Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. – М.: Наука, 1974. – 646 с.

Стеллер Г.В. Описание земли Камчатки. – Петропавловск-Камчатский: Камчат. печат. двор, 1999. – 287 с.

Федоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVI – начало XIX в.). – Якутск: Кн. изд-во, 1978. – 207 с.

Шнирельман В.А. У истоков войны и мира // Война и мир в ранней истории человечества. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1994. – Т. 1. – 176 с.

Элерт А.Х. Проблема вхождения коренных народов Сибири в состав России в неопубликованных трудах Г.Ф. Миллера // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. – Новосибирск: Наука, 1998. – С. 121–133.

Элерт А.Х. Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1999. – 240 с.

Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции (И.И. Биллингса – Г.А. Сарычева). 1785–1795 гг. – Магадан: Кн. изд-во, 1978. – 174 с.

Материал поступил в редакцию 27.11.06 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ГАИМК – Государственная академия Института материальной культуры
ГАСО – Государственный архив Свердловской области
ГАЯНАО – Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа
ГИМ – Государственный исторический музей
ГУТО ГАТО – Государственное учреждение Тюменской области “Государственный архив Тюменской области”
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИАЭт СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НГУ – Новосибирский государственный университет
РА – Российская археология
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГО – Русское географическое общество
РЭЭМ – Радужнинский эколого-этнографический музей
СА – Советская археология
САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
СЭ – Советская этнография
ТИЭ – Труды Института этнографии
УИИЯЛ – Удмуртский институт истории, языка и литературы
УрО РАН – Уральское отделение РАН